

9 3607

СКАЗКИ ЛУГОВЫХ МАРИ

МАРИЙ КАЛЫК ОЙПОГО

ОЛЫК МАРИЙ ЙОМАК-ВЛАК

ЙОШКАР-ОЛА
МАРИЙ КНИГА ИЗДАТЕЛЬСТВО
1992

МАРИЙСКИЙ ФОЛЬКЛОР

СКАЗКИ ЛУГОВЫХ МАРИ

ЙОШКАР-ОЛА
МАРИЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1992

82.3 Мар
М 26

Печатается по решению Ученого
совета МарНИИ

Составление, предисловие и
комментарии **С. С. Сабитова**

Научный редактор
В. А. Акцорин

М 26 **Сказки** луговых мари: Свод марийского фольклора./Сост. С. Сабитов.— Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1992.— 368 с.
ISBN 5—7590—0148—5

В настоящий том свода марийского фольклора вошли наиболее известные и распространенные сказки луговых мари. Том снабжен предисловием и комментариями.

М $\frac{\textbf{0702410105—03}}{\textbf{М 129—92}}$ **11—92** М 26

ISBN **5—7590—0148—5**

© МарНИИ им. Васильева, 1992

ОНЧЫЛМУТ

ВВЕДЕНИЕ

Сказка в марийском устно-поэтическом творчестве является одним из самых распространенных жанров. Для обозначения сказки у марийцев бытуют следующие термины: *йомак, ямак, шоя, шая, нӱж;* последний, по наблюдению К. А. Четкарева, употребляется в Шурминском и частично Уржумском районах Кировской области[1]. Марийский термин *йомак* заимствован из фольклора тюркоязычных народов. Так, под этим термином в башкирском и татарском фольклоре понимают жанр загадки, а у сибирских татар — в том числе и сказку.

Собирание и изучение марийских народных сказок началось значительно позже, нежели других видов фольклора. Сбором марийского фольклора стали заниматься в XIX веке русские и иностранные ученые в связи с исследованиями духовной и материальной культуры народов России. Начало активному и интенсивному собиранию фольклора народов России, в том числе и марийцев, было положено Русским географическим обществом и Обществом археологии, истории и этнографии (ОАИЭ), основанном в 1879 году при Казанском университете. На страницах его печатного органа

[1] НРФ МарНИИ, оп. 3, д. 105, л. 34.

«Известия ОЛИЭ» печатались тексты народных сказок и заметки о них. В 1889 году по линии этого общества вышла монография И. Н. Смирнова «Черемисы», в VI главе которой, рассказывающей об устном творчестве марийцев, приводятся несколько текстов сказок в кратком изложении.

Отдельные сказки в пересказе на русский язык стали публиковаться в этнографических статьях, помещаемых в различных изданиях того времени.

Большой вклад в собирание и публикацию марийских сказок внесло Финно-угорское общество, организовав научные экспедиции к марийцам Казанской, Вятской и других губерний. Первым собирателем языкового и фольклорного материалов луговых марийцев был член этого общества Вольмари Поркка. Его материалы под названием «Черемисские тексты с переводом»[2] в 1895 году опубликовал член этого же общества Арвид Генетц. Наряду с другими жанрами фольклора в сборнике опубликовано 10 сказок.

В 1931 году в Хельсинки другой член финно-угорского общества Ю. Вихман издал книгу «Народное творчество и обычаи черемис»[3], куда вошли 8 сказок о животных и другие фольклорные произведения разных этнографических групп марийцев.

В период первой мировой войны венгерский ученый Э. Беке собрал языковой и фольклорно-этнографический материалы от 29 марийских военнопленных, уроженцев Казанской, Вятской, Уфимской, Пермской, Костромской губерний. Ему удалось записать 281 сказку и другие произведения фольклора, этнографические материалы. Этот богатый материал Беке опубликовал в Хельсинки, Будапеште и других городах Европы[4].

Собиранием языкового и фольклорного материалов от военнопленных солдат-марийцев занимался и немецкий ученый Эрнст Леви.

---

[2] Volmari Porkka's Tscheremissische Texte mit Übersetzung. Herausgegeben von Arvid Genetz. Journal de la Société Finno-ougrienne XIII. Helsingissä, 1895.

[3] Volksdichtung und Volksbräuche der Tscheremissen. Herausgegeben von Yrjö Wichmann. Journal de la Sosiété Finno-ougrienne LIX. Helsinki, 1931.

[4] Tscheremissische Texte zur Religion und Volkskunde, gesammelt und herausgegeben von Ödön Beke. Oslo Etnografiske Museum, Bulletin 4. Oslo, 1931; Tscheremissische Märchen aus dem Kreise Jaransk. Gesammelt und herausgegeben von Ödön Beke. Sonderabdruck aus Opetatud Eesti Seltsi Aastaraamat 2, 1937. Tartu, 1939, Texte zur Religion der Osttscheremissen von Ödön Beke. Revue internationale d'ethnologie et de linguistique. Band XXIX. Wien, 1934; Tscheremissische Märchen, Sagen und Erzählungen. Gesammelt und herausgegeben von Ödön Beke. Memoires de la Société Finno-ougrienne LXXVI, Helsinki, 1938; Volksdichtung und Gebräuche der Tscheremissen (Maris). Band I. Gesammelt und herausgegeben von Ödön Beke. Budapest, 1951; Tscheremissische Texte. Gesammelt und herausgegeben von Ödön Beke. Band I. Budapest, 1957; Band III, 1961; Band IV, 1961.

Результаты труда ученого были изданы отдельной книгой на немецком языке[5]. Сборник содержит социально-бытовые сказки в основном сатирического направления.

С 1907 по 1913 годы в г. Казани под руководством В. М. Васильева издавался «Марла календарь». Он сыграл концентрирующую роль в деле собирания произведений фольклора.

Более систематическое собирание и изучение марийской сказки начинается в 20—30-х годах. В эти годы открылись широкие возможности и условия для собирания, публикации родного фольклора. На страницах марийских газет и журналов стали печататься заметки о фольклоре марийского народа В. М. Васильева, В. Мухина-Сави, Я. Ялкаева и др., публиковались тексты сказок.

В 1931 году В. М. Васильев опубликовал сборник произведений марийского фольклора[6]. Сюда вошли наряду с другими жанрами и наиболее древние тексты сказок.

Дальнейшая работа по изданию марийских сказок принадлежит фольклористу К. А. Четкареву. В 1941 году в Ленинграде вышел его первый том марийских сказок Ронгинского района[7], в основу которого легли преимущественно заимствованные из русского репертуара волшебные и бытовые сказки общим количеством 37 номеров. В исследовательском очерке, помещенном в томе, К. А. Четкарев дал общую характеристику марийским сказкам всех разновидностей, проследил их связь с жизнью и трудовой деятельностью, обычаями марийцев, исследовал вопросы времени и места бытования сказок, проникновения русской сказки в марийскую среду. Этот том он переиздал в 1956 году, опустив исследование о сказках и приблизив тем самым к популярным сборникам[8].

В 1955 году К. А. Четкарев издал второй том сказок[9], в который вошли 24 текста, записанных автором во время экспедиций 1934—1936 годов в Моркинском районе. Сборник снабжен статьей о творчестве марийских сказителей данного региона. В более упрощенном виде он переиздан в том же году[10].

Первым крупным изданием сказок на марийском языке стал сборник «Марий йомак», подготовленный К. А. Четкаревым[11]. Он

---

[5] Ernst Lewy. Tscheremissiche Texte. I. Hannover, 1926. Tscheremissische Texte. II. Übersetzung. Hannover, 1925.

[6] Васильев В. М. Марий калыкын йомакше, ойлымашыже, тушты-жо, тошто мутшо, мурыжо.— М., 1931.

[7] Четкарев К. А. Марийские сказки. Т. I. Ронгинский район.— Л., 1941.

[8] Марийские народные сказки/Записи, перевод и комментарии К. А. Четкарева.— Йошкар-Ола, 1956.

[9] Марийские народные сказки. Т. II. Моркинский район/Запись, перевод и статья К. А. Четкарева.— Йошкар-Ола, 1955.

[10] Марийские народные сказки/Запись, перевод, статья и комментарии К. А. Четкарева.— Йошкар-Ола, 1955.

[11] Марий йомак/К. А. Четкарев поген.— Йошкар-Ола, 1950.

интересен для изучения особенностей бытования иноязычных сказок в национальной среде.

Сборники сказок К. А. Четкарева имеют большое значение для марийского и финно-угорского сказковедения; они положили начало научным публикациям и всестороннему изучению сказок марийского народа. В течение двух десятилетий, до середины 1950-х годов, ученым велось интенсивное издание и переиздание сказок, собранных во второй половине 1930-х годов. В итоге имеется шесть оригинальных книг, включая отдельный сборник сказок для детей.

В 1940—1980 годах марийские сказки выходили отдельными изданиями для учащихся школ. Составителями выступали О. Г. Хорошавина (О. Г. Сурикова)[12], С. А. Егоров[13], К. А. Четкарев[14], М. Майн[15], В. А. Акцорин[16], А. Е. Китиков[17]. В 1984 году был издан довольно объемный сборник марийских сказок в художественном переводе на русский язык, составленный В. А. Акцориным[18]. Этот сборник имел большой успех среди русскоязычных читателей. Он включает в себя 68 номеров наиболее популярных марийских сказок всех разновидностей.

Марийская сказка продолжает издаваться и за рубежом. В 1962 году в Венгрии Арвай Янош и Дьердь Эрдёди опубликовали на венгерском языке марийские сказки под названием «Старуха родила змею»[19]. В сборник вошли 45 текстов сказок, взятых из ранее изданных собраний Э. Беке, К. Четкарева, М. Майна.

Сборник «Сказки лесов», выпущенный в 1981 году в подарочном исполнении, издан в Берлине в 1987 году в переводе на немецкий язык[20].

В 1983 году в Финляндии, вместе с образцами других прозаических жанров, профессором Алхо Алхониеми были опубликованы на марийском и немецком языках марийские народные сказки, собран-

---

[12] Йомак-шамыч/О. Г. Хорошавина ямдылен.— Йошкар-Ола, 1946; Марий йомак-влак/О. Г. Сурикова составитлен.— Йошкар-Ола, 1959.

[13] Йомак-шамыч/С. А. Егоров поген.— Йошкар-Ола, 1951.

[14] Нылле ик шоя: Йомак-влак/К. А. Четкарев поген.— Йошкар-Ола, 1955; 2-шо изданий: 1990.

[15] Марийские сказки/Составил М. Майн; перевел с марийского и обработал В. Муравьев.— М., 1958.

[16] Сказки лесов: Марийские народные сказки/Составил В. А. Акцорин.— Йошкар-Ола, 1972.

[17] Кӱслезе тукым: Марий калык йомак-влак/А. Е. Китиков поген.— Йошкар-Ола, 1979.

[18] Марийские народные сказки/Составитель В. А. Акцорин.— Йошкар-Ола, 1984.

[19] Kigyót szült az öregasszony: mari népmesék Válogatta, az utószót és a jegyzeteket írta Erdôdi József. Budapest, 1962.

[20] Waldmärchen: Geshichten aus dem Lande der Mari. Berlin: Der Kinderbuchverlag, 1987.

ные в свое время Т. Евсевьевым[21]. Сборники, изданные финскими учеными, отличаются точной записью текстов сказок и хорошим подстрочным переводом. Таким образом, марийские сказки, благодаря венгерским, немецким, финским ученым, стали доступны и западному читателю, стали достоянием мировой финно-угорской фольклористики.

В марийском сказочном репертуаре представлены все известные разновидности сказки: сказки о животных, волшебные, мифологические, бытовые, новеллистические.

Сказки о животных — один из древних жанров эпического творчества. Древние мифы, рассказы, повествования о животных были порождены стремлением человека к познанию животного мира и имели практическое значение, так как без этих знаний невозможно было существование человека.

В происхождении марийских сказок о животных, как и аналогичных сказок у других народов, значительную роль сыграли охотничьи представления, которые являют свод знаний о взаимоотношениях между человеком и животными.

Известно, что при раннеродовом строе была распространена вера в родственные связи групп людей и каким-либо видом животных. Животное считалось первопредком-тотемом, покровительствующим роду. Вера в тотем повлекла за собой появление разного рода обрядов, которые у многих народов с течением времени превратились в культ животного. Отголоски почитания животных запечатлены в археологических материалах, в прикладном декоративном искусстве, устном творчестве многих народов.

По мере изменения производственной деятельности, общественно-экономических формаций изменялось и мировоззрение людей, разрушались древние мифологические представления об окружающем мире. Животные уже не воспринимались как тотемы. Мифические сюжеты, творчески переосмысленные, трансформировались в забавные, сатирические и нравоучительные сказки. Образы сильных и умных зверей, почитавшиеся ранее в сказках о животных, стали трактоваться часто иронически, в соответствии с художественными представлениями, сложившимися в последующих социально-исторических условиях. В сказках за поведением животных стали просматриваться черты социально-бытового уклада самих людей. Говоря о происхождении сказок о животных, В. Я. Пропп сделал предположение, что «сказки о животных создавались на такой стадии развития человеческой культуры, когда лесные животные были объектом примитивных форм хозяйствования, т. е. охоты, а также объектом мыслительной и художественной деятельности; приручен-

[21] Timofej Jevsevjevs Folklore-sammlungen aus dem Tscheremissischen. I. Märchen, Sagen und Volkserzählungen. Herausgegeben von Alho Alhoniemi und Sirkka Saarinen. Mémoires de la Société Finno-ougrienne. 184. Helsinki, 1983.

ных же животных или вообще не было, или они не играли существенной роли. Следовательно, создание животного эпоса следует отнести к доклассовой стадии развития»[22].

В составе животных, выступающих в качестве действующих героев и персонажей в марийских сказках, преобладают дикие животные: лиса, волк, медведь, заяц; из птиц — ворона, сова, сорока. Реже встречаются домашние животные: собака, кот, баран, бык, лошадь, а домашние птицы выступают еще реже.

Большинство сюжетов сказок о животных являются международными вследствие того, что все народы прошли одинаковый исторический путь развития. Однако их марийские варианты имеют своеобразную национальную эстетическую окраску и соответствующую трактовку образов.

В большинстве марийских сказок о животных образы представителей животного и растительного мира воспринимаются как аллегорическое изображение людей. В других текстах аллегоризм ощущается сравнительно слабо или вовсе не проявляется. К таким сказкам относятся этиологические сказки. В них, как правило, объясняется происхождение или причина возникновения того или иного явления природы, животного и растительного мира. Возникшие в древности как отражение стихийно-реалистических представлений человека о природе, в наши дни они уже воспринимаются как поэтические сказки о животных.

Композиция и стиль марийской сказки о животных не отличаются особым богатством, широкими характеристиками поведения или пейзажами. Сказка строится, как и русская этой разновидности, с помощью повторения одного и того же мотива, эпизода и в большинстве случаев состоит из одной встречи, из выполнения одной задачи.

В основе композиции многих сказок о животных лежит мотив встречи. На многократности встреч строится композиция таких сказок, как «Лӱдшӧ мераҥ» («Трусливый заяц»), «Ош вӱльӧ» («Белая кобыла»), «Каза ден маска» («Коза и медведь») и др. Последовательность появления животных определена идейным замыслом сказки. Сюжет замыкается встречей с внешне безобидным, но разрешающим конфликт животным. Это является одним из важных сюжетных и композиционных приемов подобного типа сказок. Своеобразие сказкам о животных придает также варьирование одного и того же мотива. Это просьбы, обращения, которые передаются как в прозаической, так и в стихотворной форме.

Особой формой композиции, характерной для сказок о животных, является кумулятивное построение действия, т. е. последовательное соединение сюжетных элементов. Каждый последующий элемент значительнее предыдущего. Такой тип композиции наблю-

---

[22] Пропп В. Я. Русская сказка.— Л., 1984, с. 314.

дается в сказках «Ош вӱльӧ» («Белая кобыла»), «Ныл йолташ» («Четыре товарища») и др. Каждый вновь присоединяемый элемент нагнетает действие, усиливает драматическое напряжение, приближает к разрядке, в конечном счете ведет к разрешению конфликта. Кумулятивное построение действия позволяет показать и увязать между собой ряд предметов или персонажей.

Древнемарийским сказкам о животных свойственна диалогическая и песенно-стихотворная форма изложения, что выделяет их из других видов сказок. В них почти нет сюжетов без песенных вставок, а ряд их полностью состоит из песен, которые играют роль «общих мест». Каждая песня в сказке имеет свою собственную мелодию (сказки «Тумна ден рывыж» («Сова и лиса»), «Ош вӱльӧ» («Белая кобыла»), «Каза ден маска» («Коза и медведь»).

Марийская сказка о животных использует звукоподражательные слова, отражающие акустические особенности сигналов животных или птиц. Они очень близки к реальным звукам, издаваемым животными или птицами. Например, голосу синички — «чий-чий», сороки — «шогырдок», совы — «тум-тум».

Большую группу в марийском сказочном репертуаре составляют волшебные сказки. Они отличаются характерным охотничьим или крестьянским колоритом. Герой марийской сказки выражает взгляды охотников-предков и крестьянства. Цари и царевичи в такой сказке живут и разговаривают как простые труженики.

Сказки своей популярностью обязаны прежде всего их социальной актуальности, их связи с жизнью. К таким сказкам следует отнести народные произведения о мачехе и падчерице, о сиротке, об изгнанных из дома, отражающие семейные, родовые и другие социальные конфликты. По мнению Е. М. Мелетинского, образ падчерицы восходит к первобытнообщинному строю. Борьба мачехи и падчерицы является борьбой двух чужих родов. Мачеха и падчерица появляются тогда, когда род сменяется индивидуальной семьей, в которой дети являются детьми своих родителей, а не рода в целом. Распад рода нарушает первобытный закон эндогамии, при котором коллизии «мачеха и падчерица» не могло возникнуть, так как все жены отца находились между собой в родственных отношениях. Позднее, когда первоначальная коллизия, породившая сюжет о вражде родов мачехи и падчерицы, была забыта, в сказке стала усиливаться нравственная сторона: мачеха — злая женщина, падчерица — добрая, отзывчивая девочка[23].

Почти во всех сказках этого типа коллизия «мачеха и падчерица» приняла морально-нравственную направленность. Идейный смысл заключается в возвеличивании доброго начала, победе трудолюбия и бичевании лени.

---

[23] Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки: Происхождение образа.— М., 1958, с. 181.

В марийских волшебных сказках отразились черты многих исторических эпох и форм социальной жизни народа. При сохранении следов патриархально-родовых связей, мотивы умыкания невест, экзогамного брака, патрилокальности семьи, присутствия богачей и бедных, царей, слуг и работников отражают уже господство патриархальных и феодальных порядков.

С течением времени претерпевали изменения в сказках и силы зла. Мифические образы многоголовых змеев-пожирателей превращались в земных царей, богачей, а злые колдуны трансформировались в разбойников.

В ранних мифологических образах отражалась борьба человека с грозными силами природы. В позднейших наблюдаются социальные, классовые конфликты, мотивы борьбы с угнетателями. Сохранив древние волшебные атрибуты, традиционную композиционную схему и обрядность, поздняя сказка превратила их в поэтическую условность. Художественный вымысел в ней в конечном счете отражал земную жизнь людей, конкретное ее содержание, понятия о добре и зле.

Сюжеты многих марийских волшебных сказок строятся на вольных или невольных хождениях героя. Отправляясь искать лучшую долю, похищенную невесту или жену, в своих хождениях он преодолевает многочисленные препятствия, претерпевает многие трудности, борется со змеями, освобождается от чар колдунов, волшебников, расправляется со своими противниками. Развитие событий, степень драматизма столкновений противостоящих сил и переживаний героя волшебной сказки, как правило, находятся в прямой зависимости от условий соблюдения и выполнения героем определенных действий и правил. Но в сказке обычно происходит и нарушение запретов и правил со стороны героя. Здесь должна найтись сила, способная исправить трагическую ошибку. На помощь попавшему в беду герою приходят благодарные помощники, которым сам он помог в свое время выйти из затруднительного положения. Такое развитие сюжета является одной из характерных черт марийской волшебной сказки.

Наряду с мотивами и образами, навеянными условиями и обстоятельствами жизни людей в давние времена, в сказке содержатся мотивы и образы более поздних эпох, вплоть до современной. В настоящее время наблюдается процесс переосмысления и модернизации старых сказочных мотивов, который объясняется бытованием волшебной сказки в новых исторических условиях, новым сознанием людей. Нужно отметить, что сказки в процессе своего бытования не остаются неизменными, так как всегда связаны с меняющейся действительностью. В периоды ломки социальных отношений, с изменением экономической, социальной, культурной жизни общества эта связь усиливается, что приводит к изменениям сюжетов и стиля сказок. Одни изменения оказываются случайными,

другие же приобретают типовой характер. М. К. Азадовский, исследуя творчество сибирских сказочников, писал: «... в сказку врываются, преобразуя ее, элементы нового быта; углубляются и развертываются моменты психологические и социальные, отражаются в той или иной степени общественные сдвиги, и таким образом создается новый тип сказки и новая поэтика. Основной характер этого переформирования или, может быть, точнее сказать, основной принцип,— реально-бытовой. Фантастика является то в призме крестьянского быта, то в солдатско-казарменном преломлении, то оказывается связанной с бурлацкой или поселенческой стихией»[24].

Обращенность сказки к действительности многообразна. Она выражается в соотнесении идейного содержания сказок с проблемами, которые волнуют народные массы, во введении новых образов, обновлении лексики. Наблюдая над марийскими сказками, К. А. Четкарев писал: «В этот исторический период (20-е, 30-е годы — С. С.) можно определенно констатировать, что уже начинает развиваться советский тип сказочника, с новым переосмыслением образов старой сказки. Старая сказка, приобретая новый классовый смысл, звучит по-новому — более художественно и увлекательно...»[25].

Анализируя свои записи, К. А. Четкарев подметил многосложность традиционных сказок в устах современных ему сказочников. Он увидел новые явления, происходящие в старой сказке: проникновение новых элементов в канву традиционных сюжетов, появление реалий сегодняшней жизни.

Героями волшебных сказок выступают и великаны, и чудесно-рожденные богатыри, и обыкновенные люди, чаще всего обездоленные. В сказках правда всегда оказывается на их стороне, и народ во всем сочувствует им и наделяет их положительными качествами. Мотив чудесного рождения характерен для более ранних по времени возникновения сказок. О древности происхождения их можно узнать по степени насыщенности сюжетов мифологическими элементами.

В образах Кокши, Ивана-дурака, солдата, бедной падчерицы и других положительных героев волшебных сказок позднего происхожения видны черты социально гонимого человека. Эти образы так или иначе отражали реальное недовольство народа — социальным строем, социальным угнетением. Действия и поступки обиженных и обездоленных, как бы они ни были подчас внешне нелепы, сказка неизменно оправдывает, а самих героев выводит в победители.

В марийской волшебной сказке при четком выделении зачина, развернутого повествования и концовки, присказка наблюдается до-

[24] Азадовский М. К. Статьи о литературе и фольклоре.— М.-Л., 1960, с. 41—42.

[25] Марийские сказки. Т. I. Ронгинский район/Записи, перевод, статья и комментарии К. А. Четкарева.— Л., 1941, с. 106.

вольно редко. Зачин краток. В нем обычно отмечается место действия и указываются главные герои: «Иленыт кугыза ден кува» («Жили-были старик и старуха»), «Илен улмаш ик марий» («Жил-был один мариец») и т. д. Но в действительности же главными героями в повествовании становятся не старик или старуха, а их сыновья, сын, дочь и т. д. Повествовательная часть сказки сосредоточивается главным образом на описании поступков и действий героя и сопутствующих или противостоящих ему героев. При этом сказка избегает детальной мотивировки событий, развернутого показа внешнего облика и характера персонажей. Герои волшебной сказки статичны, черты характера их стабильны, главный персонаж, как правило, смел в своих действиях, решителен в достижении цели. Мнимый герой от начала до конца непостоянен, а противник — постоянно жесток.

Другой не менее важной особенностью волшебной сказки является повторение (чаще всего троекратное). Повторяются основные эпизоды с постепенным усложнением действий и конфликта. Опасности в судьбе героя, возникающие на пути к достижению цели, сложные, почти безвыходные положения и задачи создают напряженную обстановку. Так, в любой марийской волшебной сказке картина противоборства героя с чудовищами протекает следующим образом: герой вступает в бой сначала с трехглавым, потом с шестиглавым и, наконец, с девятиглавым змеем. Могут быть варианты. И с каждым разом победа дается все труднее и труднее.

Широко используются и так называемые формулы, начальные и конечные (заключительные), срединные, которые известны в сказковедении еще как «общие места». Очень распространена концовка «Йомак — умбак, мый — тембак» («Сказка — прочь, я — тут»), означающая, по мысли сказочников, ограждение рассказывающего от сказочных волшебных сил, от несчастий. Формула «Кас лиеш, кочкыт-йӱыт, малаш возыт. Эр лиеш, мален кынелыт, кочкыт-йӱыт» («Настал вечер, поели-попили, легли спать. Настало утро, встали, поели-попили») служила для показа долгого течения времени. Формула типа «Шуко-шагал кая» («Долго ли, коротко ли идет»), очевидно, заимствована из русской сказочной традиции. Заключительная формула «Йомак — умбак, мый — тембак» иногда может дополняться рифмой:

Йомак — умбак, мый — тембак,
Лӱдшӧ марий — коҥгамбак.

Сказка — прочь, я — тут;
Мариец-трус — на печку.

или автоуказанием:

Йомак — умбак, мый — тембак,
Кагыр неран Стьопан.

Сказка — прочь, я — тут,
Кривоносый Степан.

В марийском сказочном творчестве имеются и такие образы, которые занимают промежуточное положение между волшебными и бытовыми. В них нет чудесных перевоплощений, нет богатырей, чу-

довищ. Герой — обычный человек, его действия и поведение — реальны. Действие происходит не в другом государстве, не за морями, не в подземном царстве, а в своем городе, в своем селе, деревне. Такие сказки тяготеют все-таки более к бытовым.

К бытовым же сказкам относятся и новеллистические и анекдотические устные рассказы. Они не всегда имеют четкие жанровые признаки. Тематика их в основном — супружеская жизнь, женитьба, борьба против общественных пороков. Это сказки об умных и глупых людях и их поступках, о столкновениях людей в обыденной жизни, иногда с социальной подоплекой. События в сказке происходят в атмосфере реальности, хотя и тут встречаются элементы фантастики.

Следует отметить, что многие бытовые сказки не потеряли связей с волшебной сказкой. Как и в волшебной, в ней развивается, например, тема о трех братьях, один из которых дурак. Но он дурак мнимый, он только слывет им. В сказке «Нылле ик шоя» («Сорок одна небылица») три брата оказались в лесу, по очереди ходили искать огонь. Умные братья не смогли его достать, только самый младший, рассказав небылицу, приносит огонь. Возможно, в подобных сюжетах развивается идея о том, что хранителем домашнего очага является младший брат.

Большинство бытовых сказок — сатирического направления. В них высмеиваются пороки господствующих классов, а также и простых людей. Любимый герой — бедняк, сирота, угнетенный или обездоленный человек. И победа его в конце концов обуславливается лишь собственной ловкостью, умом, а не волшебством и чудесами, как в волшебной сказке.

Бытовые сказки появились в противовес мифам, показывающим зависимость человека от тайных сил природы. Да и сами мифы и легенды о животных часто трансформировались в реалистические сказки. К таким относится, например, сказка о зайце, выясняющем, кто всех сильнее. И сильнее всех природных сил и животных оказывается человек. Далее следуют новеллистические сказки, героями которых является только человек. В их число входят и сатирические рассказы с дидактической тематикой: о лентяях, глупцах, хитрецах и т. д.

Сказки могут подвергаться переделкам, переосмыслениям. Некоторые сказки о попе, богаче и работнике завершаются сообщением, что поп или богач из села выгнаны или умерли, что его имуществом завладели крестьяне, колхоз, работник. Такое переосмысление концовок особенно заметно в собраниях сказок К. А. Четкарева.

Тематические бытовые сказки марийцев можно подразделить на сказки, раскрывающие суть классовых отношений, и сказки, высмеивающие пороки в среде народа. В первых рассказывается о социальном неравенстве. Конфликт здесь разрешается в пользу прос-

того человека. В сказках второй группы осмеивается глупость, лень, супружеская неверность и другие отрицательные явления.

К бытовым сказкам приближаются сказки-небылицы, изображающие события наоборот, вопреки общепринятой логике. Таковы сказки «Нылле ик шоя» («Сорок одна небылица»), «Мӱкш орол» («Сторож пчел»).

Бытовая сказка не имеет богатой обрядности, характерной для волшебных сказок. Она проста, композиция тоже несложна. Повествование в ней ведется быстро. Язык обычный, разговорный, не отличающийся богатством формул.

Многовековое контактирование, экономические и культурные отношения марийцев с русскими и другими соседними народами имели и имеют исключительно прогрессивное значение. Они способствовали обогащению материальной и духовной культуры марийского народа. В результате в фольклор марийцев перешло немало сказочных сюжетов из устного репертуара других народов, что способствовало обогащению сюжетного состава марийских сказок. Более древние марийские сказки имеют специфические сюжетные линии, редко встречающиеся у других народов. Сравнительно поздние носят международный характер. Но, усваиваясь, приобретают свои специфические национальные особенности. Национальное своеобразие, как правильно заметил чувашский фольклорист М. Я. Сироткин, «проявляется в образной ткани языка, в особенностях изображения народного и бытового окружения, в обрисовке облика и характера, нравов, действий и поступков героев и персонажей»[26].

Народная сказка как жанр устно-поэтического творчества продолжает жить и в наше время, хотя в ней происходит разрушение отдельных устаревших элементов, деталей, меняется поэтический строй. Тем не менее она продолжает привлекать слушателей и читателей, особенно детскую аудиторию, своим оптимизмом и гуманностью идей, дидактизмом, познавательностью и т. д. В этом одна из причин того, что народ не забывает свои сказки и не расстается с ними. Марийские сказки обрели в наши дни новую форму бытования. Они широко распространяются через книги, журналы, газеты, радио, телевидение, прочно вошли в круг чтения детей, стали программными и хрестоматийными. Сказки выходят большими тиражами не только на марийском языке, но и переводятся и издаются на русском и языках других народов.

Сказки со временем, естественно, утрачивают свою прежнюю мировоззренческую функцию, но обновляются новыми идеями, характерными для нашей эпохи. Фантастика в сказке сохраняется в настоящее время как самобытная форма художественного отра-

---

[26] Сироткин М. Я. Чувашская народная сказка//Вопросы чувашского языкознания и литературоведения/Ученые записки. Вып. XXVI.— Чебоксары, 1963, с. 125.

жения действительности и широко используется на правах условности в художественной литературе, искусстве. Марийские писатели в своем творчестве не раз обращались к народным сказкам. Фольклор, в том числе и сказки, явился в свое время одним из источников зарождения марийской художественной литературы. Марийские писатели и поэты выросли под благотворным влиянием устного народного творчества. Многие из них начали свой творческий путь со сбора и обработки произведений фольклора. Это способствовало связи литературы с жизнью народа, с его мировоззрением, философией, его богатой художественной традицией. Таковы, например, «Кутко сӱан» («Муравьиная свадьба») Пета Першута, поэмы Олыка Ипая «Яндиар» («Яндиар»), «Пире» («Волк»), «Янай — Аргемблатын эргыже» («Янай — сын Аргемблата»), М. Майна «Айдеме-богатырь» («Человек-богатырь»), Мичурина-Ятмана «Саскай ден Ӱэкче» («Саскай и Ӱэкче»), К. Беляева «Аргамак» («Аргамак»). Глубокими корнями связаны с устным народным творчеством пьесы М. Шкетана. В его пьесах «Важык вуян йыдал» («Кривоносый лапоть»), «Кышал» («Кисель»), «Ораде» («Дурак»), «Кок сӱанат пеле» («Две с половиной свадьбы») и другие сюжеты, мотивы, образы, язык близки народным анекдотам, устным рассказам, народным сказкам. Фольклорными мотивами, сказочными элементами насыщены также произведения марийских классиков С. Чавайна, М. Шкетана, Н. Игнатьева.

63997

Обращение к жанру сказки и создание на его основе оригинальных художественных произведений вошло в традицию и стало характерным для творчества не только основоположников марийской литературы, но и современных молодых писателей и поэтов. Широкую известность получили среди читателей некоторые повести и рассказы, поэмы, основанные на сюжетах и мотивах народных сказок, К. Васина, В. Юксерна, А. Асаева, А. Юзыкайна, Г. Матюковского, В. Бояриновой, М. Большакова, И. Осмина и др. Мотивы и образы народных сказок и легенд используются и в современном изобразительном искусстве. Художники З. Лаврентьев, И. Михайлин, И. Ямбердов, А. Бакулевский, С. Подмарев, скульптор Ф. Шабердин часто обращались и обращаются к сказочным образам, сюжетам, мотивам.

Сказки стали жить новой жизнью в песнях, музыке композиторов А. Луппова, В. Алексеева, С. Макова, А. Яшмолкина, постановках Марийского кукольного театра, театра юного зрителя, архитектуре, современном декоративно-прикладном искусстве, телевизионных и театральных постановках.

В настоящем томе представлены наиболее популярные и интересные в идейно-художественном отношении сказки луговых мари. В конце даются комментарии, в которых указываются паспортные данные сказок. Текст печатается в подстрочном переводе с сохранением национальных речевых особенностей. Публикуемые тексты

МАРНИИ
НАУЧНАЯ

сказок могут служить и в качестве фактического материала для научных изысканий.

Часть сказок неоднократно включалась составителями в сборники и со временем приняла художественно оформленный вид. Другая часть, в основном извлеченная из рукописных фондов МарНИИ языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, дается в записи собирателей и поэтому качественно уступает ранее публиковавшимся текстам.

Тексты размещаются в сборнике по жанровым группам в порядке увеличения нумерации типов сказок по известным указателям АА и СУС.

ЯНЛЫК НЕРГЕН ЙОМАК-ВЛАК
СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

ЧОЯ РЫВЫЖ

Икана кеҥежым лӱдшӧ мераҥ кужу кож тӱҥыштӧ шоген. Кож ӱмбач пӱгыльмӧ шоп шоктен волен возеш. Мераҥ — давай кудалаш. «Сӧй толеш!» — манын, чонжо лекшаш гай кычкырла. Кудалмыж годым лӱдшӧ мераҥ урым вашлиеш:

— Мераҥ таҥ, кушко тынаре кудалат, каласе? — манеш ур.

— Шкат вашке, ур таҥ! Айда, айда вашкерак, сӧй толеш, от умыло мо?! — манеш мераҥ.

Урет, сӧй деч лӱдын, мераҥ почеш чыма веле: пыштек-пуштек кӱчык йолжо дене тӧрштен-тӧрштен кудалеш. Ур шке вуйжо дене шоналта: «Йӧра мылам мераҥ шижтарыш, уке гын вуемат йомеш ыле».

Ятыр кудалмеке, корем воктен рывыжым вашлийыт. Кочкаш кычал коштшо рывыж, шинчажым карен, ӧрын йодеш:

— Эй, таҥ-влак, кушко тыге кудалыда?!

— Сӧй толеш, сӧй! — вашештат нунышт.

Рывыжат, сӧй деч лӱдын, нунын дене пырля кудалеш. Чыланат пеш лӱдыныт.

Ятыр кудалмеке, шем чодыра покшелне кугу пирым вашлийыт. Пирыланат «Сӧй толеш!» маныт. Пират нунын дене кудалеш.

Ынде чодырам лектына манмышт годым маскам вашлийыт. Маска сырен пелешта:

— Эй, таҥ-влак, чарныза, уке гын чечас кӱрышт кышкем!

— Айда, маска таҥ, сӧй толеш! — маныт нылытынат.

Маска лӱдмыж дене муньыр-муньыр веле коеш,— шеҥгекыже ончен-ончен, кертмыжым кудалеш.

Вара кудалмышт семын ноен пытатат, ик пӧртышкӧ миен пурат. Тушто сай гына илаш тӱҥалыт.

Илен-илен, икана нунын кочкашышт иземе ш. Рывыжым шыл кычалаш колтат, мераҥым сомылкам ышташ кодат. Рывыж энгер воктен шылым кычалын коштмыж годым ик чонаным ужеш: кум ӧрышан, ныл йолан, а шинчаже ужаргын-кандын веле коеш. Рывыж мӧҥгыжӧ миен шуэшат, шӱлен кертде ойла:

— Йӧрым кычал коштмем годым ик чонаным ужым: кум ӧрышан, ныл йолан, шинчаже ужаргын-кандын веле йӱла. Тудым таче шыл кочкаш уналыкеш ӱжын толам,— манеш.

Чыланат рывыжын ойлымыжым колыштыт, уналыкеш ӱжын толаш келшат.

— Но,— манеш рывыжше,— коя шыл ӱстембалне лийже. Шкеже уна ӱжаш лектын кая. Мераҥ коя шылым шолтен ямдыла. Икмыняр жап гыч рывыж толын пура.

— Уна вашке толын шуэш. Но ме чыланат шылын возына. Уна налаш мераҥым гына кодена,— манеш рывыж.

Тунамак эн первый маска кугу олымбал йымак пурен возеш, пире комака шеҥгек шылеш, ур — кашташке, рывыж — шӧлдыраваке. Уна налаш кодшет окна воктен шога.

Ӱжмӧ уна толынат пура, шыл ӱпшым шижын, вик ӱстембаке кӱзен кая, коя шылым кочкашат тӱҥалеш. Шылым кочшыжла, шӧлдырамбалне модшо почым ужылалта. Мыр-мыр-р пышкырен колта да, кок йолжо дене шогалын, тупшым кадыртен, почшым шогалта. Пӧрт оза-влак, чонышт лекшаш гай лӱдын, лектын кудалыт.

— Пашам рывыж пужыш! — манып.— Сут логар! Изиш чыта гын, ок лий ыле мо?! Уке, почым рӱзаш кӱлеш! — манын, рывыжым шудалыт.

Пырысат, мӱшкыржым темен, лектын кая.

Кум кече эртымек, пырыс деч кодшо шылымат кочкын пытарат. Вара каҥашаш тӱҥалыт: кӧ изирак, тудым шыллан ышташ.

Эн ончыч урым шӱшкыл кочкыт. Кум кече гычын — мераҥым. Рывыж декат черет толын шуэш, но тудо амалым муэш.

— Эрдене мален кынелмеке, кӧн тӱрвыжӧ ӱян лиеш, тудым шӱшкыл кочкына,— манеш рывыж.

Кас кочкышым ыштат, малаш возыт. Рывыж йышт гына кынелеш, под тӱр гыч ӱйым парняшкыже удыралеш да пирын умшашкыже миен йыгалта. Эрдене кынелын ончат — пирын тӱрвыжӧ ӱян. Мом ышташ? Маска пирым пӱтырал пышта да атлаш тӱҥалеш.

Пирым рывыж ден маска кочкын пытарат.

Пире шылым кочкын пытарымеке, лач тулышт пытен кая. Амаллан рывыж тулым муаш йӧным муэш.

— Теве кӱшнӧ кугу тул уло, маска таҥ,— манеш рывыж, маскалан тылзым ончыкта.

Маскаже каласа:

— Кидем ок шу вет!

— А тый кож вуйыш кӱзӧ да чырам налын тушкалте,— манеш рывыж.

Маска муньыр-моньыр кож вуйыш кӱза да чырам тылзышке шуя.

— Уке, уке, рывыж таҥ, тул чыраш нимаят огеш пиж! — манеш маска кож вуй гычын.

— Тӧршталтенрак шуйо, тӧршталтенрак шуйо! — тунықта рывыж.

Маска тӧршталтенрак шуен колта — тунамак, крӱп шоктен, мландыш волен возеш.

Рывыж таче мартеат маска шылым кочкын ила.

Йомак — оньыш! Мый — теньыш! Йомак вуеш — тулвондо, мый вуешем — ӱй вочко.

ХИТРАЯ ЛИСА

Однажды летом сидел трусливый заяц у высокой ели. Вдруг с ели упала шишка. Испугался заяц и бросился бежать. «Война идет!» — кричит он.

Через некоторое время встречает маленькую белку.

— Заяц, друг, скажи скорее, куда ты так бежишь? — спрашивает белка.

— Беги и ты поскорее; не видишь, что ли, война идет, война! — говорит ей заяц.

Испугавшись войны, белка тоже бежит вслед за зайцем, подпрыгивая на своих коротеньких ножках. Думает про себя:

«Хорошо, что заяц предупредил меня, а то не сносить бы мне головы!»

Бегут, бегут, у оврага встречают рыжую лису, которая искала для себя пищу.

Вытаращив от удивления глаза, лиса спросила:

— Эй, друзья, куда вы так спешите?

— Война идет, война! — отвечают ей.

Лиса испугалась войны и тоже побежала. Все очень напуганы.

Долго бежали они, встречают в чаще леса огромного волка.

— Война идет! — крикнули они волку.

И волк побежал за ними.

Вот-вот должны они выбежать из леса. Тут навстречу им серый медведь. Медведь сказал грозным голосом:

— Эй, друзья, остановитесь, не то сейчас разорву!

— Мишка, друг, война идет! — сказали все четверо.

Испугался и медведь. Помчался, что было силы. Видно, как он переваливается на бегу да назад поглядывает. От быстрого бега они очень устали и решили остановиться в какой-то попавшейся им избушке.

И зажили они там хорошо. Но однажды пришла беда: пищи стало мало. Решили послать лису на поиски мяса. А заяц хозяйничал дома.

Ходит лиса у реки в поисках мяса и видит странного зверя: усы у него торчат, глаза светятся сине-зеленым светом.

Прибежала лиса домой и рассказывает, задыхаясь:

— Ходила я в поисках мяса к реке и увидела зверя: усы у него торчат, глаза горят сине-зеленым светом. Я приглашу его сегодня на обед. Но смотрите, чтобы на столе было жирное мясо.

Все выслушали лису и согласились пригласить невиданного зверя в гости. Лиса побежала за гостем. Заяц поджарил жирное мясо; к этому времени вернулась лиса.

— Скоро гость придет. Мы все спрячемся, а заяц пусть встречает гостя,— говорит лиса.

Медведь залез под лавку. Волк — за печку. Белка

забралась на перекладину, лиса — на полати, а заяц остался у окна встречать гостя. Вскоре пришел званый гость и, учуяв запах жареного, начал уплетать жирное мясо. Но в это время он увидел, как на полатях лиса со страху водит хвостом. Гость вскочил на ноги, выгнул дугой спину, поднял хвост трубой и зафыркал: «М-р, м-р». У хозяев душа ушла в пятки. Все выскочили из избы.

— Все дело испортила лиса! — говорят.— Ненасытная! Не могла потерпеть: знай хвостом вертит!

Кот наелся мяса и отправился домой.

Через три дня доели оставшееся после кота мясо. Опять у них нечего стало есть. Тогда решили: начать есть всех тех, кто поменьше и слабее. Сначала зарезали белку, потом — зайца. Дошла очередь до лисы, но она, плутовка, нашла выход.

— Давайте зарежем того, кто утром проснется с жирными губами,— говорит лиса.

Поужинали и легли спать. А ночью лиса встала, достала лапой из котла остатки жира и смазала волку губы.

Утром просыпаются, смотрят — у волка на губах жир. О чем тут разговаривать? Схватил медведь волка и оглушил своей лапой.

Вдвоем с лисой съели волка.

После того, как доели волчье мясо, у них не стало огня. Но хитрая лиса и тут нашла выход.

— Вон там, наверху, горит большой костер,— говорит она медведю, указывая на луну.— Ты его и достань лучиной.

— Не могу, не достать мне, слишком высоко,— отвечает медведь.

— Полезай на высокую ель, захвати с собой лучинку и зажигай,— говорит ему лиса.

Взобрался медведь на вершину ели, пыхтит, тянется лучинкой к луне, насколько может.

— Нет, друг,— говорит,— не зажечь!

— Да ты не так делаешь,— учит лиса.— Ты подпрыгни немного, вот и достанешь.

Медведь подпрыгнул, с грохотом свалился вниз и убился.

И по сей день, говорят, лиса живет и ест медвежье мясо.

Сказка — прочь! Я — тут!

По голове сказки . кочерга, на мою голову — бочка с маслом.

РЫВЫЖ ДЕН УР

Марий кайыквусо кучаш олыкеш вынемым кӱнча да йырже тӧрлен шында. Тудо вынемыш ур олык гоч кудалшыжла пурен кая. Тудым почешыже рывыж поктен, тудат вынемыш пурен кая. Ур вынем йыр пеш кудалыштеш да ойла:

— Мыйын шӱдӧ шонымаш,— манеш.

— Мыйын ик шонымаш гына,— ойла рывыжше.

Тыге нуно эр марте илат. Эрдене марий толеш. Рывыж, марий толмым шижын, колышо гай лийын возеш. А ур эре йыр кудалыштеш.

Марий вынемым почын ончалеш.

— Эх, могай пиал! Коктын улыт,— манеш.— Но рывыжше чытен кертын огыл, ужат, коленат колтен.

Марий, вынемыш пурен, рывыжшым, налын, кӱш шуа. А ур марийлан шкенжым ынеж кучыкто, эре вынем йыр кудалыштеш. Марий тудым куча да пуштеш. Рывыж тыгутлаште кудал колта. Марий лектын онча — рывыж уке. Марий ик ур дене мӧҥгышкыжӧ кая.

ЛИСА И БЕЛКА

Мариец для ловли птиц выкопал яму на поляне и ее замаскировал. Бежала белка через поляну и угодила в яму. За белкой гналась лиса, она тоже в яму попала. Белка все бегала по яме.

— У меня,— говорит белка,— сто идей.

— А у меня всего одна,— говорит лиса.

Так они в яме пробыли до утра. Утром пришел мариец. Учуяв его, лиса улеглась, словно мертвая. А белка все бегала по яме.

— Эх, какое счастье! Даже сразу двое попали,— говорит мариец.— А лиса все же не выдержала, сдохла.

Спустился мариец в яму, взял лису и выбросил наверх. А белка тем временем, чтобы не попасть марийцу в руки, продолжала бегать. Мариец поймал ее и убил. В это время лиса встала и убежала. Вышел мариец из ямы, смотрит — а лисы и в помине нет, удрала.

Взял мариец белку и отправился домой.

ЛӸДШӧ МЕРАҢ

Мераҥ, эрден эрак помыжалтын, пасуш кудалеш. Вашкышыжла, шудышырчыкым тошкал колта. Тидлан шудышырчык сыра, мераҥ пӧртым муын, пырдыж шелшыш пурен шинчеш. Кас лиймеке, мераҥ пӧртышкыжӧ толын пура. Тидым шижын, шудышырчык чик-чирик, чик-чирик муралтен колта. Мераҥ пылышым шогалта. Шудышырчык адак чик-чирик, чик-чирик муралта.

Мераҥ пеш чот лӱдеш. Уло кертмыж дене чодыраш лектын кудалеш. Кудалшыжла, рывыжым вашлиеш.

— Куш кудалат, мераҥ? — йодеш рывыж.

— Эй, рывыж тос. Пӧртышкем ала-кӧ пурен. Поктен лукташ полшо.

— Кузе ом полшо, полшем,— манеш рывыж.

Мераҥ ден рывыж пӧрт дек кудал толыт. Омсам почын, рывыж вуйжым чыка. Тунамак шудышырчык чик-чирик, чик-чирик муралтен колта.

— Уке, мераҥ, мый лӱдам. Тыйын пӧртышкет ала-кӧ пурен,— манеш рывыж, лӱдын, чодыраш кудал йомеш.

Мом ышташ? Мераҥ чылт ӧрын. Ойгыж дене шортынат колта. Пӧртшӧ воктен ятыр шинчат, адак чодырашке кудалеш. Пирым вашлиеш.

— Ну, мераҥ, кочкам вет,— манеш пире.

— Шого, ит коч, пире изай. Мыйын пеш кугу ойго вет.

— Мо тугай?

— Пӧртышкем ала-кӧ пурен. Поктен лукташ полшо,— манеш мераҥ.

Пире ӱждымӧ унам поктен лукташ кӧна. Қоктын мераҥ пӧртыш кудалыт. Толын шуыт. Пире пӧртыш пурен шогалеш, кычкырал колта:

— Кӧ мераҥ пӧртыш пурен, лекше!

Шудышырчык чик-чирик, чик-чирик муралтен колта. Йӱкым колын, пире лӱдеш. Пӧрт гыч лектеш да чодырашке кудалеш.

Мераҥ адак шкетак кодеш. Пӧртыш пураш лӱдеш. Шортын шинча-шинча да адак чодырашке кудалеш. Тушто маскам вашлиеш.

— Куш кудалат, мераҥ? — йодеш маска.

— Э, Миша изай, ала-мом гына ыштыман?

— Мо тугай?

— Пӧртышкем ала-кӧ пурен. Иктат поктен луктын ок керт. Рывыж декат миенам. Пират миен ончыш.

Чыланат лӱдыт. Ынде тыяк полшен кертат гын веле.

— Кӧ тугай пурен? Ончалшаш, ончалшаш,— манеш маска.

Коктын мераҥ пӧртыш каят. Миен шуыт, маска пӧртыш пурен шогалеш да каласа:

— Кӧ мераҥ пӧртыш пурен, лекше! Уке гын кырен колтем!

Шудышырчык чик-чирик, чик-чирик муралтен колта. Маска, тыгай йӱкым колын, пылышым шогалта. Шудышырчык адак чик-чирик, чик-чирик муралта. Маска лӱдеш. Кыбыз-кобыз пӧрт гыч лектын, чодыраш кудалеш.

Мераҥ адак шкетак кодеш. Мом ышташ? Куш пураш? Мераҥ шортеш. Ты жапыште мераҥ дек агытан толын лектеш.

— Мераҥ, молан тынар шортат? — манеш агытан.

— Кузе от шорт. Пӧрт деч посна кодынам.

— Кузе туге?

— Ала-кӧ пурен. Иктат поктен луктын ок керт.

— Айда ончена. Кӧ тугай пурен?!

Агытан, кыдетлен-кыдетлен, пӧртыш пура да муралтен колта:

— Ку-ка-ре-ку-у! Мераҥ пӧртыш кӧ пуре-ен?!

Шудышырчык чик-чирик, чик-чирик муралта. Тидым колын, агытан, пырдыж дек миен, шелше гыч шудышырчыкым чӱҥгал луктеш да кочкын колта.

Э, тидлан мераҥ куана. Чыла чодырасе янлык-влакым шкеж дек ӱжын конда. Чыланат агытаным моктат. Агытанже, койышланен, шулдыржым перал-тен, муралтен колта:

— Мый эн тале ула-ам!

Тиддеч вара мераҥ шке пӧртешыжак кодеш.

ТРУСЛИВЫЙ ЗАЯЦ

Рано утром, проснувшись, заяц побежал в поле. Второпях он наступил на сверчка, на что сверчок рассердился. Вечером заяц вернулся домой. Тут сверчок пропел: чик-чирик, чик-чирик. Заяц поднял уши востро. Сверчок опять: чик-чирик, чик-чирик!

Сильно испугался заяц и убежал в лес. По дороге встретилась ему лиса.

— Куда бежишь, заяц? — спрашивает лиса.

— Эй, кумушка лиса. Забрался в домик кто-то. Помоги выгнать его.

— Как же не помочь-то, помогу,— говорит лиса.

Пришли заяц и лиса к заячьему домику. Как только лиса открыла дверь и просунула голову — сверчок пропел: чик-чирик, чик-чирик.

— Нет, заяц, я боюсь. В твой домик кто-то забрался!

И лиса, испугавшись, убежала в лес.

Что делать? Заяц сильно опечалился. С горя заплакал. Посидел он возле своего домика и опять побежал в лес. Встретил волка.

— Ну, заяц, я тебя съем! — говорит волк.

— Погоди, не ешь, брат волк. Я ведь в глубокой печали.

— Что случилось?

— Забрался кто-то в мой домик. Помоги мне выгнать его,— говорит заяц.

Согласился волк выгнать непрошеного гостя. Побежали они вдвоем к заячьему домику. Вошел волк прямо в домик и закричал:

— Кто забрался в заячий домик, пусть уходит!

Тут сверчок пропел: чик-чирик, чик-чирик. Волк как услышал пение сверчка, так и убежал из домика в лес.

Остался заяц опять один. Боится войти в домик. Плакал-плакал заяц и опять побежал в лес. Там встретил медведя.

— Куда скачешь, заяц? — спрашивает медведь.

— Э, брат Миша, даже не знаю, что мне делать?

— Что случилось?

— Забрался кто-то в мой домик. Никто его не может прогнать. И к лисе я ходил. И к волку. Все испугались. Может, ты мне поможешь?

— Кто же такой забрался, надо посмотреть,— говорит медведь.

Пошли они вдвоем к заячьему домику. Вошел медведь в домик и говорит:

— Кто забрался в заячий домик, пусть уходит! Если нет, то побью!

Тут сверчок пропел: чик-чирик, чик-чирик. Медведь услышал голос, навострил уши. Сверчок опять: чик-чирик, чик-чирик, чик-чирик. Испугался медведь. Кыбыз-кобыз — вышел из домика и убежал в лес.

Остался заяц опять один. Что делать? Куда деваться? В это время подошел петух.

— Зайка, о чем так горько плачешь? — спрашивает петух.

— Как же мне не плакать. Остался я без домика.

— Как это так?

— Кто-то забрался в мой дом. И никто не может его прогнать.

— Айда посмотрим.

Кудахтая, петух вошел в домик.

— Ку-ка-ре-ку-у! Кто забрался в заячий домик? — запел петух.

Сверчок пропел: чик-чирик, чик-чирик. Петух услышал голос, приблизился к стене, склюнул сверчка и съел его.

Тут заяц обрадовался, созвал он к себе всех лесных зверей. Все хвалят петуха. А петух, щеголяя, захлопал крыльями и пропел:

— Я — самый храбрый!

После этого заяц остался жить в своем же домике.

ТУМНА ДЕН РЫВЫЖ

Тумна чашка вуеш пыжашым ышта. Кум игым луктеш. Тушко рывыж толеш да муралта:

Тумна, тум-тум,
Ик игетым кудалте, тум-тум,
Кӱзенат кочкам, тум-тум,
Воленат кочкам, тум-тум,
Руэнат кочкам, тум-тум,
Ик игетым кудалте, тум-тум!

Тумна шортеш-шортеш, ик игыжым кудалта. Рывыж тудым ер воктек нангаят, кочкеш.

Эр лиеш, рывыж адак тумна дек толеш да муралта:

Тумна, тум-тум,
Ик игетым кудалте, тум-тум,
Кӱзенат кочкам, тум-тум,
Воленат кочкам, тум-тум,
Руэнат кочкам, тум-тум,
Ик игетым кудалте, тум-тум!

Тумна шортеш-шортеш да адак вес игыжым кудалта. Рывыж тумна игым налын каят, ер воктен кочкеш. Тумна мӱгырен-мӱгырен шинча. Шогертен толеш.

— Молан мӱгырет, тумна? — манеш шогертен.

— Мом от мӱгырӧ? — манеш тумна.— Рывыж толешат, лӱдыктен-лӱдыктен, игем-влакым кудалташ йодеш.

Шогертен манеш:

— Кӱзен кочкашыже кидше уке, руэн кочкашыже товарже уке, молан рывыжлан игетым пукшет?

Шогертен чонгештен кая. Эр лиеш. Рывыж адакат толеш да муралта:

Тумна, тум-тум,
Ик игетым кудалте, тум-тум,
Кӱзенат кочкам, тум-тум,
Воленат кочкам, тум-тум,
Руэнат кочкам, тум-тум,
Ик игетым кудалте, тум-тум!

Тумнаже манеш:

— Молан тылат игем кудалтем? Кӱзен кочкаш — кидет уке, руэн кочкаш — товарет уке, кызытат кок игем ондален кочкыч.

— И-и, тыге шогертен каласен! — манешат, рывыж кая.

Кая-кая, ер воктен возеш, колышын койын кия. Шогертен рывыж деке толеш, муралта:

Шинча коят коеш — чыгырдык,
Шинча коят коеш — чыгырдык!

Рывыж деке шогертен мия, шинчажым чӱнгалаш тӧча, рывыж тудым руалтенат куча.

— Молан тумналан каласышыч? — манеш.

— Каласенам гын, мо лийын? — манеш шогертен.

Рывыжше ойла:

— Тыйым кырен пуштам!

Шогертенже манеш:

— Кырет гынат, ом коло, тошкет гынат, ом коло, кум пырче почем кучен, шӱйшӧ кашкаш лупшалат гын веле колем.

Рывыж шогертеным кум пырче почшо гыч кучен лупшал колта, кидешыже кум пыстыл веле кодеш. Шогертен чонгештен кая да манеш:

— Рывыжым ондалышым, рывыжым ондалышым!

Йомак — умбак, мый — тембак.

СОВА И ЛИСА

Жила была сова. Свила она себе на дереве в чаще гнездо, вывела трех птенцов. К опушке чащи повадилась лиса:

Сова, тум-тум,
Одного птенца брось, тум-тум,
Как залезу — съем, тум-тум,

Как срублю — съем, тум-тум,
Одного птенца брось, тум-тум!

Поплакала-поплакала сова да и бросила одного птенца. Лиса взяла птенца, унесла к озеру и съела.

Настало утро. Опять лиса пришла к сове:

Сова, тум-тум,
Одного птенца брось, тум-тум,
Как залезу — съем, тум-тум,
Как спущусь — съем, тум-тум,
Как срублю — съем, тум-тум,
Одного птенца брось, тум-тум!

Поплакала сова, поплакала, кинула ей еще одного птенца. Лиса схватила птенца, унесла опять к озеру, легла и съела его.

Сидит сова на дереве и горько плачет. Летела мимо сорока, увидела сову и спрашивает:

— Отчего так горько ревешь, сова?

— Как мне не реветь?! — говорит сова.— Приходит лиса и, угрожая, просит моих птенцов.

Сорока ей и говорит:

— Скажи ей так! Отчего я должна отдавать своих совят? Залезть и съесть — у тебя рук нет, срубить дерево и съесть — топора нет. И так обманом выманила у меня двух совят.

Сорока улетела. Наступило утро. Лиса опять пришла к сове и запела:

Сова, тум-тум,
Одного птенца брось, тум-тум,
Как залезу — съем, тум-тум,
Как спущусь — съем, тум-тум,
Как срублю — съем, тум-тум,
Одного птенца брось, тум-тум!

Сова ей и говорит:

— Зачем я тебе своего птенца сброшу? Залезть и съесть — у тебя рук нет, срубить дерево и съесть — топора нет. И так уж ты двух моих птенцов обманом съела.

— А-аха, тебя сорока так научила! — сказала лиса и пошла. Шла-шла, подошла к озеру, легла и притворилась мертвой. Прилетела сорока к лисе и говорит:

Сало вижу в твоих глазах — чыгырдык,
Сало вижу в твоих глазах — чыгырдык.

Сорока подошла к лисе, только хотела клюнуть глаз, как лиса схватила ее.

— Зачем ты научила сову? — спрашивает лиса.

— Научила! Ну и что из этого? — говорит сорока.

Лиса говорит:

— Вот я тебя сейчас изобью и убью!

Сорока говорит:

— Бить меня будешь — не умру, топтать будешь — не умру, если возьмешь меня за три перышка хвоста, ударишь о гнилое дерево, только тогда умру.

Лиса схватила ее за три перышка хвоста, ударила о гнилое дерево. Сорока взлетела, оставив у лисы в руках только три перышка хвоста. Летает над ее головой и говорит:

— Обманула лису, обманула лису!

Сказка дальше, а я ближе.

СУТ ПИРЕ

Пире, урмыж-урмыж, логаржым темаш кычалеш. Ужеш: корно дене Йыван кая. Пире Йыван деке кудал мия.

— Йыван, мый тыйым кочкам,— манеш.

Йыван пирылан каласа:

— Ой, пире, родем, мыйым кочкын, мо шот! Мый тылат йошкар ужгам урген пуэм. Тый пеш кылмен коштат, мыланем тый ыжал веле чучат.

Пире шоналта-шоналтат, йўштӧ толеш манын, Йыван дене келша.

— Йӧра. Йошкар ужгам урген пуэт гын, мый тыйым колымешкем ом мондо ыле,— манеш.

— Йошкар ужгам чийынет гын, мландышке кумык воч, кызытак ургаш тўҥалам,— манеш Йыван.

Пире, куанен, мландышке йолжым чумалтен, кумык возеш. Йыван сумкаж гыч кестенжым луктеш да пирым тупшо да вуйжо гыч кыраш тўҥалеш. Кунаре кертмыжым кырат, шке корныж дене ошкылеш.

Пире, ушыжо изиш пурымеке, пыкше кынел шинчеш.

— У-у-у, Йыван мылам пеш мотор йошкар ужгам чиктен кодыш! Ынде теле йўштӧ толеш гын, ала кылмаш ом тўҥал.

Пире адак умбаке кая. Ала иктаж-мо коеш манын, пасу йыр ончыштеш. Курык ўмбалне тагам ужеш. Тушко кудал кўза да тагалан каласа:

— Тага, мый тыйым кочкам вет!

Тага, лўдын, пирылан каласа:

— Шого, родем, шкат ужам, тый пеш шуженат! Умшатым карен шич, мый шкеак тӧрштем. Пурын кочмешкет, лучо вигак нелын колто.

Пире умшажым карен шинчеш да таган тӧрштен пурымыжым вучен шинча. Тага чакна-чакна да пирын саҥгажым, кудал миен, тӱкен колта, пире курык йымаке топ гай миен возеш. Тага почшым рӱзалта да шке кашакышкыже кудалеш.

Пират, ушыжо пурымек, пыкше кынел шинчеш да шона:

— У-у-у, мӱшкырем пешак начарын теме, пурын кочкам гын, сайрак темеш ыле, пурде нельымат, ыжымак тем.

Адак пире шканже пиал кычалаш кая. Олыкышто имньым ужеш. Имне деке кудал мия да каласа:

— Имне, мый тыйым кочкам вет!

Имне пирылан каласа:

— Ой, таҥем, мыйым кочкын, мо шот? Шеҥгекем тол-ян, мыйын тӱжем пырчем луд,— имне пирылан почшым ончыкта.

Пире имньын почшым лудаш тӱҥалеш. Тӱжем пырчым лудмыж годым, имне пирын саҥгажым чумалынат колта. Пире кумык-комдык миен возеш. Имне шинчал колта да кудалеш.

Пират, ушыжо пурымеке, пыкше кынел шинчеш да шонен шинча:

— У-у-у, тӱжем пырчым лудым да вуем веле пӧрдаш тӱҥале, ушемат кайыш, нимом ом шарне,— манеш.

Пасу покшелне адак пире окшаклен кудалеш. Ынде ял деке миен шуэш. Пийым вашлиеш.

— Ну, ынде мый тыйым кочкам,— манын, пийлан каласа:

— Шого, таче озамын сӱанже, айда тушко шыл кочкаш каена, мурен-куштенат ончыктена,— манеш пий.

Пире ден пий сӱанышке кудалыт. Пий капка йымач кудал пура, пире — пий шеҥгеч. Пий — пӧртышкӧ, пират — тушкак. Пий ӱстел йымаке, пират — тушкак.

Пӧрт тич калык. Мурат, куштат, шӱвырым шоктат, тӱмырым кырат, пӧрт сурга веле. Ӱстембачын мо велеш, мо йога — чыла пире ден пий кочкыт. Пире рушташат, пийлан каласа:

— Ох, йолташем, пешак рушты нам! Ик гана мыят муралтен колтем ала мо?

Пият пирым туныкта:

— Айда муро, таче сӱан вет, мурымо кече!

Пире муралтен колта:

— У-у-у!

Уло сӱан калык тып лиеш, йырваш ончат, тӱгӧ лектын куржыт, нигуштат пире ок кой. Адак савуш сӱан марий ден вате-влакым кушташ луктеш.

Пий адак пирым туныкта:

— Мий, тыят кушташ лек!

Пире верже гыч тӧрштен кынелеш да кушташ тӱҥалеш. Калык кычкыраш тӱҥалеш:

— Пире! Пире! — чыланат пирым кыраш пижыт. Пирым пуштын пыштат да тӱгӧ луктын кудалтат. Пий муралтен колта:

Тыге-туге, мо туге?
Молан туге, мо туге?
Капем изи, вуем шӧртньӧ —
Тушман пирым ондалышым!

Йыванат, лектын, муралтен пуа:

Тӱп, тӱп тӱмырет,
Лил, лил шӱвырет.
Ондален коштшо пиретым
Ондален коден она керт мо?

Вӱташте мурымо йӱкым тага колеш да, тудат калык коклаш кудал лектын шогалеш, пирым ончыктен, муралтен колта:

Чапе, чапе чапаем,
Могане курыкым ок кӱзӧ?
Ты киялше сут пиретым
Эргал[1] сӱмырен омыл мо?

Ты мурым колын, имне кудал лектеш. Калык ончылно шогалын, тавалтен, муралтен колта:

Тӱжем шӱдӧ шар пырчем,
Йошкар пота почеем!
Чымешталын чумалын,
Пирылан ушым пуртышым.

Чылан, колыштын, ончен шогат. Йыванат, имнят, тагат, пият, чыла сӱан марият, пире йыр погынен, шӱвыр шоктен, тӱмырым пералтен мурат:

Ӱстел йолет — ныл йолет,
Могай кочкышым ок нумал?
Тыгай кугу ушна дене
Могай тушманымат она сеҥе!

[1] Эргаш — ӧргаш.

ГОЛОДНЫЙ ВОЛК

Волк, проголодавшись, искал себе еду да беспрестанно выл. По дороге встретил Ивана. Подбежал к нему и говорит:

— Иван, я тебя съем!

— Ой, кум, какой толк, что ты меня съешь! Я тебе лучше сошью красную шубу. Уж очень жалко ты выглядишь, ведь зимой тебе так холодно,— говорит Иван.

Волк подумал-подумал: «Да ведь правду говорит Иван, зима-то на носу»,— и согласился.

— Ладно уж. Если справишь шубу, то я тебя вовек не забуду.

— Если уж захотел надеть красную шубу, ложись на землю ничком, сейчас же примусь за дело,— говорит Иван.

Обрадовавшись, волк раскинул ноги и лег ничком. Иван из сумки достал кистень и давай бить волка по спине, голове. Крепко побил его Иван и зашагал своей дорогой.

Волк, очнувшись, еле-еле встал на ноги.

«У-у-у, какую красивую красную шубу сшил мне Иван! Теперь мне не страшен и самый лютый мороз»,— подумал он.

Снова волк пошел по полю дальше, поглядывая то в одну, то в другую сторону. Вдруг на горке увидел барана. Примчался волк к нему и говорит:

— Баран, я тебя съем!

— Постой, кум, я сам вижу, что ты голоден! Разинь рот, я сам прыгну в тебя; чем грызть меня, лучше сразу проглоти,— говорит волку баран.

Волк сел на задние лапы и широко раскрыл пасть, стал ждать барана. Баран пятился, пятился назад, а затем рванулся вперед и как боднет, так что волк покатился под гору словно мяч. Баран вильнул хвостом и умчался в стадо.

Очнувшись, волк еле-еле поднялся и подумал:

«У-у, вовсе не наелся, надо было лучше грызть, а не глотать. Из-за того, что сразу проглотил, нисколько не наелся».

Пошел волк дальше искать счастье. На лугу увидел коня. Подбежал к нему и говорит:

— Конь, я тебя съем!

— Ой, кум, что толку-то от того, что съешь меня? Подойди-ка ко мне сзади поближе и посчитай, сколь-

ко в моем хвосте волосинок,— показывает ему конь свой хвост.

Волк начал считать волосинки в хвосте коня. Досчитал до тысячи. Конь лягнул волка в лоб. Волк полетел кувырком. Конь заржал и ускакал.

Когда волк пришел в себя, встал и подумал:

«Ну и ну, до тысячи волосинок сосчитал, аж голова закружилась, ничего не помню».

Снова по полю бежит волк, еле-еле волоча ноги. Добежал до деревни, там встретил собаку.

— Ну, теперь я тебя съем,— говорит волк собаке.

— Погоди,— говорит собака,— сегодня у моего хозяина свадьба. Пойдем на праздник, там нам достанется и мясо, и разные кушанья, попляшем, попоем заодно.

Волк согласился. Побежали на свадьбу. Собака пролезла во двор под воротами. Волк последовал за ней. Собака юркнула в избу. Волк — за ней. Собака полезла под стол. Волк — туда же.

В доме полно народу. Пьют, пляшут, играют на волынке, барабане. Весь дом гудит. Волк и собака подбирали все, что падало и лилось со стола. Волк совсем опьянел и говорит собаке:

— Ох, друг ты мой, я вовсе опьянел! И мне спеть, что ли, одну песню?

— Спой, спой, кум, ведь сегодня такой день — свадьба. Как же не петь! — подучивает собака.

И волк запел:

— У-у-у!

От воя вся свадьба перестала гулять. Стали кругом искать, выходят во двор, ищут, но нигде волка нет. Савуш[1] опять позвал гостей в дом и пригласил поплясать.

Собака опять говорит волку:

— Иди выйди, тоже попляши!

Волк рванулся с места и начал плясать! Тут народ закричал:

— Волк! Волк!

Все начали колотить его. Убили волка и выбросили из дома.

Собака потом запела:

Вот так-то, так-то,
Отчего так да почему так?

---

[1] Савуш — дружка, распорядитель на свадьбе.

Ростом мал, да ум золотой:
Обманул волка — врага!

Тут и Иван запел:

Тюп-тюп, барабан,
Лил, лил, волынка.
Хитрого волка
Можем и мы обдуть!

В хлеву баран стоял. Как услышал пение, так и прибежал на свадьбу, встал в середину и, показывая на волка, затянул:

Ножки, ножки, мои ножки
Осилят горы любые,
Этого волка убитого
Я ли не сумел забодать!

Услышав пение, прискакал конь, встал перед народом и, приплясывая, запел:

Тысяча сто волосков —
Мой красивенький хвост.
Что есть мочи лягнул
И волка злого победил!

Все стояли, слушали. Иван, конь, баран, собака, вся свадьба, встав вокруг убитого волка и играя на волынке и барабане, пели:

У стола четыре ноги,
На столе разная еда.
Мы сильны и умны,
Любого мы победим врага!

КАЗА ДЕН МАСКА

Иленыт кугыза ден кува. Нунын ик казашт улмаш. Илат-илатат, кугыза ден кува колен колтат, а каза шкетак пӧртеш кодеш.

Каза кум пачам ышта, шке кожлашке каяш тарвана, игыже-влаклан каласен кода:

— Кугу йӱкан толеш гын, ида пурто. Изи йӱкан толеш гын, пуртыза.

Каза каен колта. Кожлаште, купышто коштеш, мӧҥгыжӧ толеш, пӧртшӧ дек шуэшат, мураш тӱҥалеш:

Кожлашкыжат мияльым,
Кожла шудым пурлальым.
Купышкыжат мияльым,

Куп шудым пурлальым.
Пел водарыштем шӧр,
Пел водарыштем ӱй.
Игем-влак, почса!

Тыге муралтен, омсам тӱкалта. Пачаже-влак омсам почыт. Каза пура, нуным пукша. Кас лиеш, малаш возыт. Эр лиеш, кынелыт. Кочкыт-йӱыт. Каза кожлашке каяш тарвана, пачаже-влаклан каласен кода:

— Кугу йӱкан толеш гын, ида пурто, изи йӱкан толеш гын, пуртыза.

Каза каен колта. Каза каен гына шукта, тудын пӧртшӧ деке маска толеш, кугу йӱк дене мураш тӱҥалеш:

Кожлашкыжат миялльым,
Кожла шудым пурлальым.
Купышкыжат миялльым,
Куп шудым пурлальым.
Пел водарыштем шӧр,
Пел водарыштем ӱй.
Игем-влак, почса!

— Уй-йуй! Она поч! — манып каза пача-влак,— мемнан авана огыл. Тиде кугу йӱкан.

Маска кая, кӱвар йымаке пурен шинчеш. Тиде жапыште каза толын шуэш, мураш тӱҥалеш:

Кожлашкыжат миялльым,
Кожла шудым пурлальым.
Купышкыжат миялльым,
Куп шудым пурлальым.
Пел водарыштем шӧр,
Пел водарыштем ӱй.
Игем-влак, почса!

Аваштым почын пуртат. Каза пачаже-влакым пукша, йӱкта. Кас лиеш, малаш возыт. Эр лиеш, мален кынелыт. Кочкыт-йӱыт. Каза мелна руашым луга, коҥгамбаке кӱзыктен шында. Вара шке кожлашке кая. Кайымыж годым игыже-влаклан каласен кода:

— Кугу йӱкан толеш гын, ида пурто, изи йӱкан толеш гын, пуртыза!

Каза кайымеке, маска кӱвар йымач лектеш да изи йӱк дене мураш тӱҥалеш:

Кожлашкыжат миялльым,
Кожла шудым пурлальым.
Купышкыжат миялльым,
Куп шудым пурлальым.
Пел водарыштем шӧр,
Пел водарыштем ӱй.
Игем-влак, почса!

Каза пача-влак омсам почын колтат — авашт огыл, маска! Каза пача-влак лӱдмышт дене ӱштервоштыр йымаке шылыт. Маска пӧртышкӧ пура, онча: каза пача-влак уке улыт. Пӧртыштӧ коштеш-коштешат, конгамбаке кӱза. Конгамбалне мелна руашым лоптык-лоптык лугалта. Каза пача-влак воштыл колтат. Маска конгамбачын содор гына вола да ик каза пачам кочкын кая. Шке вара адак кӱвар йымаке пурен шинчеш.

Каза толеш, пӧртшӧ деке шуэшат, мураш тӱнгалеш.

Кожлашкыжат миялым,
Кожла шудым пурлалым.
Купышкыжат миялым,
Куп шудым пурлалым.
Пел водарыштем шӧр,
Пел водарыштем ӱй.
Игем-влак, почса!

Пачаже-влак почын пуртат, авашт нунын деч йодеш:

— Ик акада кушто вара? — манеш.

Каза пача-влак каласат:

— Маска кочкын кайыш.

Каза шортын колта, кодшо пачаже-влакым пукша. Кас лиеш, малаш возыт. Эр лиеш, мален кынелыт. Каза конгаш олта, мелнам кӱэштеш. Кочкыт-йӱыт. Вара шке кожлашке кая, пачаже-влаклан каласен кода:

— Кугу йӱкан толеш гын, ида пурто, изи йӱкан толеш гын, пуртыза.

Каза кая, а маска казан кайымыжым веле вучен. Маска кӱвар йымач лектешат, изи йӱк дене мураш тӱнгалеш:

Кожлашкыжат миялым,
Кожла шудым пурлалым.
Купышкыжат миялым,
Куп шудым пурлалым.
Пел водарыштем шӧр,
Пел водарыштем ӱй.
Игем-влак, почса!

Каза пача-влак омсам почын колтат — авашт огыл, маска! Каза пача-влак, лӱдын, ӱштервоштыр йымаке шылыт. Маска пӧртышкӧ пура, конгамбаке кӱза, мелна руашым лоптык-лоптык лугалта. Каза пача-влак воштыл колтат. Маска конгамбачын вола да ик каза пачам руалтен кочкеш. Кочкеш да лектын кая, адак кӱвар йымаке пурен шинчеш.

Каза толеш, пӧртшӧ деке шуэшат, мураш тӱҥалеш:

Кожлашкыжат миялльым,
Кожла шудым пурлальым.
Купышкыжат миялльым,
Куп шудым пурлальым.
Пел водарыштем шӧр,
Пел водарыштем ӱй.
Игем-влак, почса!

Пачаже омсам почеш. Каза онча — ик пачаже веле кодын.

— Акатше кушто? — йодеш каза пачаж деч.

— Маска кочкын кайыш,— манеш пачаже.

Каза шортын колта, вара пачажым пукша. Кас лиеш, малаш возыт. Эр лиеш, мален кынелыт. Кочкытйӱыт. Каза кожлашке тарвана, пачажлан каласен кода:

— Кугу йӱкан толеш гын, ит пурто, изи йӱкан толеш гын, пурто.

Вара шке каен колта. Маска кӱвар йымач лектешат, изи йӱк дене мураш тӱҥалеш:

Кожлашкыжат миялльым,
Кожла шудым пурлальым.
Купышкыжат миялльым,
Куп шудым пурлальым.
Пел водарыштем шӧр,
Пел водарыштем ӱй.
Игем, поч!

Каза пача омсам почын колта — аваже огыл, маска! Каза пача лӱдмыж дене ӱштервоштыр йымаке шылеш. Маска коҥгамбаке кӱзат, мелна руашым лоптык-лоптык лугалта. Каза пача воштыл колта. Маска коҥгамбач вола да пачам руалтен кочкеш. Кочкешат, лектын кая, вара курык вуйыш кӱзен шинчеш.

Каза толеш, пӧртшӧ деке шуэшат, мураш тӱҥалеш:

Кожлашкыжат миялльым,
Кожла шудым пурлальым.
Купышкыжат миялльым,
Куп шудым пурлальым.
Пел водарыштем шӧр,
Пел водарыштем ӱй.
Игем, поч!

Казалан омсам нигӧат ок поч, тудо адак муралта:

Кожлашкыжат мияльым,
Кожла шудым пурлальым.
Купышкыжат мияльым,
Куп шудым пурлальым.
Пел водарыштем шӧр,
Пел водарыштем ӱй.
Игем, поч!

Каза шога-шога, омсам нигӧат ок поч. Каза омсам ӧргал колта, омса почылт кая. Каза пӧртышкӧ пура, пӧртыштӧ иктат уке. Тудо йӱкын шортын колта. «Кувай деке мужедыкташ кайышаш»,— манеш вара семынже.

Каза мужедыкташ кая, кува деке миен пура.

— Кувай, мужед-ян, пача-влакем ала-мо кочкын пытарыш,— манеш.

Кува мужедеш-мужедешат, казалан каласа:

— Тӧвӧ курык вуйышто маска кия, тыйын пачат-влакым тудо кочкын!

Каза каен колта, курык вуйышто чынак маскам ужеш. Маска дек мият, каласа:

— Айда пижына, кугызай! — манеш.

— Мый ом пиж, мӱшкырем кугу,— ойла маска.

— Айда пижын ончена,— манеш каза адакат.

— Айда, пижын ончена,— маскат манеш.

Маска ден каза пижаш тӱҥалыт. Пижыт-пижытат, каза тӱкыж дене маскам мӱшкыржӧ гыч ӧргал колта. Маскан мӱшкыржӧ гыч каза пача-влак лектын возыт.

— Ават помыш шокшо, ачат помыш шокшо? — йодеш каза ик пачаж деч.

— Авам помыш шокшырак! — манеш пачаже.

Каза вес пачаж деч йодеш:

— Ават помыш шокшо, ачат помыш шокшо?

— Ачам помыш шокшырак! — манеш пачаже.

Каза адак кумшо пачаж деч йодеш:

— Ават помыш шокшырак, ачат помыш шокшо?

— Авам помыш шокшырак! — манеш пачаже.

Каза кок пачажым вӱдалтен наҥгая, а иктыжым, «ачам помыш шокшырак» маншыжым, маскалан кода.

Йомак — умбак, мый — тембак.

КОЗА И МЕДВЕДЬ

Жили-были старик со старухой. У них была коза. Старик и старуха умерли. Коза осталась дома совсем одна.

Коза принесла трех маленьких козлят. Пошла коза однажды в лес, козлятам своим наказала:

— Если придет кто с грубым голосом, то дверь не отворяйте. Если придет с тонким голосом, то пустите.

Побродила коза по лесу, по болоту, травки пощипала и вернулась домой. Дошла до избушки и начала петь:

По лесочку походила,
Травы лесной пощипала.
По болотцу походила,
Травы болотной щипала.
Полвымени масличка,
Полвымени молочка.
Детки мои, откройте!

Попела и стукнула в дверь. Козлятки открыли. Вошла коза в избу, покормила козлят. Настал вечер, легли спать. Настало утро, встали, поели-попили. Собралась коза опять в лес, козляткам наказала:

— Если придет кто с грубым голосом, то дверь не отворяйте; если придет с тонким голосом, то пустите.

Только коза ушла в лес, пришел медведь к избушке и запел грубым голосом:

По лесочку походила,
Травы лесной пощипала.
По болотцу походила,
Травы болотной щипала.
Полвымени масличка,
Полвымени молочка.
Детки мои, откройте!

«Уй-йуй! Не откроем,— думают козлята.— Голос нашей матери тонкий, а у него грубый».

Пошел медведь, забрался под мост, сидит и слушает. В это время вернулась коза домой и запела:

По лесочку походила,
Травы лесной пощипала.
По болотцу походила,
Травы болотной щипала.
Полвымени масличка,
Полвымени молочка.
Детки мои, откройте!

Козлятки открыли ей дверь и впустили в избу. Коза покормила козлят. Настал вечер, легли спать. Настало утро, встали, поели-попили. Коза замесила тесто, поставила его на печку и опять собралась в лес. Перед уходом козлятам наказала:

— Если придет кто с грубым голосом, не отворяйте; если придет с тонким голосом, пустите.

Пошла коза в лес. Вышел медведь из-под моста, пришел к избушке и запел тонким голосом:

По лесочку походила,
Травы лесной пощипала.
По болотцу походила,
Травы болотной щипала.
Полвымени масличка,
Полвымени молочка.
Детки мои, откройте!

Открыли дверь козлятки — не мать их, а медведь! Козлятки спрятались за веником. Медведь залез на печь, лоптек-лоптек — взболтнул тесто. Тут козлятки расхохотались. Медведь спустился с печи, съел одного козленка и ушел под мост.

Тут пришла коза к избушке и запела:

По лесочку походила,
Травы лесной пощипала.
По болотцу походила,
Травы болотной щипала.
Полвымени масличка,
Полвымени молочка.
Детки мои, откройте!

Козлятки открыли ей дверь и впустили в избу.

— Где ваша старшая сестра? — спрашивает у них мать.

— Медведь съел и ушел,— сказали оставшиеся два козленка.

Коза покормила козлят. Настал вечер, легли спать. Настало утро, встали. Коза истопила печь, испекла блинов. Поели-попили. Собралась коза в лес, перед уходом наказала:

— Если придет кто с грубым голосом, не отворяйте; если придет с тонким голосом — пустите.

Пошла она в лес. Вышел медведь из-под моста, пришел к избушке и снова запел тонким голосом:

По лесочку походила,
Травы лесной пощипала.
По болотцу походила,
Травы болотной щипала.
Полвымени масличка,
Полвымени молочка.
Детки мои, откройте!

Козлятки открыли дверь — не мать перед ними, а медведь!

Козлятки тут же спрятались за веник. Медведь опять забрался на печь, лоптек-лоптек — взболтнул тесто. Козлятки расхохотались. Медведь слез с печи, съел второго козленка и ушел под мост.

Вернулась коза к избушке и запела:

По лесочку походила,
Травы лесной пощипала.
По болотцу походила,
Травы болотной щипала.
Полвымени масличка,
Полвымени молочка.
Детки мои, откройте!

Козленок открыл дверь. Вошла коза в избу и спросила:

— Где сестра?

— Медведь съел,— говорит козленок. Коза покормила козленка. Наступил вечер, легли спать. Наступило утро, встали. Истопила коза печь, испекла блинов, поели-попили. Собралась коза в лес, перед уходом наказала козленку:

— Если придет кто с грубым голосом, не отворяй; если с тонким голосом — пусти.

Пошла коза в лес. Вышел медведь из-под моста, пришел к избушке и запел:

По лесочку походила,
Травы лесной пощипала.
По болотцу походила,
Травы болотной щипала.
Полвымени масличка,
Полвымени молочка.
Детки мои, откройте!

Козленок открыл дверь — не мать перед ним, а медведь! Козленок спрятался за веник. Медведь забрался на печь, лоптек-лоптек — взболтнул тесто. Козленок расхохотался. Медведь слез с печи, съел последнего козленка и ушел на гору. Там он прилег.

Пришла коза домой и запела:

По лесочку походила,
Травы лесной пощипала.
По болотцу походила,
Травы болотной щипала.
Полвымени масличка,
Полвымени молочка.
Детки мои, откройте!

Постояла коза, а дверь открывать некому. Бод-

нула коза дверь, и она слетела. Вошла коза в избу, села и горько заплакала.

Поплакала коза, делать нечего, подумала: «А не сходить ли к знахарке?» Отправилась коза к бабке-знахарке, пришла к ней и говорит:

— Тетушка, погадай-ка, где сейчас находится медведь, который съел моих детей.

Бабка-знахарка погадала-погадала и говорит козе:

— Вот,— говорит,— на высокой горе лежит медведь, он и съел твоих детей.

Пошла коза на высокую гору, пришла к медведю и говорит:

— Айда поборемся, старик!

— Я не могу, живот мой уж очень большой,— говорит ей медведь.

— Ну, давай поборемся! — повторяет коза.

— Ну ладно, поборемся,— согласился наконец и медведь.

Начали бороться коза и медведь. Борются-борются, коза забодала медведя, распорола живот. Выбрались козлята из живота медведя.

Коза спрашивает одного козленка:

— Где теплее, за пазухой матери или отца?

— За пазухой матери теплее,— говорит козленок.

Коза спрашивает второго козленка.

— За пазухой отца или матери теплее?

— За пазухой отца теплее,— отвечает второй козленок.

Коза говорит третьему козленку:

— За пазухой отца или матери теплее?

— За пазухой матери теплее! — ответил матери третий козленок.

Взяла коза двух козлят, которые сказали, что за пазухой матери теплее, и ушла. Один козленок, сказавший, что за пазухой отца теплее, остался у медведя.

Живут-поживают. Сказка дальше, я ближе.

НЫЛ ЙОЛТАШ

Иленыт кува ден кугызаже. Коктын гына иленыт. Нунын лийын агытан, комбо, тага, ӱшкыж. Куваже кугызажлан каласа:

— Шыл эрла обед кочкашат уке. Агытаным шӱшкылшаш.

Агытанет тидым колеш да эрлашыжымак чодыраш лектын куржеш. Эрдене кынелыт — агытан уке, шылын.

— Ну, эрла комбым шӱшкылына,— манып.— Агытан шылын.

Комбет тидым колеш, да тудат шылеш.

— Комбына уке, шылын. Ну, ок тол гын, эрла таганам шӱшкылына,— манып кува ден кугыза.

Тагат колеш, тудат шылын куржеш чодырашке. Ӱшкыж веле кодеш.

— Ну, кугыза, ынде чылан куржын шылыныт. Ӱшкыжна веле кодын. Ӱшкыжнам шӱшкылшаш,— манеш кува кугызажлан.

Кува ден кугызан мутланымыштым ӱшкыж колышт шоген. Эрлашыжым эрден ӱшкыжат чодыраш кудалеш.

Нуно чыланат чодыраште ик вереш чумыргат.

Шыже шуэш. Йӱштӧ лияш тӱҥалеш. Ӱшкыжет каласа:

— Тыге кылмен колена. Давай пӧртым ыштена.

— Э, мый ом полшо, мыйын пунем шокшо,— манеш агытанже.

Ӱшкыж комбо деч йодеш.

— Э, мыйын мамыкем шокшо,— манеш комбыжо.

Ӱшкыж тага деч йодеш. Тагаже манеш:

— Мыйын межем пеш шокшо.

Ӱшкыж пӧртым ыштен шында шкетак, пурен шогалеш. Омсажат ямде.

Теле толын шуэш. Эн ондак агытан толеш.

— Эй, ӱшкыж родо, мыйым пурто,— манеш.

— Ом пурто,— манеш ӱшкыж.— Тыйын пунет шокшо вет, шкендын пунет ырыкта.

— От пурто гын, тувраш рокетым удырен пытарем,— манеш агытан.

— Ну, пуро,— ӱшкыж пурта агытаным.

Агытан кашташ кӱзен шинчеш, мурен веле шинча.

Комбо толеш.

— Ну, ӱшкыж родо, пурто,— манеш.

— Мо тый,— манеш ӱшкыж,— «шокшо мамыкем уло» майыч вет! Молан толынат? Ом пурто!

— От пурто гын, мый тыйын регенчетым кӱрын пытарем,— манеш комбо.

Ӱшкыж комбымат пурта. Тага толеш.

— Ӱшкыж родо, кузе-гынат,— манеш тага,— пурто.

— Ом пурто,— манеш ӱшкыж.

— От пурто гын, чыла пусакетым, тӱкен, сӱмырен пытарем,— манеш тага.

Ӱшкыж тудымат пурта.

Телым чылан пырля илат. Агытанет мураш тӱҥалеш.

Тидым чоя рывыж колеш. Тудо шкетак пурен ок кертат, маска дек куржеш.

— Вот тушто-тушто, маска родо, ик пӧрт уло. Тушто илат ӱшкыж, тага, комбо, агытан,— манеш рывыж.— Мылам агытан ден комбыжат сита, молыжым тый кочкат.

Маскатым конда рывыжет вӱден. Маска толеш. Омсам шӱкал пурен кая. Ӱшкыжет савырна да маскам тӱкыж дене ишыктен шында. Тагаже мӱшкыржым тӱка чот. Комбыжо давай шинчажым чӱҥгаш. Агытанет «Кыток-кыт-кыт!» кычкырен шинча. Эй, маскат лӱдмыж дене лектын кудалеш. Шӱлешт-шӱлешт, пыкше гына рывыж дек миен шуэш. Рывыжше йодеш:

— Пашат вара кузерак?

— Эй, юмо серлаге! — манеш маска.— Иктыже ухват дене ишен шындыш, весыже мӱшкырем гыч ӱш дене кырыш, кумшыжо «шинчадам луктам, шинчадам луктам» мане. А иктыже кычкырыш: «Кондыза тышке-е! Кондыза тышке-е!» Тудетлан пуат ыле гын, йӧршын пуштын пытарат ыле,— манын, пыкше ойла маска.

Нунын деч маска ден рывыж чотак лӱдын улыт. Агытан, комбо, тага, ӱшкыж чодыраштак илаш кодыт. Тиддеч вара нуным тетла нимогай янлык лӱдыкташ тоштын огыл.

Йомак — умбак, мый — тембак.

Катык кӱмыж — конгамбак.

ЧЕТЫРЕ ТОВАРИЩА

Жили-были старик со старухой. У них были петух, гусь, баран и бык. Говорит старуха своему старику:

— У нас мясо кончилось. Зарежем петуха!

Услышал петух об этом разговоре да на следующий же день убежал в лес. Утром встали — петуха нет, скрылся.

— Ну, тогда завтра зарежем гуся,— говорят.

Услышал гусь об этом и тоже скрылся.

— Нашего гуся нет, сбежал. Ну, если не вернется, завтра заколем барана,— говорят старик со старухой.

И баран услышал их разговор, он тоже удрал в лес. Остался только один бык.

— Ну, старик, теперь все убежали и скрылись от нас. Остался у нас один бык. Заколем быка,— говорит старуха своему старику.

Бык стоял неподалеку и услышал разговор старика со старухой. На следующий день утром убежал и бык в лес.

Собрались они все вместе в лесу в одном месте. Приближалась осень. Становилось холодно. Бык и говорит:

— Так все мы сдохнем. Давайте построим дом.

— Э, я не буду помогать, у меня перья теплые,— говорит петух.

Бык обращается к гусю.

— Э, у меня пух теплый,— говорит гусь.

Бык обращается к барану. Баран говорит:

— У меня шерсть очень теплая.

Быку пришлось строить дом одному. Вошел он в дом. И дверь готова.

Наступила зима. Самым первым объявился петух.

— Эй, брат бык, пусти меня,— говорит петух.

— Не пущу,— говорит бык.— У тебя ведь перья теплые, перья тебя греют.

— Не пустишь — всю завалинку разгребу,— говорит петух.

— Ну, заходи, что ли.

Бык впустил к себе петуха. Забрался петух на шесток и запел.

Пришел гусь.

— Ну, брат бык, пусти,— просится гусь.

— Ты ведь сказал, что у тебя есть пух теплый. Зачем пришел? Не пущу!

— Не пустишь — я весь мох в твоем доме повытаскиваю!

Пустил к себе бык и гуся. Пришел баран.

— Брат бык,— говорит баран,— пусти меня.

— Не пущу,— говорит бык.

— Не пустишь — все углы твоего дома рогами развалю! — говорит баран. И его впустил бык к себе.

Зажили они зимой все вместе. Петух начал петь. Ведь снизу петуха обогревает.

Услышала хитрая лиса об их житье-бытье. Да не может она одна попасть в дом. Побежала к медведю.

— Вот там-то там, брат медведь, есть дом один. В том доме живут бык, баран, гусь и петух,— гово-

рит лиса.— Мне бы хватило и петуха с гусем, а остальных ты съешь.

Привела лиса медведя к их дому. Ворвался медведь в дом. Тут бык рогами своими крепко прижал медведя к стене, баран со всей силой стал бодать его. Гусь давай клевать глаза, а петух сидит и кричит: «Кыток-кыт-кыт!»

Перепугался медведь сильно, еле вырвался из их дома и убежал подальше. Еле дыша, кое-как доплелся он до лисы. А лиса спрашивает его:

— Ну, как дела твои?

— Ой, сохрани, господи! — говорит медведь.— Один прижал меня ухватом, другой колотил по животу колотушкой, третий кричал: «Вырву глаза твои! Вырву глаза твои!» А четвертый кричал: «Подайте его сюда-а! Подайте его сюда-а!» Если бы меня подали ему, то они совсем бы меня убили,— говорит медведь, задыхаясь.

Медведь и лиса сильно перепугались. Петух, гусь, баран, бык остались жить в лесу. После этого ни один зверь не осмеливался трогать их.

Сказка — прочь, а я — тут.

Битое блюдо — на печь.

ОШ ВӸЛЬӦ

Ожно, мемнан уке годым, иленыт улмаш кугыза ден кува. Нунын икшывышт ик ӱдыр веле улмаш. Кува ден кугыза коктынат колен колтат. Ӱдырышт тулыкеш кодеш. Тулык ӱдыр суртшо гыч лектеш да шинча куш онча, туш кая. Каен-каен, ялыш миен шуэш. Ик кува шыдаҥым шиэш улмаш. Кува деке идымыш пура.

— Кувай, пашат ушныжо! — манеш.

— Тау лийже, ӱдырем! — манеш кува.

— Ик шыдаҥ пырчетым пуэт, кувай?

— Нал, ӱдырем! — манеш кува.

Тулык ӱдыр ик пырче шыдаҥым налеш да кая. Каен-каен, кас лиеш, ялыш шуын, ик кува деке малаш пура.

— Кувай, шыдаҥ пырчем куш пыштем? — манеш.

— Чыве вӱташ пыште, ӱдырем!

Ӱдыр шыдаҥ пырчым чыве вӱташ пышта. Йӱдым чыве шыдаҥ пырчым кочкын. Эрдене кынелыныт — шыдаҥ пырче уке.

— Кувай, шыдаҥ пырчем куш лийын? — манеш ӱдыр.

— Чыве кочкын дыр, ӱдырем. Ынде олмешыже ик чывем нал.

Ӱдыр чывым налын кая. Каен-каен, кас лиеш, адак ик ялыш шуэш, кува деке малаш пура.

— Кувай, чывем куш петырем? — манеш.

— Лудо вӱташ петыре, ӱдырем! — манеш кува.

Йӱдым лудо чывым чӱҥгал пуштын. Эрдене кынелыныт — чыве колен.

— Кувай, лудет чывым чӱҥгал пуштын, олмешыже мом пуэт? — манеш ӱдыр.

— Чыве олмеш йӧратыме лудем налат ынде, ӱдырем! — манеш кува.

Ӱдыр лудым налеш да мурен-мурен кая:

Шыдаҥ гычын чывым нальым,
Чыве гычын лудым нальым.

Каен-каен, кас лиеш, адак ик кува деке малаш пура.

— Кувай, лудем куш петырем? — манеш ӱдыр.

— Комбо вӱташ петыре, ӱдырем.

Лудым ӱдыр комбо вӱташ петыра. Йӱдым комбо лудым чӱҥгал пуштын. Эрдене ӱдыр онча — лудо колен.

— Кувай, комбет лудым чӱҥгал пуштын. Лудем олмеш мом пуэт?

— Комбем налат огыла, ӱдырем.

Ӱдыр комбым налеш да мурен-мурен кая:

Шыдаҥ гычын чывым нальым,
Чыве гычын лудым нальым,
Лудо гычын комбым нальым.

Каен-каен, кас лиеш, ӱдыр адак ик кува деке малаш пура. Комбым тага вӱташ петырат. Тага йӱдым комбым ӧрген пуштын. Кува ӱдырлан комбо олмеш тагам пуа. Ӱдыр тагам налеш да мурен-мурен кая:

Шыдаҥ гычын чывым нальым,
Чыве гычын лудым нальым,
Лудо гычын комбым нальым,
Комбо гычын тагам нальым.

Тагам вӱден, ӱдыр адак кас марте кая. Кастене ик кува деке малаш пура. Тагам ӱшкыж вӱташ петыра. Йӱдым ӱшкыж тагам ӧрген пуштын. Эрдене ӱдыр ойла:

— Кувай, ўшкыжет тагам örген пуштын, ынде мом пуэт?

— Ўшкыжем налат огыла ынде, ўдырем!

Ўшкыжым налын, ўдыр мурен-мурен кая:

Шыдаҥ гычын чывым нальым,
Чыве гычын лудым нальым,
Лудо гычын комбым нальым,
Комбо гычын тагам нальым,
Тага гычын ўшкыжым нальым.

Адак кас марте каен, ўдыр ик кува деке малаш пура, ўшкыжым ош вӱльӧ вӱташ петыра. Йӱдым ош вӱльӧ ўшкыжым чумен пуштын. Кува эрдене ўдырлан ўшкыж олмеш вӱльым пуа. Ўдыр ош вӱльым орваш кычка да мурен-мурен кая:

Шыдаҥ гычын чывым нальым,
Чыве гычын лудым нальым,
Лудо гычын комбым нальым,
Комбо гычын тагам нальым,
Тага гычын ўшкыжым нальым,
Ўшкыж гычын ош вӱльым нальым.

Ўдыр, каен-каен, урым вашлиеш.

— Акай, мо мотор мурым мурет? — манеш ур.

— Орвашкем шинчат гын, тылечат сай мурым муралтем,— манеш ўдыр.

Ур орваш шинчеш. Адак каят-каят, мераҥым вашлийыт.

— Акай, мо сай мурым мурет? — манеш мераҥ.

— Орвашке шинчат гын, тылечат сай мурым муралтем,— манеш ўдыр.

Мераҥ орваш шинчеш. Ынде кумытын каят, рывыжым вашлийыт. Рывыж ойла:

— Акай, мо сай мурым мурет?

— Орвашке шинчат гын, тылечат сай мурым муралтем.

Рывыж орваш шинчеш. Каят-каят, пирым, маскам вашлийыт, нунымат орвашке шындат; варажым шордым вашлийыт, тудымат ўдыр орвашке шында да мурен-мурен кая. Орва торта пудырген кая. Ўдыр урым чодыраш торта руаш колта. Уржо пӱкшерме вошты-рым конда. Мераҥым колта — шопке вошты-рым конда; рывыжым колта — коля йолвургым конда; пирым колта — пий йолвургым конда; маскам колта — тумо кашкам конда; шордым колта — шоло укшым конда. Вара ўдыр сыра да торталан шке кая. Тудын уке шеҥгеч чодыра янлык-влак ош вӱльын кӧргыжым

кочкын пытарат, лужо ден коваштыжым веле кодат, ныл тоя дене чараклен шогалтат, кӧргышкыжӧ олымым шӱшкын шындат. Шкешт шылыт. Ӱдыр торталыкым конда, тортам ачален, вӱльым покта — вӱльӧ ок тарване, шӱкал колта — вӱльӧ йӧрлеш.

Ӱдыр, важык кутыш вынемым кӱнчен, кудло шӱльӧ кутыш керемым пунен, ош вӱльым орважге вынемышке шӱкал колта да мурен шинча:

Шыдаҥ гычын чывым нальым,
Чыве гычын лудым нальым,
Лудо гычын комбым нальым,
Комбо гычын тагам нальым,
Тага гычын ӱшкыжым нальым,
Ӱшкыж гычын ош вӱльым нальым.

Ӱдыр мурымашке ур адак толеш.

— Акай, мо сай мурым мурет? — манеш.

— Чакрак тол-ян, тылечат сай мурым муралтем,— манеш ӱдыр.

Ӱдыр деке ур чакак мия, ӱдыр тудым вынемышке шӱкал колта. Мераҥ толеш, тудымат шӱкалеш; пире толеш, тудымат шӱкалеш; маска толеш, тудымат шӱкалеш; шордо толеш, тудымат вынемыш шӱкалеш. Вынемеш чыла чодыра янлык колен пыта. Ӱдыр нунын коваштыштым ньыктын налеш, кугыжан кугу пазарыш намиен ужала, налме оксаж дене пеш чот поя. Поян лиймекыжат, тудо мурыжым мура:

Шыдаҥ гычын чывым нальым,
Чыве гычын лудым нальым,
Лудо гычын комбым нальым,
Комбо гычын тагам нальым,
Тага гычын ӱшкыжым нальым,
Ӱшкыж гычын ош вӱльым нальым,
Чодыра янлык гычын
Кугыжан кугу казнам нальым.

БЕЛАЯ КОБЫЛА

В старину, когда нас еще не было, жили-были старик со старухой. У них была одна-единственная дочь. Старик со старухой умерли. Дочь у них в сиротах осталась. Девочка-сиротка оставила дом и отправилась куда глаза глядят. Шла-шла, дошла она до одной деревни. Одна старуха молотила пшеницу. Зашла сиротка к старухе на гумно.

— Пусть твоя работа спорится, тетушка! — сказала сиротка.

— Спасибо, дочь моя,— ответила старушка.

— Не дашь ли мне, тетушка, зернышка пшеницы?

— Возьми, дочка! — говорит старушка.

Сиротка взяла зернышко пшеницы и пошла дальше. Шла она, шла, настал вечер, дошла до деревни и попросилась на ночлег к одной старушке.

— Тетушка, куда положу зернышко пшеницы? — говорит сиротка.

— Положи, дочка, в курятник!

Девочка зернышко пшеницы оставила на ночь в курятнике.

Ночью курица склевала зернышко пшеницы. Поутру встали — зернышка пшеницы нет.

— Тетушка, куда пропало зернышко пшеницы? — спрашивает девочка.

— Наверное, курица склевала, доченька. Возьми за него теперь одну курочку.

Взяла девочка курочку и ушла. Шла-шла, настал вечер, дошла она опять до одной деревни, попросилась на ночлег к старушке.

— Тетушка, куда запру курочку? — говорит.

— Запри в хлев к уткам, доченька! — говорит старушка.

Ночью утка заклевала курочку. Поутру встали — курочка мертва.

— Тетушка, твоя утка заклевала курочку, что дашь за нее? — говорит девочка.

— За твою курочку, доченька, уж возьми мою любимую уточку! — говорит старушка.

Взяла девочка уточку и пошла, распевая:

За зернышко пшеницы курочку взяла,
За курочку уточку взяла.

Шла-шла, настал вечер, зашла она опять ночевать к одной старушке.

— Тетушка, куда запру свою уточку? — говорит девочка.

— Запри, доченька, в хлев к гусочке.

Заперла девочка уточку в хлев к гусочке. Ночью гусочка заклевала уточку. Утром девочка смотрит — уточки нет.

— Тетушка, твоя гусочка заклевала уточку. Что дашь за уточку?

— Возьми, дочка, гусочку, что ли...

Взяла девочка гусочку и пошла, распевая:

За зернышко пшеницы курочку взяла,
За курочку уточку взяла,
За уточку гусочку взяла.

Шла-шла, настал вечер, девочка опять зашла ночевать к одной старушке. Гусочку заперли вместе с бараном. Ночью баран забодал гусочку. За гусочку старуха девочке отдала барана. Девочка взяла барана и пошла, распевая:

За зернышко пшеницы курочку взяла,
За курочку уточку взяла,
За уточку гусочку взяла,
За гусочку барана взяла.

Вечером зашла к одной старушке ночевать. Заперла барана в хлев к бычку. Ночью бычок забодал барана. Утром девочка говорит:

— Тетушка, твой бычок забодал барана. Что теперь за него отдашь?

— Бычка моего возьмешь теперь, что ли, доченька!..

Повела девочка бычка, распевая:

За зернышко пшеницы курочку взяла,
За курочку уточку взяла,
За уточку гусочка взяла,
За гусочку барана взяла,
За барана бычка взяла.

Шла девочка опять до наступления вечера, зашла к одной старушке ночевать, заперла бычка в хлев к белой кобыле. Ночью белая кобыла залягала бычка насмерть. Утром старуха за бычка девочке отдала белую кобылу. Запрягла девочка белую кобылу в тележку и поехала, распевая:

За зернышко пшеницы курочку взяла,
За курочку уточку взяла,
За уточку гусочку взяла,
За гусочку барана взяла,
За барана бычка взяла,
За бычка белую кобылу взяла.

Ехала-ехала, встретила девочка белку.

— Сестрица, как красиво поешь! — говорит белка.

— Сядешь в телегу — еще лучше спою! — говорит девочка.

Села белка в телегу. Едут-едут, встречают зайца.

— Сестрица, как красиво поешь! — говорит заяц.

— Сядешь в телегу — еще лучше спою! — говорит девочка.

Сел заяц в телегу. Теперь едут втроем, встречают лису. Лиса говорит:

— Сестрица, как красиво поешь!

— Сядешь в телегу — еще лучше спою!

Села лиса в телегу. Едут-едут, встречают волка, медведя — их тоже сажают на телегу; дальше встречают лося, его девочка тоже сажает на телегу да опять едет, распевая.

Тут у телеги сломалась оглобля. Девочка отправила белку срубить шест для оглобли. Белка принесла прут орешника. Девочка отправила зайца — тот принес прут осины; послала лису — приносит мышиную ножку (голень); послала девочка волка — тот приносит собачью ножку; послала девочка медведя — медведь приносит дубовый кряж; отправила лося — приносит сук вяза. Тогда девочка рассердилась и пошла сама за жердью для оглобли.

Тем временем лесные звери съели у белой кобылы внутренности, оставили от нее кости да шкуру, подперев их четырьмя шестами и набив кобылу соломой. Сами попрятались.

Девочка принесла жердь для оглобли. Починив, принялась погонять кобылу — а кобыла ни с места. Подтолкнула — «кобыла» и свалилась.

Девочка выкопала яму длиной в сажень, свила веревку длиной в шестьдесят обхватов, опрокинула кобылу вместе с телегой в яму и запела:

За зернышко пшеницы курочку взяла,
За курочку уточку взяла,
За уточку гусочку взяла,
За гусочку барана взяла,
За барана бычка взяла,
За бычка белую кобылу взяла.

На пение девочки опять вышла белка.

— Сестрица, как красиво поешь! — говорит она.

— Поди ближе, еще лучше спою,— говорит девочка.

Приблизилась белка, тут девочка и столкнула ее в яму.

Пришел заяц, и его девочка столкнула в яму. Пришел волк, и его столкнула; появился медведь, и он оказался в яме; появился лось, и он попал туда же. Все лесные звери очутились в яме и там подохли.

Девочка содрала с них шкуры, продала их на большой царской ярмарке — стала очень богатой.

Став богатой, она ту же песню поет:

За зернышко пшеницы курочку взяла,
За курочку уточку взяла,
За уточку гусочку взяла,
За гусочку барана взяла,
За барана бычка взяла,
За бычка белую кобылу взяла,
За лесных зверей
Царскую большую казну взяла.

КАЗА, ТАГА ДА ПЫРЫС

Ик куван улмаш казаже, тагаже да пырысыже. Икана пырыс, нӧрепыш пурен, куван шӧрӱмбалым кочкын. Кува нӧрепыш пурен онча — шӧрӱмбал нимат кодын огыл. Кува нӧреп гыч пӧртыш толын пура, пырыс комака ӱмбалне кия. Пырысым комака ӱмбач кучен волта, поч гычше куча да, кӱзанӱштым налын, вурсен-вурсен, пырысым кыраш тӱҥалеш:

— Вожылдымо, тегыт шӱргӧ, молан шеҥат, нӧрепыште шӧрӱмбалым молан кочкынат?! Вет вашке семык шуэш, уна толешат, уналан мом пукшем?! Ны ӱй ок лий, ны торык ок лий, кеч казам, кеч тагам шӱшкыл ынде,— манын, кырен-кырен, пырысым тӱгӧ луктын шуа.

Пырыс леваш йымак шинчеш да шорташ тӱҥалеш. Каза ден тага пырыс дек миятат, йодыт:

— Молан шортат?

— Кувай кырыш,— манеш пырыс.

— Молан кырыш? — йодыт каза ден тага.

— Нӧрепыш пурен, шӧрӱмбалым кочкым, садлан вурсен-вурсен кырыш. Семык шуэшат, уна толеш, уналан мом пукшем, каза ден тагам шӱшкылде вер уке манын кырыш,— манеш пырыс.

Каза ден тага пырысым вурсаш тӱҥалыт:

— Ынде коя логарет верчын мемнам шӱшкылыктет!

Вурсен чарнымеке, кумытын ойым ыштат, кузе кува деч утлаш. Каза манеш:

— Семык эртымеш чодыраш каена.

Чыланат тиде мутлан келшат.

Эрдене кува каза ден тагам пасуш луктын колта. Пасушто кумытынат вашлийыт, погынен шогалыт, канашым ыштат. Каза пондашыжым рӱзалтен пелешта:

— Мыйын пондаш кугу, мыйым колышташ кӱлеш.

— Мыйын ӧрышем кужу, мыйымат колышташ лиеш,— манеш пырыс.

— Уке, тый гает коя логарым колыштат гын, вует кошарга,— манеш тага.

Чыланат ӱчашаш пижыт, туге гынат кугыраклан казам шогалтат. Чыланат почела каят: ончыч каза, вара пырыс, эн почеш тага. Корно дене чодыраш ошкылыт. Кайышыштла, корнышто пире вуйгоҥгырам верештыт.

— Тиде вуйгоҥгырам налаш кӱлеш,— манеш каза.

Вуйгоҥгыра воктен чумырген шогалыт да адак ӱчашаш тӱҥалыт, кӧлан вуйгоҥгырам нумалаш.

— Мый кугырак улам,— манеш каза, тулеч поснат паша сита мылам.

— Мый изи улам, нумал ом керт,— манеш пырыс.

Пире вуйгоҥгырам тагалан нумалаш перна.

Вуйгоҥгырам тага тупеш сакалтат, умбаке каят. Ваштарешышт пире чодыра гыч лектын шогалеш. Каза, лӱддымын койын, пире ваштареш ошкылеш, почешыже молыштат огыт код. Пире толын шуэш.

— Куш каеда, родо-влак?! — манеш.

Каза пондашыжым рӱзалта.

— Уна, ик пирым кочкын пытарышна, ынде весым кычал каена. Йӧра тый шке толын лектыч,— манеш каза.

Пире лӱдмыж дене почшым веле шуялта — кудалаш тӱҥалеш.

— Кучыза, кучыза! — почешыже каза кычкыра.

Пырыс, йӧрлын каен, пӧрдал-пӧрдал воштылеш. Тага пире вуйым, кӱш нӧлтен, рӱзен шога.

— Ну, чылт ия улат,— манеш казалан пырыс.

— Чоялык деч посна ок лий,— манеш каза.

Куанымышт дене корно мучко воштыл-воштыл каят. Чодыраш шушаш веле — чодыра тӱрыштӧ маска койылалта.

— Ого, могай кугу шорык коштеш,— манеш тага.

— Шорык? Сайынрак ончал-ян,— манеш каза.

— Маска! — манеш пырыс.

Маска нуным ужын кодеш, нунын дек мия.

— Куш тыге каеда? — йодеш маска.

Каза пондашыжым рӱзалта да пелешта:

— Пире ден маскам кычалына, уна, корнеш тиде пирым кочкын улына,— тага тупысо пире коҥгырам ончыкта.

Маска савырна да чодырашке шикшалтеш.

Каза, тага да пырыс чодыра тӱреш малаш шогалыт. Пырыс манеш:

— Малаш кож вуйыш кӱзена, тушко иктат ок кӱзӧ, иктат ок уж мемнам.

Пырыс кож вуйыш кӱза, почешыже каза; тага кӱзен ок керт. Пырыс ден каза волат да тагамат нӧлтен кӱзыктат.

Пире, каза, тага да пырыс деч утлен кудалмекыже, рывыжым вашлиеш:

— Эй, кума, илыш ынде мыланна пытыш: каза, тага да пырыс пирым кочкаш кычал коштыт.

— Эй, анҕыра, пирым нуно кунам кочкын сеҥат, ондалат, айда нуным кычал каена,— манеш рывыж.

Пире ден рывыж каза, тага ден пырысым кычал каят. Кычал кайышыштла, маскам вашлийыт.

— Ну, родо-влак,— манеш маска, — мыланна илыш пытыш вет: каза, тага да пырыс деч чуч-чуч кудал утлышым.

— Колат, кума? — манеш пире.

— Эй, ораде-влак,— манеш рывыж,— айста ӱпшышт дене каена, вет мыланна кас кочкыш лиеш.

Чыланат, рывыжым колыштын, почешыже каят. Корныш лектыт, кыша дене каят. Каен-каен, кыша пыта. Кож тӱҥеш погынен шинчыт. Рывыж мужедаш шинчеш.

— Маска, ӱштетым пу-ян, мый ӱштӧ дене мужедам,— манеш рывыж.

Маска рывыжлан ӱштыжым пуа. Рывыж мужедаш тӱҥалеш. А кож вуйышто тага пеш чот лӱдын, йолжо чытыраш тӱҥалеш.

— Ой, камвозам,— манеш тага.

— Ит лӱшкӧ,— чарат каза ден пырыс.

Туге гынат таган йолжо кож укш гыч мучыштен кая да тага ӱлык камвозеш.

Кож вуй гыч каза ден пырыс кычкырат:

— Мужедшыжым кучо! Мужедшыжым кучо!

Рывыж почым веле шуялта — кудалынат колта, почешыже пире ден маскат кудал колтат.

Семык пайрем эртымеке, тага, каза да пырыс чыланат кува деке толын пурат. Кува нуным шортын-шортын пурта.

— Куштo коштыда? Вет арня ынде шуэш,— манеш.

Кува тулеч вара пырысым вурсен огыл, а шӧрӱмбалжым сайынрак петыраш тӱҥалын.

КОЗА, БАРАН И КОТ

Жила одна старушка. У нее были коза, баран и кот. Однажды кот забрался в погреб и съел сметану. Старушка спустилась в погреб и видит — сметаны вовсе не осталось. Старушка вошла в дом, стащила кота с печи, взяла за хвост и, ругая, стала бить его:

— Бесстыдник, зачем шныряешь где не надо? Зачем в погребе слопал сметану? Ведь скоро праздник семик. Гости придут, чем я тогда их угощу?! Ни масла, ни творога не будет. Уж придется тогда резать козу да барана,— причитает старушка.

Кот вышел под навес и стал плакать. Пришли коза и баран, спрашивают:

— Кот, отчего ты плачешь?

— Хозяйка побила,— говорит кот.

— Отчего же побила?

— За то, что я забрался в погреб и съел сметану. Скоро праздник наступит, гости придут, чем я их угощу, сказала хозяйка. Тогда придется, сказала, зарезать козу и барана,— говорит кот.

Коза и баран начали кота бранить:

— Теперь из-за твоей жадности нас зарежет!

Стали они думать втроем, как спастись от хозяйки. Коза говорит:

— До начала праздника уйдем в лес.

С этим предложением все согласились.

Утром старушка выпроводила козу и барана на волю, в поле. Там, в поле, все трое стали советоваться. Коза, качая бородой, говорит:

— У меня борода большая, поэтому меня слушаться должны.

— У меня усы длинные, и меня слушаться можно,— говорит кот.

— Нет уж, такого как ты, ненасытного, будешь слушаться — голову потеряешь,— говорит баран.

Все заспорили. Поспорив, выбрали за старшего козу. Отправились друг за другом по дороге в лес: впереди идет коза, за ней — кот, последним — баран. И тут на дороге они нашли волчий череп. Встали вокруг черепа и заспорили опять, кому же нести череп.

— Я — старшая, мне и без того дел хватает,— говорит коза.

— Я ростом не велик, не могу нести,— говорит кот.

Пришлось барану нести череп. Повесил он череп на рога свои. Пошли дальше. Навстречу им из лесу вышел волк. Коза направилась навстречу волку, как будто не боится; не отстают и другие.

— Куда вы идете, друзья? — спрашивает волк.

Коза покачала бородой.

— Видишь, одного волка съели, идем искать другого. Хорошо, что ты сам пришел,— говорит коза.

С испугу волк тут же пустился наутек.

— Держите, держите! — закричала вслед волку коза.

Кот, кувыркаясь, смеется. Баран, подняв волчий череп, стоит и машет им.

— Ну, вылитый черт ты! — говорит козе кот.

— Без хитрости тут не обойтись нам,— говорит коза.

Отправились они дальше. Встретили медведя.

— О-о, какая большая овца бродит! — говорит баран.

— Посмотри внимательней! — говорит коза.

— Медведь! — крикнул кот.

Медведь увидел их и тоже направился им навстречу.

— Куда вы путь держите, друзья?! — спрашивает медведь.

Коза покачала бородой и говорит:

— Мы ищем волков и медведей; видишь, по дороге съели одного.

Тут баран волчий череп поднес медведю под самый нос и покачал им. Медведь удрал в лес.

Коза, баран и кот расположились на ночлег у опушки леса. Кот взобрался на вершину ели.

— Сюда никто не сможет влезть, и никто здесь не заметит,— говорит кот.

За котом и коза взобралась на вершину ели, один баран не может взобраться к ним. Спустились коза и кот вниз и подняли барана наверх.

Тем временем волк встретил лису.

— Эх, кума, теперь нам жизни нет,— говорит он.— Коза, баран и кот нас уничтожат.

— Э, глупый ты, разве они волка могут съесть?! Пошли поищем их,— говорит лиса.

Отправились волк и лиса на поиски козы, барана и кота. По дороге они встретили медведя.

— Ну, друзья, нам жизни больше нет. Еле спасся я от козы, барана, кота,— говорит медведь.

— Э, глупые вы! Пошли искать их по запаху. Если найдем, нам на ужин еда будет,— говорит лиса.

Все отправились за лисой на поиски барана, козы и кота. Вышли на дорогу и пошли по их следам. Шли-шли и дошли они до ели. Тут и следы пропали. Села лиса ворожить, гадать.

— Медведь, дай-ка свой пояс, я погадаю на поясе,— говорит лиса.

Медведь отдал лисе свой пояс, лиса начала гадать.

— Ой, сейчас упаду, свалюсь,— говорит на дереве баран.

— Не шуми,— успокаивают его коза и кот.

Но ноги у барана все равно соскользнули с ветки ели, и баран полетел вниз. С верхушки ели коза и кот вслед кричат:

— Ворожею лови! Ворожею лови!

Тут лиса услышала крик и пустилась наутек. Вслед за ней удрали и волк с медведем.

После праздника коза, баран и кот вернулись к старушке. Старушка, плача и рыдая, пустила их домой.

— Где вы были до сих пор, где пропадали; уж месяц прошел, как вас не было?! — говорит старушка.

С тех пор старушка кота больше не ругала, только стала сметанку хорошенько закрывать.

Сказка дальше, я — ближе.

РЫВЫЖ ДЕН КИСА

Ожно рывыж ден киса пеш кугу таҥ лийыныт. Икана рывыжын мӱшкыржӧ пеш чот шужен. Кочкаш кычалын-кычалын, муын кертын огыл. Эрдене эрак тудо киса деке кая да ойла:

— Таҥем, мӱшкырем пеш шужен, иктаж-мом кочкаш от му гын?

— Айда,— манеш кисаже,— муам.

Каят корно дене.

— Тый кай, шыл уржа лоҥгашке,— манеш киса,— корным эскере.

Рывыж уржа лоҥгаш пурен возеш да корныш ончен кия. Киса корно ӱмбалне тӧрштылаш тӱҥалеш.

Ик вате нурышко кочкаш нангая. Ик ведраштыже лашка, вес ведраштыже шӧр улмаш. Киса корныш лектешат, вате ончыч тӧрштыл-тӧрштыл кая. Вате кисам ужешат, кок ведражге корнеш шында да кисам покташ тӯнгалеш. Тудын шенгеч рывыж лашкат, шӧрет — чыла кочкын пытара. Рывыжын кочкын темыжым ужмеке, киса корно гыч кынел кая. Вате яраш кодеш.

Вара киса ден рывыж вашлийынытат, рывыж кисалан ойла:

— Ну, танем, мӱшкырем темышыч, ынде воштылмем шуэш, воштылто.

— Йӧра,— манеш киса.

Киса рывыжым идымышке нангая. Киса ик шийшын вуйыш миен шинчеш. Вес шийше йолташыже вуйыштыжо кисам ужеш да сапондо дене перен колта. Киса весын вуйыш чонгештен шинчеш. Кумшо шийшыже йолташыжын вуйыштыжо кисам ужеш да, кисам перем манын, йолташыжым вуйжо гыч тазанак перен колта. Вара чыланат икте-весыштым ваш-ваш перкалаш тӯнгалыт. Рывыж идым серыште шинча, улнен каен воштылеш.

Идым гыч лекмеке, рывыж кисалан ойла:

— Ну, танем, мӱшкырем темышыч, воштылтышыч, ынде лӱдыктӧ мыйым.

— Йӧра,— манеш киса.

Уремыш пурат. Киса капка ӱмбак кӱзен шинчеш, рывыж ӱлнӧ шинча. Кисаже мура:

— Чи-чи-чи-чи, костирик!

— Тый мом мурет, ала пийым кычкырет? — йодеш рывыж.

— Уке, мыйын мурем тугае,— манеш киса.

Киса адак изиш шинча да мураlта:

— Чи-чи-чи-чи, костирик!

— Тый мом мурет, ала пийым кычкырет? — рывыж адак йодеш.

— Уке,— манеш киса,— мыйын мурем тугае.

Изиш лиймеке, кок кугу пий капка йымач лектыт да рывыжым покташ тӯнгалыт. Рывыж кудалеш, пийвлак кудалыт. Рывыж пыкше утла.

Киса капка ӱмбач чодыраш чонгештен кая, тушто рывыжым ужеш. Рывыжше кисалан ойла:

— Ну, танем, тыланет ынде тау: пукшышыч, воштылтышыч да лӱдыктышыч. Тый ынде шке семынет иле, мыят шке семынем илаш тӯнгалам.

Тылеч вара рывыж ден киса курымеш ойырленыт.

ЛИСА И СИНИЧКА

Когда-то лиса и синичка были хорошими друзьями. Однажды лисе очень захотелось есть. Искала-искала она себе еду, но никак найти не смогла. Рано утром лиса пошла к синичке и пожаловалась:

— Подружка моя, сильно проголодалась я. Не найдешь ли мне чего поесть?

— Айда,— говорит синичка,— найду.

Вышли они на дорогу и дошли до ржи.

— Ты иди, спрячься во ржи,— говорит синичка,— и следи за дорогой.

Лиса затаилась во ржи и стала наблюдать. А синичка начала прыгать и скакать прямо на дороге.

В это время одна женщина несла два ведра с обедом на поле. В одном ведре — лапша, в другом — молоко. Синичка выскочила перед женщиной и начала прыгать да поскакивать. Заметив перед собой синичку на дороге, женщина побежала за ней, оставив ведра с едой на дороге. Тем временем лиса выбежала изо ржи, принялась за еду и всю ее съела.

Когда лиса наелась, синичка улетела с дороги. Женщина осталась ни с чем.

Потом и говорит лиса синичке:

— Ну, подружка моя, накормила ты меня досыта. А теперь хочется мне посмеяться. Рассмеши меня.

— Хорошо,— говорит синичка.

Повела синичка лису на гумно. Подлетела к одному работнику, села на его голову. Другой работник увидел на голове соседа синичку и ударил цепом по его голове. Синичка улетела и села на голову другого работника. Третий работник захотел было убить ее, замахнулся, но синичка в это время вспорхнула, и работник вместо синички стукнул по голове соседа. Тут работники поссорились между собой и начали колотить друг друга.

А лиса сидела на краю гумна и покатывалась со смеха.

Ушли они из гумна, лиса говорит синичке:

— Ну, подружка моя, накормила ты меня, рассмешила, а теперь попробуй напугать меня.

— Хорошо,— говорит синичка.

Вышли они на улицу. Синичка села на ворота, а лиса осталась внизу под воротами. Синичка запела:

— Чи-чи-чи-чи, костирик!

— О чем ты поешь, собак, что ли, зовешь? — спрашивает лиса.

— Да нет, песенка моя такова,— говорит синичка.

Посидела немного и опять запела:

— Чи-чи-чи-чи, костирик!

— О чем ты поешь, собак, что ли, зовешь? — опять спрашивает лиса.

— Нет,— говорит синичка,— песенка моя такова.

Тут выбежали из подворотни две огромные собаки и погнались за лисой. Лиса бежит, собаки — за ней.

Еле спаслась лиса. А синичка улетела в лес и там вновь встретилась с лисой. Говорит лиса синичке:

— Ну, подружка моя, спасибо тебе большое: ты меня накормила, насмешила и здорово напугала. Ты теперь живи сама по себе, и я тоже сама по себе.

С тех пор лиса и синичка перестали дружить.

МАРИЙ, МАСКА ДА РЫВЫЖ

Ик ялыште илен улыт кува ден кугыза. Икана теле покшелне нунын пуышт пытен каен.

Кува кугызалан ойла:

— Кугыза, чодыраш пулан миен тол.

Марий имньым кычка, товар ден пилам налеш да чодырашке пу руаш кудалеш. Чодыраш миен шуэшат, кукшо кожым муэш да руаш тӱҥалеш. Трук йӱк шоктен кодеш. Кенета марий дек маска толын лектеш.

— Эй, марий, мый тыйым кочкам! — мӱгыралта маска.

Марий чот лӱдеш, товаржат кидше гыч камвозеш, лӱдмыж дене верже гычат тарванен огеш керт.

Тиде жапыште нунын воктеч рывыж кудал эрта улмаш, уала коклаште почшо дене кышажым ӱштын коштын.

Маска рывыжым ужешат, лӱдын колта. Йыр ончалеш: куржаш вараш кодын, шылаш нигуш. Изолыкышто лач марийын терже да пужо веле коеш.

— Эй, марий, мый терышкет возам, а тый мыйым тереш керем дене пидшыла кой,— ойла маска марийлан.— Кузе мый кӱштем, тыге от ыште гын, тылат уда лиеш.

— Воч,— келша марий.

Маска тереш возеш. Марий тудым пидаш тӱҥалеш, пум пидме гай.

Рывыж кудал толеш да йодеш:

— Поро лийже, кугызай. Мом тый ыштет?

— Пум пидам.

А рывыжет вигак ужын кодын, могай пум марий тереш пидеш.

— Тиде мо пуэт? — манеш рывыж.— Пум тереш оптымо деч ончыч товар дене комыляжым шелыт.

— Терыште шелам манын каласе,— йышт гына марийлан маска каласа.— Товарым налат, комылялан шелаш тӧчышыла кой. Уке гын, мый тыйым кочкам.

— Пу сорымым мый терыштак шелам,— манеш марий.

Марий товарым налеш да маскам руал колта. Маска колен колта.

МУЖИК, МЕДВЕДЬ И ЛИСА

Жили в одной деревне старик со старухой. Однажды среди зимы у них кончились дрова.

Говорит старуха старику:

— Поезжай, старик, в лес за дровами.

Запряг старик лошадь в сани, взял топор, взял пилу и поехал в лес.

Приехал он в лес, повалил елку, распилил на плахи и решил плахи на поленья колоть. Вдруг раздался треск, из чащи на поляну вышел медведь.

— Эй, мужик, я тебя сейчас съем! — зарычал медведь.

Испугался старик, топор из рук выронил, от страха не может с места двинуться.

А в это время мимо бежала лиса, между кустами петляла, пушистым хвостом след заметала.

Увидел медведь лису, испугался. Оглянулся вокруг: бежать поздно, спрятаться негде — стоят на поляночке сани с дровами старика.

— Эй, старик, я лягу в сани, а ты вяжи меня, будто вяжешь дрова,— говорит медведь старику.— Не сделаешь как велю, худо тебе будет.

— Ложись,— согласился старик.

Улегся медведь в сани. Старик принялся вязать его, словно дрова.

Подбежала лиса и говорит:

— Здравствуй, старик! Что ты делаешь?

— Дрова вяжу.

А лиса-то сразу приметила, какие дрова лежат у него в санях.

— Разве это дрова? — говорит она.— Настоящие дрова будут, когда все плахи топором на поленья расколешь.

— Скажи, что в санях расколешь,— подсказывает медведь.— Бери топор, делай вид, что плахи на поленья колешь. Нето съем тебя.

— Я плахи в санях расколю,— говорит старик.

Взял топор, размахнулся, и тут медведю конец пришел.

ПӦРДШӦ ЭГЕРЧЕ

Ик марий куважлан эгерчым ыштыкта да чодыра тӱрыш юмылан кумалаш кая. Кумалмаш верыш миен шуэш, эгерчыжым дыр-дыр-дыр пӧрдыктен колта.

Тудо эгерче пӧрдмым мераҥ ужешат, марий деке палдым-палдым кудал лектеш.

— Марий, мыйым эгерче пайышкет пуртет? — манын йодеш.

— Йӧра, пуртышаш,— манеш да марий эгерчым адак пӧрдыктен колта.

Эгерче пӧрдмым ужын, рывыж кудал лектеш.

— Марий, мыйым эгерче пайыш пурто! — манеш.

Марий рывыжымат пайыш пурта да эгерчым адак пӧрдыктен колта. Эгерче пӧрдыктымашке тугак пире кудал лектеш.

— Марий, мыйым эгерче пайыш пурто! — манеш.

Марий тудымат пайыш пурта. Вара адакат пӧрдыктен колта. Маска кудал лектеш, тудат пайыш пураш йодеш. Марий пеш сай поро кумылан: чыла кожла янлыкымат пайыш пурта.

Вара маска, пире, рывыж, мераҥ марий деке пӧрдшӧ эгерче пайлаш каят. Марий чылалан поро чонжо дене эгерчым тӧр пайлен пуа.

Рывыж, пире, мераҥ пайыштым кочкыт. Маска, лопка йолаш, ок коч, эрлан комака саҥгаш шке пайжым пыштен кода. Рывыж йӱдым кынелеш да маска пайым кочкын колта.

Эрден маска комака саҥгаш онча, э-э-э — тушеч эгерче шукертак пӧрдын каен. Вара кычалаш тӱҥалыт.

Рывыж эре чоя. «Мераҥ кочкын»,— манеш.

Мераҥым маскалан шӱшкыл пуат. Маска мераҥым огеш коч. Адак комака саҥгаш эрлан шке пайжым пыштен кода. Йӱдым рывыж тудымат кынел кочкеш.

Эрден кынелыт да адак кычалыт: кӧ кочкын да кӧ кочкын?

Рывыж кеч-куштат эре чоя. Тудо маскалан каласа: «Мераҥым, кугызай, пире кочкын»,— манеш.

Адак рывыж йылдырий ой дене маскалан пирым шӱшкыл пуат. Аҥыра маска тудымат кочкын ок мошто, эрлан комака саҥгаш шке пайжым пышта. Йӱдым рывыж кынелеш, шылтен пышта. Маска, ең кочмо деч ончыч кочкам манын, эрак кынелеш, марийымат кычкыра тул чӱкташ. Рывыжат нунын йӱк ден помыжалтше лиеш. Марий возакыште тулым кычалеш, ик шӱйыштӧ гына тул уло. Тудым чыраш тушкалтен, кутан чыр шоктымеш пуа, тул ок пиж, шӱй йӧра.

Вара рывыж, «Уна, кугызай, тул!» манын, тылчым[1] ончыкта.

— Тудо кӱшнӧ, чӱкташ ок лий,— манеш маска.

— Лиеш,— манеш рывыж да марий ден маскам нурыш наҥгая. Маскам чыра дене кож вуйыш тул чӱкташ кӱзыктат.

Маска, чыра кучен, кидшым шуя, тылчыш ок шу.

— Ой, ок шу! — манеш.

— Кугызай, чотрак шуялте! — манеш рывыж.

Маска чотрак шуялта, адак ок шу.

— Кугызай, тӧршталтенрак шуялте! — манеш рывыж.

Маска тӧршталтенрак шуялта, ӱлык крӱп каен возеш, коленат колта. Рывыж вара марийлан ковашты-жым пуа, шке шылжым налеш.

КАТЯЩАЯСЯ ЛЕПЕШКА

Один мариец велел своей старухе испечь лепешку. И пошел с ней на опушку леса молиться богу. Пришел на место моления и, дыр-дыр-дыр, начал катать лепешку. Заяц увидел катящуюся лепешку, палдым-палдым, выбежал к марийцу и говорит:

— Марий, прими меня в пай на лепешку!

— Ладно, приму,— говорит марий и опять катает лепешку.

Увидела лиса лепешку и тоже выбежала к марийцу.

---

[1] Тылче — тылзе.

— Марий, прими меня в пай на лепешку! — говорит лиса.

Принял марий и лису в пай, а сам опять катает лепешку.

Теперь это увидел волк. Он тоже говорит:

— Марий, пусти меня в пай на лепешку.

Марий и его принял, затем опять покатил лепешку. Выбегает медведь. Он тоже попросился в пай. У марийца добрая душа: он всех лесных зверей принял в пай.

Медведь, волк, лиса, заяц пошли к марийцу делить лепешку, и он каждому из зверей поровну разделил ее.

Лиса и волк съели свои доли. Медведь, широкие штаны, не ест, положил на следующий день на выступ печки над челом. Ночью лиса встала и съела медвежий пай.

Утром медведь проснулся, посмотрел на выступ печки над челом — э-э-э, оттуда лепешка давно уже укатилась. Принялись искать медвежий паек.

Лиса — всегда хитрая, она и говорит, что его съел заяц. И они зарезали зайца для медведя. Медведь не ест, опять оставляет свою долю на завтра на выступе печки над челом. Ночью лиса опять съела долю медведя.

Утром встали и опять начали искать да гадать, кто же мог съесть медвежий паек. Лиса, хитрая, говорит медведю:

— Дедушка-кугызай, зайца съел волк.

По хитрому совету лисы на этот раз для медведя режут волка. Глупый медведь не ест и волка. Опять оставляет свою долю на следующий день на выступе печки над челом. Ночью лиса опять съела мясо. Медведь же подумал: а не встать ли раньше всех и не съесть ли мясо волка, пока другие не съели? И разбудил марийца, чтобы он посветил ему.

В это время лиса сделала вид, что она только что проснулась. Марий начал искать головешки в горнушке. Нашел он головешку, приложил к ней лучину, начал дуть. Дул он до тех пор, пока не послышалось чыр в его животе. Лучина так и не загорелась.

Лиса тут как тут, начинает давать советы:

— Кугызай,— говорит,— смотри вон туда, там огонек,— показывает на луну.

— Он очень высоко, от него зажечь нельзя,— говорит медведь.

— Можно,— говорит лиса. И повела она медведя и марийца в лес.

Медведь взобрался на ель, чтобы зажечь лучину, протянул своей лапой лучину, но до луны не достал.

— Ой, не могу достать! — говорит медведь.

— Кугызай, еще подтянись! — говорит лиса.

Медведь подтягивается сильнее, но луну своей лучиной никак достать не может.

Лиса и говорит:

— Кугызай, немного подпрыгни и подтянись!

Медведь подпрыгнул и тут же свалился на землю, испустил дух. Лиса взяла себе мясо медведя, а шкуру дала марийцу.

ЧОЯ ШОҢШО

Шыже велеш шудо лоҥгаште шоҥшо шкет кудалыштын. Тудо, теле лишеммым шижын, шокшо пыжаш ышташ пушеҥге гыч велше лышташым поген. Шоҥшо лышташым поген оптен. Пурен возаш рожым кычалмыж годым уала лоҥга гыч мераҥ лектеш. Мераҥ шоҥшым ужешат, ӧрмалген йодеш:

— Тулар, тиде лышташет дене мом ыштет?

— Телылан шокшо пыжашым ямдылем,— манеш шоҥшо.

Мераҥ йодеш:

— Ой, мыланемат ыштен пуэт гын, йӧра ыле,— сӧрвала шоҥшым.

— Йӧсӧ огыл, ышташ лиеш,— манеш шоҥшо.— Тыгай поро йолташлан молан ом ыште.

Мераҥ, йывыртен, чашкерыш кудалеш.

Эрлашыжым эрлан мераҥынат шокшо пыжаш ямде. Мераҥ толын пурен возеш, кугу пылышыже веле коеш.

Мераҥ деке рывыж толешат, йодеш:

— Мераҥ тос, тый тыгай пушкыдо пыжашым кузе муынат?

— Шоҥшо ыштен. Тыят тудын деч йод, ыштен пуа,— манеш мераҥ.

Рывыж шоҥшо дек кудалеш. Миен шуэшат, йодеш:

— Шоҥшо таҥ, тый мераҥлан шокшо пыжашым ыштенат, мыланемат ыштен пу. От ыште гын, верештат,— манеш.

Шоҥшо шоналтат, манеш:

— Уке гын, ыштен пуаш йӧсӧ огыл.

Рывыжлан шоҥшо уала лоҥгаш, лышташым нумалын, пушкыдо пыжашым ышта. Рывыж толын пурен возеш.

Шоҥшо нерген пирынат пылышышкыже пура. Тудат пушкыдо пыжашан лийнеже. Пире шоҥшо дек мия.

— Шоҥшо тос, тый мыламат пушкыдо пыжашым ыштен пу,— йодеш.

Шоҥшын пашаже саяк огыл: чылалан пушкыдо пыжашым ыштен от пу.

— Мый тыланет йӧршым ыштен ом мошто,— ойла шоҥшо.

Пире, ты мутым колын, пӱйжым шыр пурлеш.

— Ыштен от пу гын, кочкам! — манеш.

— Ну йӧра, ыштем,— манеш шоҥшо лӱдынрак.

Шоҥшо кок кече коклаште энгер воктеч эре кӱм нумалеш. Нумал ситарымек, лышташым ямдыла. Кӱм чыла шӧрынжӧ дене оптен шында да ӱмбачше изиш лышташ дене леведеш.

Пире, толмекыже, пушкыдо пыжаш манын йывыртен, лышташ ӱмбак пурен возеш, тунамак тӧршталтен кынелеш, уло кертмыж дене кычкырал колта:

— Эй! Мом ыштенат?! Ой-ой!

— Тыланет йӧршым ом мошто маньым вет! — ойла шоҥшо.

— Ой-ой! Шоҥшо пуштеш! — урмыжалтен, пире шоҥшо деч ӧрдыжкӧ кудалеш.

ЛОВКИЙ ЁЖ

Под осень посреди густой травы прогуливался еж. Почуяв приближение зимы, он стал собирать опавшие с деревьев листья, чтобы построить себе теплое жилье. Натаскал еж листьев в кучу. Поискал отверстие, чтобы попасть в нору. И тут к нему из ивняка вышел заяц. Увидев ежа, заяц удивленно спросил:

— Сват, ты что хочешь с этими листьями делать?

— На зиму готовлю теплое гнездо,— говорит еж.

— Ой, если бы ты и мне построил, вот хорошо было бы! — умоляет он ежа.

— Не трудно, можно построить,— говорит еж.— Как же не помочь такому доброму другу!

Заяц обрадовался и убежал в чащу.

На следующее утро у зайца была уже готова теплая нора. Заяц улегся в норе, только его длинные уши торчат.

К зайцу пришла лиса и спрашивает:

— Друг заяц, как ты нашел такую мягкую нору?

— Ёж построил. И ты попроси его, он сделает и тебе,— отвечает заяц.

Побежала лиса к ежу. Прибежала и говорит:

— Друг еж, ты зайцу построил теплую нору, построй и мне. Если не сделаешь, то попадешься.

Ёж подумал и сказал:

— Если что, построить-то оно не трудно.

Ёж натаскал листьев и построил лисе нору в лозняке. Пришла лиса и устроилась в норе.

Слух о еже и его делах дошел и до волка. Ему тоже захотелось иметь теплую нору. Пришел волк к ежу и говорит:

— Друг еж, мне тоже построй мягкую нору.

У ежа положение не совсем хорошее, всем ведь не сделаешь норы.

— Я тебе не могу построить подходящую,— говорит ему еж.

Услышав такие слова, волк оскалил зубы.

— Если не сделаешь, я тебя съем! — говорит он.

— Ну, ладно, сделаю,— говорит еж, немного струсив.

Ёж в течение двух дней с ручья натаскал камней, разложил их острием вверх, а сверху покрыл листьями.

Пришел волк; подумав, что это мягкая нора, обрадовался и устроился на листьях, но тут же вскочил и закричал во всю мочь:

— Эй! Что ты наделал?! Ой-ой!

— Я же говорил тебе, что я не умею строить нору! — говорит еж.

МЕРАҢ

Ожно ик йорло марий, чодыра дене эртен кайышыжла, вондер коклаште кийыше мераҥым ужешат, шоналта: «Ужат, могай кугу мераҥ кия. Тиде мераҥым мый кучем да пазарыш луктын ужалем, шканем чывым налам. Чыве шуко муным мунча. Муным ужален, шорыкым налам. Шорык кок пачам ышта. Нуным ужалемат, ушкалым налам. Ушкалем ондак ӱшкыжаш презым, варажым ушкалашым ышта. Кудыве-

чем тич вольыкем лиеш. Пире ынже пуро манын, йӱдым чӱчкыдын кудывечыш лектын кошташ тӱҥалам. Пирым ужам гын, «кучыза тудым!» манын кычкыралам».

Марий, тыге шонкалышыжла, шижде, «Кучыза, кучыза!» манын, уло кертмын кычкырал колта. Мераҥ төрштен кынелешат, чодыра лоҥгаш чымалтеш.

Марий мераҥын почшым гына ужын кодеш.

ЗАЯЦ

Однажды один бедный мариец, проходя мимо леса, увидел в кустарнике лежащего зайца и подумал: «Видишь, какой заяц притаился. Поймаю я этого зайца да продам на базаре, куплю себе курицу. Курица снесет много яиц. Продам яйца, куплю овцу. Овца принесет двух ягнят. Ягнят продам, куплю корову. Корова отелится и принесет сперва бычка, а потом — телку. Двор будет полон скотины. Чтобы волк не проник к скотине, ночью часто буду выходить и присматривать за скотиной. Если же увижу волка, то закричу: «Ловите его!»

Думая так, он что есть силы закричал: «Ловите! Ловите!» Тут заяц прыгнул и удрал в чащу леса. Мариец успел увидеть только хвост зайца.

ЮЗО ЙОМАҠ-ВЛАҠ
ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

МИКЛАЙ ДЕН ПАВЫЛ

Ожно ик сонарзе илен, тудын кок эргыже улмаш: Миклай ден Павыл. Миклайже латкок ияш, Павылже индеш ияш. Сонарыш кошташ ачашт деч пычалым йодыт. Ачашт пычалым налын пуэн. Нуно эре ачашт дене пырля коштыныт чодырашке. Икана ачашт дене пырля коштмышт годым йомын кодыныт. Йомын кодшо эрге-влак лекташ шотым муын огытыл. Изишак урым лӱйылтыт, кумыж дене подым ыштат, киндыштат уке улмаш.

Эрдене кынелыт, аҥырген коштмышт годым чодыраште модшо кок мераҥ игым ужыт. Нуно коктынат пычалым виктат, мераҥым лӱяш. Мераҥ игыже ойла: «Миклай ден Павыл, мемнам ида лӱй. Ме тыланда йолташ лийына»,— манеш. Мераҥ игым пырля налыт да каят нылытын. Шукат огыт кай, кок рывыж иге тугак модын шогат. Нунымат лӱяш виктат, нунат тугак каласат. Пырля рывыж игымат налыт да

кают, кудытын лийыт ынде. Межашке лектыт да межа дене кают, кок пире иге модын кают. Нунымат лӱяш виктат, нунат тугак каласат. Нунымат пырля налыт да кают. Межа дене каен-каен, тореш межаш шуыт, тушто кок маска кучедал шогат. Нунымат лӱяш виктат, да нунат тугак каласат. Нунымат налыт да луын кают. Вожын корныш шуыт. Миклайже шольыжлан ойла:

— Вот, шольо, ынде ме пырля коштын огына керт, тиде сумкам сакен кодена кожеш. Мый тышкыла каем, тый — тушкыла. Мый лектын ончалам гын, сумка шинчырга гын, тый коленат лиеш, тый лектын ончалат гын, сумка шинчырга гын, мый коленам лиеш.

Миклайже ныл янлыкым налеш да олашке лектеш. Олаже кугыжан пече воктен шинча улмаш. Кугыжан ӱдыр тудым ужын кӱшычын. Тушко куржын вола, пече вошт мутланат. Миклай путырак чот чапле улмаш. Кугыжан ӱдыр тудым чот йӧратен.

— Пуро тышке мутланаш! — манеш.

— Мыланем тушко пураш ок лий, лек шке, мутланена коктын! — манеш Миклай.

— Янлыкет деч лӱдам лекташ тый декет,— манеш кугыжан ӱдыржӧ.

— Мыйын янлыкем-влак, шӱдыде, нимомат огыт ыште, мый шӱдем гын веле нуно тӱкат,— манеш.

Кугыжан ӱдырет лектеш тушко, да йыгыре шинчын мутланаш тӱҥалыт. Кусыжым, кӧн эргыжым пален налеш да кугыжан ӱдырет марлан мияш тудлан веле шона.

— Миклай, мый тыланет марлан мием, тушакын менчаялтына,— манеш.

— Мый тыглай сонарзе веле улам, тый кугыжан ӱдыр улат, кунам марлан миет? — манеш.

— Мый тыйым йӧратенам гын, мием! — манеш.

Тудым ачаж деке виешак пурта да ачажлан ойла:

— Вот, ачий, мый тидлан марлан каем, тидлан от пу гын, чонем садак пытарем,— манеш.

Ачажат нимолан ӧрын, ватыж дене каҥаша: «Тидлан огына пу гын, кола гын, мемнам титаклат»,— манеш. «Кая гын, кая, шке шинча»,— маныт вара нуно.

Тунамак попым ӱжыктат, менчаен шындат ӱдыржым тудлан.

Иктаж кум кечым илат, кугыжан ӱдырлан пеш келшен Миклает. Иктыже весыжым путырак чот йӧратат. Изиш илат, Миклайын адак чодырашке кайымыже шуын.

— Ну, вате, мый адак коштын толам ик арням,— манеш.

Ватыже тудлан булкым ыштылеш изюм дене да мо да, ынде ынеж мондо пуйто. Миклай котомкам сака да лектын кая. Ватыже ужатымыж годым ойла:

— Вот, Миклай марием, тый тудо кварталышке ит кай, тушто нимогай сонарзынат вуйжо пытыде кодын огыл, тушакын тый пытет.

Миклаят тудым умылен налын да вигак тушко кая, ватыж мутым ок колышт. Кварталышке пурен гына шуэш, шордо лектеш, Миклайын янлыкше-влак тудым покташ тўнгалыт. Кая-кая Миклаят, кас лиеш, ынде пычкемышалташ тўнгалын. Тул олмо улмашын тушто, тушакын шогалеш, кочкаш пукша янлыкше-влакым. Кўшнӧ «Ж-ж-ж, кылменам!» манме йўк шокта.

— Кылменат гын, воло, молан тушто шинчет! — манеш Миклай.

— Волашыже волем ыле да янлыкет-влак деч пеш лўдам,— манын ойла.

— Мыйын янлыкем-влак огыт тўкале.

— Огыт гын, огыт, на, тиде тоя дене тўкале нуным,— тоям пуа.

Миклает тоям налеш да маскажым шуралта тоя вуй дене. Маскаже тушакынак кў меҥге лийын шогалеш. Тудо кугызат вола да, тоя дене шуралтен, Миклайымат кў меҥгым ышта. Миклаят кў меҥге лийын шогалеш.

Ватыже вуча пешак ынде. Арнят эрта, кок арнят тора огыл, марий эшеат уке.

Павыл, коштын савырнен, сумкам онча, сумкаже шинчырген. Чытен кертде шортын колта: «Ах, изаем пытен, ужат!» — шона.

Павыл тудо корныж дене кая, тугак олашкак лектеш. Кугыжан пече воктен тугак шинчеш да ен̆га лийшыже куржын лектеш. Миклай ден Павылын тўсышт икгай улмаш, янлыкат икгай, пален огыл тудо.

— Ах, Миклай, йӧратыме марием, молан от пуро? Тыште веле шинчет! — манеш.

Павылын ушышкыжо пура: «Ох, изай тыште илен улмашын»,— шоналта. Кас шуэш, ен̆гаже шара малаш возаш. Павыл ок воч, аптыранен. Миклай вате шупшалеш, ӧндалеш тудым, Павылым силомак малаш пырля пышта. Павыл йўдвошт тупелак мален. Миклайын ватыже ойла:

— Ах, марийжат, мо тугай улат? — манеш.— Ала иктаж ен̆г иктаж-мом ойлыш?

Павыл эрдене кынелеш да ойла: «Мый чодырашке каем»,— манеш.

— Кызытат пеш шуко коштыч, адак тудо кварталыш кает гын, вует кошарга.

Тудо тыгак киндым чыка да лектын кая. Изаж колымашке вигак кычалаш кая.

Тудо кварталышкет шуэш адак, тугак шордо лектеш, янлык-влак покташ тӱҥалыт тудым. Павыл, каенкаен, изажын тул олмыш шуэш. Кас лийын, тулым олта, кочкаш шолта. Кочкаш шинчыт, адак кожышто «Ж-ж, кылменам!» манме шокта.

— Кылменат гын, воло! — манын, сыренак пелешта Павыл.

— Волашыже волем ыле да, янлыкет-влак тӱкат. Нуным тӱкале ты тоя дене!

Павыл налеш тоям, маскажым шуралта тоялен коштмо вуй дене. Маскаже кӱ меҥге лийын шогалеш. Вес вуйыш савырен тӱкалта — маска мӧҥгеш адак маскак лиеш.

— Ах тый, сволочь! — пычалжым викта да лӱен шуа, кугыза пӹзгӱп волен возеш. Келге коремыш ончалеш, тушто ушет кая! Коремыш вола тудо, тояжын вес вуйжо дене тӱкала, тӱкала, кайыкше, янлыкше, айдемыже — чыланат кынелыт, таум ыштат. Павыл изажын янлыкшым муэш, изажымат айдемым ышта. Изаж дене мӧҥгышкыла кайышыштла ойла Павылет:

— Изай, мые тыйын ватет дене малышым,— манеш.

«Малышым» манмылан Миклай пеш чот сыра да, кем шулыш гычын кӱзым луктын, шольыжым шӱйжӧ гычын чошт веле пӱчкын шуа. Миклай шке янлыкшым налеш да кая ватыж деке. Ватыже кажне кечын балконыштак вучен шинчен улмаш. Марийже мийымым ужеш да куанен налаш лектеш ваштарешыже. Пырля пурат пӧртышкышт, кочкеш-йӱэш Миклает. Ватыже ойла:

— Ай, молан теҥгече путырак ала-кузе койыч? — манеш,— ни шыч ӧндал, ни савырнен шыч воч! — манеш.

Миклайын кенета вуйышкыжо пура. «Ах, йоҥылыш ыштенам шольым»,— манеш.

Миклай кайыме шеҥгечын Павылетын маскаже мераҥетым колта илыше вӱдлан. Мераҥ кудалеш илыше вӱдлан. Шуко жапат ок эрте, конден шукта. Маска тудо вӱд дене шӱра да Павылын вуйжым пижык-

тен шында, адак көргыш нелыкта. Павыл кынел шогалеш, Павылын нерже да мо да шеҥгекыла лийын, йоҥылыш шеҥгекыла онча. Маска тудын вуйжым угыч перен ойырен шуа. Мераҥым адак илыше вӱдлан колта. Мераҥ конден шукта уэш, ынде сайын ончен пижыктат. Павылат ылыж шогалын айдеме гаяк. Шымавучым налын, шиялтышым ышта да, омарта вуйыш шинчын, шоктен шинча. Ту шоктымо годым Миклай изаже толеш.

— Вот, шольо, мый тыйым йӧршеш йоҥылыш пуштым! Ну, ит сыре тидлан.

— Сыраш огыл,— манеш. Молым нимат ок пелеште.

— Вот, шоляш, ынде кузе ыштена! Ме коктынат каена ик вате деке. Ойырен пала гын, марийжым, тушто илена, уке гын, каена.

Каят ынде кугыжан суртышкет, ватыж дек. Ватыже ужеш: икгай кӱкшытан, икгай сынан кок еҥ шогат, янлыкыштат икгаяк. Миклайже пелешта:

— Ну, кудыжо ынде мариет тыште?

Кугыжан ӱдыр нимоланат ӧрын, шинчам веле карен, кушечын палаш! Ончыштеш-ончыштеш тӱслен, таҥастарен. Павылын йора олмыжым ужеш, шке марийжым пален налеш. Пӧртышкӧ пурат, кочкыт-йӱыт чаплын гына. Малаш возыт, мален кынелыт эрдене.

Кугыжа трук черланен колен колта. Тиде Миклайым калык кугыжалан шогалта. Павылже король лиеш.

МИХАИЛ И ПАВЕЛ

Давным-давно жил охотник. У него было два сына: Михаил и Павел. Михаилу исполнилось двенадцать лет, а Павлу — девять. Стали они просить отца купить им охотничьи ружья. Отец купил им ружья. И дети постоянно ходили с отцом в лес на охоту. Однажды, охотясь вместе, они заблудились. Заблудившись, они никак не смогли найти дорогу из леса. Пришлось им ловить белок; сделали котел из бересты; хлеба у них не было.

Однажды утром, бродя по лесу, они увидели двух играющих зайчат. Прицелились в них оба сразу, но зайчата заговорили:

— Михаил и Павел, не убивайте нас, мы станем вашими товарищами!

Взяли они зайчат и отправились дальше вчетвером. Отошли немного и увидели двух лисят, так же весело играющих. Прицелились и в них, но лисята также заговорили. Пошли дальше уже вшестером. Вышли на просеку и увидели двух резвящихся волчат. Прицелились и в них, но волчата обратились к ним с такой же просьбой. Взяли с собой и волчат. Пошли дальше ввосьмером. На поперечной просеке увидали двух медвежат. Прицеливаются в них, медвежата упрашивают не убивать их. Братья забирают с собой и их, идут дальше уже вдесятером. Дошли до развилки дороги. Здесь Михаил говорит брату:

— Вот, братец, дальше мы не можем идти вместе. Я пойду в эту сторону, ты — в ту. Мы должны повесить наши сумки на эту ель. Если я, вернувшись сюда, увижу, что сумка сморщилась, значит, ты умер. Если же ты придешь сюда раньше меня и заметишь, что сумка сморщилась, знай, что я умер.

Михаил взял четырех зверей и пошел в город. Придя туда, сел у ограды царского дворца. Его заметила царевна сверху. Она спустилась, и стали разговаривать через решетку. И царевна полюбила его с первого взгляда.

— Заходи сюда, побеседуем!

— Мне нельзя заходить к вам. Выходи ко мне сама, побеседуем.

— Вышла бы, да боюсь твоих зверей,— говорит царевна.

— Мои звери без моего приказа ничего не сделают,— отвечает он.

Тогда выходит к нему царевна. Садятся они рядом и начинают разговаривать. Когда она узнала, откуда он и чей сын, то решила выйти за него замуж.

— Михаил, я пойду за тебя замуж, сейчас же обвенчаемся,— предлагает она.

— Я ведь простой охотник, а ты дочь царя, неужели пойдешь за меня?! — говорит он ей.

— Пойду, раз я тебя полюбила— отвечает она. И почти силой ведет его к отцу и говорит ему:

— Вот, папа, я выйду за него замуж! Если не выдашь за него, то все равно покончу с собой,— говорит царевна.

Царь был очень удивлен и пошел к царице за советом.

— Если не выдадим за него, а она умрет, то нас могут обвинить в смерти дочери,— говорит.

И решают оба:

— Если хочет, пусть выходит за него.

Пригласили попа. Обвенчали. Живут трое суток. Очень понравился царевне этот Михаил. Сильно полюбили молодые друг друга. Однако, вскоре Михаилу захотелось пойти пошататься по лесам.

— Ну, женушка, я пойду, похожу одну недельку.

Жена напекла ему булок разных с изюмом, чтобы он не забыл ее. Михаил надел котомку и собрался уходить. Жена ему говорит при прощании:

— Вот, муженек, Михаил, не ходи ты в такой-то квартал, оттуда ни один охотник не возвращался. Пропадет там и твоя голова.

Не послушался Михаил жены. Только вошел в этот квартал, как за несколько саженей от него выскочил лось. Звери Михаила погнались за ним. Михаил пошел один. Шел-шел он, наступил вечер. Стало темно. Набрёл Михаил на тлеющий костер, остановился у него, покормил зверей, сам поел. Вдруг послышалось с елки:

— Ж-ж-ж, озяб!

— Если озяб, спустись, чего там сидишь? — говорит Михаил.

— Спустился бы, да боюсь твоих зверей,— отвечает сверху старик.

— Мои звери без моего приказа ничего не делают и тебя не тронут.

— Не тронут, так не тронут. Да на всякий случай потычь их этой палкой!

И с елки старик протягивает ему палку. Взял Михаил палочку, тронул концом медведя. И сразу же медведь превратился в каменный столб. Затем соскакивает с елки старик, тычет Михаила и превращает его в каменный столб.

Жена с нетерпением ждет мужа. Прошла неделя, скоро вторая доходит, а его нет как нет.

Между тем Павел, гуляя по свету, возвратился к сумке и видит, что она сморщилась.

«Ах, братец, неужели ты пропал?» — горестно подумал Павел и пошел по той же дороге, по которой ушел Михаил.

Пришел в город и сел у ограды царского дворца. К нему выбегает невеста. Михаил и Павел на лицо были одинаковы. И звери их очень похожи друг на друга. Вот она и приняла Павла за Михаила.

— Ах, Михаил, любимый муж, почему не идешь

домой, а сидишь здесь? — удивленно спрашивает она.

Павел догадался и думает про себя: «Ах, оказывается, брат жил тут». И пошел во дворец. Наступил вечер. Царевна постлала постель. Павел стесняется лечь с ней. А жена Михаила его целует, обнимает его, укладывает Павла спать с собой. Но всю ночь Павел проспал спокойно с ней, не обнимал ее. А жена Михаила удивляется:

— Ах, муженек мой, что с тобой случилось, может быть, кто-то что-нибудь наболтал тебе?

Он встал утром и говорит:

— Я пойду на охоту!

— И так ты гулял очень долго, а если пойдешь в тот квартал, пропадет твоя голова,— говорит невестка.

Взял немного хлеба и пошел в тот квартал искать брата.

Дошел. Опять, как и тогда, появляется лось, и Павел устраивает погоню за ним. Шел, шел Павел за зверем, к вечеру добрался до того же костра, у которого сидел брат вечером. Разжигает огонь, варит ужин. Начали есть, опять с елки послышалось:

— Ж-ж-ж, озяб!

— Если озяб, спускайся! — крикнул сердито Павел.

— Спустился бы, да боюсь, тронут твои звери. Вот возьми на всякий случай эту палочку,— говорит старик,— и потычь своих зверей.

Берет Павел протянутую ему палочку и тычет концом её в медведя. Медведь превращается в каменный столб. Тычет другим концом, каменный столб снова превращается в медведя.

— Ах ты, сволочь! — крикнул Павел на старика и выстрелил в него. Старик упал с дерева замертво.

Затем Павел посмотрел в глубокий овраг, а там, с ума сойти можно,— видимо-невидимо таких каменных столбов. Спускается он в овраг и начинает тыкать камни верхним концом палочки. Тут начали оживать птицы, разные звери и люди, и все благодарят его. Нашел он зверей своего брата, а затем и самого брата.

По пути к дому Павел сказал Михаилу:

— Брат, я спал с твоей женой!

Услышав эти слова, Михаил выхватил из-за голенища нож и отрезал брату голову. Затем взял своих зверей и направился один домой. А жена каждый день поджидала его на балконе. Увидев идущего мужа, она

выбежала к нему навстречу. Вместе заходят в дом. Когда Михаил поел и попил, жена сказала:

— Почему ты вчера был такой странный, не обнял меня, даже не повернулся ко мне!

Тут Михаил догадался: «Да, плохо я поступил с братом!»

После ухода Михаила медведь посылает зайца за живой водой. Побежал заяц за живой водой и сейчас же принес её. Медведь смазал рану Павла, приложил голову к телу и дал пить. Ожил Павел, встал на ноги. Однако нос, глаза, все лицо Павла оказалось приложено наоборот, все смотрит назад. Медведь тут же снял ему голову и снова послал зайца за живой водой. Заяц принес воду, и звери, примеряя осторожно, приложили Павлу голову как нужно. Павел ожил, встал, как настоящий человек. Берет Павел дягиль, делает свирель, садится на пенек и начинает играть песню. В это время приходит его брат Михаил.

— Ах, братец, плохо я поступил с тобой. Не сердись, прости меня!

— Зачем серчать! — отвечает Павел. Больше не стал говорить ничего.

Тогда Михаил сказал:

— Вот так сделаем, братец! Мы оба пойдем к моей жене. Если она узнает, кто из нас ее муж, тогда останемся там, а если не узнает, уйдем прочь.

Пошли они в царский дворец. Увидев их, жена обомлела: оба одинакового роста, одинакового вида, и звери у них одинаковые.

Михаил спрашивает ее:

— Ну, кто же твой муж?

Царевна растерялась, не знает, что ответить, как узнать. Смотрела, смотрела, наконец увидела шрам на шее у Павла, сравнила и узнала своего мужа.

Зашли в дом, поели, попили как следует. Легли спать, наступило утро, встали.

Вскоре царь вдруг заболел и умер. Тогда Михаила народ поставил царем. Павел стал королем.

ШИЙ ПӸЯН ШИЙ ПАМПАЛЧЕ

Кече лекмаш велне, кугу Виче вӱд воктене, илен йорло Янгелде кугыза. Янгелде кугызан нимогай поянлыкшат уке улмаш. Тудын парня гай ик ӱдыржӧ веле лийын — Ший Пампалче. Янгелде кугыза эре колым кучен илен.

Икана шоҥго кугызан кол кучымыж годым йӱмыжӧ шуаш тӱҥалын. Сереш возеш да йӱштӧ вӱдым йӱаш тӱҥалеш. Йӱмыж годым кугызан пондашыжым кугу Шем Вӱдон руалтенат куча. Кугыза Шем Вӱдоным пеш сӧрвала:

— Пондашем колто! — манеш.

Кугу Шем Вӱдон Янгелдым кӱжгӧ йӱкшӧ дене тӱрлын шудалеш:

— Мыйын энгерыштем колым ит кучо! — манеш.

Кугыза тӱрлын сӧрвала, тӱрлым пуаш, тӱрлӧ паша дене полшаш сӧра. Шем Вӱдон ожо шинчалме семын воштыл колта, шоҥго кугызалан рокмалтен каласа:

— А-а, теве кунам тылат уш пурыш! Тый мылам кунам чевер ӱдыретым, Ший пӱян Ший Пампалчетым, пуэт, тунам иже тыйым чевер кечым ончалаш колтем.

— Мом ыштет, куш пурет? Мый тыйын кидыштет улам ынде! Ош тӱняште чевер кечым ончен илыме шуэш, кызытак колымо ок шу. Мо лиеш, лийже. Ик ӱдырем виеш нальыч, тидыжымат поро кумыл дене ом пу. Айда, эрла мие. Латкок ведра аракам намие, латкок ведра пӱрым нал. Вара Ший Пампалчым тылат пуэм,— манеш кугыза.

Вӱдон куанен, рокмалтен воштылеш. Кугызан пондашыжым колта, келге вӱд пундашке пурен кая. Вӱдонын уныкаже-влак кугыза почеш серышке лектыт, куанен воштыл-мурен кодыт:

Кертна, ха-ха-ха!
Кертна, ха-ха-ха!
Айдеме чоным налына.
Латкок ведра арака дене,
Латкок ведра пӱрӧ дене
Ший пӱян Ший Пампалчым
Налдалаш миена!
Мурым меже мурена,
Ший пӱянлан ме мурена,
Тылзе гане чурийже,
Шӱдыр гане шинчаже.

Кугыза чодырашке шуэшат, шинчалан койдымо лиеш. Вӱдонын уныкаже-влак вӱд пундашке пурен каят.

Кугыза илыме кудышкыжо толын пура. Лӱдын ошемын, вуйжым сакен, олымбаке волен шинчеш. Ший пӱян Ший Пампалче ачаж йыр пӧрдеш, нимолан ӧрын, ачажын чурийжым ончат, йодеш:

— Ачий, ачий, мо лийыч? Молан вуетым сакенат?

Ачаже, ӱдыржым ончалын, пыкшерак пелешта:

— Ой, ӱдырем, шӱм-кылем! Мый тыйым Вӱдонын изирак эргыжлан марлан пуаш сӧрышым. Эрла тыйым налаш толеш.

Ӱдыржӧ, ӧрын, ачажлан пелешта:

— Ачий, мый тылат уто улам мо?

— Туге лие,— манеш ачаже.— Эрлалан ямдылалт шого. Ынде Вӱдон деч садак утлен от керт.

Ший пӱян Ший Пампалче воштыл колта:

— Нуно чыламат виеш нангаят. Мыйым туге нангаен огыт керт. Тыгай шучко Вӱдонлан мый ом кае. Ачий, мылам корнылан сугыньым пу. Мый поян курскам ден акам деке каем,— манеш.

Ачаже, шортын-шортын, ӱдыржым сӧрвала:

— Ой, ӱдырем, мыйым кудалтен ит кае. Кудо вуемат, кудо печемат виш!

Ший пӱян Ший Пампалче ший товаржым налеш да кудо вуй ден кудо печым, колт-колт пералтен, ачажлан тӧрлатен пуа. Вара ший пӱешыже кож кишым шӱра да ший товарым ӱштышкыжӧ сакалта. Ачаж деч сугыньым йодеш. Ачаже, шортын-шортын, сугыньым пуа:

— Ой, ӱдырем, шӱм-кылем, ынде чеверын. Кайыме корныштет поро корнан лий. Нылле ик тушманым тошкалын, волгыдо эрыкышке лектын кае. Шем кидлан, Вӱдонлан, ит верешт.

Ший пӱян Ший Пампалче такыр корно дене ошкылеш. Ушыжо вуй йырже пӧрдеш. Тӱрлӧ-тӱрлӧ шоныш уш-акылышкыже пура. Кугу чодыраште тӱрлӧ кайык мурым колыштеш. Изиш лиймек, пуч йӱк шокта. Тиде Шем Вӱдон Ший пӱян Ший Пампалчым налаш кая.

Ший пӱян Ший Пампалче, пуч йӱкым колын, йырваш ончалеш, Шем Вӱдоным ужеш. Тудо шем ожым кушкыжын, шийын-шӧртньын веле йӱла. Йошкар посто мыжерым чиен, шем теркупшым упшалын, йолешыже чинче дене пӱшкылмӧ сафьян кемым чиен. Вӱдоным ужын, Ший пӱян Ший Пампалче чодыра коклаш шылын кодеш.

Вӱдон эртен кайымеке, Ший пӱян Ший Пампалче адак корно дене ошкылеш. Кая-кает, чӱчкен мурышо ӱдыр-влакым вашлиеш.

— Куш каеда, шӱжар-влакем? — йодеш.

Ӱдыр-влак Ший пӱян Ший Пампалчылан мурен вашештат:

Латкок ведра аракана уло,
Латкок ведра пӱрына уло.

Ший пӱян Ший Пампалчым
Налдалаш каена!

— Кайыза, кайыза. Тендам тудо шукертсек вуча,— манеш Ший пӱян Ший Пампалче ӱдыр-влаклан.

Такыр корно дене ӱдыр-влак чӱчкен-мурен эртен каят. Адак Ший пӱян Ший Пампалче такыр корно дене умбакыла ошкылеш. Изиш лиймек, адак пуч йӱк шокта. Ынде рвезе пӧръеҥ кашакым вашлиеш, нунат тыгак мурен-чӱчкен толыт.

— Куш каеда, изай-влак? — йодеш.

Чӱчкен-мурен, рвезе-влак вашеш каласат:

Ӱдыр налаш каена,
Ший пӱянлан шунена.
Чевер тылзе-моторетым
Налылдалаш каена.

— Кайыза, кайыза. Тудо тендам шукертсек вуча,— манеш Ший пӱян Ший Пампалче.

Ший пӱян Ший Пампалче адак кая, шоҥго кувам вашлиеш. Шоҥго куван тупешыжат, вуешыжат регенче шочын, ончалашат лӱдмаш веле.

— Куш кает, кувай? — йодеш ӱдыр. Кува, чытырен-чытырен, муро семын каласа:

Латкок ведра аракам уло,
Латкок ведра пӱрем уло...

Тыге мурен каласымыж годым Ший пӱян Ший Пампалче уло кертмыжын воштыл колта: ший пӱйжӧ гыч кож кишыже велалт кая. Вӱдкува Ший Пампалчым пален налеш. Шакше йӱкшӧ дене уло кертмын кычкырал колта:

— А-а, теве Ший пӱян Ший Пампалче! — манешат, руалтенат куча. Ший Пампалче уло кертмын Вӱдкувам шӱкал колта, шке утлен куржаш тӱҥалеш. Эй куржеш, эй куржеш, а шеҥгечынже Вӱдкува покта. Кугу курык ӱмбаке кӱзен каен ок шу. Кугу пӱнчӧ вуйыш ур семын куштылгын кӱзен кая. Кӱзымыж годым ший товарже ӱштыж гыч лектын возеш. Вӱдкува Ший Пампалчым шужышо пий семын пӱнчӧ вуйышко онча. Вара товаржым налеш да пӱнчым руаш тӱҥалеш. Ший Пампалче, курык ӱмбаке ончен, акажым мурен сӧрвала:

Ой, акаем, акаем!
Порсын лӱҥгалтышетым колталал!
Вӱдкувает мыйым кучынеже,
Изирак эргыжлан наҥгайынеже.

Курык ӱмбачын муро семан вашмут шокта:

Ай, ом ярсе, ом ярсе,
Киндым коҥгашке кышкем.

Адак Вӱдкува пӱнчым руа. Уло чодырасе кайык Ший пӱян Ший Пампалчын мурыжлан ялт ӧрын. Чодыра покшеч мераҥ лектеш. Вӱдкува деч товарым йодеш:

— Кондо-ян, кувай, мый руэн ончем.

Вӱдкува мераҥлан товаржым пуа. Мераҥ руалшын-руалшын коеш да товарым ерышке кудалта. Шке, воштыл-воштыл, пелке кудалеш. Вӱдкува мераҥым э-э шудалеш. Шыдыж дене ер вӱдым шрӧп подыл колта, ер кошкенат шинчеш. Ер пундаш гыч товарым налеш да адак руаш тӱҥалеш. Адак Ший пӱян Ший Пампалче акажым сӧрвален муралтен колта:

Ой, акаем, акаем!
Порсын лӱҥгалтышетым колталал!
Вӱдкувает мыйым кучынеже,
Изирак эргыжлан наҥгайынеже.

Курык ӱмбачын вашеш йӱк шокта:

Ай, ом ярсе, ом ярсе,
Коҥга гыч киндым луктам.

Чодыра гыч рывыж кудал толеш, кува деч товарым йодеш:

— Ой, кувай, тый пеш ярненат, изишак руаш тыланет мый полшем.

Вӱдкува, сырен, рывыжлан тыге каласа:

— Э-э, шояк кашак мыйым ондалынеже аман! Важык шинчаже ондален кодышат, сӱзлӧ нержат толын шуыныс,— манеш.

Рывыж, кужу почшым пӱтыркален, тӱрлын ондален, товарым кува деч налеш. Руалшын-руалшын коеш да товаржым ерышке кудалта. Адак Вӱдкува, рывыжым шудал-шудал, ер вӱдым подыл колта. Товаржым налеш да адак руаш тӱҥалеш. Ший пӱян Ший Пампалче адак, акажым сӧрвален, порсын лӱҥгалтышым йодеш:

Ой, акаем, акаем!
Порсын лӱҥгалтышетым колталал!
Шӱртӧ пырче веле кодын,
Кугу пӱнчӧ йӧралтеш!

Акаже йўкым огеш пу. Маска толеш. Кува деч товарым йодеш.

— Шояклен ида кошт, ынде шкат руэн пытарем,— манеш кува маскалан.

— Эй, кува, тыят шонго, мыят шонго. Шонго шонгым ок ондале вет,— манеш маска.

Вўдкува, маскалан ўшанен, товаржым пуа. Маска тыш-туш ончалеш, руалшын-руалшын коеш да товарым ерышке кудалтен колта, шке тырым-торым веле коеш, кува деч кудалеш. Кува, маскам шудал-шудал, ерым подыл колта, товарым налешат, пўнчым умбакыже руа. Кугу пўнчӧ теве-теве йӧралт кая. Ший пўян Ший Пампалче акажым муралтен сӧрвала:

Ой, акаем, акаем!
Порсын лўнгалтышетым колталал!
Шўртӧ пырче веле кодын,
Кугу пўнчӧ йӧралтеш!..

Мурен пытарымылан пўнчӧ йӧралташ тўнгалеш. Порсын лўнгалтыш воленат кая. Ший пўян Ший Пампалче порсын лўнгалтышым кучен кержалтеш. Пўнчӧ сўмырлен кая. Ший пўян Ший Пампалчын кум пырче ўпшӧ укшеш пижын кодеш. Чон йӧсыж дене Вўдкува кум пырче ўпым нелын колта, шыдыж дене пўнчӧ йыр кум гана куржтал савырна, чытен кертде, ер вўдышкӧ унчыли тӧршта.

Ший пўян Ший Пампалче акаж дене илаш тўнгалеш. Коктын ургат, тўрлат, тўрлӧ нерген ойлат. Икана акаже шўжарже деч йодеш:

— Вўдон качет чевер айдеме ыле?

— Ой, акай, ончен ӧрат, пеш мотор, чаплын чиен, эр ўжарала веле йўла. Шкеже пўнчӧ гай яндар, таза. Чодыраште тудым ончен кодым.

Тыге ойлен шинчымышт годым чодыра чыдыр-чодыр пудештaлтме гай лиеш. Окнаш ончал колтат — чашкер гыч кугу патыр лектеш. Капше йыр тўрлӧ чодыра янлыкым сакален: маскам, шордым, мераҥым, урым, тулеч молымат. Акаже, марийже деч лўдын, шўжаржым вес пӧлемыш шылта. Марийже толын пура.

— Мо тыгае, айдеме пуш нерышкем пура? — йодеш.

Акаже марийжылан каласа:

— Тыште айдеме толшашлык вер мо? Молан тыге ойлет?

Вара патыр марийжылан шордо, маска шылым конден шында.

Патыр кочкеш, йўэш, малаш возеш. Эрдене кынелеш, кочкеш-йўэш да, кердыжым налын, чодырашке каен колта.

Акаж ден шўжарже кочкыт-йўыт, тўрым тўрлат. Акаже каласа:

— Эрла тыйым курскат дене ачана деке колтем. Тыйым суран котомкаш шындем, эгерчым миен шуде ит посло манын пыштем. Послаш тўнгалеш гын, тый «Ужам вет» манын каласе. Уке гын, тудат Вўдон тукымак вет. Тыйым пала гын, Вўдонлан шке марлан намиен пуа.

Кастене адак патыр толеш, акаже Ший пўян Ший Пампалчым адак шылта.

— Мо айдеме шўлыш уло? — манеш патыр.

— Ой, кугыза, айдеме шўлышлан тыште вер огыл вет. Молан тыге ойлет? — манеш ватыже.

Патыр кочкеш-йўэш, малаш возеш. Эрдене кынелын, адак чодыраш кайынеже. Ватыже марийжым чодырашке огеш колто, ачаж деке унала колтынеже. Ший пўян Ший Пампалчым суран котомкаш шында, тушкак шыдаң эгерчым пышта.

— Корнеш шыдаң эгерчым ит посло, ачам деке тичмашым намиен шукто. Послет гын, шинчат пудештал теш,— манеш ватыже.

Суран котомкам патыр чия (тыште Ший пўян Ший Пампалче шинча), ватыжын ачаж деке, оньыж деке, унала кая. Изиш кайымеке, котомкажым налеш. Могай эгерче манын, лукташ тўнгалеш. Ший пўян Ший Папалче котомка гыч «Ужам вет!» манеш. Патыр йырваш ончалеш. «Ватем пала улмаш»,— шоналта. Шке вуйжо дене куважым шудал кая: «Кунар мўндыркö ужеш»,— манеш.

Патыр такыр корно дене ошкылеш. Кая-кая, миен шумыж деч ончыч каналташ шинчеш. Адак эгерчым послаш лукнеже. Ший пўян Ший Пампалче йўкым пуа: «Ужам вет!» Патыр, ӧрын, шке семынже ватыжым шудалеш. «Кунар мўндыркö ужеш»,— шоналта.

Оньо кугызаж деке миен шуэш, вуйжым савалтен, оньыжлан каласа:

— Поро кече лийже! Могай илымаш?

— Поро лийже, тол, тӧрышкö шич! — манеш кугыза.

Патыр суран котомкам налеш, ўстембаке почкалтен колта. Ший пўян Ший Пампалче лектынат шогалеш. Патыр шинчам карен онча, вара шыдешкен пелешта:

— Йӧра эше шым пале, таум каласе. Мый тыйым Вӱдонлан шке намиен пуэм ыле. Ынде мом ыштем? Вӱдон мыланем пеш сыра. Ынде пытышым, Вӱдон мыйым карга!

Ший пӱян Ший Пампалчын ачаже, пеш куанен, ӱдыржым ӧндалын шупшалеш.

— Ой, ӱдырем, чон падырашем! — манеш.

Ӱдыр-каче-влак толыт, пеш куаненыт, Ший пӱян Ший Пампалчым шукертсек вученыт.

СЕРЕБРОЗУБАЯ ПАМПАЛЧЕ

Когда-то давным-давно в дремучем лесу возле большой реки Вятки, к югу, жил бедный старик Янгелде. Никакого богатства не было у старика. У него была только дочь Сереброзубая Пампалче.

Старик Янгелде жил да рыбу ловил.

Однажды старик во время ловли рыбы захотел пить. Наклонился он вниз и стал пить прохладную воду. Увидев это, Черный Водяной схватил его за бороду. Старик стал умолять Черного Водяного:

— Отпусти мою бороду! — просит он.

Великий Черный Водяной своим зычным голосом ругает Янгелде на чем свет стоит:

— Запрещаю тебе ловить рыбу на моей реке!

Старик его так и сяк умоляет, обещает отдать все, что ни захочет, обещает отработать за это. А Черный Водяной захохотал, будто заржал, старику отрубил:

— А-а, вот теперь ты немного поумнел! Отдай за меня замуж свою красивую дочь, Сереброзубую Пампалче, тогда ты будешь жить на белом свете.

— Что делать, куда деваться? Я теперь в твоих руках! Еще хочется пожить на белом свете, умирать пока не хочется. Что уж будет. Одну дочь ты похитил, и другую не по своей воле отдаю. Давай завтра приезжай. Привези двенадцать ведер вина, двенадцать ведер пива. Отдам уж тогда свою Сереброзубую Пампалче.

Обрадовался владыка воды, захохотал от удовольствия. Отпустил он бороду старика, сам ушел в свой подводный мир. А внуки водяного вслед за стариком вышли на берег, смеются и поют:

Победили, ха-ха-ха! Победили, ха-ха-ха!
Сумеем взять душу еще одного человека.
Взяв двенадцать ведер вина,

Взяв двенадцать ведер пива,
Отправимся мы все за Сереброзубой
Серебряной Пампалче!
Поем, поем мы песню,
В честь Сереброзубой поем.
У нее щеки как луна,
У нее как звезды глаза.

Вошел старик в лес и исчез. А внуки водяного все попрыгали обратно в воду.

Пришел старик к себе домой. Сам бел, напуган, голову повесил. Сел на скамейку и задумался. Серебряная Пампалче крутится возле него, ничего не понимает, смотрит ему в глаза и спрашивает:

— Батюшка, батюшка, что с тобой случилось? Отчего голову повесил?

А её отец, посмотрев на неё, промолвил:

— Ох, дочка, дорогая моя деточка! Я ведь пообещал отдать тебя замуж за младшего сына Водяного Владыки. Завтра он приедет к нам со свадебным поездом.

Пампалче удивляется и говорит ему:

— Зачем же ты обещал это? Неужели, отец, стала я тебе лишней?

Отец отвечает:

— Да так получилось. Готовься к завтрашнему дню. Все равно не спастись от водяного.

Сереброзубая Серебряная Пампалче на это лишь рассмеялась:

— Они до сих пор всех увозили насильно. А меня так не возьмешь! Я не выйду за страшного водяного. Отец, благослови меня в путь. Я отправлюсь к богатым сестре и зятю,— говорит Сереброзубая Серебряная Пампалче. Своим серебряным топориком поправила она отцовский летний дом и изгородь, постучала тут и там — колт-колт. Затем залепила свои серебряные зубы еловой смолой, заткнула за пояс острый топор и собралась уходить. Прощаясь, отец со слезами просит ее:

— Любимая моя дочь, не покидай меня! Мой дом для тебя всегда открыт, мои ворота всегда открыты!

Затем он со слезами благословляет ее:

— Ой, дочь моя, мое сердечко, теперь прощай! Пусть твой путь будет добрым. Победив сорок одного врага, пусть твоя жизнь будет светлой и доброй. Только не попадись в руки Черному Водяному.

Вот шагает Сереброзубая Серебряная Пампалче лесом по тропке. Идет и думает, голова кругом идет.

В лесу щебечут и поют птицы. Немного погодя слышит звук рога. Это едет Черный Водяной жениться на Сереброзубой Серебряной Пампалче. Услышав звуки рога, осмотрелась Сереброзубая Пампалче и увидела Черного Водяного. Он едет верхом, жеребец под ним— черный, серебром и золотом сияет. На нем красный кафтан, на голове черная шляпа, на ногах сафьяновые сапоги, украшенные блестками.

Серебряная Пампалче, как увидела его, спряталась в лесу.

Как только Водяной Владыка проехал мимо, Сереброзубая Пампалче снова вышла на дорогу и зашагала прочь.

На пути ей встречаются поющие и пляшущие девушки.

— Куда вы идете, сестрички? — спрашивает.

Приплясывая, девушки отвечают Сереброзубой Пампалче песней:

Есть у нас двенадцать ведер вина,
Есть у нас двенадцать ведер пива.
Идем за Сереброзубой Пампалче,
Чтобы сосватать её.

— Идите, идите! Она вас давным-давно поджидает! — говорит Пампалче девушкам.

Девушки прошли по дороге с песнями и плясками. И снова Сереброзубая Пампалче продолжает свой путь. И снова она слышит звуки труб. Встречает группу пляшущих парней.

— Куда вы идете, братья? — спрашивает.

Приплясывая, парни отвечают ей песней:

Идем за невестой,
За Сереброзубой Пампалче,
Красивой как месяц,
Сватать едем мы.

— Идите, идите! Она вас давно ждет,— говорит Сереброзубая Пампалче.

Сереброзубая Пампалче снова продолжает свой путь. Встречает она древнюю старуху. На спине и голове старухи аж мох вырос, даже смотреть страшно.

— Куда идешь, бабушка? — спрашивает девушка.

Старушка отвечает ей песней, сама трясется и покачивается:

Есть у меня двенадцать ведер вина,
Есть у меня двенадцать ведер пива...

Старуха еще не кончила песни, как Сереброзубая Пампалче засмеялась, и от ее серебряных зубов отвалилась смола. Водяная старуха посмотрела и узнала в ней Сереброзубую Пампалче. Страшным голосом изо всей силы закричала она:

— А-а, это ты,— говорит,— Сереброзубая Пампалче! — и вцепилась в нее.

Сереброзубая Пампалче изо всей силы толкнула старуху, сама побежала от нее.

Ох, и побежала она быстро-быстро, а старуха погналась за ней. Она хотела залезть на гору, не смогла. Как белка, Пампалче влезла на сосну. Пока поднималась, выпал топорик из-за пояса. А Водяная старуха смотрит на нее как голодная собака. Затем подобрала топорик, стала рубить сосну.

Глядя на гору, Пампалче запела, умоляя сестру спасти её:

Ой, сестрица, сестрица,
Опусти свою шелковую качель!
Хочет поймать Водяная старуха —
Хочет женить на младшем сыне.

С горы послышалась песня-ответ:

Ой, недосуг, ой, недосуг мне,
Ставлю в печку хлеб печь.

А Водяная старуха все рубит сосну. Все лесные птицы, звери, услышав песню Сереброзубой Пампалче, встревожились. Из глухого леса выскочил заяц и спрашивает:

— Бабушка, дай топор, я порублю немного.

Водяная старуха дала зайцу топор. Заяц сделал вид, что рубит, бросил топор в озеро, а сам, смеясь, побежал в лес. Водяная ругает зайца на чем свет стоит.

Старуха подошла к озеру, одним глотком выпила всю воду, аж озеро высохло. Она взяла со дна топор и опять начала рубить.

Сереброзубая Пампалче снова запела, умоляя спасти:

Ой, сестрица, сестрица!
Спусти свою шелковую качель!
Меня хочет поймать Водяная старуха —
Хочет выдать за младшего сына.

Снова отвечает с горы сестра:

Недосуг мне, недосуг,
Достаю из печи хлеба.

Выбежала из леса лиса, у старухи просит топор:

— Бабушка, ты очень устала. Дай-ка мне топор, я немного помогу тебе.

Старуха сердито отвечает лисе:

— Э-хе, обманщики меня хотят обдуть! Один косоглазый обманул меня. И ты, остроносая, обмануть хочешь!

Лиса, играя своим длинным хвостом, так и сяк говорит. Сумела выпросить у нее топор. Притворилась, что хочет рубить, а сама бросила топор в озеро и убежала прочь.

Выбранила старуха лису да опять вылакала озеро. Взяла со дна озера топор и яростно начала рубить сосну у самого корня.

Сереброзубая Пампалче опять запела, умоляя сестру о помощи:

Ой, сестрица, сестрица!
Спусти свою шелковую качель!
Сосна стоит на волоске,
Скоро она рухнет.

Сестричка же ничего не ответила.

Вышел медведь. Просит он у старухи топор.

— Не ходите, обманщики, теперь я сама сумею срубить,— отвечает старуха медведю.

— Ой, бабушка, ты стара, я тоже стар. Старые старых никогда не обманывают,— говорит медведь.

Водяная старуха, поверив медведю, отдала ему топор.

Медведь посмотрел в одну сторону, в другую, сделал вид, что рубит, и бросил его в озеро. Сам он, переваливаясь с боку на бок, побежал прочь от старухи.

Старуха, ругая медведя, выпила озеро до дна, достала топор, продолжила рубить сосну. Огромная сосна вот-вот рухнет на землю.

Снова Пампалче умоляет сестру помочь ей:

Ой, сестра, сестричка!
Спусти же мне шелковую качель!
Моя жизнь висит на волоске,
Сосна моя рухнет сейчас!

Пока она пела, сосна стала валиться. В это время спустилась шелковая качель. Серебряная Пампалче

ухватилась за нее и повисла. Сосна сразу рухнула, только три волоска Серебряной Пампалче зацепились на ветке. Старуха нашла три волоска, слизнула их языком и со злости проглотила. Она побежала, сделала три круга вокруг сосны. Она так разозлилась, что бросилась в озеро вниз головой.

Сереброзубая Пампалче стала жить у сестры. Они шьют, вышивают, о разном беседуют друг с другом. Однажды старшая спрашивает младшую сестру:

— Ну как, сын Водяного Владыки, красив собой?

— Ой, сестра, удивительно красив, хорошо одет, словно утренняя заря. Сам строен, как сосна, здоров. Я притаилась в лесу и любовалась.

Пока они беседовали, в лесу загромыхало, как будто что-то взорвалось. Посмотрели они в окно — из чащи леса выходит могучий богатырь. На себя развесил лесных зверей: медведя, лося, зайца, белку и других зверей. Старшая сестра, испугавшись мужа, спрятала младшую сестру в другой комнате.

Вошел её муж:

— Откуда появился человеческий запах? Его мой нос чует! — спрашивает он.

А старшая сестра отвечает мужу:

— Откуда появиться человеку у нас? Почему напрасно говоришь?

Потом она достает лосиное, медвежье мясо и ставит перед мужем-богатырем.

Богатырь поел, попил да повалился спать. Утром он встал, поел, попил и, взяв саблю, отправился в лес.

Сестры позавтракали, потом стали вышивать. Старшая и говорит:

— Завтра тебя с зятем отправлю к отцу. Тебя спрячу в серую котомку и накажу ему, чтобы до дома отца мешок с лепешками не трогал. Если же он попытается развязать мешок, ты только скажи: «Вижу!» Если этого не сделать, то он ведь тоже из рода Водяного Владыки. Узнает тебя, сразу отнесет тебя к Водяному Владыке сам и отдаст тебя замуж.

Вечером богатырь возвращается домой, поэтому сестра снова прячет Сереброзубую Пампалче.

— Откуда у нас человеческий запах? — спрашивает богатырь.

— Ой, мой муженек, не место у нас человеческому запаху. Почему напрасно говоришь? — отвечает жена.

Богатырь поел, попил, завалился спать. Утром

встал он, снова стал собираться в лес. Жена не отпускает его в лес, уговаривает его сходить в гости к отцу. Сереброзубую Пампалче посадила в серую котомку, а сверху положила пшеничные лепешки.

— По дороге ты уж не трогай лепешки, донеси их до моего отца в целости и сохранности. Если попробуешь, то свои глаза потеряешь,— сказала жена.

Забросил богатырь на свою спину серую котомку (а там сидела Сереброзубая Пампалче) и направился в гости к отцу жены, тестю.

Шел-шел, через некоторое время снял с себя котомку. Решил он посмотреть, какие лепешки положила жена. Сереброзубая Пампалче со дна котомки крикнула:

«Вижу я!» Осмотрелся богатырь вокруг и подумал: «Жена, оказывается, видит». Про себя он ругает свою жену:

«О-о, какая она, как далеко она видит».

Богатырь идет, шагает по утоптанной дороге. Шел-шел, недалеко от тестя решил отдохнуть. Снова он решил попробовать лепешки.

Сереброзубая Пампалче крикнула со дна: «Вижу я!» Богатырь до того был удивлен и про себя стал ругать свою жену. «Как далеко она видит!»,— подумал он про себя.

Дошел он до своего тестя, поклонился, поздоровался с ним:

— Добрый день! Как поживаешь?

— Здравствуй, проходи, проходи вперед! — говорит тесть.

Богатырь снял свою котомку, вывалил все на стол. Тут Сереброзубая Пампалче выскочила. Богатырь даже глаза вытаращил, потом сказал сердито:

— Хорошо, что я не знал об этом, скажи спасибо. Я бы сам отнес тебя к Водяному Владыке. Теперь как же мне быть? На меня будет злиться Водяной Владыка. Теперь не будет мне житья, проклянет меня Водяной Владыка!

Отец очень обрадовался приходу своей Сереброзубой Пампалче, он ее обнял, поцеловал.

— Ой, ты, моя дочь, моя сердечная! — сказал он.

Тут собрались девушки, парни, они тоже обрадовались ее возвращению, они долго ждали Сереброзубую Пампалче.

САЛТАК ЭРГЕ ИВАН

Ик салтак кугыжалан коло вич ий служитлен да мӧҥгышкыжӧ толеш. Толшыжла, корныштo йӱмыжӧ пеш шуын. Толмо корныштыжо вӱд вакш улмаш. Салтак тудо вакш дек мия, вӱд йӱаш кумык возеш. Ия тудым пондаш гычын пӱтыренат куча. Салтак кычкыраш тӱҥалеш:

— Колто, ия, молан кученат? — манеш.

— Колтем гын, мом пуэт? — манеш ияже.

— Мом пуэм, нимат ом пу! — манеш салтак.

— Нимат от пу гын, ом колто! — манеш ия.

— Тыланет мо кӱлеш? — манеш салтак.

— Кудыштет тыйын палыдыме мо уло, тудым пу! — манеш ия.

— Йӧра, пуэм уке гын,— манеш салтак.

Вара ия тудым колта. Шкеж дек шуэш салтак, эргыже тудым налаш куржын лектеш. Ту эргын лӱмжӧ Иван улмаш. Салтак тиде эргыжым ок шинче, шке кӧргыштыжӧ шоналта: «Но, эргым, тыйым вет мый ужаленам»,— манеш.

Толмекше, ик кече эрта, вес кече эрта, кумшо эрта. Окнашке кагаз толын возеш. Эргыже тудым налеш да лудеш. Кагазыштыже тудым ужалыме нерген возымо. Вара ачажлан ойла: «Ачий, тый мыйым ужаленат улмаш, ынде мый тышечын каем»,— манеш да, котомкам сакен, лектын кая.

Куш шинчаже онча, куш вуйжо пура, тушко кая ынде эргыже. Ер ӱмбаке миен шогалеш. Тушто шога, шога тудо, вӱд гычын иктат ок лек. «Ачий деке мӧҥгӧ ом кай»,— манеш Иван. Кая-кая, корно ӱмбалне кугу тумо шога. Тумо деч умбак корно уке. Иван тудо тумо йыр савырна, тумышто омсам муэш. Омсам шупшыл колта — омса почылтеш, тушечын мланде йымак волаш тошкалтыш шога. Иван туш пура, тошкалтыш дене вола. Волен шогалеш, тушто адакат тыгаяк кече. Корно дене кая, ик пӧрт деке шуэш. Тудо пӧртыш пура. Пӧртыштӧ шоҥго кугыза шинча.

— Кугызай, кутырет? — манеш Иван.

— Кутырем, Иван, тый куш тыге кает? — манеш кугыза.

— Куш шинча онча, куш вуй пура, туш каем,— манеш Иван.

— Мый шинчем тыйын куш кайыметым, тый мыйын изай деке кает. Мыйын изай кугу сатана. Тый

тушко трук миен ит пуро. Мый тыйым кузе миен пурышашым туныктем,— манеш кугыза.— Тый кум шӱдӧ меҥге нурым кае, вара кум шӱдӧ меҥге чодырам кае. Вара адак олык тӱрыш лектат. Олык тӱрыштӧ ер уло. Тый тудо ер воктеке шудо лоҥгаш канаш шич. Тушко латик кӧгӧрчен йӱштылаш толеш. Нуно тушакын, ӱдыр лийын, йӱштылаш пурат. Нуно йӱштыл лектыт да, кӧгӧрчен лийын, адакат каен колтат. Нунын почеш вара икте толеш, тудат ӱдыр лиеш да йӱштылаш пура. Тый тудын вургемжым шылте. Йӱштыл лекмекыже, тудо тыйым тӱрлын лӱдыктылаш тӱҥалеш. «Тый мыйын марием лият» манмешкыже ит лек, тудлан ит кончо, вургемжымат ит пу,— манеш кугыза.

Иван тудо кугыза дечын лектын кая.

Кая-кая, кум шӱдӧ меҥге нурым кая, вара кум шӱдӧ меҥге чодырам кая. Олык тӱрыш лектын, ер воктен шудо лоҥгаш пурен шинчеш.

Латик кӧгӧрчен толеш. Ӱдыр лийын, йӱштылаш пурат, вара, йӱштыл лектын, каен колтат. Вара ик кӧгӧрчен толеш. Йӱштылаш шкетын пура.

Иван тудын вургемжым шыпак налеш да, омыж шудо лоҥгаш пурен, шылын шинчеш.

Ӱдыр йӱштыл лектеш, вургемжым руалта — вургем уке. Серыште кычал пытара — ок му, ерыш пурен, вӱдым луген кычал пытара — уке. Чараш лектын, мландым тарватылеш, тӱрлӧ семын мландым шучкын чытырыктылеш — вургемжым ок му. Чодырам кӱрышт кышкаш тӱҥалеш — ок му. «Кӧ толын тышке, але изай лият, але шольым лият?» — манын кычкыра. Вургем ок лек. «Мыйын вургемем мушо еҥ марием лийже!» — манын кычкырал колта. Вара Иван тудын вургемжым луктын пуа. «Ой, Иван, тый толынат улмаш, ынде тый мыйын марием лият»,— манын ойла ӱдыр. Вара тушто нуно кутыраш тӱҥалыт.

— Но, Иван, мый декем тыланет миен шуаш але кум ий уло. Кум ий гычын тый мемнан деке миен шуат. Мемнан тушто латкандаш пӧрт рат дене шинча. Мийымекет, мыйын пӧртым палашетлан, пӧрт окнашкем порсын тасмам пыштем. Тӱр гычын кумшо пӧрт мыйын,— манын каласкала Иванлан. Шкеже кӧгӧрчен лиеш да каен колта.

Иван почешыже ошкылаш тӱҥалеш. Ик ийым кая, вес ийым кая, кумшо ийлан миен шуэш. Ялыш миен пура, тӱр гычын кумшо пӧртыштӧ тасма сакыман окнам ужеш. Иван тудо пӧртыш пура.

— Ой, Иван, толын шуынат аман,— манеш

ӱдыр.— Иван, ик арням кане мый денем, ачийлан она каласе тыйын толметым,— манеш ӱдыр.

Иван ӱдыр дене ик арням канен ила. Вара ӱдыржӧ манеш:

— Иван, ынде ачий деке кае, капкажым чот гына тӱчын пуро. Пӧртӧнчылым йолет дене тавен кӱзӧ, пӧрт омсажым чот тӱчын пуро, тыйын мийымашешет тудо лачак кочкын шинча лиеш. «Сай илет-кутырет, кугызай, кочкышет перкан лийже!» ман. «Туге лийже, тол пырля кочкаш» манеш. Тый тудын кидше гыч совлажым шупшын нал, киндыжым шупшын нал да кочкаш тӱҥал»,— манын, ӱдыр Иваным туныктен колта.

Иван ӱдыр дечын лектеш да ӱдырын ачаж деке кая. Капкажым чот тӱчын пура, пӧртӧнчылым йолжо дене тавен кӱза, пӧрт омсажым чот гына тӱчын пура.

— Кугызай, сай илет, кутырет? — манеш Иван.— Кочкышет перкан лийже! — манеш.

— Туге лийже, тол пырля кочкаш! — манеш кугыза.

Иван ӱстел деке куржын мия, кугызан кидше гыч совлажым, ончычынжо киндыжым шупшын налешат, шӱрым кочкаш тӱҥалеш. Сатана кугыза ӧрын ончен шинча. Иван шӱрым кочкын пытара.

— Ну, кугызай, тау пукшыметлан! Ынде мом каласет, кугызай? — манеш Иван.

— Толшетла, пеш ноенат вет, Иван. Ик арням кане, вара мый декем тол, мый тыланет пашам пуэм,— манеш кугыза.

Иван адакат ик арням кана. Вара кугыза деке мия.

— Но, кугызай, ынде могай пашам пуэт? — манын йодеш.

— Толшетла, кугу чодырам ужынат. Вот тудо чодыраш каен, ик десятина чодырам руэн, эрлалан куклен пытаре, от пытаре гын, мый тыйым кочкам,— манеш кугыза.

Иван, ойгырен-ойгырен, ватыже лийшашлык ӱдыр деке кая. Миен пура.

— Ачат мыланем толмаш корныштo улшо кугу чодыраште ик десятина чодырам эрлалан руэн, куклен пытараш шӱдыш, кузе тидым ыштен шуктем? — манын шортын колта.

— Ит ойгыро, Иван, таче малаш воч,— манеш ӱдыр.

Иван малаш возеш. Ӱдыр окнам почеш, шоик шӱшкалта. Окна йымаке пытыдыме шуко пашазе-влак

толын шогалыт. «Те чодырашке кайыза, ик десятина кожлам руэн, эрлалан пундышыжым куклен пытарыза, ик омартам Иванлан, пу орашке нангаен кертшашлыкым, ямдылен пыштыза»,— манын, нуным чодыраш поктен колта.

Пелйўд шуэш, ватыже лийшаш ўдыр Иваным кычкырен кынелта: «На, тиде шке чонгештыше ковершыш да кожлашке кае. Ынде руэн пытарен улыт. Тушто тыланет омарта орашке нангаен шуашет изи омартам ямдылен улыт. Тый тудо омартам нангайышын кой, тыйын нангайымет туралан лач ачий ончаш миен шуэш»,— манын, Иванлан ковершым пуа да шынден колта.

Иван миен шуэш руэмышке, тушто чынак ик омартам ямдылен пыштыме, чодырам чыла руэн, куклен пытарен улыт, товар руалшаш веле кодын. Иван тудо ямдылен пыштыме омартам вече ўмбакше пышта да, нангаен, омартала ўмбак шуа. Тудо жапыште кугу сатана, миен, ончен шога.

— Пашам пытарышыч, Иван? — манеш сатана.

— Пытарышым, йўдвошт руэн, куклен ноенат пытышым,— манеш Иван.

— Ужам, ең вий дене ыштенат, кастене адакат мый тыланет вес пашам пуэм,— манын, кугу сатана савырна да кая. Иван кастене адак сатана дек мия.

— Ну, кугызай, ынде могай пашам пуэт? — манын йодеш.

— Кызыт куклымо мландетым курал, ўдö, шурным тўред, йонгышто, ложашыж дене киндым ыште, ик сукыр киндыжым мыланем кочкаш кондо,— манын, Иваным колта.

Иван, пеш чот ойгырен, лектын кая ватыж деке. Миен пура да тыгак чыла кугу сатанан ойлымыжым раш каласен пуа. Ватыже тудлан «Малаш воч!» манеш.

Иван малаш возеш. Ватыже окнам почеш да шоик шўшкалтен колта. Пашазе-влак толын шогалыт. «Тенгече руэн куклымо мландым курализа, ўдыза, шурным тўредса, шийза, йонгыштыза, киндым ыштен, ик сукырым кондыза, киндыже куштылго лийже»,— манын, пашазе-влакым колта.

Пелйўд шуэш, ватыже Иваным кычкыра. Пашазе-влак деке ўдымашке колта. «Тушто тыланет кондаш ик сукыр киндым ямдылат, тый тудым кондо шўкен, пöртöнчык шуктымекет, омсам почдеак шўкал колто. Кинде сукыр омсам шўтен пурен кайыже, тый шкеже

пуро да, «На, темдыме, коч, тыйын пашаштет йӱдвошт ноен пытышым» ман, манын туныкта.

Иван кинде сукырым шӱкен конда, пӧртӧнчык шӱкен кӱзыкта, пӧрт омсам почдеак, сукыржым шӱкал колта. Кинде сукыр омсам шӱтен пурен кая. Вара Иван пура да ойла:

— На, темдыме, коч, тыйын пашаштет йӱдвошт ноенат пытышым! — манеш.

— Мо, ең вий дене ыштымеке ноенат? — манеш сатана.

— Ынде могай пашам пуэт? — манын, Иван йодеш.

— Кермычым кыре, черкым опто, черкыште чаҥ шкак кыралтше, поп служитлен шогыжо, ик йӱдыштӧ от шукто гын, кочкам,— манеш сатана.

Иван адакат ойгырен лектын кая ватыж деке. Мия да ватыжлан ачажын кӱштымыжым каласа. «Иван, ит ойгыро, малаш воч»,— манеш ватыже.

Иван малаш пурен возеш. Ватыже, окнам почын, шӱшкалтен колта, адакат пытыдыме пашазе-влак толын шогалыт. Нунылан Иванын ватыже ойла: «Кермычым кырыза, черкым оптыза, чаҥ шкак кыралтше лийже, черкыште поп служитлен шогыман лийже. Омса ӱмбалан ик пудам кырыде кодыза, чӧгытшат кум пудан туштак лийже пуда кыраш»,— манын, пашазевлакым колта.

Пелйӱд шуэш, Иваным ватыже кычкырен кынелта: «Иван, ынде пуда кырашет кае, тошкалтышыш шогалын, пуда кырымет жапыште ачий мия да сӧсна лийын лектеш, тыйын волыметым вучен шогаш тӱҥалеш. Тый, тошкалтыш гычет волыде, вигак тудын вуйышкыжо чӧгытым шу»,— манын туныктен колта.

Иван лектеш да кая черке омса ӱмбалне пуда кыраш.

Иван омса ӱмбалне пудам кырен шинча, сӧсна тушто тудын волымыжым ваҥен кудалыштеш. Иван пудажым кырен чарна да кум пудан чӧгытшым сӧсна вуйыш шуэн колта, сӧсна магырен кудалеш.

Иван тушечын вола да кугыза деке кая. Миен пура. «Ну, кугыза, таче йӱдвошт пашам ыштен-ыштен, ноенат пытышым, ынде могай пашам пуэт адак?» — манын йодеш.

Сатана кугыза вуйжым пӱтырен шинчын да шинча. «Да, пашам ыштенат ең вий дене. Мыйын индеш ий годсек пукшен шогыктымо ожо уло, тудлан але шӧрмычым чиктен ончымо огыл, тудым туныкташ тӱ-

ңалат. От сеңе гын, мый тыйым кочкам»,— манын ойла сатана кугыза Иванлан.

Иван ватыж деке кая да ачажын ойлымым ватыжлан ойла. «Ачийын ожыжо уке, тудо шке, ожо лийын, вӱташ шогалеш. Тыйым тудо тавен пуштнеже. Тый тудын шогымо вӱташкыже пурет, тудо тыйын ваштарешет, йолжо дене руэн, кудал толеш, тый пудан чӧгыт дене вуйжо гыч кыре, чоңешташ эрыкым ит пу, колымешкыже кыре»,— манын ватыже, Иваным туныктен колта.

Иван лектын кая, вӱташ миен, омсам почын шогалеш. Ожо ваштарешыже мӱгырен, йолжо дене руэн, кудал толеш. Иван пудан чӧгыт дене вуйжо гыч перен колта. Ожо уш каен йӧрлеш. Вара Иван тудлан шӧрмычым чикта, ӧртньӧрым пышта, кӱзен шинчын, вӱта гычын лектеш. Ожо южыш кӱзен каяш толаша. Иван тудым пылыш тӱңгжӧ гыч чӧгыт дене шелыштеш. Иван, кырен-кырен, кудывечыште кудалыштеш. Вуй гыч кырыме дене имне колаш вийналт возеш. Иван садыгак кыра. Имне чуч гына шӱлен кия. Иван тунар тудым кырен. Вара тудо имньым Иван тыгак коден кая кугыза деке. Иван миен пура, кугыза чуч шӱлен шинчылтеш.

— Кугызай, тыйын ожет мыйым чуч тавен ыш пушт. Тудын дене толашен, нойышымат,— манеш Иван.— Ынде могай пашам пуэт, кугызай?

— Ынде паша уке, ынде мыйын ик ӱдырем марлан нал, мыйын латкок ӱдырем уло, сейчас сӱаным ыштена,— манеш.

— Мый кызыт кудо ӱдырет дене илем, тудымак налам,— манеш.

— Уке, мый нуным латкок көгӧрченым ыштен луктам, кудыжым тый парнят дене ончыктет, тудыжым налат,— манеш сатана.

Иван ватыж дек толеш да ачажын ойлымыжым каласа: «Ачат тендам көгӧрченым ыштен луктеш, тыйым кузе палаш латкокытышто?» — йодеш Иван.

— Тый чот кӱтӧ, мый, луктын колтымекыже, ӱлык волен шинчам да кӱш чоңештен кӱзем,— манеш ватыже.— Парнят дене тудым ончыкто,— манеш.

Кугыза латкок ӱдыржым көгӧрченым ыштен луктын колта.

— Иван, кудыжо ватет лиеш? — манеш кугыза.

— Тидыже мыйын ватем лиеш,— манеш, ӱлык да кӱш чоңештылше көгӧрченым ончыкта.

— Тиде але шагал, але латкок шорыкым ыштен

луктам, кудыжым кучен кертат, тудыжо ватет лиеш,— манеш сатана кугыза.

Иван адакат ватыжлан сатана кугызан ойлымыжым миен ойла.

— Омса гычын кок шорык лектеш, кумшыжо мый лектам, тый кумшыжым кучо,— манын туныкта ватыже.

Сатана кугыза ӱдыржӧ-влакым шорыкым ыштен луктын колта. Иван кумшылан лекше шорыкым руалтен куча:

— Тиде мыйын ватем лиеш,— манеш Иван.

— Тиде але шагал, мый нуным латкок шырчам ыштен луктам, кудыжым парнят дене ончыктет, тудыжым марлан налат»,— манеш сатана.

Иван ватыж деке кугызан ойлымыжым миен каласа.

— Мый тӱр гычын кумшыжо лиям, чӱчалташ тӧчен, лӱҥген кечем, тый тудым ончыкто»,— манын туныкта ватыже.

Сатана кугыза латкок шырчам луктын сака.

— Иван, кудыжо тыйын ватылыкет? — манын йодеш.

Тӱр гычын кумшо шырча чӱчалташ тӧчен кеча, Иван тудым ончыкта.

— Йӧра тугеже. Ынде тыйын ватет лийже,— манеш сатана кугыза, чойн мончаш олташ кӱшта.

Мончаш олтен шындат, монча деке лишке мияш ок лий, тунар олтыктен. Иван ден ватыжым мончаш когартен пуштын, шке кочкын колтынеже. Иванын ватыже мончашке кая, выньыклан ойлен кода: «Ачам толын йодеш гын, «Эше кырена выньык дене» манын ойло»; воллан: «Эше мушкына манын каласе»; коркалан: «Эше йӱштылына манын каласе» манын, чылаланат каласыза»,— манеш да марийже дене коктын лектын куржыт.

Кугу сатана пӱйжым шумаш тӱҥалеш. Вара ик ӱдыржым палаш колта. «Вашке лектыт мо, йодын тол»,— манеш.

Ӱдыржӧ каен колта. «Але огыда лек мо?» — йодеш.

Вол мончаште, «Але мушкына веле» манын, ваштареш ойла.

Ӱдыр ачаж дек толеш да «Але мушкыт веле» манын каласа.

Изиш лиймеке, сатана адакат ӱдыржым колта. «Вашке лектыт мо, йодын тол»,— манеш.

Ӱдыржӧ кая, мончаш миен шуэш да «Вашке лектыда мо?» манын кычкыралеш.

Выньык кычкыралеш ваштарешыже: «Але кырена веле»,— манеш.

Ӱдыр адакат ачаж деке кая да «Але выньык дене кырат веле» манын каласа.

Изиш лиймеке, сатана адакат ик ӱдыржым колта. «Вашке лектыт мо, пален тол!» — манеш.

Ӱдыржӧ адакат каен колта, йодеш: «Вашке лектыда мо?»

«Ынде вашке лектына, йӱштылына веле» манын, корка кычкыра.

Ӱдыр ачаж деке вашке куржын мия да «Ачий, вашке нуно лектыт, ынде йӱштылыт» манын каласа. «Айда вашкерак куржына кочкаш» манын, ачажым ӱжеш.

Ачаж ден ӱдыржӧ-влак тушко Иван ден ватыжым кочкаш куржын мият — мончаште нуно уке улыт. «Нуным поктен куржса, кучен кондыза!» манын, сатана кугыза ӱдыржӧ-влакым поктен колта.

Ӱдыр-влак Иван ден ватыжым поктен куржыт. Иванын ватыже нуным поктен мийымым шижеш. «Иван, мемнан почеш поктен толыт, вашке поктен шуыт, тый черке лийын шогал, мый шӱкшӧ кува лиям»,— манеш. Нуным латик ӱдыр поктенат шуыт. Черке воктене кумал шогышо кува дечын йодыт:

— Кувай, тышечын марий ден вате эртен кайымым ыжыч шеклане?

— Ынде тыште кум кече кумал шогем, иктымат эртен кайышым ыжым уж,— манеш кува.

— Ынде поктен шуаш ок лий,— маныт ӱдыр-влак да шке декышт мӧнгеш каят.

Ачашт дек мият да «Поктен шуаш ыш лий» манын каласат.

— Корныштo иктажым ужда? — манын йодеш ачаже.

— Ик черке воктене кумал шогышо шӱкшӧ кувам ужна. Тудын дечын йодна. Тудо «Иктымат кайышым ыжым уж» манын каласыш,— маныт.

— Вот нунак тыге лийын шогалын улыт. Нуным черкыжге, куважге кондаш кӱлеш ыле, мый нуным когыньыштымат кочкам ыле,— манеш сатана кугыза.

Ачаже шке лектын кая. «Шке нуным поктен шуын кочкам» манын куржеш. Иванын ватыже адакат поктымым шижеш. «Иван, мемнам адакат поктен толыт, ындыже ачий шке толеш, вашке поктенат шуэш,— ма-

неш ватыже.— Тый ер лий, мый кол лиям»,— манеш.

Ватыже кол лиеш, марийже ер лиеш.

Ачаже нуным поктен шуэш. «А-а, те пеш чоя улыда, марийже ер лийын, ватыже кол лийын! — манеш сатана кугыза.— Ындыже верештда, кучен кочкам!» — манын, нужгол лиешат, ерыш пурен кая. Тушто колым кучаш поктыл коштеш-коштеш, кучен ок керт да сырен лектеш. Вара серым каткала. «Нигудыжат тышечын каен ида керт, коктынат тыгак лийын кодса!» — манын, серым каткала. Вара кая. Кол лийшет лектеш да серым ачала, марийжымат ер гычын айдемыш савыра, адакат ончык ошкылаш тӱҥалыт.

Каен-каен, сатанан шольыжын пӧрт дек шуыт. Тудо пӧртыш огыт пуро, вара омсан тумо деке тошкалтыш дене кӱзат. Тошкалтышым кӱзен, омса гычын лектын, ачаж деке Иван ватыжым наҥгая. Ачаж деке миен шуыт, сӱаным ыштат, илаш тӱҥалыт.

Тудо сӱанышкыже мыят миенам ыле, ик корка пурам пуышт да пураже умшашкем ыш логал, умша воктечем йоген каен колтыш.

Йомак — умбак, мый — тембак.

СОЛДАТСКИЙ СЫН ИВАН

Прослужив двадцать пять лет, солдат возвращался домой. Перед самым домом ему встретилась мельница. Он наклонился пить над мельничным прудом. Тут черт схватил его за бороду.

— Отпусти, черт, зачем схватил? — спрашивает солдат.

— А что дашь, если отпущу? Ничего не дашь — не отпущу!

— А что тебе нужно?

— Отдай то, что не знаешь дома,— заявляет черт.

— Ну хорошо, отдам! — согласился солдат.

Черт отпустил солдата. Приходит он домой. Выбегает ему навстречу его сын, а он не знает сына. А сына звали Иваном. «Ну, сыночек, я, оказывается, продал тебя»,— подумал он про себя.

Проходит день, проходит другой, третий проходит. Прилетает в окно бумага. Сын взял и прочитал. Прочитав, говорит отцу: «Ну, отец, ты меня продал на пути домой. Раз продал,— заявляет сын,— тогда я уйду, отец».

Надевает котомку и отправляется.

Идет, куда глаза глядят, куда ум-разум ведет. Приходит к озеру. Стоял, стоял там — никто не выходит из озера. «Нет,— решает он,— не возвращусь больше к отцу, раз он продал: уйду куда-нибудь».

Шел-шел, встречается ему на дороге большой дуб. Дальше дуба дороги нет. Обошел вокруг дуба — на дубе видит дверь. Потянул дверцу — она открылась, а там — лестница, ведущая под землю. Он спускается туда по этой лестнице. Там тоже такие же луга и леса. Идет по дорожке — стоит одинокий дом. Заходит туда: в доме сидит один старик.

— Ну, дедушка, здравствуешь? — здоровается он.

— Здравствуй! А ты, Иван, куда направился?

— Иду, куда глаза глядят, куда ум-разум ведет.

— А я знаю, куда ты идешь,— заявляет старик.— Ты идешь к моему старшему брату: мой брат — главный сатана. Ты не ходи к нему сразу, я тебя научу, как сделать. Пройдешь триста верст полем, пройдешь триста верст лесом, потом дойдешь до края степи. На краю степи встретится озеро. Ты спрячься на берегу озера в камышах. Туда прилетят одиннадцать голубей. Они, превратившись в девушек, пойдут купаться. Выкупаются — опять улетят, превратившись в голубей. За ними прилетит одна голубка. Она тоже, превратившись в девушку, пойдет купаться. Ты спрячь ее одежду. Она начнет тебя стращать по-всякому, а ты, пока она не скажет: «Будешь моим мужем!» — не отдавай ей одежды.

Выходит Иван от старика и отправляется дальше. Проходит полем триста верст, проходит лесом триста верст, выходит на край степи, а там — озеро. Он устроился на берегу озера. Прилетели одиннадцать голубей, выкупались и улетели. За ними прилетает одна голубка, заходит одна купаться. Взял Иван ее платье и спрятался в камышах. Выкупалась девушка, хвать — одежды нет! Все обшарила, нигде нет. Взболтала все озеро, начала рыться в земле, стараясь этим нагнать на него сильный страх,— одежды нет! Начала таскать лес, вырывать его,— а одежды нет! «Кто,— говорит,— пришел сюда — или братом, или братишкой будешь?» Опять одежда не появляется. «Ну,— говорит,— пусть будет моим мужем тот, кто вынесет мою одежду». Выносит ей одежду Иван. «Ой,— говорит она,— Иван, ты пришел! Ну, теперь ты будешь моим мужем». И начинают они беседовать друг с другом.

— Вот, Иван, чтобы тебе дойти до меня, надо три года. Придешь ты через три года к нам. У нас там стоят восемнадцать домов подряд. Тебе для опознания повешу шелковую ленточку на свое окошко. С края третий будет мой дом.

Попрощались они. А девушка, превратившись в голубку, полетела.

Ну, идет Иван. Проходит год, проходит следующий, проходит и третий год. Заходит в эту деревню, увидел ленточку в окне третьего дома и заходит в этот дом. «Ой, Иван, ты прибыл!» — встречает его девушка. Поздоровались. Говорит ему девушка: «Ну, отдохни одну недельку, не скажем мы отцу о твоем приходе».

Прошла неделя. «Иди,— говорит,— теперь к отцу».

Отец жил там же. «Крепче прихлопни ворота, когда поднимешься в сени, шуми, грохочи, сильно топай ногами и крепче прикрой двери. Он будет в это время обедать. Скажи ему: «Здравствуй, дедушка! Хлеб да соль!» Он ответит: «Спасибо, иди ко мне вместе обедать». Ты подойди да отбери у него ложку из рук, выхвати хлеб из его рук и начни есть сам».

Затем отправился Иван к большому сатане. Сильно захлопнул ворота, стал подниматься в сени, шумит, грохочет, топает, шумно прикрывает двери,— даже дом задрожал.

— Здравствуй, дедушка!

— Здравствуй,— отвечает он.

— Хлеб да соль!

— Спасибо, иди вместе обедать,— отвечает тот.

Подбегает он, выхватывает ложку из его рук, отнимает кусок хлеба, продвигает к себе чашку и начинает есть. Главный сатана удивленно смотрит на него. Иван съедает все.

— Ну, спасибо, дедушка! — говорит Иван.— Что теперь скажешь, дед?

— Ты ведь, Иван, устал на пути,— говорит старик.— Отдохни недельку, через неделю я тебе дам работу.

Прошла неделя, Иван пришел к нему.

— Ну, какую работу дашь? — спрашивает Иван.

— Ты видел на пути лес? Пойди ты сегодня ночью туда, выруби одну десятину леса, выкорчуй все пни. Не сделаешь за ночь — съем тебя,— говорит старик.

Ушел Иван, опустив голову с горя, к жене. Передает он жене:

— Вот твой отец поручил мне вырубить лес, через который я пришел, одну десятину, выкорчевать пни в одну ночь.

— Не горюй, ляг лучше спать.

Иван лег спать. Жена открыла окно и свистнула. К ней прибежали работники. «Идите сейчас же, живо вырубите одну десятину леса, выкорчуйте пни, только приготовьте один под силу Ивану пень, чтобы он унес в общую кучу!»

В полночь она будит Ивана. «На,— говорит,— ковер-самолет, лети в лес. Кончили рубить, снеси один пень в кучу — в это время прибудет с проверкой отец!»

Он сел на ковер-самолет да полетел, быстро долетел. И взаправду приготовлен для него один пень. Осталось только вспахать. Берет он пень на плечи и уносит в кучу. В это время подошел с проверкой главный сатана.

— Кончил работу, Иван? — спрашивает он.

— Кончил,— отвечает он.— Работал всю ночь, выполняя твое поручение, даже устал.

А сатана ему говорит:

— Да,— говорит,— работал ты чужой силой,— повертывается и уходит.— Приди,— говорит,— вечером, дам еще другую работу.

Приходит Иван к нему вечером опять.

— Ну, какую работу дашь?

— Землю, которую раскорчевал, вспаши, посей, выжни, смолоти, смели, испеки хлеб и привези мне один каравай свежего хлеба есть!

Опять Иван сильно закручинился. Пришел и поведал о своей печали жене. «Не тужи! Ложись спать»,— говорит ему жена.

Иван ложится спать. Жена раскрывает окно и свистит. Приходят к ней рабочие. Она говорит им: «Давайте посейте, выжните, смолотите, испеките хлеб и привезите один каравай хлеба, и чтобы каравай был легким».

Наступила полночь, она будит Ивана: «Ну, вставай, Иван! — говорит жена.— Как ты принесешь каравай хлеба отцу, подними его в сени и толкни в избу, не открывай дверей — пусть влетит, двери продырявит. Зайди и скажи: «На, обжора, жри!»

Так и сделал Иван, потом сказал:

— Сегодня я совсем устал от твоей работы за ночь.

— Да,— отвечает он,— ты работал чужой силой!

— Ну, какую работу дашь? — спрашивает Иван.

— Наделай кирпичей, выстрой церковь, чтобы колокола звенели сами и служил бы там поп. Не успеешь — съем!

Опять он с горькими думами приходит к жене. Пришел, рассказал жене. Жена говорит ему: «Не тужи, Иван! Ложись спать!»

Иван ложится спать. Жена открывает окно и свистит. Приходят рабочие. «Давайте,— говорит жена Ивана,— наделайте кирпичей, выстройте церковь, чтобы колокола звенели сами и служил бы там поп. Над дверьми оставьте место для одного гвоздя, и чтобы гвоздь там был готовый и висел бы там наготове трехпудовый молот.

Рабочие уходят. В полночь будит жена Ивана: «Иди,— говорит,— забей гвоздь! Когда ты будешь сидеть на лесенке и забивать гвоздь, отец выйдет, превратившись в свинью. Он будет ждать, когда ты спустишься. Как спустишься ты, он будет готов тебя съесть. Ты брось ему в голову свой трехпудовый молот».

Иван отправляется забивать гвоздь над церковными дверями. Сидит, забивает гвоздь, а внизу тут как тут бегает свинья, поджидает, когда он спустится. Увидев свинью, Иван бросил свой молот на ее голову. Свинья, оглушенная, упала; потом вскочила и с визгом убежала. Иван спустился, отправился к старику.

— Ну,— говорит,— работал-работал всю ночь, устал совсем.

А сатана сидит, завязав себе голову.

— Да,— говорит,— работал ты чужой силой!

— Ну, еще какую работу дашь?

— Давай пообедай и приходи. У меня имеется девятилетний жеребец. Девять лет я не надевал на него узды. Начнешь обучать его. Не сможешь — съем!

Иван пришел к жене и рассказал о своей беде. Жена отвечает ему: «У отца нет жеребца: сам он станет в хлев, обернувшись жеребцом, тебя хочет затоптать. Ты зайдешь,— говорит она,— в хлев, а он устремится к тебе, чтобы затоптать. Возьми пудовый молот и прямо стукни этим молотом. Он упадет, тогда надень на него узду, положи седло и сядь на него. Выедешь на волю — он попытается подняться на воздух. Ты бей его молотом по голове. Бей до смерти».

Иван отправился. Придя в хлев, открыл двери. Ему навстречу выбегает конь и ржет дико. Он ударяет его пудовым молотом по голове. Тогда жеребец падает без дыхания. В это время Иван надевает на него узду, седлает, садится на него и выезжает. Жеребец пытается взлететь на воздух, а Иван бьет его молотом по голове. Подгоняет его вперед, все время ударяя молотом по голове. Бил до того, что лошадь растянулась, а он продолжает ее бить. Жеребец похрапывает, чуть жив. Потом Иван перестал бить и зашагал к старику. К приходу Ивана старик уже сидел там, перевязав свою голову. Сидит он чуть жив.

— Ну и мучился с твоим жеребцом: чуть меня не затоптал! — заявляет Иван. Потом он спрашивает его: — Ну, теперь какую работу дашь мне?

— Работы нет,— заявляет сатана.— Бери сейчас же одну девушку — у меня их двенадцать, возьми и сыграем свадьбу.

Иван ему отвечает:

— Ту возьму, с которой живу как с женой.

Возражает ему главный сатана:

— Нет,— говорит,— я превращу их в двенадцать голубей, которую укажешь пальцем, ту и возьмешь.

Приходит к жене, объясняет ей:

— Твой отец выведет вас, превратив в двенадцать голубей. Как тебя узнать?

— Ты смотри, я буду то подниматься вверх, то опускаться вниз, то подниматься, то опускаться.

Старик выводит двенадцать голубей.

— Ну, покажи, Иван!

— Вот,— отвечает,— эта голубка, которая то поднимается, то опускается, то поднимается, то опускается, она будет моей женой.

— Нет,— отвечает сатана,— я еще превращу их в двенадцать овец. Которую поймаешь, та будет твоей женой.

Опять он передал жене. «Выйдут две овцы, третьей выйду я — и ты лови ее»,— говорит жена.

Сатана вывел своих дочерей, превратив их в овечек.

И вот точно — вышли две овечки. Он поймал третью.

— Вот,— говорит,— она будет моей женой!

— Нет,— говорит,— еще я испытаю тебя! Я превращу их в двенадцать росинок, которую пальцем укажешь, та будет твоя.

Опять учит его жена: «Я буду с краю третьей, буду висеть, покачиваясь, будто хочу полететь вниз».

Ну и сделал сатана двенадцать капелек.

— Иван, которая твоя жена?

Иван показывает третью с краю, которая висит, покачиваясь.

— Ну, хорошо, теперь это твоя жена. Давайте затопите чугунную баню, будете мыться,— говорит сатана.

Накалили баню до того, что близко нельзя подойти. Сатане очень хочется испечь Ивана с дочерью и съесть. Пошла жена Ивана в баню и сказала венику: «Если придут спрашивать, скажи, что еще паримся».— Наказывает корыту: «Если спросят, скажи, что еше моемся».— Наказывает ковшу: «Если придут и спросят, скажи — уже окачиваемся». А сами выходят из бани и бегут с мужем.

Главный сатана точит свои зубы.

— Давай сходи,— посылает дочку,— помылись ли они?

Она пошла и спросила: «Помылись или нет?»

Корыто отвечает ей:

— Еще только моемся!

Приходит она и докладывает отцу: «Пока они только моются».

Через некоторое время сатана снова просит дочь: «Давай скажи, пусть выходят скорее!»

Она пошла и спросила: «Скоро выйдете?»

Отвечает веник ей:

— Еще только паримся.

Снова посылает свою дочь: «Спроси, скоро выйдут?»

Дочь сатаны идет к бане и спрашивает:

— Выходите, что ли?

— Окачиваемся,— отвечает ковшик.

Прибегает она к отцу: «Айда,— говорит,— пойдем есть их, они выходят!»

Подбегают, а в бане Ивана с женой нет: они давно убежали. Тогда отец говорит своим дочерям: «Давайте,— говорит,— догоните, изловите их!»

Ну, гонятся, ну, гонятся! Жена Ивана почуяла погоню. «Ну, Иван,— говорит она,— за нами — погоня, скоро нас догонят».

Сделала жена Ивана церковью, а сама превратилась в старушку. Она стояла и молилась. Тут прилетели одиннадцать девушек.

— Видела ты проходящих мужчину с женщиной? — спрашивают они старушку.

— Три дня я здесь молюсь — еще никого не видела! — отвечает она.

«Ну, уж теперь нам их не догнать»,— решив так, они повернули обратно домой.

Приходят к отцу, говорят ему:

— Не догнали мы их.

— А что в дороге встретили? — спрашивает отец.

— Стояла церковь, и молилась там дряхлая старушка.

— Вот ведь, как раз они и были! Привезли бы и церковь, и старушку. Вот мы бы поели их.

Отец отправился за ними сам. «Догоню и сам съем»,— думает он.

Опять почуяла погоню жена Ивана. «Ох,— говорит,— отец сам гонится, скоро нас догонит!» Она превращает мужа в озеро, а сама, превратившись в ерша, уплыла в воду. Подлетает отец. «А, попались! — кричит он.— Вот вы какие хитрые: муж превратился в озеро, а жена — в ерша! Все равно съем!» Превратился сатана в щуку, бросается в озеро. Ну, и гонится за ершом в озере. Гонялся, гонялся — так и не смог поймать. Отступившись, выходит. Вышел и стал ломать берег. Он с отчаянья проклял: «Пусть никогда вам не уйти отсюда! Пусть пройдет здесь весь ваш век!» И с этими словами отправился домой.

А меж тем выходит ерш, превращается в женщину. Она поправила берега по-старому, превратила озеро в своего мужа. Иван стал таким, как прежде. Они отправляются дальше. Шли-шли, дошли до дома брата сатаны. Они не стали заходить к нему. Подошли к стоящему дому, поднялись по лестнице. Поднявшись, открыли дверь в дубе, прошли и подошли к дому отца. Иван ведет жену к отцу. Дошли до него, сыграли свадьбу. Стали жить вместе.

И я был на этой свадьбе. Подали мне пиво, по губам текло — в рот не попало.

Сказка прочь — а я ближе.

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ ЛАСТОЧКИН

Марий улмаш Алексей Григорьевич Ласточкин. Тудо латкок поступан вакшым ыштынеже. Эртак кӱртньӧ омса лийже, латкок омса. Плотникым кычал коштеш-

коштеш, нигуштат ок му. «Ия ышта гынат, ыштыктем ыле»,— манеш. Тыге шонен веле шукта — ваштарешыже ик чал пондашан кугыза толынат шуэш. А тудо кум ий годым кычал коштын.

— Мом ойлышыч, Алексей Григорьевич? — манеш кугыза.

— А мом ойленам, ия ышта гынат, ыштыктем ыле, маньым,— манеш.

— Ышт ена. Мӧҥгыштет мо шонымет кодын, тудым пу, ышт ена.

— Мо кодын, нимат ом шинче,— манеш Алексей Григорьевич.

Мӧҥгышкӧ мия, кок йоча кум ияш-влак куржталыт, ӱдыр ден эрге. Кайымыж шеҥгеч ватыже йыгырым ыштен.

— Но ынде кертым вет, лучо вакшыжат ок кӱл ыле. Шке шочшем шке иялан ужаленам ынде,— манеш Алексей Григорьевич.

Вот ила ала-мыняр ий ынде. А ия-влак вакшым ыштенат пытарат. Алексей Григорьевич мӧҥгыжӧ толеш.

— Но, ӱдырем ден эргым, куржса те иктаж-кушко ынде,— манеш.

Нуно лектыт да куржыт. Куржыт-куржыт, ик изи пӧртышкӧ миен пурат.

Ӱстембалне ик курика кинде кия. А мӱшкырышт пеш шужен. Тудым коктын кочкын колтат, коҥга йымак пурен возыт коктынат. Ик шоҥго кугыза кок пий дене толын пура, пычал дене. Пий-влак коҥга йымак пеш оптат.

— Кӧ тушто уло, лекса! — манеш кугыза.

Йоча-влак шортын-шортын лектыт.

— Эрла эрдене кынелза да адак куржса,— манеш кугыза.

Нуно адак куржыт. Кас шуэш, адак тугай изи пӧртышкӧ пурат. Ӱстембалне изи курика кия. Тудым коктын кочкын колтат. Адак тудо кугыза толын пура кок пийже дене. Пий-влак пешак коҥга йымаке оптат.

— Кӧ тушто уло, лекса! — манеш кугыза.

Нуно адак шортын-шортын лектыт.

— Вот тыланда ӱстембал шовычым пуэн кодем, тугай теҥгыз деке миен шумекыда, тиде ӱстембал шовычым лупшалза, вара кӱвар лийын шинчеш. Те тушечын вончыза. Ия-влак тендам пеш поктат, кычалыт,— манеш кугыза. Шкеже лектеш да кая.

Эрлашыжым эрдене кынелыт йоча-влак, пеш куржыт. Миен шуыт тудо теҥыз деке да лупшал колта ӱстембал шовычым Иван (эре йомакын Иван, эре тугай), да кӱвар лийын шинчеш. Теҥыз гоч вончат кӱвар дене, ӱстембал шовычым поген налыт, кӱвар адак йомеш. Ия-влак толын шуыт, теҥыз гоч вончаш ок лий, кӱвар уке.

Теҥыз вес серыште пеш кугу пӧрт шинча. Саде пӧртышкӧ пурат, тушто тудо кугызак шинча. Вот кугыза йоча-влакым ашна ала-мыняр ий. Ынде нуно кугу лийыныт.

— Но, эргым, ынде мый колем вет, но кугызатым ушештаре кунам-гынат. Вот мыйын семынак чодыраш кошт, пычалем пуэм, кок пием кодеш,— манеш да кугыза колен колта.

Тудым тоят сайынак коктын. Илен тудо чодыра покшелне.

— Но, шӱжарем, мый охотыш каем ынде,— манеш Иван.

А вараш кок игыж дене коштеш.

— Вараш, тыйым лӱем вет,— манеш сонарзе.

— Ит лӱй, ик игем пуэм,— манеш.

Вараш ик игыжым пуа. Сонарзе конда тудым.

— Ну, шӱжарем, тиде кайыкым ончо, пукшо, йӱктӧ,— манеш.

Эрлашыжым адак кая. Мераҥ кок игыж дене коштеш.

— А мераҥ, тыйым лӱем вет,— манеш.

— Ит лӱй, ик игем пуэм,— манеш мераҥ.

Мераҥ ик игыжым пуэн колта. Иван адак шӱжаржылан пуа тудым.

— Йӱктӧ, пукшо, ончо! — манеш.

Эрлашыжым адак кая кок пийже дене. Пире кок игыж дене коштеш.

— Пире, лӱем вет тыйым,— манеш.

— Ит лӱй, ик игем пуэм,— манеш тудо.

Пире ик игыжым пуа, Иван адак наҥгая.

— Йӱктӧ, пукшо! — манеш шӱжаржылан.

Вес кечын эрдене адакат тудо кая чодыраш кок пийже дене. Ужеш — маска кок игыж дене коштеш.

— Маска, мый тыйым лӱем! — манеш Иван.

— Ит лӱй, ик игем пуэм! — манеш Маска.

Маска ик игыжым пуа. Мӧҥгышкыжӧ тудым конда да ойла:

— Пукшо, йӱктӧ!

Иван эре сонарыш веле коштеш, а шӱжарже эре

вольыкым онча. Нине вольык-влакет пеш кушкыт. Иван эре коштеш, да шӱжаржылан илашыже пеш йӧсӧ шкетланже. Ия пеш вончынеже тушко. Вот ӱдырет ӱстембал шовычым налеш да лупшал колта. Иям вончыктара. Ия дене коктын илат. Ия айдеме гаяк лийын. Изаже толын пура. Изажым йӱкта, пукша, изаже иям ок уж. Ия ок кончо. Адак сонарыш лектын кая.

— Айда изатым пуштына иктаж-семын! — манеш ия.

— А кузе пуштат тудым? — манеш шӱжарже.

— Тый туешке,— манеш ия.

Изаже толын пура, шӱжарже туйо лийын да манеш:

— Ой, изай, пеш туешкенам, кочкаш луктынат ом керт, иктаж доктор дек миен тол, эмым кондо,— манеш.

Изаже кая доктор деке. Конда эмым, йӱкта, ок тырле, эре туйо веле. Ик доктор дек кая, вес доктор дек кая, изаже пеш тырлыктарынеже. А ият лектын да ойла:

— Тый омым ужшо лий: тугай латкок поступан вакш уло, тудо вакш гыч ик пуд шыдаҥ ложашым кондет гын, тырлем манын ойло. Уло вольыкшыге кайыже,— манеш.

Изаже толын шуэш.

— Изай, таче омым ужынам, вот тугай-тугай вакш гыч шыдаҥ ложашым кондо, ик пудым. Тудо киндым кочкам гын, тырлем. Уло вольыкетге кай, уке гын пукшен ом керт,— манеш шӱжарже.

Иван ӱстембал шовычым налеш, пийге-моге, пычалге кая. Миен шуэш вакш деке, ачаже шога.

— Тый, Алексей Григорьевич, ик пуд шыдаҥ ложашым ужале («ачий» манынат ок ман, шкежат ок шинче).

— Оптен лук.

Опташ пура уло вольыкшыге. Ложашым оптен ынде. Лач шке лектын, да варашыже лектын, омса чыла тӱкылалт шинчеш. Вот ошкылеш ынде шкетын, вараш чоҥешта кӱшычын. Теҥыз дек миен шуын, ӱстембал шовычым лупшалеш да вонча. Ӱстембал шовычшым вараш кӱчшӧ дене поген налеш да каен колта кӱшкӧ. Шӱжарже дек пура. Шӱжарже шыдаҥ ложаш дене руашым луга, киндым ышта да кочкеш. Вара тырлышын коеш.

— Но, изай, тау ынде ложаш кондыметлан, тыр-

лышым вет, пеш шуко толашен коштыч. Ой, изай, пеш шемемынат, мончам олтем ынде тыланет.

Мончаш олта, монча лийын.

— Пураш кай ынде,— манеш шӱжарже.

Мончаш пураш кая. Кудашеш, могыржо моткоч шеме. Ия куржын мия.

— Но, ынде кочкам вет тыйым, Иван,— манеш ия.

— Тыгай шемым кузе кочкат, мушмешкем кеч чыте,— манеш Иван.

Тушакын Иванлан кугызаже ушешыже возеш: «Ой, поро кугызай лиеш ыле гын, тыге ом лий ыле дыр, ынде шкемым шке пукшаш верештеш»,— манеш Иван.

Вараш толын шуын, окна гычын ойла:

— Ит муш, утларак шӱчым шӱрӧ! — манеш.

Тудо эре кугызажым ушештара ынде. Адак вараш толын шуэш.

— Кум омсам пудыртеныт ынде,— манеш (маскат, пирет).

Вараш адак тушко каен колта. Ия адак толеш мончашке. Иван але йолварня вуйжым веле мушкын шинчылтеш.

— Вашкерак муш,— манеш ия.

— Айда шуат, садыгак кочкат ынде,— манеш Иван.

Ия адак шӱжарже дек кая. Вараш толын шуэш адак.

— Ынде куд омсам пудыртеныт, пудыртен пытарымешкышт ит муш,— манеш да адак каен колта.

Ия толын шуэш.

— Эшеат мушкын пытарен отыл, молан от муш? — манеш ия.

— Але шуат, кочкат,— манеш Иван.

Вараш адак толын шуэш.

— Ынде чыла пудыртен улыт, толыт чыланат,— манеш.— Ӱстембал шовычым шуэн коденам.

Ия адак куржын толеш:

— Эшеат мушкын пытарен отыл мо?

— Уке але, ик шагат гыч тол, мушкам ынде,— манеш Иван.

Ия кая. Иванын вольык-влакше монча шеҥгеке толын шогалын улыт. Маска пычалым тӱньык гыч Иванлан пуа. А вараш Иванлан ойла:

— Тый тудым кӱвар ӱмбалан комдык пыште, умшам карен, комдык вочшо, шкеже лапкаваке кӱзен шич, умшашкет вик тӧрштем манын ойло, шкеже пы-

чалым нал да тудым лӱен колто, вара маска куржын пура,— манеш.

Ия толын шуэш ынде, Иванет мушкылт шинчын, пеш яндар.

— Но ынде кочкам вет! — ойла тудлан.

— Коч, да тый кӱвар ӱмбалан комдык умшатым карен воч, мый вик умшашкет тӧрштем.

Вот пычалетым налеш ынде, лӱен колта тудым, вара маска, пире, пий, мераҥ кудал пурат. Маска кыра, пий пуреш, пире пуреш — тыге иям пуштыт. Иван мончашке тулым чыкен шында. Ияге йӱлата. Пура шӱжарже деке. Шӱжаржын шинчаже йошкарген пытен.

— Мыйын верчынак шортын отыл дыр, ия верчын шортын толашет ынде. Айда, шӱжарем, ынде ме каена. Тыйым тумо укшышко йол гычынет керем дене шергалтем.

Иван шӱжаржым йолжо гыч керем дене шергалта, маска тумо укшыш кӱзыктен сака. Шкеже ок керт кӱзыктен. Вот кум ведра пурыман вӱд бочковлакым шынден кода.

— Мыйым шонет гын, пурла могырышто шинчыше бочкышко шинчавӱдетым йоктарен теме, иям шонет гын, шола могырышто шинчышыжым шинчавӱд дене теме,— манын кода.

Иван уло вольыкшым налешат, кая. Шке кугыжан олаже пеш тораште огыл улмаш. Ик кува деке миен пура уло вольыкшыге.

— Кувай, пачерлан пуртет мыйым? Шкет веле улам,— манеш.

— Пуро,— манеш.

Тудо вольыкшымат пурта. Ик эрдене кынелеш, чаҥым пеш кырат.

— Кувай, молан таче чаҥым кырат?

— Таче кугыжан кугурак ӱдыржым кум вуян Вуверлан кочкаш наҥгаят. Ӱдырым ок пу гын, чыла калыкым пытара кочкын. Калыкым чаманен, кугыжа ӱдыржым пуа.

— Мый чодыраш охотыш каем,— манеш.

Ӱдырым наҥгайыме пӧрт шеҥгеке миен шогалыт чыланат. Иван вуверым вуча.

Вувер ынде пеш толеш. Иван маскам туныкта:

— Как лӱем, те вигак пызырен пыштыза.

Вувер толын шуэш. Пӧртышкӧ пурен ок шу, Иван лӱен колта. Маска пызырен пышта вигак. Пий ден пире пурыт да пуштыт тыманмешке.

Иван ӱдыр деке пура.

— Тыйын вуетым утарышым вет,— манеш.

— Айда ачий деке, ачий мом йодат — чыла пуа тыланет.

— Ом кай, шке лӱмет возыман тасматым пуэн кодо,— манеш Иванже.

Иван тасмам налеш да кува деке кая, пычалжым сакен, миен пура.

Эрлашыжым мален кынелеш, адак чанғым пеш кырат.

— Кувай, таче молан чанғым кырат? — йодеш.

— Таче кугыжан кыдалаш ӱдыржым вуверлан пукшаш нанғаят, куд вуян толеш,— манеш кува.

— Теҥгече кум вуянжым иктаж-кӧ пуштын мо?

— Патырлыкеш кок генерал эрге-влак лектыныт, нуно пуштыныт. Таче адак нунак каят пушташ.

— Таче адак сонарыш каем, кувай,— манеш Иван. Пӧрт шеҥгекше адак миен шогалыт уло вольыкге.

Генерал эрге-влак кугыжан ӱдырым вӱден кондат. Ӱдырым пӧртышкӧ пуртат, шкеже лектыт да куржыт. «Эше мемнамат кочкеш»,— маныт.

Ынде вувер адак пеш толеш. Толын шуын, мланде ӱмбак волен шуэш. Иван тудым лӱен колта, маска пызырен пышта, адак пуштыт. Ӱдыр деке пура Иванат.

— Ну, айда ачий деке, ачий мом йодат — чыла пуа тылат.

— Ом кай, шкендын кидшолетым пуэн кодо,— манеш.

Шкенжын кидшолжым пуэн кода кугыжан ӱдыр. Ӱдыр кая, Иван шинчен кодеш. Коремеш ӱдырым авыреныт генерал эрге-влак.

— Ачатлан каласе, вуверым ме пуштын улына ман,— маныт.

А генерал эрге-влак коктынат пеш чевер улыт.

— Йӧра, каласем,— манеш ӱдырат вигак.

Иван адак кува деке кая. Пычалжым сакен, уло вольыкшыге миен пура.

Адак эрлашыжым мален кынелеш Иван, адак пеш чанғым кырат.

— Кувай, таче молан чанғым кырат?

— Таче кугыжан изирак ӱдыржым нанғаят, индеш вуян вувер толеш. Теҥгече куд вуянжым кок генерал эрге-влак пуштыныт.

— Но, кувай, мый адак чодырашке сонарыш каем.

Вот адак пӧрт шеҥгек уло вольыкшыге миен шогалеш. Вуверым вуча Иван. Генерал эрге-влак ӱдырым, конден, пӧртышкӧ пуртен кодат да шкешт куржыт. Вувер толын шуэш, Иван лӱен колта, ну маска дене кучедалыт. Ну кучедалыт, теве сеҥа, теве уке. Пире ден пий огыт лий гын, вувер сеҥа ыле. Но пуштыныт. Тиде вилятым адак кӱ йымак шӱшкеш маскат. Пӧртышкӧ пура Иванет, адак пелешта:

— Вуетым утарышым вет,— манеш.

— Пеш кугу тау утарыметлан. А тый кӧ улат? — манын, ӱдыр йодеш.

— Мый вакш озан эргыже улам,— манеш.

— Мый тыланет марлан каем вет,— манеш.

— Кызыт марлан ом нал, ончыкыжо мо лиеш. А шкендын шергашет пуэн кодо,— манеш Иван.

Шкенжын шергашыжым ӱдырет пуа да лектын кая. Иван шинчен кодеш. А генерал эрге-влак адак авыреныт тиде ӱдырым.

— Каласе,— маныт,— ме Вуверым пуштын улына манын.

— Мо, те пуштын одалыс, кузе каласем?! — манеш ӱдыр, сырен веле.

— Тый пушташ колтымо улат, ме тыйым пуштына да тиде ерышке шуэна! — лӱдыктат нуно.

Ӱдырет келшыде ок керт — илыме шуэш вет.

Ӱдырет миен пура ачаж деке, генерал эрге-влакат мият коктын.

— Ну, ӱдырем, кӧ пуштын индеш вуян вуверетым? — йодеш кугыжа.

— Нине пуштыныт,— манеш ӱдыр, эркынрак «нине» манын.

А кугыжа тогдаен. «Очыни, нине пуштын огытыл»,— манын шоналта.

Иван кува деке уло вольыкшо дене мия. Иван, мийымекше, ош киндым ик пудым налын да кува деч йодеш:

— Кува, тувыр мушмо волет уло мо?

— Молан? — манеш.

— Мый вольыкем-влакым пукшем,— манеш.

Кува вол кондаш кая. Иван эре киндым шуледа. Вот вольыкет-влак йӱыт-кочкыт, йӱыт-кочкыт, вара чыланат мален колтат. Ик вараш веле ок мале.

Эрлашыжым эрдене мален кынелыт. Адак чаҥым пеш кырат.

— Кувай, таче молан чаҥым пеш кырат?

— Таче кугыжа генерал эргылан кугурак ӱдыр-

жым марлан пуа, менчаят,— манеш.— А кугыжан сӱан годым иктаж-мо йомеш гын, менчаяш ок лий.

— Кӧм шолышташ колтена? — вараш деч йодеш Иван.

— Мераҥетым колто, тудым пуртат, тудым пеш йӧратат,— манеш вараш.

Мераҥ кудал колта, вик пӧртышкӧ пура. Сӱанмарий калык мераҥым пеш йӧратен улыт. «Серенький зайчик, серенький зайчик»,— мурат, а мераҥ кушта. Мераҥ, куштышыжла, ик ший совлам руалтен кудалеш. Сӱанмарий калык мераҥын совлам нангайымыжым ужын улыт. Кугыжалан каласат:

— Мемнан ик совла йомын вет! — манып южыжо.

— Совла йомын гын, менчаяш ок лий,— манып весышт. Мераҥ совлам Иванлан намиен пуа. Иван вольыкшылан эртак киндым пукша.

Эрлашыжым адакат чаҥым пеш кырат.

— Кувай, молан чаҥым пеш кырат? — манеш.

— Таче кугыжан кыдалаш ӱдыржым ик генералын эргыжлан менчайынешт,— манеш.

— А теҥгече кугурак ӱдыржым менчаен улыт мо? — манеш Иван.

— Менчаен кертын огытыл, ший совла йомын,— манеш кува.

Адак Иван вараш деч йодеш:

— Сӱаныш ынде кӧм колташ?

— Черет пирылан, пирым пуртат,— манеш вараш.

Пире кая. Миен пура, тудо тыгай весела. Пирым пеш йӧратеныт. Пирет кушташ тӱҥалеш. «Ох молодец да, ох, молодец, серый волк»,— манып сӱанмарий калык. Тудо, куштышыжла, ик ший шаньыкым руалтен налын ӱстембачын. Сӱанмарий калык адак ужын улыт. Кугыжалан адак каласат. «Мемнан ик ший шаньык йомын ӱстембач»,— манып.

Пире Иван деке ший шаньыкым намиен пуа. Тиде годым кугыжа ден генерал эрге-влак кутырат: «Эрла,— манып,— иканаште сӱаным ыштена. Тыгай-тугай вольыкым ынде огына пурто. Кугыжан изирак ӱдыржӧ ден кугуракшым налына»,— манып. (Кыдалашыжым ойырен кодат). А изирак ӱдыржӧ ойла:

— Кеч пуштса, мый нунылан ом кай,— манеш,— огымак, тышакынак колем гынат.

— Но, йӧра уке гын кугурак ден кыдалашыжат,— манып генерал эрге-влак.

— Ачий, мый вакш озан эргыжлан каем. Кушто-

гынат мый муам, кычал каем,— манеш изирак ӱдыржӧ.

Эрлашым адак чанғым пеш кырат.

— Кувай, молан таче чанғым адак кырат? — манеш Иван.

— Таче кугыжан кок ӱдыржым иканаште марлан пуат, кугыжа иканаште кок сӱаным ышта, кугуракше ден кыдалашыжым пуа,— манеш.

— А теҥгече менчаен кертын огытыл мо?

— Теҥгече адак ший шаньыкышт йомын,— манеш.— Ала-могай пире нумал каен.

Иван шке вольыкшо деке лектеш да вараш деч йодеш:

— Ынде кӧм колтена? — манеш.

— Таче мый шке каем, нуно пурен огыт керт,— манеш вараш.

Вараш лектеш да кая. Йыр пӧрдын-пӧрдын чоҥештен, лачак окна виш улмаш. Тудо, окна гыч пурен, кӱчшӧ дене ик шовычым руалтен налеш. А кугыжа тидым шке ужын ынде: менчаяш пытыш.

Кугыжа олаште чыла калыкым шке декыже ӱжын чумыра, ондак тӧра-влак деч йодыштеш:

— Кӧн тыгай вольык уло, тендан ала уло? — манеш.

Нуно чыланат «Уке-уке!» маныт.

Эрлашыжым чыла йорло-шамычым ӱжыкта. Саде куватланат каяш верештеш. Кувat тушко мия. Вот кугыжа йорло-шамыч деч йодыштеш:

— Кӧн тыгай янлыкше уло?

— Мемнан уке,— маныт,— тугай вольык.

Кугыжат ты кува дечын йодеш, черет шуын.

— Ала тыйын уло тыгай вольык?

— Пачер дене илышын уло,— манеш кува.

— Могай вольык-влак?

— Маска уло, пире уло, кок пийже уло, мераҥ да вараш уло,— манеш.

Кугыжа сырен кудалта: «Могай нолнер тудо!» — манеш.

Тудо иктаж витле салтакым колта. Иван пӧлемыште мален кия. Вот салтак-влак миен пурен улыт да «Эй, нолнер, кушто улат, кугыжа тыйым йодеш!» маныт. «Мыйым эше нолнер веле маныт»,— шоналта. «Мишка, чыла луктын кышке!» — манеш маскажлан.

Маскат кудым йол гыч кучен луктын шуа, кудым кид гыч кучен луктын колта, кудыжо ила, кудыжо кола. Кодшо салтакше гына кугыжа деке мият. «Ок тол,

тудо пеш сырен,— маныт.— Южо салтакше колен,— маныт.— Маска чылаштым пӧрт гыч луктын кышкен пытарыш»,— маныт салтак-влак.

Ынде кугыжа ротымак колта. Мият салтак-влак. Иван вольыкшо дене шогылтеш. «Айда, нолнер, тыйым кугыжа шӱда»,— маныт (тудо нолнер манмым огеш йӧрате). Адак маскат давай салтак-влакым кышкаш. Салтак-влак кугыжа дек мият. «Ок лий кондаш, ок тол»,— маныт. Ик салтак тугай лектын: «Мый кертам,— манеш,— конден шкетак! Пар имньым кычкыкте да повозкам»,— манын, кугыжа деч йодеш.

Вот пар имне дене кая тудо, миен шуэш, имньыжым йолыштен шогалта. Иван пӧлемыштыжак кия. Ынде пеш шып пура, чотак ок тошкал. «Эй, барин, кушто улат тый?» — манеш, пеш шып ойла. «Ой, мыйым барин веле маныт,— шоналта Иванет,— ынде каем»,— манеш. Иван кынелеш.

— Вот айда, кугыжа тыйым шӱда, уло вольыкетге.

— Каена веле,— манеш Иван.

Уло вольыкге повозкаш пурен шинчыт, тӧра веле лийыныт. А вараш кӱшкӧ кӱзен шинчеш.

Миен пурат кугыжа деке: «Кӧ Вуверетым пуштын?» Ӱдыр-влак ойлат: «Нине генерал эрге-влак»,— маныт. Вот Иванет тасмажым, кидшолжым ӱстембак луктын опта.

— Тиде кӧн? — манын кугыжа деч йодеш.

— Тиде мыйын ӱдырем-влакын,— манеш.

— Тиде пуштын мо? — кугыжа ӱдыржӧ-влак деч йодеш.

— Ачий, тиде пуштын! — маныт.

— Молан тунамак каласен ода ул? — манеш ачашт.

— А вот молан,— маныт,— генерал эрге-влак мемнам авыренып. Ачатлан ме Вуверым пуштын улына манын ойло, уке гын пуштына, пушташ колтымо «улыда» манын ойлышт да, сандене ме нуно Вуверым пуштыныт манын ойлышна, лӱдын улына да,— маныт ӱдыржӧ-влак.

Кугыжа полковник-влаклан каласа:

— Нине генерал эрге-влакым нангайыза да лӱйыза! — манеш. Кугыжа пеш сыра.— Ну, ындыже кудыжым марлан налат? — манын йодеш кугыжа.

А изирак ӱдыржӧ манеш.

— Ачий, мый шке каем,— манеш. Иван пеш чевер.

Иванлан изиракшым менчаят, сӱаным ыштат.

— Но, Иван Алексеевич,— манеш кугыжа,— наследник лият мо? Эргым уке. Мый колем, вара кугыжа лият,— манеш.

— Мыланем йӧра,— манеш Иванет.

Вот илат иктаж арня, кок тылзе. Вараш Иван дек толын, окна гычын пӧртышкӧ пура.

— Иван, ме ынде каена чыланат авий ужаш, колтет уке чодырашке? — манеш.

— Мыят каем тендан дене пырля, вара чодыраш ойырлена.

Иван кугыжа да ватыж дене чеверласа: «Мый мӧнгӧ, шӱжарем дек миен толам»,— манеш. Шӱжарже ушешыже возын.

Вот тиде уло вольыкшо дене кая. «Ну,— манеш,— кӧ аваж деке кайынеже гын, кайыза!»

Тудо кок пийже дене веле кодеш.

Вот Иван мия шӱжарже деке, шинчавӱдшӧ кок бочкыштат йога. Онча: пурла могырыштат пеле, шола могырыштат пеле. Изажымат шона, иямат шона. Но Иван шӱжаржым волта тумо укш гычын да шӱжаржылан ойла: «Эшеат иям монден отыл аман?!» — манеш.

Изаже пӧртышкӧ пура, а шӱжарже тӱан киен кодеш. Монча йӱлымӧ олмышкет каен, шӱжарже ик ия пӱйым муэш. Вот изаж дек пура ынде, пеш весела. «Изай, вует яндар мо? Ала ончалам»,— манеш. «Ончо веле уке гын»,— манеш изаже.

Вуйым ончышыжла, ия пӱйым изажын вуйышкыжо перен шында. Ият ылыжынат, куржын толеш. Иван кола. Ия тудым нангая теҥыз воктек, печкешке пышта, печкем петыра да вӱдышкӧ колта. «Кеч-кушко мардеж нангайыже»,— манеш.

А варашын чонлан чырык-чурык чучаш тӱҥалын.

— Мо тугай мыйын чон ойгыра? — манеш. Вараш маскам кычалын кая, маскам муэш.

— Мемнан ачиет уке, токан,— манеш вараш маскалан.

Маска ойла:

— Адак тудым шӱжарже пуштын, очыни. Мый каем теҥыз деке, тый пирым кычал,— манеш.

Вараш пирымат, мераҥымат муэш да маска деке конда. Кок пий кудалын толын шуын улыт, теҥыз воктене ӱпшынчыт: «Еҥ пуш вӱдыш каен»,— манын, маскалан ойлат. Маска варашым кычалаш колта. «Тый Иваным кычал, ме салкым ышташ тӱҥалына». Мераҥ ден пире вӱд уам нумалыт. Маска пырням ну-

малеш. Салкым маска ыштен пытара, варашым вучат. Вараш иктаж кок йўд гычын толын шуэш.

— Муынат мо? — манеш маска. Вараш ок пелеште, пеш ноен. Варашлан коштшыжла шинчын каналташ нигуштат вер уке улмаш.

— Трук йодыда, мый пеш ноенам вет, ойленат ом керт,— манеш вараш,— муаш муынам да ала тудо, ала-кӧ. Курык велне печке шинча, йырже пеш кугу вўд,— манеш.

— А тыге гын, пырням ямдылаш кўлеш,— манеш маска, вара кок пырням каен конда.

Чыланат каят. Маска пеш удыра кольмыж дене. Пел корныш шуыт, вараш канаш волен. Маска йодеш:

— Пел корныш шуын улына мо? — манеш.

— Пелышке шуын улына,— манеш вараш.

Вараш кўшычын эре ончычын кая, пире, пий эре кўтат, маска удыра. Миен шуыт. Маска пырням шогалта, курыкышкет кўза. Волтышыжла, маска печкем пуртен колтен вўдышкӧ. Маскам эй вурсат пирет, пиет, мераҥет, варашет. Маска лўдмыж дене курыкышко кўзен кая. Печке вўд йымачын лектын. Маска вурсен-вурсен вола: «Мый ом лий ыле гын, чыланат тышакынак лийыда ыле,— манеш,— эше мыйым вурседа». Печкем пыштат да каят. Мӧҥгышкышт миен шуыт. Ия тидым ужын.

— Конденыт вет,— манеш шўжаржылан.

— Конденыт гынат, садак огыт му пўйжым,— манеш шўжарже.

Иваным луктыт печке гычын. «Кузе колен?» манын, нуно кычалыт ынде пеш. А мераҥ шайык шинчан гынат, ужын пўйым. Пўйым пурлын лукташ толаша мераҥ, а луктын ок керт. «Ала мый кертам!» — манеш вараш. Чўҥгал колта, пўйым луктеш. Иван кынел шинчеш. Ия адак колен, уке лийын. Маска ойла Иванлан:

— Тый шўжаретым пушташ чаманенат,— манеш,— мый шке пурын пуштам! — маска пурын пуштын шўжаржым, теҥызыш кудалтен коден.

— Но, Иван, колымешкына, йўктӧ-пукшо, наҥгае кугыжа деке, тый дечет огына ойырло ынде,— маныт вольыкшо-влак.

Вот кугыжа деке миен шуыт нине. Ватыже шортын-шортын лектеш.

— Мӧҥгет миен отыл докан, пеш шуко коштынат! Коштметлан вет кум ий лиеш! — манеш.— Вот

тыйын кайымет шеҥгеч ачий колен колтыш. Тудын олмеш мый кугыжанышым кучен иленам, вот ынде тый кучо,— манеш.

Йомак — умбак, ме — тембак.

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ ЛАСТОЧКИН

Вот жил мариец Алексей Григорьевич Ласточкин. Очень богатый. Он задумал построить мельницу из двенадцати помещений, чтобы в ней были двенадцать дверей и все железные. Ищет-ищет плотников, но нигде не может найти. «Хоть бы черт взялся, нанял бы»,— думает он. И только подумал так, идет ему навстречу один седой старик. Он, оказывается, уже три года ищет работы.

— Что ты сказал, Алексей Григорьевич? — спрашивает старик.

— А что сказал? Сказал: «Если бы черт взялся строить, и то согласился бы!»

— Построим,— соглашается старик.— Только отдай то, что имеется дома, о чем ты не знаешь. Тогда построим.

— Что же осталось у меня дома? Ничего ведь не знаю,— отвечает Алексей Григорьевич.

Приходит домой, видит: бегают трехлетние дети, девочка и мальчик. За время его отсутствия жена родила близнецов.

«Ну,— думает Алексей Григорьевич,— натворил дел. Лучше бы совсем не строить мельницу. Своих детей сам черту продал»,— думает Алексей Григорьевич.

Вот проходит несколько лет. Черти уже достраивают мельницу. Алексей Григорьевич приходит домой и говорит детям.

— Ну, дочка и сыночек, бегите куда-нибудь теперь!

Они вышли и побежали. Вошли в какую-то маленькую избушку. Видят: на столе лежит краюха хлеба. А они проголодались. Взяли краюху и съели. Залезли оба под печку. Заходит какой-то старик с двумя собаками, с ружьем. Собаки стали лаять перед печкой, а старик кричит:

— Выходите, кто там?!

Ребятишки, плача, вышли из-под печки.

— Завтра встанете утром, опять бегите, да побыстрее,— советует старик.

Утром встали и побежали. Наступил вечер, опять зашли в какую-то маленькую избушку. Опять там на столе лежит краюха, опять они ее съели. Опять пришел старик с двумя собаками. Собаки залаяли перед печкой.

— Кто там, выходите?! — говорит старик.

Они опять, плача, вышли.

— Вот я вам оставлю скатерть,— говорит старик,— как дойдете до моря, махните этой скатертью. Тогда через море ляжет мост. Вы перейдете через мост. За вами черти гонятся, ищут,— сказал старик.

Назавтра утром встают ребята. Опять побежали. Добежали до моря, Иван (в сказке ведь — всегда Иван, так заведено) махнул скатертью — образовался мост. Перешли через море по мосту, собрали скатерть, мост исчез. Прибежали черти, переходить нельзя, моста нет. Был там громадный дом. Дети зашли в этот дом. А там сидит тот самый старик. Тот старик несколько лет воспитывал детей. Они уж и подросли.

— Ну, сыночек, пора мне умирать,— говорит старик,— а ты вспомнишь когда-нибудь меня, старика. Ходи на охоту, как и я. Вот тебе ружье и две собаки,— сказал старик и умер.

Похоронили его как следует. Жил же он в самой лесной чаще.

— Ну, сестричка, я теперь пойду на охоту,— говорит Иван.

Видит: летает ястреб с двумя птенцами.

— Ястреб, я ведь тебя застрелю,— говорит охотник.

— Не стреляй, дам тебе одного птенца,— умоляет тот.

Отдал ястреб одного птенца. Охотник принес его домой и говорит:

— Вот, сестричка, ухаживай за этой птицей, пои, корми.

На следующий день опять Иван пошел на охоту. Увидел зайца с двумя зайчиками.

— Заяц, я ведь тебя застрелю,— говорит.

— Не стреляй, одного зайчонка отдам,— говорит заяц.

Одного зайчонка отдает ему заяц. Иван опять отдал его сестре.

— Корми, пои, присмотри! — говорит.

На следующий день снова пошел с двумя собаками. Видит: волк с двумя волчатами.

— Волк, я ведь тебя застрелю,— говорит.

— Не стреляй, отдам одного детеныша,— умоляет тот.

Волк отдал одного детеныша. Иван принес сестре, отдал и говорит:

— Корми, пои!

Пошел на следующий день с двумя собаками. Ходит медведь с двумя медвежатами.

— Медведь, я ведь тебя застрелю! — говорит Иван.

— Не стреляй, дам одного медвежонка.

Отдает медведь одного медвежонка. Принес Иван домой и говорит:

— Пои, корми!

Иван все время ходит на охоту, а сестра смотрит за скотиной. Сильно подросли звери. Иван все пропадает, а сестре очень скучно стало жить одной.

Черт очень хотел переплыть к ним. Вот девушка взяла скатерть, махнула через море — переправила одного черта. И стала жить она с чертом. А черт был похож на человека. Вернулся брат с охоты. Она брата поит, кормит, а черта не видно, не показывается. И снова он уходит на охоту.

— Давай твоего брата как-нибудь убьем,— говорит черт.

— А как его убьешь? — спрашивает сестра.

— Ты захворай,— говорит черт.

Брат приходит, сестра захворала, лежит и говорит:

— Ой, брат мой, не могу ведь подать тебе кушанье, захворала. Сходи к какому-нибудь доктору, принеси лекарства.

Пошел брат к доктору, принес лекарства, напоил, но она не выздоравливает. К одному доктору сходил, к другому, принес лекарства. Брат очень хочет вылечить ее, но никак не может. А черт ее потихоньку поучает:

— Скажи брату, что ты увидела вещий сон. Надо, мол, принести из такой-то двенадцатистанковой мельницы пуд пшеничной муки, и ты тогда выздоровеешь. Пусть он идет со своей скотиной.

Вот приходит Иван.

— Брат,— говорит она,— я сегодня видела вещий сон. Вот из такой-то мельницы принеси один пуд пше-

ничной муки. Когда съем этот хлеб, тогда выздоровлю. Иди со всей своей скотиной, я не могу их кормить.

Иван берет скатерть, ружье и идет вместе с собаками и другими зверями. Пришел на мельницу и увидел отца.

— Алексей Григорьевич, продай один пуд пшеничной муки,— говорит он (не говорит «отец», сам этого не знает).

— Нагреби!

Проходит он со всей скотиной. Наложил муки. Но вышел он оттуда только с ястребом, потому что все двери захлопнулись. Доходит до моря, машет скатертью и переходит его. Подлетает ястреб, выхватывает когтями скатерть и уносит куда-то ввысь.

Пришел он к сестре. Сестра затеяла из пшеничной муки тесто, испекла хлеб и поела его. Потом как будто выздоровела.

— Ну, братик, спасибо тебе, я ведь выздоровела, очень уж ты многое сделал для меня. Ой, братик, какой ты грязный, я тебе баньку истоплю помыться.

Сестра истопила баню. Баня поспела.

— Иди помойся в бане,— говорит сестра.

Пошел он, разделся, тело-то очень почернело, грязное.

Прибежал черт.

— Ну, теперь я тебя съем,— говорит ему черт.

Иван говорит:

— Такого черного как будешь есть? Постой, вот вымоюсь, тогда ешь!

Вот пришло теперь ему на ум: «Ой, если бы был мой добрый старичок со мной, такое не случилось бы, наверное. Теперь самого себя придется отдавать на съедение»,— подумал Иван. Он увидел, как к окну подлетел ястреб.

Ястреб говорит ему:

— Не смывай грязь, намажься еще больше сажей!

А в голове Ивана — все тот же старик. Опять прилетает ястреб:

— Теперь три двери уже выломали (говорит о медведе, о волке и других).

Опять туда полетел ястреб. Прибегает черт во второй раз в баню. Иван же еще только ноги начал мыть.

— Скорей мойся! — кричит черт.

— Постой, успеешь. Все равно уж теперь съешь меня,— отвечает Иван.

Черт снова возвращается к сестре. Прилетает ястреб и говорит:

— Выломали шесть дверей. Пока все не сломают, ты не мойся,— и снова улетел.

Прибегает черт:

— Что же еще не кончил мыться, почему не моешься?! — спрашивает.

— Погоди немного, успеешь съесть,— отвечает Иван.

Прилетает снова ястреб:

— Теперь разбили все двери, идут все,— говорит.

Черт опять прибегает:

— Что, еще не кончил мыться?

— Нет еще. Приходи через час, я к этому времени вымоюсь,— отвечает Иван.

Черт ушел.

Звери Ивана пришли и спрятались за баней. Медведь подал Ивану ружье через дымовую трубу. А ястреб советует Ивану:

— Предложи черту лечь на спину. Пусть откроет рот, а сам залезай на полок. Скажи, что, мол, будешь прыгать прямо в рот, и стреляй в него, потом прибежит медведь.

Прибежал черт. Иван кончил мыться, стал чистым.

— Ну, теперь я тебя съем,— говорит черт ему.

— Ешь, но только ложись на пол вверх лицом, открой рот. Я спрыгну прямо тебе в рот.

Иван берет ружье и стреляет в него, потом заходят медведь, волк, собака, заяц. Медведь колотит его. Волк кусает, собака кусает, так они убили черта. Поджег Иван баню, она сгорела вместе с чертом. Пошел к сестре. А у сестры глаза покраснели.

— Обо мне бы так, наверное, не плакала, а по черту плачешь. Давай идем теперь, сестра моя. Я тебя повешу за ноги на дубовый сук.

Привязав сестру за ноги, поднял, а медведь повесил ее. Поставил две трехведерные бочки под ней.

— Если обо мне будешь думать, пусть слезы капают в правую бочку, о черте будешь думать — в левую,— сказал ей.

Забрал Иван своих помощников-зверей и ушел.

Невдалеке был царский город. Зашел он к одной старушке со своей скотиной.

— Бабушка, пусти на квартиру! — говорит.

— Заходи,— сказала она.

Всех своих зверей впустил он.

Однажды утром слышит: сильно звонят колокола.

— Бабушка, почему сегодня так сильно бьют колокола?

— Сегодня у царя старшую дочь поведут к трехглавому Вуверу на съедение. Если не отдаст дочь, Вувер съест весь народ. Пожалев народ, царь отдает свою дочь.

— Ну, я пойду на охоту со своими помощниками.

Пошли и спрятались за домом, в который должны привести царскую дочь. Иван ждет Вувера. Вот идет Вувер. Иван учит медведя:

— Как выстрелю в него, вы все его валите.

Прибыл Вувер. Не успел он зайти в дом, как Иван уже в него выстрелил. Медведь сразу подмял его под себя, а собака с волком бросились его кусать, в один миг убили его.

Заходит Иван к девушке.

— Выручил ведь твою голову,— говорит ей.

— Идем к моему отцу, что только попросишь, то все тебе отдаст отец.

— Не пойду, подари ты мне именную ленточку,— говорит Иван.

Взял Иван ленточку, повесил свое ружье и опять пошел к старушке.

На следующий день проснулся, снова в колокола звонят.

— Бабушка, а сегодня по какому случаю бьют колокола? — спрашивает.

— Сегодня поведут среднюю дочь царя шестиглавому Вуверу.

— А что, трехглавого вчера кто-нибудь убил?

— Два генеральских сына показали храбрость, они убили,— отвечает старушка.— Сегодня опять они же пойдут убивать.

Иван опять говорит старушке:

— Бабушка, я и сегодня пойду на охоту.

Снова он пошел туда и спрятался за домиком со своими помощниками.

Генеральские сыновья приводят девушку. Заводят ее в избу, а сами скорее бегут обратно, говоря: «Еще и нас может съесть!»

Вот идет Вувер. Пришел, спустился на землю. Иван выстрелил, медведь подмял его под себя, другие звери убили его. Иван заходит к девушке.

— Ну, пойдем к отцу, что ни попросишь, все отдаст тебе отец.

— Нет, не пойду. Подари мне свои именные браслеты,— говорит он.

Царская дочь оставляет именные браслеты и уходит. Иван остается в избе. Девушку окружили генеральские сыновья в овраге.

— Скажи отцу, что мы убили Вувера,— говорят.

А генеральские сынки были красавцами.

— Ладно, скажу,— соглашается девушка сразу.

Иван опять идет к старушке. Повесил ружье. Пришел с помощниками.

Просыпается Иван утром, снова звонят в колокола.

— Бабушка, сегодня по какому случаю бьют колокола?

— Сегодня поведут младшую, придет теперь девятиглавый Вувер. Вчера того убили два генеральских сына.

— Ну, бабушка, я опять иду в лес на охоту.

Вот опять приходит и прячется за домиком со своими помощниками. Ожидает Иван прихода Вувера. Генеральские сыновья опять приводят в избушку девушку и сами бегут прочь.

Пришел Вувер, Иван выстрелил в него. Ну, борются с медведем. Чуть-чуть не поборол медведя. Если бы не помогли волк с собакой, не могли бы убить Вувера. Но смогли и его убить. Трупы Вуверов медведь сует под камень. Заходит Иван в дом и говорит:

— А спас ведь твою голову.

— Спасибо тебе за то, что спас меня от Вувера. А ты кто такой будешь? — спрашивает девушка.

— Я сын мельника,— отвечает Иван.

— А я хочу за тебя пойти замуж,— заявляет она.

— Сейчас я на тебе не могу жениться, а потом — что будет. Подари ты мне именное кольцо,— говорит ей Иван.

Девушка отдает ему именное кольцо, выходит из избы и уходит. Иван остается сидеть. А генеральские сыновья опять остановили её.

— Скажи,— говорят,— что мы убили Вувера.

А девушка рассердилась и отвечает им:

— Как это, ведь не вы же убили! — говорит.

— Ты послана на смерть, мы тебя убьем и спустим вот в это озеро! — угрожают они. Царской дочери ничего не оставалось, как согласиться — жить ведь охота.

Девушка приходит к отцу, заходят с ней вместе и два генеральских сына.

— Ну, дочка, кто убил девятиглавого Вувера? Они, что ли, убили?

Девушка очень тихо произнесла:

— Эти.

А царь догадался и подумал: «Наверное, не они убили».

Идет Иван к старушке со своими помощниками. Придя к ней, купил ведро вина, пуд белого хлеба и спрашивает:

— Бабушка, у тебя есть корыто, в котором белье стирают?

— А зачем? — она спрашивает.

— Я хочу своих зверей накормить,— отвечает он.

Старушка ушла за корытом. Иван режет хлеб. Вот звери-помощники давай есть. Пили, ели, пили, ели и все заснули. Не спит только один ястреб.

На следующее утро проснулись, опять очень сильно бьют в колокола.

— Бабушка, сегодня по какому поводу звонят в колокола?

— Сегодня царь выдает за одного генеральского сына старшую дочь. Венчаются,— отвечает она.

— А если у царя потеряется что-нибудь, то нельзя венчаться? — спрашивает Иван ястреба.— Кого пошлем воровать?

— Пошли зайца, его пустят, его очень уважают,— говорит ястреб.

Побежал зайчик, зашел прямо в дом. Участники свадьбы очень полюбили зайца, поют: «Серенький зайчик, серенький зайчик».

А заяц давай плясать. Во время пляски заяц украл серебряную ложку и удрал. Народ на свадьбе видел, как заяц унес ложку.

Говорят они царю:

— У нас ведь потерялась одна ложка.

— Если потерялась ложка, то в таком случае нельзя венчать.

Заяц принес ложку и отдал Ивану. А Иван все время только и делает, что угощает своих зверей.

На следующий день встают, опять сильно бьют колокола.

— Бабушка, зачем бьют в колокола?

— Сегодня среднюю дочь хотят обвенчать с одним генеральским сыном.

— А что, вчера обвенчали старшую дочь? — спрашивает Иван.

— Не могли обвенчать — потерялась серебряная ложка,— говорит она.

Опять спросил Иван своего ястреба, как быть.

— Пошлем волка, волка пустят,— отвечает ему ястреб.

Волк идет. Заходит туда такой веселый, такой ласковый, понравился волк всем, начал плясать.

— Ой, молодец, ой, молодец, серый волк! — кричат участники свадьбы. А он во время пляски схватил со стола вилку и убежал. Участники свадьбы заметили. Они и донесли царю:

— У нас ведь со стола потерялась серебряная вилка.

Приносит волк Ивану серебряную вилку.

Вот у царя генеральские сыновья и советуются:

— Завтра,— говорят, — сразу вместе сыграем свадьбу, никакого зверя теперь не пустим на свадьбу.

На этот раз берут венчать старшую и младшую дочь! (А среднюю оставляют.) А младшая дочь говорит:

— Хоть убейте, я за них не пойду! Умру на месте, но не выйду за них!

Генеральские сыновья соглашаются жениться на старшей и средней. Младшая говорит отцу:

— Отец, я выйду замуж за сына мельника. Пойду на розыски, где-нибудь все равно отыщу его.

На следующий день опять зазвенели колокола.

— Бабушка, зачем опять бьют колокола? — спрашивает Иван.

— Сегодня царь играет сразу две свадьбы. Выдает замуж дочерей: старшую и младшую.

— А что, вчера не смогли, что ли, обвенчать?

— Вчера опять на свадебном пиру серебряная вилка пропала. Какой-то волк стащил, говорят.

— Ну, кого сегодня пошлем? — спрашивает Иван своих зверей.

— Я сегодня сам полечу. Они не смогут пройти туда,— говорит ястреб.

Вот полетел ястреб, закружился над домом, где была свадьба. Одно окно оказалось открытым. Влетел он в это окно, прихватил одно полотенце своими когтями. Теперь уже царь сам лично увидел, что венчать никак нельзя.

Вот царь приглашает весь городской люд и спрашивает сперва у господ:

— У кого имеются такие звери, не у вас ли?

Они хором отвечают:

— Нет, не у нас!

На следующий день собрал всех бедняков. И старуха вынуждена была идти. Она пошла. Вот царь спросил у бедняков:

— У кого есть такие звери?

— У нас нет таких зверей,— отвечают они.

Пришла очередь царя спросить у старушки:

— Может, у тебя есть такие звери?

— У меня самой нет, а у моего квартиранта есть.

— А какие звери?

— Медведь, волк, две собаки, заяц и ястреб,— отвечает.

Царь рассердился:

— Какой-то сопляк!

Он посылает пятьдесят солдат, приказывает привести его. Около пятидесяти солдат приходят к нему с винтовками. А Иван спит себе со своими зверями в отгороженной комнате. Эти солдаты зашли и закричали:

— Эй, сопляк, где ты?! Царь тебя спрашивает!

— Ах, еще меня называют сопляком! Ну-ка, Мишка, выкинь всех отсюда! — говорит Иван.

Медведь которого берет за руку, которого за ноги, всех вышвырнул, кто сразу умер, кто остался жив. Оставшиеся пришли к царю, докладывают, что он рассердился и не собирается идти.

— Солдаты ваши все погибли, всех вышвырнул его медведь из избы.

Теперь царь уже посылает целую роту солдат. Приходят солдаты. А Иван в это время возился со своими зверями.

— Пойдем,— говорят,— сопляк, тебя царь просит прийти!

А Иван не любил, когда его называли сопляком. Опять этот медведь вышвырнул из дома солдат.

Солдаты вернулись к царю и говорят:

— Никак нельзя его привести, не идет он.

А один нашелся какой-то и заявляет:

— Я смогу один привести его.

Тот просит царя дать ему коней, запряженных в повозку. Вот приезжает на царских лошадях, привязывает коней. Иван лежит в своей комнате. Заходит тихо, даже ступать словно боится.

— Эй, барин, где ты? — проговорил шепотом.

— Ой, меня-то барином называют. Ой, теперь пойду!

Иван встал и поздоровался с человеком.

— Идем, тебя царь просит с твоими животными.

— Сейчас поедем! — говорит Иван.

Звери уже заняли места в повозке, как господа уселись. Ястреб устроился наверху повозки.

Вот приезжает к царю. Царь спрашивает:

— Кто убил Вувера?

А дочери отвечают:

— Вот эти генеральские сыновья убили.

Иван вынимает ленточку, браслеты, перстень и кладет на стол.

— Это чьи вещи? — спрашивает он царя.

— Моих дочерей,— отвечает тот.

Потом царь спросил у дочерей:

— Этот, что ли, убил Вувера?

— Да, отец, он убил,— отвечают.

— А почему не сказали о нем? — спрашивает отец.

— А вот почему: генеральские сыновья поймали нас, хотели нас убить, велели сказать тебе, что они убили Вувера. Не то мы все равно были обречены на смерть. Испугались, сказали, что они нас спасли, убили Вувера,— отвечают дочери.

Царь приказывает полковникам:

— Уведите этих генеральских сыновей и расстреляйте!

Сильно разгневался царь.

— Ну, а ты которую хочешь взять себе в жены? — спрашивает царь.

Младшая дочь говорит:

— Я пойду за него.

Иван был очень красивым. Вот венчают его с младшей дочерью царя и играют свадьбу.

— Ну, Иван Алексеевич,— спрашивает царь,— будешь ли наследником? У меня нет сыновей. Как умру, так ты будешь царем.

— Мне все равно,— отвечает Иван.

Вот живут неделю, другую, месяц. Прилетел ястреб, пробрался через окно к Ивану.

— Иван, мы все хотим идти в лес повидаться с матерями, пустишь или нет?

— И я пойду с вами. Потом в лесу разойдемся.

Простился Иван с царем, со своей женой:

— Я схожу домой к сестренке. (Вспомнил он сестру.)

Вот и ушел со своими животными в лес.

— Ну, идите теперь, кто хочет идти к своей матери.

Сам остался только с двумя собаками. Пришел к сестре.

Она наполнила слезами обе бочки до половины: в правой половина, в левой тоже половина. Думала о брате и о черте. Но Иван спустил сестру с дубового сучка, говорит ей:

— Еще черта-то не забыла?

Брат зашел в дом, а сестра осталась во дворе. Пошла к месту сгоревшей бани, нашла в пепле зуб черта. Пришла к брату веселая.

— У тебя голова чистая ли? Давай-ка посмотрю! — сказала.

— Что ж, посмотри,— отвечает ей брат.

Во время поиска она вбила брату в голову зуб черта. От этого черт ожил. А Иван тут же умер. Понес его черт на берег моря, положил в бочку, заколотил и пустил в воду.

— Хоть куда теперь неси, ветер! — сказал он.

А у ястреба душа не на месте, так и колет в сердце — чырык-чурык.

— Что такое, так душа болит? — подумал вслух он.

Пошел ястреб искать медведя, нашел его.

— Наверное, нашего отца не стало,— говорит ястреб медведю.

Медведь говорит ему:

— Наверное, его опять сестра убила. Я пойду к тому морю, а ты ищи волка с зайцем.

Ястреб разыскал волка с зайцем, пришел к медведю. Прибежали две собаки, все пошли к морю. Обнюхивают место и объясняют медведю: «Вот здесь шел к морю человек». Медведь посылает ястреба на розыски: «Ты лети, ищи Ивана, а мы сделаем плот». Волк с зайцем носят ивовые прутья. Медведь бревна таскает. Ну, сделал медведь плот, ждут ястреба с известием. Ястреб прилетел через две ночи. Медведь спрашивает:

— Нашел или нет?

А ястреб так устал, не может слова вымолвить. Не было у него места отдохнуть на лету.

— Не спешите с расспросами. Я не могу говорить, очень устал,— жалуется ястреб.— Найти-то нашел, да

не знаю, он ли, другой ли. У горы плавает бочка, а кругом большая вода.

— Если так, надо приготовить бревна,— говорит медведь. Пошел медведь и принес два бревна. Поехали. Медведь гребет лопатой. Доехали до полпути. Ястреб спустился отдохнуть. Медведь спрашивает:

— Половину пути проплыли?

— До половины проплыли,— отвечает ястреб.

Ястреб летит наверху, указывая путь, волк с зайцем наблюдают, а медведь гребет. Доплыли. Медведь ставит к горе бревна и поднимается. Как начал спускать бочку, она сорвалась и в воду на дно упала. Все стали ругать медведя: и волк, и собака, и ястреб. Медведь с испугу побежал обратно на гору. Через некоторое время бочка всплыла на поверхность воды. Медведь ругается, спускается снова:

— Если бы меня не было, все бы остались здесь. А еще ругаете меня.

Положили бочку и поехали обратно. Пришли домой. Черт увидел и говорит сестре:

— Привезли ведь его.

А сестра:

— Пусть привезли. Все равно не найдут зуба.

Достали Ивана из бочки, начали искать причину: от чего он умер. А заяц, несмотря на то, что косой, вдруг увидел зуб. Ну старается! Хочет зубами вытащить — не может.

Ястреб говорит:

— Может быть, я смогу. Как клюнул, так и вытащил зуб. Тут Иван ожил. Черт опять умер, не стало его. Медведь говорит Ивану:

— Тебе жалко убить сестру, я сам пойду в дом и убью её!

Медведь убил сестру Ивана, труп бросил в реку. Все животные говорят разом Ивану:

— Ну, Иван, от тебя не отстанем, корми, пои нас до самой смерти, веди нас к царю, мы теперь не расстанемся с тобой.

Пришли они к царю. Жена их встретила со слезами.

— Наверное, ты не домой ездил, очень долго уж гулял! Три года уже миновало,— говорит.— Во время твоего отсутствия умер отец, вместо его царством правила я, а теперь ты царствуй,— сказала.

Сказка прочь, а я — тут.

ЮЗО КЕРДЕ

Ожно илен ик салтак. Служитлен коло вич ий. Коло вич ий шумекыже, офицер-влаклан честьым пуыде кошташ тӱҥалын. Вара икана ик офицерлан честьым пуэн огыл, офицер вуйым шийын штабыш. Штабыш ӱжыктеныт салтакым.

— Молан тый офицерлан честьым пуэн отыл? — манын йодыныт салтак деч.

— Коло ияш толынам, коло вич ий служитленам, неужели коло ияшлан честьым пуэн коштам? Ылле вич ияш лийынам да! — манеш салтак.

Штабыште йодыт:

— Мо кӱлеш вара коло вич ий служитлыметлан?

— Нымат ок кӱл, лач колтышт мӧҥгӧ,— манеш тудо.

Мӧҥгӧ салтакым колтат да служитлымыжлан ик имньым пуат, кӱртньӧ корно уке улмаш тунам.

Салтак имньым кушкыжеш да кая. Кая, чодыра покшек шуэш. Тушто корно покшелне кум важык кутышан кишке кия. Кишке салтак шӱйыш пӱтырна. Салтак каласа: «Мыят коло вич ий годсек салтакыште коштынам,— манеш,— тыят ала ноенат, айда каена пырля!» Кишке ден салтак каят.

Чодыра покшелне кок пачашан чапле гына пӧрт шинча, йырваш оралте. Тудын турашке шуэш салтак, кишке салтак шӱй гыч мучышталтеш да йыз-йӱз капка йымач пӧртышкӧ пурен кая. Салтакат кишке почеш имньыжге пура, имньыжым меҥгеш йолышта да пӧртышкӧ пура. Салтакын мӱшкыржӧ шужен улмаш. «Озаже уке гынат, кочкаш каем»,— манын шоналта да комакашке ончалеш. Комака тич жарковой улмаш. Салтак кочкеш да имньыж дек лектын кая. Онча, имньыже йолыштымо верыштыже уке. Салтак кычалаш тӱҥалеш. Имньыже амбарыште шога, ончылныжо вол, волжо кум пӧлеман, иктыштыже — вӱд, весыштыже — шудо, кумшыштыжо — шӱльӧ. Имне шӱльым, шудым кочкын шога. Салтак мӧҥгеш пӧртышкӧ пура да кум сутка ила тушто. Илымекыже, лектын каяш тӱҥалеш, омсам лектеш, пӧртӧнчык шуэш да пӧрт гыч ӱдыр кычкыралеш:

— Эй, изаят, ик шомак пелештыдеак кает, шомакетым шке колнем,— манеш. Салтак пӧртышкӧ мӧҥгеш пура.

— Кум сутка илышым, кочкаш-йӱашат кӱлын

дыр,— манеш,— имньыланат кочкаш кӱлын дыр. Тау пукшыметлан!

— На, тиде каласыметлан! — манеш ӱдыр. Салтаклан ала-кушеч лекше кид салтак тувырым пуа.

Адак лектын каяш тӱҥалеш. Адак вес ӱдыр вуйым луктеш.

— Эй, салтак изаят, акай дене мутланышыч, мый шомакетымат ыжым колыс! — манеш.

— Коктын улыда, ужат? — манеш,— кум сутка йӱктышда-пукшышда, тау!

— На, салтак изай, тиде ойлыметлан,— манеш, вара картузым луктеш да салтаклан пуа. Салтак лектын каяш тӱҥалеш.

— Эй, салтак изаят, шомакет колдеак кодым! — манеш кумшо ӱдыр. Салтак уэш пура.

— Кумытын улыда, ужат? Кум кече илышым, ала акым налыда, мыняр кӱлеш ак?

— Ак ок кӱл, моат ок кӱл, тау тиде мутетлан! На, тыланет керде!

Салтак кердым кидышкыже налеш да кум ӱдыр чыланат лектын шогалыт.

— Вот,— маныт,— кӱлешет годым тувыр ден картузым упшалат гын, тиде кердет лиеш гын, пӱтынь тӱня ӱмбалне нимогай вий денат тыйым огыт керт сеҥен. Тый кайышетла ит ойло. Ойлет гын, кунам гынат толат, ватетлан от ойло гын, пеш чаплын илет.

Тудо кайышыжла шоналтен колта: «Коло вич ий служитленам, кугыжам ужде кайышаш огыл»,— манеш. Кайышыжла, кугыжа деке пура. Кугыжалан тыге-тыге ужаш пурымыжым ойла, кугыжа тудын мутланымыжым йӧрата да ӱдыржӧ дек марийлыкеш пурта. Марийлыкеш пуртымеке, сонарыш кошташ тӱҥалеш тудо. Нигунамат кайык деч посна толын пурен огыл, кайыкым эре конден. Но тугай тале сонарзе улмаш гынат, ватыже тудым йӧратен огыл. Вес кугыжан эрге таҥже улмаш да эре таҥжымак шонен илен. Вес кугыжан эргылан сарым ышташ каласен: «Тол да пытаре, мый тендан дек каем»,— манын, кагазым колтен. Вес кугыжа сарым тӱҥалеш. Тудын ваштареш салтак шкетак каен да тудо тале куатан кердыж дене кум шагат жапыште вес кугыжан войскам чыла пытарен толын шкетак. Вес кугыжан эргат нимо семынат ӧрын, сарым ыштенат сеҥаш огеш лий. Кугыжан ӱдырлан тыге воза: «Тый мариетлан кочкаш-йӱаш сайын ыштен пукшо, вара малаш чаплын шаре, чот

öндал, шупшал. Вара йод: «Могай вийже дене тудо кертеш?»

Кастене ватыже марийжым öндалеш, вара йодеш марийже деч:

— Могай виет дене кертат тый, могай куатет уло тыйын, тыглай ен отыл, очыни?

— Тугай жапыште йодынат, уке гын шӱй гычет руалам ыле,— манеш марийже.

Ватыже нимоланат öреш, вес кугыжан эргетлан ойла:

— Чыла тугак ыштышым, но тугай жапыште йодынат, уке гын шӱй гычет руал шуэм ыле мане,— манеш.

— Ну, ынде моло семын огеш лий, ынде тудын толмашешыже черланен воч, поланым пурл да шӱвал, пурл да шӱвал, ондак келшен илышна ман, ынде колем садак, вес тӱняште марием тыгай чоялык дене кертеш ыле манын ойлашем ойлен кодо ман,— манеш.

Марийже толмашеш тудо поланым шӱведен кия. Ватыжым чаманен, шинчавӱдшӧ лектеш. Кӱштымӧ семынак ойла. Тудо ватыжлан ӱшанен, тугак каласен:

— Тиде вургем, тиде картузем, тиде кердем тӱня ӱмбалне нигӧланат вуйым огыт пу, тӱня ӱмбал пӱтынь куат,— манеш,— тиде.

Салтак малаш возеш. Саде черле ватыже кынелеш да картузге, кердыге, тувырге — чыла вашталта да весым сака. Тудо куатан погыжым вес кугыжан эрге таҥжылан намиен пуа. Вес кугыжан эрге тунамак сарым тӱҥалеш тудын дене. Вашторешет тошто куатанак улам манын, салтакет картузшым, тувыржым, кердыжым налеш да кая. Вес кугыжан эргыже, тудо куатан салтакетым нимолан йӧрдымын тӱя да йыжыҥже еда йыжыҥла, шӱкшӧ мешакыш чыка да, имне тупешыже пидын, салтакым колта. Имньыже кугыжан дворецышке огеш пуро, вигак кая, кушто кум сутка йӱын-кочкын илен. Тудо верышке миен шуэш да имньыже шинчал колта. Кум ӱдыр ончалын колта, да кумытынат куржын лектыт:

— Ой, салтак изай, мо лийын пытенат?! — маныт да шортын колтат кумытынат. Салтакым ончат, салтак мешакыште тӱйымӧ кия. Кум ӱдыр салтакетын йыжыҥжым чыла тушкала, илыше вӱдым колта тудлан. Салтак кугун шӱлалтен колта:

— Ой-ой, шуко маленам! — манеш.

— Да, маленат, салтак изай. Малыме веле огыл, луэт еда йыжыҥлен колтеныт. Молан мемнан ойым

колыштын отыл? — манын каласат.— Тыйым ватет пытарыктен. Тыге, тылеч вара тый мемнам от уж, ме тыйым она уж! — кумытынат ик йўк дене каласат.— Ме улына кишкын ўдыр, мемнан деч тале виян, куатан тўня ўмбалне илыше иктат уке. Тиде ме полшена тыланет, тый вет кум ий годсек йомын коштшо шольынам конденат, садлан ме полшена. Тылеч вара имне дене ит кошт. На шергаш, кайышетла, пуро шоҥго кува-кугыза деке.

Тудо, кайышыжла, шоҥго кува-кугыза деке пура, тушакын мала, эрлашым кува-кугызалан кычкыраш шўда. Эрлашым кува-кугыза, тудым кычкырыдеак, олашке лектыт да каят. Салтак мален кодеш. Салтак помыжалтеш да шергашыжым налеш, кува-кугызан тортаже когынек кыдач кўрлжӧ манын, вашталтен чия. Кува-кугызан тортаже когынек кўрлеш да, мӧҥгеш пӧртылын, салтакым кычкырат:

— Салтак, айда, тыйымат кычкыраш монденам, айда тортам нумал каена! — манеш кува.

— Кувай, кугызай, тортат кўрлын огыл, мыйым кычкырен отыл да кўрлшыла койын.

Кува-кугыза миен ончат — торта тичмаш.

— Кувай-кугызай, те нужна улыда, мый лиям тўжем теҥгеаш ожо, те тўжем теҥге дечын кумырымат ида воло. Тўжем теҥге окса чыла шкендан лиеш.

Шкеже шергашыжым вашталтен чия, ожо лийын шогалеш.

Кува ден кугыза тўжем теҥгеаш ожым намият пазарыш, шогалтат. Тўжем теҥгем огыт шукто ожылан, индеш шўдӧ индешлу индеш теҥгем веле пуат. Ик теҥгем огыт шукто. Тўжем теҥгелан тудо пазарыште нимогай купечат налын ок керт улмаш. Лач кугыжа гына тўжемлан налын кертеш улмаш. «Пазарыште тўжем теҥгеаш чапле ожо уло, тўняштат тыгай уке» манын, кугыжа дек уверым пуат. Кугыжа мия да тўжем теҥгелан торгайыдеак налеш. Кугыжа, тўжем теҥгелан ожым кондымекыже, моктанен шинча.

— Кум ий лиеш, налаш шоненам ыле, шонымем гай имньым иже налын кертынам,— манеш.

Стряпкаже колыштеш да тудлан ойла:

— Керек-кузе кутырет гынат, кум сутка ончет гын, тудо вуетым пытара, тиде — ватетын тошто марийже. Тудым кум шагат гычын шўшкылаш кўлеш,— манеш.

Тушто кугыжажын шўжарже улмаш, тудо шўжарже ожо деке мия да манеш:

— Эй, ожыжо, моторжат-йытыражат! — манеш.— Тыйым шӱшкылыт вет!

— Шӱшкылыт мо? — манеш, айдеме йылме дене мутлана ожо.— Шӱшкылашак тӱҥалыт гын, тый нигунам чийыдыме тувыретым чий, первый кум чӱчалтыш вӱржӧ перныже тувырышкет. Тудо тувырет гыч вӱржым олмапу йымаке почкалте,— манеш.

Кугыжан шӱжарже имне шӱшкылмашыш мия, первый вӱржым тувырышкыжо чӱчыктыкта. Олмапу садышкыже толын, почкалта вӱржым. Олмапу садеш шӧртньӧ пеледышан шӧртньӧ олма шочеш. Кугыжа имньым шӱшкыл толеш да, йӱын-кочкын, кутырен, моктанен шинча:

— Тӱжем теҥгеаш ожым шӱшкыльым гынат,— манеш,— кум тӱжем теҥгеаш шӧртньӧ олмапу шочын вет, пояш дык пояш!

Стряпкаже адак тудым колеш да ойла:

— Да, тиде шӧртньӧ олмапуын кум шагатыште олмаже шуэш. Олмажым кум гана пурлат гын, вуетым пытара. Тудым от ру гын, тыйын вует пыта.

Адак руаш кутырат. Кугыжан шӱжарже адак олмапу дек мия да ойла:

— Тыйым руаш кутырат,— манеш.

— Мыйым руат гын, имне шӱшкылмашке чиен мийыме тувыретымак чий, первый руалме кум шанчашым нал да ерышке шу,— манеш.

Тудо тувырымак чия, олмапу руымашке мия кугыжан шӱжарже. Первый катыме шанчашыжым налеш да ерышке намиен шуэн колта. Тушакын чинче пунан лудо лиеш.

Тудо ерыштыже кугыжа деч молылан нимогай кайыкымат лӱяш лийын огыл. Тудо олмапу руымо гычше кугыжа мӧҥгӧ каен шуын огыл улмаш. Кугыжалан вигак каласеныт да тудо вигак ерышкыже куржын миен, вигак лӱен колтен, лудо лыпте-лопто шарлен возеш. Кугыжа куанымыж дене чинче пунан лудет деке, вургемжым кудашын, пурен кая. Кердыже сереш кодеш. Вара кугыжа пулвуй нарышкыже пура, лудыжо изишак келгышкырак кая. Кугыжа коҥла йымал даҥытышке пура, лудо эше келгышкырак кая. Кугыжа шӱй нарыш пура, лудым пераш тӱҥалеш, лудо кынелеш да серышке чоҥештен лектеш. Серышке миен, салтак лийын, кердым кучен шогалеш. Тушакынак кугыжам руэн шуа. Ер дечын мӧҥгышкыжӧ мийымеке, шкенжын тошто ватыжым тӱен пытара. Кугыжан шӱжарже дене пырля илаш тӱҥалеш.

ЧУДЕСНАЯ ШАШКА

Жил-был один солдат. Прослужил он двадцать пять лет. Когда кончилась двадцатипятилетняя служба, перестал он отдавать честь офицерам. Однажды, когда он, проходя мимо офицера, не отдал ему чести, офицер подал жалобу в штаб. Солдата вызвали в штаб и спросили его:

— Почему ты не отдал чести офицеру?

— Я пришел на службу двадцати лет, двадцать пять лет прослужил, неужели я, сорокапятилетний, буду отдавать честь двадцатилетнему? — отвечает солдат.

— Чего же желаешь в награду за двадцатипятилетнюю службу? — спрашивают его в штабе.

— Ничего мне не надо, отпустите только домой,— говорит солдат.

Отпустили его домой и дали за выслугу лет коня. В это время еще не было железных дорог. Солдат оседлал коня и поехал. Ехал-ехал и очутился в глубине дремучего леса. Видит, лежит поперек дороги змея длиной около трех саженей. Не успел солдат опомниться, как змея обвилась вокруг его шеи.

— Я прослужил двадцать пять лет в армии,— сказал солдат,— устал. Может быть, и ты, змея, устала? Поедем вместе!

Змея и солдат отправляются в дальнейший путь. Видят они: посреди леса стоит большой двухэтажный добротный дом, вокруг него хозяйственные постройки. Когда солдат поравнялся с домом, змея поползла в дом через подворотню.

Солдат заезжает во двор вслед за змеей, привязывает лошадь к столбу и заходит в дом. Солдат был очень голоден. «Хотя и нет хозяев, попробую пообедать»,— подумал он и решил заглянуть в печку. Оказалось,что в печке полно всякой снеди: и жареного и печеного. Наевшись досыта, солдат выходит проведать лошадь. Смотрит: лошади на месте нет. Солдат начинает её искать и находит в амбаре, стоит она перед большим корытом, разделенным на три отделения: в одном отделении вода, в другом — сено, в третьем — овёс. Лошадь стоит спокойно и ест сено и овёс. Солдат вернулся в дом. Пожил он здесь трое суток и решил ехать дальше. Только он вышел в сени, как из избы его окликнула девушка:

— Эй, браток, неужели ты уйдешь, не сказав ни слова? Я хочу услышать твой голос!

Солдат вернулся в дом и сказал:

— Я прожил здесь трое суток, нужно было кормить меня, и коня моего надо было кормить. Спасибо за гостеприимство!

— Вот тебе за эти слова! — проговорила невидимая девушка, и чья-то рука протянула ему рубашку.

Солдат повернулся к выходу, но услышал позади себя голос другой девушки:

— Эй, солдат, браток, ты поговорил с моей старшей сестрой, а я от тебя ни слова не слышала!

— Оказывается, вас тут двое,— сказал солдат,— прими же и ты мое спасибо за то, что поили-кормили меня трое суток!

— Возьми, братец, солдат, за эти твои добрые слова! — произнес тот же девичий голос, и чья-то рука протянула солдату картуз.

Солдат уже собрался уходить, но тут услышал голос третьей девушки:

— Эй, братик-солдат, а я-то не слышала от тебя ни словечка!

Солдат снова возвращается в избу.

— Оказывается, вас тут трое! — промолвил солдат.— Спасибо тебе за то, что поили-кормили меня. Прожил я у вас трое суток. Может быть, надо вам уплатить за это?

— Никакой платы нам от тебя не надо, спасибо на добром слове! Прими от меня этот клинок!

С этими словами чья-то рука протянула солдату клинок. Только солдат взял клинок, как перед ним предстали все три девушки и сказали в один голос:

— Надень подаренные тебе рубашку, картуз и знай: пока будет у тебя в руках этот клинок, никакая сила на свете тебя не одолеет. По пути не проговорись об этом. Если же ты скажешь своей жене о тайне своей силы, то придется тебе еще раз вернуться к нам не по своей воле. Если не скажешь — будешь жить счастливо.

Едет он и думает:

— Прослужил я двадцать пять лет, а царя так и не видал. Не хочу уходить в отставку, не увидев царя.

И заехал солдат к царю, рассказал ему про свою службу и объяснил, что явился для того, чтобы хоть раз в жизни увидеть его царское величество.

Царю очень понравилась и речь солдата, и сам он. Принял он его в своем доме и выдал за него замуж свою дочь.

После женитьбы стал солдат ходить на охоту. Никогда он не приходил домой с пустыми руками, всегда приносил какую-нибудь птицу. Однако, хоть солдат и был хорошим охотником, но жена его все же не любила. У неё был любовник, царевич из соседнего государства. Выйдя замуж за солдата, она не перестала думать о своем любимом царевиче. Она написала этому царевичу: «Иди на наше царство войной, уничтожь его, а я уеду с тобой».

Царевич тут же нагрянул на это царство с войной. Но солдат вышел один против врагов и при помощи своей чудесной шашки за три часа уничтожил вражеские войска.

Чужеземный царевич не мог прийти в себя от досады и удивления и не мог понять, почему не смог одолеть его своей армией. Поэтому он написал царевне: «Накорми его вкусным обедом, постели ему мягкую постель, обними и поцелуй его. Когда же он начнет обнимать тебя, радостный и довольный, спроси: какой силой он обладает, что побеждает всех?»

Царевна ночью, обняв своего мужа, спрашивает его:

— Скажи, откуда у тебя такая чудесная сила? Ведь ты, наверное, не простой человек?

— Счастье твое, что в такое время спрашиваешь, не то в другое время я отрубил бы тебе голову за этот вопрос!

Удивилась царевна и написала своему любовнику:

«Я,— говорит,— все сделала так, как ты велел,— а он пригрозил, что отрубит мою голову».

«Будь похитрее,— говорит любовник. — Притворись больной, набери полный рот калины, лежи, будто харкаешь кровью. Скажи, что умрешь теперь все равно, но пусть откроет тебе свою тайну, чтобы ты на том свете рассказала всем, какой волшебной мощью обладал твой муж».

Царевна к приходу своего мужа набрала полный рот калины и плевалась «кровью». Он даже прослезился от жалости. А когда жена спросила, как ей было велено, о его тайне, он поверил ей и рассказал откровенно:

— Вот эта моя рубашка, этот мой картуз и эта моя

шашка придают мне силу, которая всех на свете одолеет.

После этого солдат лег и заснул. А жена встала ночью, подменила его рубашку, картуз и шашку, взамен повесила другие. Она отнесла все эти волшебные предметы своему любовнику-царевичу.

Чужеземный царевич сразу объявляет ему войну. Тот, ничего не подозревая, надевает подмененные рубашку и картуз, берет обыкновенную саблю и смело идет навстречу врагу. Чужеземный царевич изрубил солдата на мелкие куски, сложил в старый мешок, взвалил на спину его коня и отпустил его. Конь пустился бежать не ко двору, а к дому трех сестер, где солдат гостил трое суток. Прискакал к ним и заржал. Три девушки выглянули в окошко и выбежали все трое на крыльцо: они сразу узнали, чья это лошадь.

— Ой, братец-солдат, что с тобой приключилось? — закричали они в один голос и заплакали.

Развязали мешок, а в нем лежит изрубленное на части тело солдата. Принялись девушки за работу: собрали его тело из изрубленных частей, влили живой воды. Солдат глубоко вздохнул и произнес:

— Ой, ой, долго же я спал!

— Да, спал бы ты, братец-солдат, вечным сном, тебя изрубили ведь на мелкие куски. Почему ты пренебрег нашим советом? — говорят.— Твоя жена велела тебя изрубить. Теперь после этого мы тебя не увидим, ты нас не увидишь! — говорят все трое.— Знай, что мы дочери змеи и сильнее нас нет никого на свете. Это мы тебе помогали все эти три года за то, что привел к нам пропавшего младшего брата. После этого не садись на коня, на тебе кольцо,— сказали они.— По пути зайди в дом, где живут старик со старухой.

Отправился солдат к старику со старухой. Ложась спать, попросил он хозяев разбудить его утром. Однако утром они уехали в город, а солдата не разбудили. Проснулся он, перевел кольцо с одного пальца на другой и сказал:

— Пусть сломаются пополам оглобли у старика!

Тут сломались у старика оглобли, и пришлось ему со старухой возвращаться домой пешком. Вернулись они и будят солдата:

— Вставай, солдат! Позабыли мы тебя разбудить, а у нас в дороге, как на грех, оглобли сломались. Помоги-ка нам донести другие оглобли до того места, где осталась наша телега.

А солдат в эту минуту незаметно переодел кольцо с пальца на палец и говорит:

— Бабушка, дедушка, ваши оглобли целехоньки. Из-за того, что вы меня не разбудили, вам только показалось, что они сломались.

Пошли старики, посмотрели — оглобли, действительно, оказались целые.

Решил солдат помочь старикам и сказал:

— Бабушка, дедушка, вы люди бедные, а я сделаю вас богатыми: превращусь в жеребца. Выведите меня на базар и продайте не дешевле, чем за тысячу рублей, а деньги возьмите себе, только не уступайте ни на копейку.

Солдат незаметно переодел кольцо с пальца на палец, превратился в жеребца. Старик и старуха повели его на базар и поставили к привязи: но никто не давал за него тысячу рублей, давали девятьсот девяносто девять, а уступать нельзя было ни копейки. Тысячу рублей не мог дать ни один купец на базаре. Только царь мог дать тысячу рублей за него. Решили известить царя, что, мол, на базаре продается жеребец за тысячу рублей, до того красивый, что на целом свете не сыскать другого такого жеребца. Приходит царь на базар, покупает жеребца, не торгуясь, за тысячу рублей. Приводит его домой и похваляется, что купил-де такого красивого коня всего за тысячу рублей.

— Три года я мечтал такого коня приобрести и только сегодня исполнилось моё желание,— хвалится царь.

А стряпка, услышав эту похвальбу, говорит царю:

— Помни моё слово: через три дня этот конь сломит тебе голову. Это первый муж твоей теперешней жены. Его нужно зарезать не позднее, чем через три часа,— говорит.

Эти слова, к счастью, подслушала младшая сестра царя. Пошла она к жеребцу и сказала:

— Эх, жеребчик, раскрасавчик ты мой! Ведь зарежут тебя!

— Неужели зарежут? — спросил жеребец человеческим голосом.— Когда придут резать меня, надень свое платье, которое никогда не надевала, подойди ко мне поближе и постарайся, чтобы три первых капли моей крови попали на твоё платье. Стряхни эти капли под яблоню,— говорит.

Сестра царя пошла на место заклания жеребца,

подставила свое платье, и первые три капли крови попали на ее платье. Потом стряхнула их под яблоню. И в тот же миг яблоня зацвела золотыми цветками и покрылась золотыми яблоками.

А царь, поглядев, как резали жеребца, пошел обедать, во время обеда стал похваляться:

— Хоть я и велел зарезать тысячерублевого жеребца, зато выросла в моем саду золотая яблоня, а она стоит не менее трех тысяч рублей.

А стряпка тут как тут и говорит царю:

— Действительно, хороша твоя золотая яблоня, на которой за три часа поспевают золотые яблоки. Но если ты три раза откусишь золотое яблоко, потеряешь голову. Не срубишь её — не быть тебе живому!

Решил тогда царь срубить яблоню.

Опять сестра царя подслушала этот разговор и побежала в сад. Обняла золотую яблоню и говорит:

— Хотят тебя срубить!

— Если будут меня рубить,— отвечает яблоня,— надень то же самое платье, в котором ты была, когда резали жеребца, возьми три первых щепки и брось их в озеро.

Надевает сестра царя то самое платье, идет в сад, где уже рубят яблоню, берет три первых отлетевших в сторону щепки и бросает их в озеро. Щепки сразу превратились в утку с перьями из бисера. В этом озере никто, кроме царя, не имел права стрелять дичь. Не успел царь уйти домой из сада, где срубили яблоню, как ему доложили о появлении на озере утки с перьями из бисера. Царь сразу бросился к озеру и выстрелил в утку. Утка склонилась на бок и распростерла крылья из бисера. Царь от радости скинул рубашку и полез в воду за уткой, и даже свою волшебную шашку он оставил на берегу. Только ступил в воду, вода дошла до колена, а утка стала плыть дальше. Вот вода уже до груди, а утка плывет еще дальше. Вот вода ему по шею. Только хотел ударить утку, как она встрепенулась, полетела к берегу и на берегу превратилась в солдата. Солдат схватил чудесную шашку. На месте изрубил царя. С озера пошел и изрубил на мелкие куски свою бывшую жену. После этого он женился на младшей сестре царя.

МЕЖНЕЧ ЎДЫР ДЕН ВУВЕР-КУВА

Каеныт икана кум акак-шўжарак чодыраш снеге погаш. Снегым поген коштыт-коштытат, йомыт. Каяткаят, ик пӧртыш миен лектыт. Тушто Вувер-кува ила улмаш. Ўдыр-влак пурат пӧртыш да нойымышт дене мален колтат.

Вувер-кува толеш. Ўдыр-влакым куча да чуланыш петырен шында. «Мый нуным кочкам»,— шона.

Вувер-кува ўдыр-влакын парняштым пурлын онча: коя улыт уке, терга. Уке, кочкаш огыт йӧрӧ Вувер-кувалан. Вара нуным пукшаш тўҥалеш, эре пўкш тушым гына пукша. Кум кече гыч парняштым пурлын онча. Кугурак акажыным пурлеш — пушкыдемаш тўҥалын, весыжынат пушкыдемме гай лийын. Межнечыным пурлеш — лу веле. А эн изи ўдырет чоя улмаш. Вувер-кувалан парняж олмеш умшашкыже эре лум чыкен.

Вувер-кува пален огыл, межнечым каҥга, лу веле, шонен. Тыге пукша-пукша, кок ўдыржӧ коя лийын шуыныт.

Ончыч кугу акажым кочкеш: Вувер-кува ўдырым кольмыш шында да коҥгаш шўкалеш. Межнеч ден изирак акажым адак пукша. Ынде изирак акажын парняжым пурлеш: «Ого, кочкаш йӧра»,— манын шона. Наҥгая тудымат кочкаш. Кольмыш шында да шўкалеш коҥгаш. Ынде межнеч веле кодеш. Межнеч эре лум пурлыкта, шкеже коя да патыр лийын. Вувер-кува парняжым пурлын онча: «Мо нимыняр коя ок лий?» — шона. Адак пукша, ўдырын парняжым пурлын онча — тугаяк. Вувер-кува шужен пытен, межнеч ўдырын коя лиймыжым вучен. «Тыйым пукшем, пукшем, а тый нимыняр коя от лий? — манеш Вувер-кува.— Тетла чыташ ок лий. Айда кочкам».

Изи межнечым пӧртыш пурта, коҥгаш кудалташ ямдыла.

— Шич кольмыш! — манеш Вувер-кува ўдырлан.

Межнеч тыге лиеш, туге лиеш, кольмо йыр пӧрдеш.

— Ом мошто,— манеш.— Кувай, кольмышкыжо кузе шичман? — йодеш.— Шке шинчын ончыкто!

— Теве тыге пурен шич,— манеш, кольмыш кўзен шинчын ончыкта.

Вувер-кува шинчын гына шукта — межнеч ўдыр кольмым налеш да коҥгаш шўкалынат колта. Вувер-кува жаритлалт кола коҥгаш. Межнеч ўдыр пӧрт гыч

лектеш да кая. Мӧнгыжӧ корным верештеш, пӧртышт тышеч торат огыл улмаш.

Тыге межнеч ӱдыр Вувер-кува деч утла. Тудо изи, да чоя улмаш.

Йомак — умбак, мый — тембак.

ДЕВОЧКА И ВУВЕР-КУВА

Однажды три сестры пошли в лес за земляникой. Во время сбора земляники они заблудились. Шли-шли они и вышли к одному дому. А там жила ведьма Вувер-кува. Девочки вошли в дом и от усталости заснули.

Пришла Вувер-кува. Поймала она девочек и заперла в чулане. «Теперь я их съем»,— подумала она. Вувер-кува зубами попробовала пальцы у девочек: жирные или нет, проверила. Нет, девочки еще не годятся для съедения. Потом она стала их усиленно кормить, кормила их только орехами. Спустя три дня она зубами попробовала пальцы у девочек. Попробовала пальцы старшей сестры — стали немного мягче, и средней сестры тоже помягчели. Вувер-кува попробовала пальцы у самой младшей — одни кости. А самая младшая из сестер была догадливой. Она вместо пальцев в рот ведьме Вувер-куве подсовывала кости. Вувер-кува и не догадывалась, в самом деле считала её тощей, костлявой. Она кормила, кормила девочек, и двое, наконец-то, пополнели, набрали жиру.

Посадив старшую сестру на лопату, затолкала в печь, изжарила её, а потом съела. После стала усиленно кормить среднюю и младшую сестер. Попробовала у средней сестры палец. «Ого, есть можно»,— подумала она и увела есть. Посадила на лопату и втолкнула в печь.

Теперь осталась только самая младшая сестра. Младшая продолжала подсовывать в рот ведьме кости, хотя сама окрепла и пополнела, набрала жиру. Вувер-кува попробовала её пальцы. «Что это? Никак она не может набрать жиру?» — подумала она. Опять стала её кормить, пробует её пальцы, а они такие же костлявые.

Пока она ждала, когда девочка растолстеет, совсем уж проголодалась. «Сколько ни корми тебя, а ты все такая же, почему не можешь набрать жиру? — говорит Вувер-кува.— Нет больше терпения. Я съем тебя!»

Повела Вувер-кува младшую девочку в избу, приготовилась изжарить её в печи.

— Садись на лопату! — говорит девочке Вувер-кува.

Девочка так и сяк повертелась вокруг лопаты.

— Я не умею,— говорит девочка.— Бабушка, а как на лопату сесть? Покажи сама, как нужно садиться!

— Вот так садись! — сказала ведьма и сама села на лопату.

Как только Вувер-кува села на лопату, девочка схватила лопату и втолкнула ведьму в печь. Там она изжарилась и умерла.

Девочка вышла из дому и ушла. Тут скоро она вышла на дорогу, ведущую домой. И недалеко отсюда оказался их дом.

Так самая младшая из трех сестер спаслась от ведьмы Вувер-кувы. Она была самой маленькой, да догадливой.

Сказка — прочь, а я — тут.

ШЫМ ТУЛЫК ЎДЫР

Иленыт шым тулык ўдыр. Нунын тулышт лийын огыл. Эн кугу акаштым Вувер-кува деке туллан колтат. Тудо мият, манеш:

— Кувай, тулетым пу.

Вувер-кува ўдырлан тулым пуэн колта. Ўдыр тулым налешат, каяш тўҥалеш.

— Кувай, шинчаш мий,— манын каласа.

— Мием ыле, да изи пийда пеш осал,— ойла Вувер-кува.— Изи пийдан ик йолжым перен тугыза!

Ўдыр мөҥгыжӧ пӧртылеш. Кочкаш-йўаш ямдылат. Кочкыт-йўыт. Изи пийын ик йолжым перен тугат. Тиде жапыште Вувер-кува, кўнчылам нумалын, мурен-мурен, шинчаш толеш:

Презе гай кўнчылам,
Йытыр гай шўдырем,
Вакш кў гай нӧлашем,
Кў кўварем куптыр-куптыр,
Шым ўдырым кочкаш каем.

Вувер-кува толын пура, капкам кычырик почеш. Изи пий опталта.

— Уй-уй,— манеш Вувер-кува, савырна да мөҥгеш куржеш.

Ўдыр-влак эрдене кынелыт, адак тулышт пытен.

Ынде туллан изирак акаштым колтат. Акашт Вувер-кува деке миен шуэш.

— Кувай, тулетым пу,— манеш тудо.

Ӱдыр тулым налеш да кая.

— Кувай, шинчаш мий,— манеш кайымыж годым.

Вувер-кува изи пийын вес йолжым перен тугаш кӱшта.

Вувер-кува кастене мурен-мурен шинчаш толеш:

Презе гай кӱнчылам,
Йытыр гай шӱдырем,
Вакш кӱ гай нӧлашем,
Кӱ кӱварем куптыр-куптыр,
Шым ӱдырым кочкаш каем.

Изи пий окшаклен кудал лектеш да опташ тӱҥалеш. Вувер-кува лӱдмыж дене мӧҥгеш куржеш.

Варажым ӱдыр-влак изи пийын чыла йолжымат перен тугат. Туге гынат изи пий эре оптен, Вувер-кувам лӱдыктымыжым чарнен огыл.

Илен-илен, тулышт адак пытен. Ӱдыр-влак туллан Вувер-кува деке вес изирак шӱжарыштым колтат. Тудо миен шуын.

— Кувай, тулым пу,— манеш.

Вувер-кува тулым пуат, ӱдыр лектын кая.

— Кувай, шинчаш мий,— каласа тудо кайымыж годым.

— Мием ыле, да изи пийда пеш осал,— ойла Вувер-кува.— Изи пийдам йӱлатыза, ломыжшым ведраш пыштыза.

Ӱдыр мӧҥгыжӧ мия. Кочкаш-йӱаш ямдылат. Кочкыт-йӱыт да вара изи пийым йӱлатат, ломыжшым, ведраш пыштен, пӧртӧнчык луктын шындат. Вувер-кува тиде жапыште, кӱнчылам нумалын, мурен-мурен шинчаш толеш:

Презе гай кӱнчылам,
Йытыр гай шӱдырем,
Вакш кӱ гай нӧлашем,
Кӱ кӱварем куптыр-куптыр,
Шым ӱдырым кочкаш каем.

Вувер-кува толын пура, капкам кычырик почеш. Пӧртӧнчык кӱзаш тӱҥалеш, трук ведрасе ломыж шинчашкыже тӱргалт кая. Вувер-кува, шинчажым удырен-удырен, мӧҥгышкыжӧ куржеш.

Эрдене кынелыт, ӱдыр-влакын адак тулышт пытен. Ынде Вувер-кува деке эн изи шӱжарыштым колтат. Вувер-кува тудлан ведрасе ломыжым мардежеш тӱргыктен колташ кӱшта.

Кас лиймек, Вувер-кува адакат мурен-мурен шинчаш толеш:

Презе гай кӱнчылам,
Йытыр гай шӱдырем,
Вакш кӱ гай нӧлашем,
Кӱ кӱварем куптыр-куптыр,
Шым ӱдырым кочкаш каем.

Вувер-кува толын пура.

— Кувай, шич, шич,— манып ӱдыр-влак.

— Уке, мый коҥгамбак кӱзен шинчам,— манеш Вувер-кува да коҥгамбак кӱзен шинчеш.

— Кувай, мый тыйын воктенет шинчам,— манеш шым ӱдыр гыч эн кугуракше.

— Мыят шинчам! — манеш весе.

— Мыят, мыят! — манып молыштат.

Эн изи шӱжарыштын веле Вувер-кува деке мийымыже ок шу. Тудо коҥгамбак огеш кӱзӧ. Куд ӱдыр, коҥгамбак кӱзен, Вувер-кува воктек пурен шинчыт.

Изиш лиеш, кроп шокта. Вувер-кува кугу ӱдырын вуйжым кӱварыш кудалта.

— Моч возо, кувай? — йодеш межнеч ӱдыр.

— Нӧлашем возо,— манеш Вувер-кува.

Вувер-кува адак вес ӱдырым кочкешат, вуйжым кӱварыш кроп шолен колта.

— Моч возо, кувай? — йодеш адак межнеч ӱдыр.

— Шӱдырем возо,— манеш Вувер-кува. Тыге Вувер-кува куд ӱдырым кудынек кочкеш.

Межнеч ӱдыр эрдене кынелеш — акаж-влакын вуйышт веле кия.

— Акаммытым кочкынат! — манеш тудо Вувер-кувалан.

— Ит кычкыре, тыйымат кочкам! — сырен пелешта Вувер-кува.

— Кочкат гын, кочкат, пӧртеш олтен кодынем,— манеш ӱдыр.

Ӱдыр пӧртеш олта. Шокшо шӱй ден тулшолым ачаж деч кодшо кемыш оптен шында.

— Кувай, ынде тӱньыкым петырем,— манеш ӱдыр.— Тый пӧртӧнчык лектын, умшатым карен шогал, мый умшашкет тӧрштем.

Ӱдыр пӧрт коклашке кӱза, тӱньыкым петыра. Вувер-кува, пӧртӧнчык лектын, умшажым карен шогалеш. Ӱдыр Вувер-куван умшашкыже тулшолым кемжыге чыка. Вувер-куван умшаже когарген кая. Тудо куш пурышашымат ок шинче. Тиде жапыште ӱдыр

шергем, монарым, вынерым налеш да лектын куржеш.

Ӱдыр кая-кая, тудым Вувер-кува поктен шуаш тӱҥалеш.

«Чодыра лий!» манын, ӱдыр шергежым кудалтен колта — чодыра лийын шогалеш.

Вувер-кува чодыраш миен шуэш, каяш ок лий. Мӧҥгышкыжӧ товарлан куржеш. Товарым нумал толеш, мераҥым вашлиеш.

— Кувай, тый каналте, товаретым пу, мый руэм,— манеш мераҥ.

Вувер-кува товаржым мераҥлан пуа, шке, кож тӱҥеш возын, мален колта. Мераҥ товарым налешат, тышеч-тушеч руалшын коеш да ерыш кудалта, шке кудал колта.

Вувер-кува помыжалтеш, ончал колта — мераҥат уке, товарат уке. Вара тудо сырымыж дене ер вӱдым иканаште подыл колта, товарым муын луктеш, чодырам руэн пытара. Адакат ӱдырым поктен шуаш тӱҥалеш.

«Кӱ курык лий!» манын, ӱдыр монаржым кудалтен колта.

Кугу кӱ курык лийын шинчеш. Вара Вувер-кува кӱ курык деке толын шуэш, руал шында — иканаште пӧрт ора гайым сӱмыра. Тиде жапыште рывыж толеш.

— Кувай, тый ноенат, каналте, мый руэм,— манеш рывыж.

Вувер-кува товаржым рывыжлан пуа, шке малаш возеш. Рывыж товарым налешат, тышеч-тушеч руалшын коеш да ерыш шолен колта. Вувер-кува помыжалтеш, онча — рывыжат уке, товарат уке. Тудо сырымыж дене ер вӱдым иканаште подыл колта, товаржым муын луктеш, курыкым руэн пытара, вара шке пеш чот куржеш. Куржеш-куржешат, ӱдырым поктен шуаш тӱҥалеш.

— Кугу вӱд лий! — манын, ӱдыр вынержым кудалтен колта — тунамак кугу вӱд лийын шинчеш.

Вувер-кува, толын шуын, вӱдым йӱын пытара, адакат ӱдырым поктен шуэш. Ӱдыр кугу куэ вуйыш кӱзен шинчеш. Вувер-кува куэм руаш тӱҥалеш. Руаруа, куэ лӱшкалт кая. Ӱдыр муралтен колта:

Ай, акаем, акаем,
Шӱдыретым йӧралте,
Вувер-кува мыйым кочкеш!

— Кынем ӱдем,— манеш кугурак акаже. Тудо кваште ила улмаш.

Вувер-кува адак руа, куэ адак чот лӱшкалташ тӱҥалеш. Ӱдыр адак мура:

Ай, акаем, акаем,
Шӱдыретым йӧралте,
Вувер-кува мыйым кочкеш!

— Кынем кӱрам,— манеш акаже.

Вувер-кува адак руа. Ӱдыр адак мура:

Ай, акаем, акаем,
Шӱдыретым йӧралте,
Вувер-кува мыйым кочкеш!

— Кынем тулем,— манеш акаже.

Вувер-кува руа. Ӱдыр мура:

Ай, акаем, акаем,
Шӱдыретым йӧралте,
Вувер-кува мыйым кочкеш!

— Мушым шондашам,— манеш акаже.

Вувер-кува адак руа. Ӱдыр мура:

Ай, акаем, акаем,
Шӱдыретым йӧралте,
Вувер-кува мыйым кочкеш!

Акаже шӱдыржым йӧралтен колта, шӱдыржӧ волен огеш шу. Вувер-кува эше виянрак руаш тӱҥалеш, куэ тайнен-тайнен кая. Ӱдыр муралтен колта, акаже шӱдыржым йӧралта, шӱдыржӧ адакат волен огеш шу. Вувер-кува уло вийже дене руа, куэ тайнаш тӱҥалеш. Ӱдыр адак муралта:

Ай, акаем, акаем,
Шӱдыретым йӧралте,
Вувер-кува мыйым кочкеш!

Акаже шӱдыржым йӧралтен колта, шӱдыржӧ волен шуэш, ӱдыр тудым руалтен куча да кӱш кӱзен кая.

Куэ йӧрлеш. Вувер-кува сырымыж дене куэ парчам пуреш.

Ӱдыр акаж дек миен пура.

— Курскат нелын ынже колто, порсын мундыра лийын воч,— манеш акаже.

Ӱдыр порсын мундыра лийын возеш. Курскаже толын пура.

— А-а, айдеме ӱпш уло! — манеш тудо.

— Корак, шогертен шудымо верыште айдеме лийын кертеш мо? — манеш акаже.

— Айдеме ӱпш уло! — манеш курскаже.

— Уло гын, мом ыштет? — йодеш акаже.

— Нелам! — манеш курскаже.

— Шӱжарем толын гын, мом ыштет? — манеш акаже.

— Ом нел, сийлен ашнем,— манеш тудо.

Порсын мундыра пӧрдын кая — ӱдыр лийын шогалеш. Тылеч вара межнеч ӱдыр акаж дене илаш тӱҥалеш, таче мартеат, очыни, илат.

Йомак — умбак, мый — тембак.

СЕМЬ СИРОТОК

Жили-были семь сироток. У них не было огня. Они послали старшую сестру к Вувер-куве за огнем. Сиротка пришла к ней и говорит:

— Тетушка, дай огня!

Вувер-кува дала девушке огонь. Девушка взяла огонь и говорит перед уходом:

— Тетушка, приходи к нам на посиделки.

— Пришла бы к вам,— отвечает Вувер-кува,— да уж очень злая у вас маленькая собачка. Ударьте палкой ей по ноге,— сказала она.

Девушка возвратилась домой. Сиротки приготовили обед. Поели-попили. Ударили палкой по ноге маленькой собачки. В это время с куделью в руках на посиделки идет Вувер-кува, идет и припевает:

Моя кудель — что теленок,
Веретено — что скалка,
Прясло — что жернов;
Каменный мост, куптыр-куптыр,
Семь сироток есть иду я!

Дошла Вувер-кува до сироток, кычырик — скрипнули ворота. Тут залаяла маленькая собачка, хромая на одну ногу.

— У-й-уй,— закричала Вувер-кува и убежала к себе домой.

Утром встали семь сироток, опять у них нет огня. Теперь посылают за огнем к Вувер-куве вторую старшую сестру. Пришла она к Вувер-куве.

— Тетушка, дай огня,— говорит она.

Сиротка взяла огонь и пошла домой. Перед уходом сказала:

— Тетушка, приходи к нам на посиделки.

Вувер-кува просит сломать другую ножку у маленькой собачки.

Вечером опять Вувер-кува идет на посиделки, распевая песню:

Моя кудель — что теленок,
Веретено — что скалка,
Прясло — что жернов;
Каменный мост, куптыр-куптыр,
Семь сироток есть иду я!

Тут выбежала маленькая собачка, прихрамывая, и залаяла. Испугалась Вувер-кува и убежала домой.

День за днем у маленькой собачки сиротки перебили все четыре ножки. Но несмотря на это, она продолжала лаять и пугать Вувер-куву.

Жили-жили, опять у семи сироток не стало огня. За огнем посылают шестую сестренку. Сиротка пришла к Вувер-куве.

— Тетушка, дай огня, у нас нет огня,— говорит она.

Вувер-кува дала огня, девушка собралась уходить домой.

— Тетушка, приходи на посиделки,— приглашает сиротка Вувер-куву.

— Пришла бы, да уж очень злая у вас маленькая собачка,— говорит Вувер-кува.— Сожгите вы ее, золу соберите в ведро.

Вернулась сиротка домой. Приготовили поесть, поели-попили, сожгли маленькую собачку. Собрав золу в ведро, выставили на крылечко. В это время идет Вувер-кува с куделью и распевает песню:

Моя кудель — что теленок,
Веретено — что скалка,
Прясло — что жернов;
Каменный мост, куптыр-куптыр,
Семь сироток есть иду я!

Пришла Вувер-кува, кычырик — скрипнули ворота. Только начала подниматься на крылечко, как тут зола собачки полетела прямо в глаза Вувер-куве. Протирая глаза, испуганная Вувер-кува убежала домой.

Утром сиротки встают, опять нет у них огня. Теперь настал черед идти за огнем самой младшей из семи сестер. Вувер-кува наказывает ей развеять из ведра золу сожженной собачки.

Наступил вечер. Опять Вувер-кува идет на посиделки и поет:

Моя кудель — что теленок,
Веретено — что скалка,
Прясло — что жернов;
Каменный мост, куптыр-куптыр,
Семь сироток есть иду я!

Вувер-кува вошла в избу.

— Тетушка, присаживайся! — говорят девушки.

— Нет, я залезу на печку,— говорит Вувер-кува и забирается на печку.

— Тетушка, я сяду рядом с тобой,— говорит старшая сестра.

— Я тоже сяду,— говорит другая.

— И я, и я! — говорят остальные.

Только самая младшая из семи сестер не пожелала садиться на печь к Вувер-куве. Шесть сестер залезли на печку и садятся рядом с Вувер-кувой.

Спустя некоторое время, кроп, что-то упало на пол. Вувер-кува съела старшую из сестер и бросила череп на пол.

— Тетушка, что у тебя упало? — спрашивает младшая из сестер.

— Прясло мое упало,— говорит Вувер-кува.

Вувер-кува съела другую девушку, а череп снова бросила на пол.

— Тетушка, что у тебя упало? — спрашивает младшая из сестер.

— Веретено мое упало,— говорит Вувер-кува.

Так одну за другой Вувер-кува съела всех шестерых сестер-сироток.

Утром младшая сестра встала и увидела: лежат на полу только черепа ее сестер.

— Ты съела моих сестер! — говорит она Вувер-куве.

— Помалкивай, а то и тебя я съем! — говорит Вувер-кува.

— Ну что ж, съешь так съешь, только дай мне истопить печь,— говорит девушка.

Девушка истопила печь, а горячие угли и головешки сложила в старые сапоги отца.

— Тетушка, теперь я закрою трубу,— говорит сиротка.— Ты выйди на крылечко, открой пошире рот, и я сама прыгну тебе в рот.

Девушка поднялась на чердак и закрыла трубу. Вувер-кува вышла на крылечко и встала, разинув рот. Девушка бросила ей в рот сапоги с углями и головешками. От ожога Вувер-кува не знала, куда деваться. В это время девушка схватила гребень, брусок и холст и выбежала из дома.

Бежит-бежит, Вувер-кува начинает ее настигать. Девушка бросила назад гребень и сказала:

— Пусть будет лес!

И вдруг перед Вувер-кувой встал непроходимый лес. Дошла Вувер-кува до леса, дальше идти невозможно. Сбегала она обратно за топором. Идет Вувер-кува с топором и встречает зайца.

— Тетушка, ты отдохни, дай мне топор, я порублю,— говорит заяц.

Вувер-кува дала зайцу топор, сама легла под елкой и заснула. Заяц взял топор, сделал вид, что рубит лес, а топор бросил в озеро. Проснулась Вувер-кува, посмотрела вокруг, а рядом — ни зайца, ни топора. Вувер-кува со злости одним глотком осушила озеро, нашла на дне топор и вырубила весь непроходимый лес. Опять стала настигать девушку.

— Будь каменной горой! — сказала девушка и бросила брусок. Тут выросла каменная гора. Добежала Вувер-кува до каменной горы и начала ее рубить. Ударит раз — отколет глыбу с дом, ударит другой — отколет такую же глыбу. В это время к ней подошла лиса.

— Тетушка, ты устала, отдохни, дай я порублю,— говорит лиса.

Вувер-кува доверила лисе топор, а сама легла спать. Лиса сделала вид, что рубит, затем топор бросила в озеро. Проснулась Вувер-кува, а рядом — ни лисицы и ни топора. Опять она со злости разом выпила воду из озера, нашла топор и вырубила каменную гору. Опять погналась Вувер-кува за девушкой, вот-вот настигнет ее.

— Будь глубокой и широкой рекой! — с этими словами девушка бросила холст. И тут же появилась огромная река.

Добежала Вувер-кува до огромной реки, выпила всю воду и опять пустилась догонять девушку.

На пути стояла большая береза. Девушка влезла на березу. Добежала Вувер-кува до березы и начала ее рубить. Рубила-рубила, береза покачнулась. Девушка запела:

Ой, сестра моя, сестра,
Спусти свое веретено,
Вувер-кува съест меня!

— Коноплю сею,— отвечает старшая сестра. Она жила, оказывается, на небе.

Опять рубит Вувер-кува березу, еще сильнее она покачнулась. Девушка опять запела:

Ой, сестра моя, сестра,
Спусти свое веретено,
Вувер-кува съест меня!

Вувер-кува рубит, девушка поет:

Ой, сестра моя, сестра,
Спусти свое веретено,
Вувер-кува съест меня!

— Коноплю тереблю,— отвечает сестра.

Опять рубит Вувер-кува березу. Девушка поет:

Ой, сестра моя, сестра,
Спусти свое веретено,
Вувер-кува съест меня!

— Чешу кудель,— отвечает с неба сестра.

Вувер-кува рубит, девушка поет:

Ой, сестра моя, сестра,
Спусти свое веретено,
Вувер-кува съест меня!

Сестра с неба спустила веретено, но оно не дошло до березы. Вувер-кува с новой силой принялась рубить березу. Она сильно-сильно покачнулась, вот-вот упадет. Девушка снова запела. Сестра спустила веретено, но оно опять не достигло младшей сестры.

Вувер-кува изо всех сил ударила топором по березе, и та начала падать. Девушка опять запела ту же песенку:

Ой, сестра моя, сестра,
Спусти свое веретено,
Вувер-кува съест меня!

Сестра спустила веретено, и оно, наконец, дошло до девушки. Она ухватилась за веретено и поднялась на небо.

Береза упала. Вувер-кува с досады стала грызть ее ветки.

Девушка дошла до своей сестры.

— Будь шелковым клубком, не то муж мой проглотит тебя,— говорит сестра.

Девушка обернулась шелковым клубком.

Появился зять и говорит:

— А-а, тут что-то человеческим духом пахнет! — говорит он.

— Ворона, сорока сюда не залетают, откуда здесь взяться человеку? — отвечает сестра.

— Тут есть запах человека! — говорит зять.

— Если есть, то что ты с этим человеком сделаешь? — спрашивает сестра девушки.

— Проглочу! — говорит он.

— Если пришла к нам моя сестренка, что ты с ней сделаешь? — спрашивает сестра.

— Ее не проглочу, а буду угощать,— говорит он.

Тут шелковый клубочек скатился с места и обернулся в девушку.

После этого девушка стала жить у сестры. Говорят, они живут-поживают и по сей день.

Сказка — прочь, а я — тут.

УЖАВА-ЎДЫР

Ожно ик марийын улмаш кум эргыже, иктат ватан огыл. Чылан вате налаш шуыныт. Кушто ўдырым кычалаш? Ачаже ышта кум йоҥежым, кум пикшым, пуа эрге-влаклан икте гыч, каласа:

— Эргым-влак, налза ик йоҥеж гыч, ик пикш гыч да лўйыза. Кӧн кудо велыш пикшыже кая, тушто лиеш тудын ўдыр. Кычал муза колтымо пикшдам!

Эрге-влак налыт йоҥежым, пикшым, тўҥалыт лўяш. Кугурак изашт лўен колта, тудын пикшыже кая кечывалйымак. Кыдалаш эргын кая эр кече велыш, изиракшын кая йўд кече велыш. Вара каят кычалын. Кугурак изаштын пеш тораш каен огыл. Муыт, мӧҥгышт толыт. Изиракшын каен ала-кушко мўндыркӧ, кая кычалын шораш-влак гоч, кугу кожла гоч, теҥыз гоч. Изашт терне ватым налыныт, шольыштым вучат, кычалыт, уке.

Шольышт шуэш кугу кожлашке. Шонен ошкылеш: «Ўдыр налмет-мочет! Тыште маска кочкын пытара». Миен шуэш пикш вочмо верыш, тўҥалеш пикшыжым кычалаш — пикш уке. «Кӧ налын мыйын пикшем? Тыште нигӧ ок кошт,— шона.— Ынде тышан колаш логалеш». Онча — шоҥго кува толеш, кум пўян, кугу

неран. Тиде рвезе лӱдеш: «Могай тиде кува!» Шоҥго кува йодеш:

— Марий, мом кычалат?

— Мый колтышым пикшым. Тышке толын возын, уке? Ала-кушко каен, ала-кӧ налын? — манеш изирак эрге.

— Мый налынам пикшетым,— манеш кува.— Мыйым марлан налат гын, пуэм.

— Кузе мый тыйым налам? — манеш изирак эрге.— Тый шоҥго улат, мый рвезе улам!

Эрге шона: «Тиде шоҥго, шӱкшӧ, пӱйжат кумыт веле».

Шоҥго кува манеш:

— Налде, нимат от ыште. От нал гын, тышеч лектын от керт. Налат гын, на тыланет шергаш, чий, нигӧлан ит пу, ит йомдаре, вара пикшым пуэм.

Эрге келша кувам марлан налаш. Шоҥго кува пуа эргылан шергашыжым, мӧҥгыжӧ ӱжеш. Эрге шоҥго куван пӧртышкыжӧ кая. Шоҥго кува конда эргым мӧҥгыжӧ, пукша, йӱкта. Эргын кочмыжат ок шу, ончалмыжат ок шу шоҥго кувам. Кува ойла:

— Ит ойгыро! Чыла тӧрлана.— Шоҥго кува кая чуланыш — тушечын мотор ӱдыр лектеш.

Эрге шона: «Тидым налаш гын, йӧра ыле». Тиде мотор ӱдыр пурен кая мӧҥгеш. Адак шоҥго кува лектеш. Тиде кува лиеш улмаш шоҥго, савырна улмаш рвезе ӱдырыш.

Лиеш кас. Шоҥго кува вакшышым вакшеш. «Воч малаш!» — манеш эргылан. Изи эрге возеш малаш, шоҥго кува воктекыже возеш. Шоҥго кува ӧндалеш, ик йӱдым мален эртарат. Кок кече илат. Эрге йодеш кува деч:

— Кунам мый декем каена?

— Шуат, каена, ит ойгыро,— манеш кува.

Эрге ила, шона: «Шого, йӱдым малаш возеш, ончем мый тудым: малымыж годым могай лиеш». Возыт малаш. Шоҥго кува мален колта. Марий тулым чӱкта, онча: тиде шоҥго кува лийын возын пеш мотор ӱдыр. Марий йывырта, ӧндалеш мотор ӱдырым, мален колта.

Эрдене кынелеш, воктенже ӱдыр уке. Шоҥго кува кочкаш ямдылкален коштеш. «Кынел кочкаш!» — манеш. Марий кынелеш, кочкеш.

Илат тыге арня-кокыт.

— Ынде каена! — манеш ватыже.

— Кузе каена? Йолын, имне дене?

— Ит ойгыро каяш. Мый тыйым нангаем,— манеш кува.

Тӱнгалыт погым погаш. Ватыже тӱгӧ лектеш да шӱшкалтен колта. Повозкан пар имне толын шогалеш. Пӧртыш пура, марийжылан ойла: «Айда, каена!» Погым налын лектыт. Марий шона: «Могае имне-влак! Повозка мотор». Шинчын каят. Имне-влак кайык гай чонгештен каят. Марийын ялыш миен шуыт. Ватыже имне-влакым шогалта, манеш: «Волена, йолын каена». Имньым мӧнгеш колта. Марий ден ватыже каят йолын. Ватыже ойла:

— Тый каласе ачатлан: мыланна посна пӧртым пуыжо, тушко нигӧ ынже пуро.

Марий шона: «Тыгай вате дене кузе ынде миен пурем, шонго, шучко».

Миен шуыт, капка тӱкылалтын. Изаже куржын лектеш:

— Кӧ тушто?

— Мый.

Шольыжым пурта. Ватыже шӱргыжым петырен, ок ончыкто.

Шольыжо йодеш изаж деч:

— Ачам кушто?

— Пӧртыштӧ.

— Мий, колто ачамым!

Изаже пӧртыш пура, ачажлан ойла:

— Ачай, кае, Йыван толын, ватым конден.

Ачаже лектеш, эргыж ден шешкыжым онча. Эргыже ачажлан ойла:

— Ачай, мыланна посна пӧртым пу. Тушко нигӧ ынже пуро.

— Толза тышке, пуртем,— манеш ачаже.

Ачаже пӧртым ончыкта. Йыван ватыж ден коктын пӧртыш пурат, тулым чӱкта. Ачаже кочкаш конда. Ешыжлан ойла: «Еш-влак, те нунын дек ида пуро, мо кӱлеш гын, шке нангаем». Еш-влак шонат: «Ала пеш моторым конден, ала пеш соптырам?» Ачаже шинча, ок каласе. Йыван шкеже коштеш, ватыже нигуш ок лек. Вес шешке-влак ончынешт, нигузе ончалаш ок лий. Шешке-влак мотор улыт, шонат: «Ала маскам конден, ватыже тӱкылымаште шинча».

Икана ачашт ойла:

— Эргым-влак, тендан ватыда ургышт мыланем ик тувыр гыч. Кӧ моторракым урга?

— Мемнан ватына ургат,— манып изашт.

«Мыйын шонго ватем кузе урга, тудо шонго, тӱ-

рым тӱрлен ок керт! Мом ышташ ынде?» — шона Йыван.

Эрге-влак каят ватышт дек. Ватышт йодыт:

— Ачат мом каласыш?

— Ача кӱштыш тыланда тувырым ургаш. Кум шешке ик тувыр гыч урген чиктышт, мане,— маныт эрге-влак.— Кудыжо моторрак урга.

Эрге-влак каят, налыт тувырашым.

Вате-влак тӱҥалыт тувырым ургаш. Йыванет ватыж дек толеш да ойла:

— Ачам шешке-влаклан тувырым ургаш кӱштыш. Кӧ моторрак урга?

Ватыже манеш Йыванлан:

— Кае, налын тол мотор кумага шӱртӧ дене куымо вынерым.

Йыван налын конда вынерым, ватыжлан пуа. Шкеже шона: «Тыйын ургымет! Вынерым локтылат!»

Кас лиеш. Ватыже манеш Йыванлан:

— Воч малаш!

Йыван малаш возеш, ватыж деч йодеш:

— Тувырым кунам ургет?

— Тый тидлан ит ойгыро. Мый чыла шуктем. Воч да мале.

Йыван мален колта. Ватыже тӱҥалеш вынерым пӱчкедаш. Пӱчкеден пытара, тӧрзам почеш да кудалта пӱчкедыме вынержым.

— Пӧрдшӧ мардеж-влак, наҥгайыза мыйын вынерем, урген кондыза тувырым! — манеш.

Мардеж-влак толыт, вынерым налын каят. Вате тӧрзам тӱчеш, малаш возеш. Мардеж-влак эр марте тувырым урген кондат. Ватыже эрак кынелеш, кочкаш ямдыла. Йываным кочкаш кычкыра. Йыван кынелеш, ватыж деч йодеш:

— Тувырет ургышыч?

— Теве, изи сондыкышто,— манеш ватыже.

Йыван налеш сондыкым, кая ачаж деке.

Изаже-влак толыт, тувырым кондат. Ачаже налеш кугурак эрге деч тувырым, чиен онча да манеш:

— Паша кечылан чияш тиде тувыр йӧра.

Вара налеш кыдалаш эрге деч, чиен онча.

— Тиде тувыр, рушарнян обедня деч вара чияш йӧра,— манеш.

Вара йодеш изирак эрге деч. Изирак эрге эше шкежат тувырым ужын огыл. Сондыкым почеш, тувырым луктеш, ачажлан пуа. Ачаже чиен онча тувырым, тувыр келша.

— Тиде тувырым кугече кечын гына чийыман,— манеш, поген пышта.

— Эше тендан ватыда ургышт ик ӱстембал шовыч гыч.

Эрге-влак мӧҥгышт толыт. Кугурак изаштын ватышт йодыт:

— Ачада мом каласыш?

— Соптыран ургенат, манеш. Паша кечын веле чияш йӧра мане,— манеш кугурак эрге ватыжлан.— Йыванын ватыже эн мотор урген. Эше ик ӱстембал шовыч гыч ургаш кӱштыш.

— Ачам каласыш: рушарня кечын кечывал деч вара чияш йӧра,— манеш кыдалаш эрге.— Йыванын ватыже эн мотор урген. Эше ӱстембал шовычым ургаш кӱштыш.

Йыван ватыжлан каласа:

— Мотор ургенат, манеш. Нигӧм ыш мокто, тыйым веле моктыш. «Тиде тувырым кугече кечын гына чияш» мане. Эше ик ӱстембал шовыч гыч ургаш кӱштыш.

Эрге-влак налын кондат вынерым ватыштлан.

Кас лиеш, малаш возыт. Кугурак изажын ватыже шона: «Кузе тудо урга?» Колта стряпка ӱдырым ончаш.

— Мий, кае, ончо йыштак тӧрза гыч, кузе Йыванын ватыже урга.

Стряпка ӱдыр мия тӧрза деке, онча: нимо ок кой, тӧрзам петырен. Колыштын шога. Йыванын ватыже вынерым пӱчкеш. Тӧрзам почеш, налеш да кудалта вынерым. «Пӧрдшӧ мардеж-влак, наҥгайыза мыйын вынерем, урген кондыза ӱстембал шовычым!» — манеш.

Мардеж толеш, вынерым налын кая. Стряпка ӱдыр толеш, да кугурак эргын ватыже йодеш:

— Мом ужыч?

— Тудо вынерым, пӱчкын, тӧрза гыч кудалтыш! — манеш ӱдыр.— «Пӧрдшӧ мардеж, мыйын вынерем наҥгайыза, ӱстембал шовычым урген кондыза!» мане. Мардеж толын наҥгайыш.

— Мыят тыге ыштем,— манеш кугу эргын ватыже.

Вынерым пӱчкеш да тӧрза гыч кудалта. «Пӧрдшӧ мардеж-влак, наҥгайыза мыйын вынерем, урген кондыза ӱстембал шовычым!» — манеш. Шкеже малаш возеш.

Мален кынелеш да онча: ӱстембал шовыч уке. Вынерже тугак тӧрза ончылно кия.

Марийже йодеш:

— Кушто ӱстембал шовычет?

— Мый Йыванын ватыж семын ыштынем ыле, туге ыш лек,— манеш ватыже.

— Кай, ораде, тудын семын кузе тый ыштен кертат! Ала тудо ия да? Кугу эрге ямде ургымо ӱстембал шовычым налын конда.

Йыван ватыж деч йодеш:

— Ӱстембал шовычет ургышыч?

— Ямде, теве сондыкышто,— манеш ватыже.

Йыван кочкын темеш, сондыкым налеш да кая ачаж дек. Изаже-влак толыт. Ачаже йодеш кугурак эргыж деч. Эргыже шовычым луктын пуа. Ачаже ӱстембак шарен онча: «Тиде паша кечын шараш йӧра»,— манеш.

Вара кыдалаш эргыжым шарен онча. «Тиде рушарнян кастене кочмо годым шараш йӧра»,— манеш. Изирак эргыже сондык гыч луктын пуа. Ачаже шарен онча. «Келша,— манеш.— Тиде кугече кечын ӱстембак шараш йӧра».

Ачашт кумшо гана кӱшта: «Ынде ватыда киндым кӱэштышт!»

Эрге-влак мӧҥгышт толыт. Ватышт йодыт:

— Кӧн сай ыле?

— Йыванын ватыже эн мотор урген,— манып изашт-влак. Тендан ӱстембал шовычда паша годым шараш веле йӧра, Йыванын кугече кечын шараш йӧра, мане. Ача кӱштыш тыланда киндым кӱэшташ,— маныт.

Вате-влак тӱҥалыт ложашым шокташ, руашым лугат.

Йыванат ватыжлан ойла: «Ачам тыйын ӱстембал шовычетым моктыш, эн мотор, мане. Эше киндым кӱэшташ кӱштыш».

Йыванын ватыже ложашым шоктеш, руашым луга.

Кыдалаш эргын ватыже стряпка ӱдырым ончаш колта: «Мий, ончен тол: кузе Йыванын ватыже киндым ышта!» — манеш.

Стряпка ӱдыр тӧрза деке миен шогалеш, шыпак онча. Йыванын ватыже коҥгам почеш, куча руаш вочкым, чыла руашым коҥгаш опталеш. «Лийже кинде чевер, калаче гане!» — манеш, шке малаш возеш. Тидым ӱдыр колеш, мӧҥгыжӧ куржеш.

— Ужыч, уке? — йодеш оза вате.

— Ужым. Тудо чыла руашым коҥгаш оптале да мане: «Лийже кинде чевер, калаче гане!»

Кыдалаш эргын ватыжат тыгак ышта. Руашым конгаш опталеш да манеш: «Лийже кинде чевер, калаче гане!» Шкеже малаш возеш.

Мален кынелеш, конгаш ончалеш: руаш тугак кия, кинде лийын огыл. Вашкерак луктын кышка, вес руашым луга. Пыкше киндым кӱэштын шукта.

Йыванын ватыже киндым кӱктен луктын, пеш мотор кинде лийын. Йыван кынелеш да йодеш:

— Киндет кӱктышыч?

— Теве, ӱстембалне кия.

Йыван киндым налеш да кая ачаж дек. Изажевлакат толыт. Ачаже йодеш кугурак эргыж деч. Эрге ачажлан киндым пуа. Ачаже кочкын онча да манеш: «Кожла гыч шужен толмо годым кочкаш йӧра». Кыдалаш эрге ачажлан киндым пуа. Ачаже манеш: «Киндым ӱден толмеке, кочкаш йӧра». Изирак эрге пуа киндыжым. Ачаже кочкын онча: «Тиде кинде чевер, сай уна толмо годым пукшаш йӧра»,— манеш. Эрге-влак каят.

Йыван ачаж деч сӱаным ышташ йодеш. Ачаже «Йӧра ыштена» манеш.

Йыван ватыжлан ойла:

— Ынде сӱаным ыштена,— манеш.

— Йӧра,— манеш ватыже.— Ачатлан каласе: сӱан ышташ каена гын, ачат веле кайыже. Моло нигӧ ынже лий пырля. Кычкыже койдымо повозкам.

Йыван кая ачаж деке. Ачажлан каласа:

— Ачай, эрла каена сӱан ышташ.

— Йӧра, каяш кӱлеш.

— Ачай, ме каена кумытын веле! Тый кает, мый — ватем дене. Кӱлеш койдымо повозкам кычкаш, нигӧ ынже уж!

— Уло мемнан тыгай повозка, кычкена,— манеш ачаже.

Йыван кая мӧнгыжӧ. Ватыже йодеш:

— Ачат мом каласыш?

— Ачам каласыш: уло мемнан тугай повозка шкенан, кычкена. Эрла каена, мане.

Лиеш кас. Малаш возыт. Мален кынелыт, кочкыт-йӱыт. Йыван кая ачаж дек.

— Ачай, каена мо?

— Кычке имне-влакым!

Йыван кая, кок имньым повозкашке кычка, тошкалтыш мучашке конден шогалта. Ачаже шинчеш шке кучаш. Йыван ватыж дене лектын шинчеш. Уло ешышт лектыт ончаш: Йыванын ватыжым ужнешт.

Нигӧ ужын ок керт. Лектын каят. Мият черкыш. Поп менчая. Сӱан ыштен толыт.

Тулеч вара ачаже пайремым ышта. Эргыже, шешкыже, чыла родо-влакым ӱжеш. Йыван мия пайремыш, ватыже ок мие. Ачаже манеш:

— Ынде ватетат толжо.

Йыван кая ватыжым ӱжаш:

— Тыйым ачам кӱштыш,— манеш ватыжлан.

— Каласе ачатлан, ватемын родыжо толеш, ман. Кызытак налаш лекше.

Йыван кая, каласа ачажлан:

— Ачай, айда налаш лектына, ватемын родыжо толеш.

Налаш лектыт, капкам почыт. Кудывечыш пар имне повозка ден пура. Повозка гыч шоҥго кува лектеш. Тиде Йыванын ватыже. Унам пуртат, ӱстел коклаш шындат, пукшат, йӱктат. Тудо огеш йӱ, огеш коч. Кочкышым опта шола шокшышкыжо, пурам опта пурла шокшышко. Вара шоҥго кува тӱгӧ лектеш. Шола кидше дене рӱзалта — сад лийын шинчеш. Пурла кидшым рӱзалта — лиеш ер. Еҥ-влак ӧрыт: мо тыгае? А шкеже мотор ӱдыр лийын шогалеш.

Йыван ден ватыже ваш ӧндалалтыт. Вес шешке-влак ӧрын ончат. Йыванын ватыже пеш мотор улмаш. Кугурак шешке-влакат тыгак ыштат. Пурам оптат пурла шокшыш, кочкышым — шола шокшыш. Шокшышт чыла нӧра. Лектыт да рӱзалтен колтат пурла кидышт дене — пура вуж лектын кая еҥ ӱмбак. Рӱзалтат шола шокшышт дене — кочкыш еҥ ӱмбак лектын возеш. Еҥ, нуным ончен, воштылыт.

Пайрем эрта, илат.

Икана Йыван шергашыжым йомдара. Ватыже шижеш шергаш укем. Кастене возыт малаш, Йыван мален колта. Ватыже йӱдым мӧҥгыжӧ лектын кая. Йыван мален кынелеш, ватыже уке. Ошкылеш ачаж дек, йодеш:

— Ачай, ватем ыжыч уж?

— Уке. Куш каен вара? — манеш.

Йыван ужын колта, парняште шергашыже уке.

— Ачий,— манеш,— тудо шке мӧҥгыжӧ каен. Тудо мыланем шергашым пуэн ыле, ит йомдаре мане. Мый шергашым йомдаренам.

Ачаже манеш:

— Ватет ала шке луктын налын да каен.

— Уке, тудо вӱд гоч вончымо годым лектын возын.

Йыван кая шергаш кычалын, изи пийже ден пырысыже пырля каят.

Кая шуко-шагал, миен шуэш вӱд воктек. Тушто колызо илен. Йыван колызо дек шогалеш. Кугыза колым эрыкташ тӱҥалеш, шолыжым пий ден пырыслан пуа. Шергашым кол нелын улмаш. Пырыс, кочшыжла, шолышто шергашым муэш, Йыванлан конден пуа. Йыван ватыжын шергашыжым пала, поген пышта. Йыван кая ватыжым кычалаш. Изи пийже корным муын нанҥая. Каят шуко-шагал, миен шуыт ватыж деке. Пурат пӧртышкӧ. Йыван манеш:

— Молан кайышыч?

— Молан шергашем йомдаренат? Мый шергаш деч посна тый денет илен ом керт,— манеш ватыже.

— Мый шергашетым муынам, ынде кает? — манеш Йыван.

— Муынат гын, каем,— манеш ватыже. Тӱгӧ лектеш да шӱшкалтен колта: пар имне повозка ден толын шогалеш. Йыван ден ватыже шинчын каят. Каят шуко-шагал, миен шуыт эргын мӧҥгыжӧ. Йыван ден ватыже сайын илаш тӱҥалыт. Кызытат илат.

Йомак — умбак, мый — тембак.

ДЕВУШКА-ЛЯГУШКА

Раньше у одного марийца было трое сыновей, все холостые. Настала пора им жениться. Но где найти для них невест? Смастерил отец им три стрелы и три лука, дал сыновьям по одной стреле и говорит:

— Возьмите по одной стреле и по одному луку и стреляйте. Чья стрела в какую сторону полетит, там и ищите себе невесту. Найдите свои стрелы!

Сыновья натянули луки и пустили стрелы по разным сторонам. Выстрелил старший брат, стрела полетела на южную сторону. У среднего брата стрела устремилась на восток, у младшего — на запад. У старшего и среднего братьев суженые оказались невдалеке. Только у младшего брата стрела улетела очень далеко. Младший брат отправился искать свою стрелу через болота, большие леса и моря. Старшие братья успели жениться и ждут младшего брата. Искали-искали его, но, не найдя, вернулись домой.

Младший брат вышел к большому лесу и подумал: «Вот и женись! Встретишь случайно медведя, и он съест тебя». Дошел он до того места, где упала

пущенная им стрела, начал искать её, но никак не может найти. «Кто мог взять мою стрелу? — подумал он.— Не придется ли мне тут умереть?» Вдруг он увидел перед собой дряхлую старушку с большим носом и тремя зубами. Испугался младший брат, кто эта такая старушка?

— Марий, что ты здесь ищешь? — спросила его старушка.

— Я пустил стрелу. Ищу ее, а ее здесь нет? Наверное, кто-нибудь нашел? — говорит младший брат.

— Я нашла твою стрелу,— говорит старуха.— Если ты на мне женишься, тогда я её тебе отдам.

— Как я на тебе женюсь? Ты такая дряхлая, а я — молодой,— говорит младший брат и думает: «Она ведь такая старая, и зубов-то у ней только три».

А старушка говорит:

— Придется тебе на мне жениться: если не женишься, то тебе отсюда не выбраться. На тебе кольцо, надень его, никому не показывай и не теряй!

Младший брат согласился на ней жениться. Старуха дала ему кольцо и позвала к себе домой. Он пошел с ней. Старуха привела его к себе домой, накормила, напоила. Младшему брату не хочется ни пить, ни есть, не хочет он и взглянуть на старушку.

Старуха говорит:

— Не горюй! Все уладится.

Старушка вошла в чулан — и вдруг оттуда вышла красивая девушка. «Вот бы жениться на ней»,— подумал он. Девушка обратно зашла в комнату. Оттуда вновь появилась та же старушка. Это она превращалась в молодую, красивую девушку.

Наступил вечер. Старуха постелила постель. «Ложись спать!» — говорит старуха. Младший брат лег спать, а старуха тоже легла рядом. Старуха обняла его. Одна ночь прошла, другая. Прожили два дня.

Младший брат спрашивает у старухи:

— Когда едем ко мне?

— Успеешь, поедем, не горюй,— говорит старуха.

Младший брат живет и думает: «Как только ляжет спать, посмотрю-ка, как она выглядит ночью». Легли спать.

Старуха заснула.

Марий встал, зажег свет и видит: лежит в постели не старуха, а очень красивая девушка.

Обрадовался марий, обнял девушку и заснул.

Утром встал, а рядом нет девушки. Старуха хло-

почет по дому, готовит завтрак. «Вставай на завтрак!» — говорит старуха.

Марий встал, поел. Прожили они так недельки две-три.

— Теперь пора ехать! — говорит старуха.

— Как поедем? Пешком или на коне?

— Не тужи. Я тебя повезу сама,— ответила старушка.

Начали собирать пожитки. Старушка-жена вышла из дому и свистнула. Тут же прискакала пара лошадей с повозкой. Вошла старуха в избу и сказала мужу:

— Поехали!

Марий подумал: «Ах, какие красивые кони и повозка!» Погрузили вещи в повозку, сели и поехали. Кони помчались словно птицы. Быстро доехали до родителей мужа. Жена остановила коней и говорит: «Слезем и пойдем дальше пешком»,— и отпустила коней обратно. Муж и жена пошли пешком.

— Ты скажи отцу, чтобы он для нас построил отдельный дом, и чтоб туда никто не заходил.

Марий подумал: «Как же я теперь с такой старой и дряхлой женой появлюсь у родителей?»

Дошли они до калитки, пробуют открыть — закрыта. На стук вышел один из братьев:

— Кто там?

— Я,— отвечает младший брат.

Вошли они во двор. Жена младшего брата закрыла лицо, чтобы не видели ее лицо. Младший брат спрашивает у брата.

— Где отец?

— Дома.

— Иди пошли его сюда.

Старший брат зашел в избу и говорит отцу:

— Иди, отец. Приехал Иван, привез себе жену.

Вышел отец во двор, смотрит на своего младшего сына и его жену. Младший сын говорит отцу:

— Отец, выдели нам отдельный дом, и чтобы туда никто не заходил.

— Вот вам дом, живите! — показывает отец на отдельный дом.

Иван и его жена вошли в дом, Иван зажег свет. Отец принес им еду.

Отец говорит семье:

— Вы к ним не ходите. Если что нужно, я им сам понесу,— сказал отец своим сыновьям.

Дома думают: «Он привез или очень красивую жену, или очень некрасивую». Отец молчит, Иван сам выходит из дому, жена сидит дома. Жены старших братьев хотят взглянуть на жену Ивана, может он привез медведя, и поэтому держит взаперти.

Однажды отец говорит:

— Сыновья, пусть ваши жены сошьют мне по одной рубашке. Посмотрю, у кого будет самая красивая.

— Наши жены сошьют,— говорят старшие братья.

«Как же моя жена будет шить рубашку, ведь она такая старая, не может вышивать. Что же теперь делать?» — подумал Иван.

Братья зашли к женам. Жены спрашивают:

— Что сказал твой отец?

— Отец велел вам сшить для него рубашки. Хочет посмотреть, у кого получится самая красивая,— говорят старшие братья. Их жены принялись за работу.

Иван пришел к жене и говорит:

— Отец велел сшить невесткам для него рубашку. У кого получится самая красивая, хочет посмотреть.

— Иди сходи и принеси холст да бумажные нити.

Иван сходил за холстом, передал жене, сам подумал: «Как ты сможешь сшить рубашку. Зря испортишь холст».

Наступил вечер. Жена говорит мужу:

— Ложись спать!

— Когда же сошьешь рубашку? — спросил Иван перед тем, как лечь спать.

— Ты об этом не беспокойся, ложись и спи,— ответила она.

Иван заснул. Жена разрезала холст, открыла окошко и бросила отрезки холста по ветру со словами:

— Ветры буйные, унесите мой холст, сшейте рубашку и верните мне обратно!

Ветры налетели и унесли к себе. Жена закрыла окошко и легла спать. Ветры утром вернули готовую рубашку. Жена Ивана проснулась рано, начала готовить еду. Когда поспел завтрак, разбудила Ивана.

— Ну. как, рубашка готова? — спросил Иван.

— Вот она, в сундучке,— ответила жена.

Иван взял сундук с рубашкой и отправился к отцу. Старшие братья тоже принесли по рубашке. Отец взял у старшего сына рубашку, примерил на себе и говорит:

— Эта рубашка годится для работы.

Примерил рубашку среднего сына и говорит:

— Эта рубашка годится для ношения по воскресеньям после обедни.

Затем отец обращается к младшему сыну. Младший сын еще сам не видел рубашки. Он открыл сундук, достал рубашку и вручил отцу. Отец примерил ее, и рубашка очень понравилась.

— Эту рубашку одену только на пасху,— сказал отец и бережно прибрал ее.

Прошло немного времени. Отец вновь собрал сыновей и сказал:

— Пусть ваши жены сошьют по скатерти на стол.

Братья вернулись домой. Жена старшего сына спрашивает:

— Что сказал отец?

— Отец сказал, что сшила плохую рубашку и что носить ее годится только на работу. А у жены Ивана получилась самая красивая. Отец еще велел сшить по скатерти,— говорит старший брат.

— Отец сказал, что твоя рубашка годится для ношения по воскресеньям после обедни,— говорит жене средний брат.— А у жены Ивана получилась очень красивая. Отец велел сшить еще скатерть.

А Иван говорит своей жене:

— Отцу очень понравилась твоя рубашка. Никого он не похвалил, кроме тебя. Он сказал, что твою рубашку будет носить только на пасху. Он наказал, чтобы сшили невестки еще по одной скатерти.

Сыновья принесли своим женам холсты. Наступил вечер. Легли спать. Жена старшего брата думает: «Как же Иванова жена шьет? Вот бы посмотреть!» И посылает девушку-служанку: «Иди под окно и посмотри, как справляется с заданием жена Ивана»,— сказала ей.

Служанка тихо подошла под окно и стала наблюдать. Окно закрыто, и ничего не видно. Стала под окном и начала подслушивать. Жена Ивана выкроила холст, открыла окно и выбросила в наружу:

— Ветры буйные, унесите с собой мой холст и верните мне готовую скатерть!

Налетели ветры и унесли холст. Пришла служанка.

— Ну, что видела? — спросила жена старшего брата.

— Она разрезала холст на отрезки и пустила по ветру, приговаривая: «Ветры буйные, унесите с собой мой холст и верните готовую скатерть!» Ветры налетели и унесли с собой.

— Я тоже так поступлю,— говорит жена старшего брата.

Она разрезала холст на отрезки и бросила в окно: «Ветры буйные, унесите мой холст и верните готовую скатерть!» — сказала она. Жена старшего брата легла спать. Утром проснулась и видит: скатерти нет, разрезанный холст так и пролежал под окном.

— Где твоя скатерть? — спрашивает муж.

— Я последовала примеру жены Ивана, но у меня так не получилось,— говорит его жена.

— Ну и дура! Откуда тебе сшить скатерть как она?! Может быть она — нечистая сила!

Старший брат ушел из дому и вернулся с готовой скатертью.

Иван говорит своей жене:

— Готова ли скатерть?

— Готова, вот она в сундучке,— говорит жена.

Иван поел, взял сундук и пошел к отцу. Пришли и старшие братья. Отец обращается к старшему сыну. Старший сын достал скатерть и передал отцу. Отец постелил скатерть на стол и сказал:

— Эта скатерть годится на стол в рабочие дни.

Затем положил скатерть среднего сына и сказал:

— А эта годится стелить по воскресеньям во время еды.

Младший сын Иван достал скатерть из сундука и вручил отцу. Посмотрел отец скатерть, накрыл на стол и сказал:

— Эта скатерть будет служить на пасху.

Вернулись братья домой, а жены тут как тут:

— Чья скатерть лучше?

— У Ивановой жены самая лучшая скатерть,— говорят старшие братья.— Ваши скатерти годятся лишь для рабочего дня, а скатерть жены Ивана будут стелить только в праздник пасхи.

Прошло время. Отец вновь заявил сыновьям: «Пусть ваши жены испекут по караваю хлеба!»

Жены дружно принялись за работу: просеяли муку, замесили тесто.

Иван тоже говорит своей жене:

— Отец очень похвалил твою скатерть,— сказал,

что она самая лучшая и красивая. Еще он наказал всем испечь для него вкусный хлеб.

И жена Ивана принялась за работу, просеяла муку, замесила тесто.

Жена среднего брата наказала служанке:

— Иди сходи, посмотри, как жена Ивана печет хлеб.

Служанка пошла к дому Ивана, встала под окно и стала наблюдать. Жена Ивана сняла заслонку с печи, взяла квашню, вывалила из нее все тесто в печь и сказала:

— Пусть будет хлеб красивый, как калач!

Сама легла спать. Служанка все это увидела и пошла к своей хозяйке.

— Ну как, видела? — спрашивает хозяйка.

— Видела. Она все тесто выложила в печь и сказала: «Пусть будет хлеб красивый, как калач!»

Жена среднего брата так и сделала. Все тесто выложила в печь и сказала: «Пусть будет хлеб красивый, как калач!» Сама ушла спать.

Утром проснулась, посмотрела в печь и видит: тесто так и лежит, хлеб не получился. Быстро из печи убрала тесто, вновь замесила и кое-как испекла хлеб.

А жена Ивана испекла хлеб румяный, красивый. Иван проснулся и спросил:

— Хлеб готов?

— Вот, на столе,— говорит жена. Иван взял хлеб и пошел к отцу. Отец спрашивает у старшего сына. Он дает ему хлеб. Отец попробовал и говорит:

— Годится на обед, когда вернусь голодным с рубки леса.

Средний брат вручил отцу хлеб. Отец откусил и сказал:

— Годится на еду после прихода с посева.

Младший брат вручает хлеб. Отец попробовал и сказал:

— Этот хлеб самый красивый и вкусный. Этим хлебом буду угощать только гостей.

Сыновья ушли. Младший брат Иван просит у отца разрешения сыграть, наконец, свадьбу.

— Ладно,— говорит отец,— справим.

Иван пришел к жене.

— Пора справлять свадьбу,— говорит ей.

— Ладно,— согласилась и жена.— Передай отцу, чтобы на свадьбу, кроме него, никто не ехал. Пусть запрягает повозку-невидимку.

Иван пошел к отцу и передал слова жены.

— Есть у нас такая повозка,— говорит отец.

Иван пришел домой. Жена говорит:

— Что сказал твой отец?

— Отец сказал, что такая повозка у нас есть, запряжем и завтра же выедем.

Настал вечер. Легли спать. Утром проснулись, поели-попили. Иван пошел к отцу.

— Отец, поехали что ли?

— Запрягай коней! — говорит отец.

Иван запрягал двух коней в повозку-невидимку, подвел к лестнице. Отец сел на место кучера. Иван и его жена вышли из дома и сели в повозку. Вся семья вышла посмотреть на жену Ивана. Но никто не мог ее увидеть.

Они выехали со двора, доехали до церкви. Поп их обвенчал. Справили свадьбу. Возвратились домой.

После свадьбы отец устроил праздник. На праздник пригласил сыновей, снох и всех родственников. Сюда пришел и Иван, а жена осталась дома. Отец говорит:

— Пусть придет теперь и твоя жена!

Иван пошел звать жену.

— Тебя просил отец,— сказал он.

— Передай отцу, мол, на праздник придет ее родственница. Пусть немедленно выйдет встречать.

Иван пошел к отцу и говорит:

— Отец, приедет родственница моей жены. Она велела встретить ее.

Отец вышел встречать, открыл ворота. Во двор въехала повозка и остановилась. Из повозки вышла старуха. Это и есть жена Ивана. Гостью усадили за стол, хотят угостить ее. Но она не ест и не пьет. Только знает она, что всю еду кладет в левый рукав, а квас — в правый рукав. Потом она вышла из дому, тряхнула левой рукой — вырос сад, тряхнула правой — образовалось озеро. Гости удивились: что за чудо?! А старуха тут же обратилась в молодую красивую женщину. Обнялись Иван и его молодая жена. Другие снохи стояли и сильно удивлялись такому преображению, завидовали красивой жене Ивана. Им тоже захотелось стать такой же красивой, как жена Ивана, и удивить гостей. Они тоже засовывают в свой левый рукав угощенья, а в правый — квас. Вышли из дома и тряхнули левым рукавом — вывалилась еда, тряхнули правым — вылился квас. Только запачкали

они свои рукава. Гости вокруг стали смеяться над ними. Чуда не произошло.

Праздник прошел. Однажды как-то Иван потерял свое именное кольцо. Жена узнала, что у Ивана исчезло колечко. Вечером легли спать. Когда Иван заснул, ночью жена уехала домой. Утром проснулся Иван и обнаружил, что его жена исчезла. Потом он пошел к отцу и спросил:

— Отец, ты не видел мою жену?

— Нет, куда она ушла?

Тут Иван заметил, что у него нет кольца.

— Отец,— говорит Иван,— она уехала к себе домой. Она мне подарила было кольцо и сказала тогда, чтобы я его никогда не терял. А я это кольцо потерял.

— Может быть, твоя жена сама взяла кольцо, а потом ушла домой? — говорит отец.

— Нет, оно потерялось, когда мы переправлялись через реку.

Иван пошел искать кольцо вместе со своими собакой и кошкой. Долго ли, коротко ли шел Иван и дошел до реки. Иван остановился у одного рыбака, жившего около реки. Рыбак начал чистить рыбу, кишки бросил собаке и кошке. Когда кошка ела кишки, вдруг там она обнаружила кольцо и передала Ивану. Он смотрит — именно то кольцо, которое подарила жена.

К берегу приплыла большая лодка, Иван переплыл на другую сторону и отправился на поиски жены. Собачка повела хозяина по следам.

Долго ли, коротко ли шли они, наконец дошли до жены. Вошли к ней в дом. Иван говорит:

— Зачем ты ушла?

— Почему потерял мое кольцо? Я без кольца с тобой не проживу,— говорит жена.

— Я нашел твое кольцо, теперь-то пойдешь?

— Если нашел — пойду.

Жена вышла из дома и свистнула, тут же появилась пара коней с повозкой. Иван и жена сели в повозку и поехали назад к мужу. Долго ли они ехали, коротко ли, доехали до дома мужа.

Иван с женой стали жить хорошо и живут по сей день.

Сказка — прочь, я — тут.

ШӦРТНЬӦ ШУЛДЫРАН ЛУДО

Ожно улмаш ик куван эргыже, Иван лӱман. Тудо коштын пычал дене. Ик жаплан каен вӱд воктен лудо кучаш. Ужеш: вӱдыштӧ коштеш шӧртньӧ шулдыран лудо. Тудо огеш лӱй. Кая теркыже[1], каласа аважлан:

— Авай, мый ужым мемнан вӱдыштӧ шӧртньӧ шулдыран лудым. Мый каем эрла, лӱем тудым.

Аваже манеш:

— Эргым, тудо лудым ит лӱй! Тудо тыйым мӱндыркӧ нангая.

— Уке, авай, лӱем! — манеш Иван.

— Эргым, ит лӱй! — сӧрвала аваже.

Эрдене Иван пычалым налеш, кая. Ужеш: тудо лудо коштеш вӱдыштӧ. Иван коштеш-коштеш, ончен налеш, лӱен колта, пуштеш. Налеш, нангая теркыже. Ончыкта аважлан. Аваже манеш:

— Эх, молан лӱйышыч? Тудо тыйым нангая мӱндыркӧ.

Иван нангая эрдене ужалаш тудым кугыжа деке. Миен шуэш кугыжа дек. Кугыжа ужеш: Иван конден шӧртньӧ шулдыран лудым.

Кугыжа йодеш:

— Иван, кунаре йодат лудетлан?

Иван манеш:

— Тӱжем теҥгем.

Кугыжа пуа тӱжем теҥгем, Иван пуа лудым кугыжалан. Оксам налеш, кая теркыже.

Кайымыж деч вара ик салтак кугыжалан ондален манеш:

— Тиде Иван кертам мане,— манеш,— луктын шергакан кӱм.

Иван нимом ок шинче. Кугыжа колта ӱжаш Иваным. Салтак толеш Иван деке. Ӱжеш:

— Айда, тыйым кугыжа теркыже кӱштыш.

Иван кая кугыжа дек. Мия кугыжа дек. Кугыжа йодеш марий эрге деч:

— Тый сӧренат салтаклан лукташ шергакан кӱм?

Иван манеш:

— Сӧрен омыл!

Кугыжа манеш:

— Кузе туге сӧрен отыл? Салтак мылам каласыш. Тый салтаклан каласенат. От лук шергакан кӱм, так мый тыйын шӱетым руалам!

---

[1] Теркыже — мӧҥгыжӧ.

Иван вуйжым сака да кая. Толеш теркыже. Аваже йодеш:

— Мо, эргым, кугыжат мом каласыш?

Эргыже манеш:

— Ой, авай, кугыжа мылам кӱштыш лукташ шергакан кӱм.

Аваже манеш:

— Мый тылат каласышым вет! Тудо лудым ит лӱй, маньым. Ынде тыйым мӱндыркӧ нангая. Кай кугыжа дек! Каласе кугыжалан: ямдылыже куд вочко йӧрым да куд салтакым!

Иван кая кугыжа дек. Аваже налеш вынерым да тӱнгалеш тӱрлаш. Иван миен толеш кугыжа дечын.

Аваже йодеш:

— Мом кугыжа каласыш?

Эргыже манеш:

— Кугыжа сӧрыш ямдылаш.

Эрдене Иван тӱнгалеш каяш. Аваже пуа тӱр ден мундырам да каласа:

— Шинчат пароходыш, кудалте тиде мундырам вӱдыш да кае мундыра почеш. Мундыра шогалеш, тыят шогал, поч йӧр вочко-влакым да тӱнгал тӱрым ончаш.

Иван кая кугыжа дек. Кугыжа деч йодеш:

— Мо, ямдылышыч?

— Ямдылышым.

Иван налеш куд вочко йӧрым, куд салтакым, кая пароходыш. Шындат пароходыш куд вочко йӧрым да кают. Иван вӱдыш мундырам кудалта, кают мундыра почеш.

Кают шуко-шагал, мундыра шогалеш, тӱнгалеш пӧрдаш ик верыште. Пароходым шогалтат, Иван почеш йӧр вочко-влакым, шкеже тӱрым ончаш тӱнгалеш. Вочко дек йӧр кочкаш курныж-влак толыт. Ик кугурак курныжшо манеш:

— Иван, мом ончет? Кондо мылам, мыят ончалам! Иван пуа курныжлан. Курныж ончалеш:

— О, тиде акам колтен. Тыланет кӱлеш шергакан кӱ. Тиде кӱ мӱндырнӧ кия. Вӱд йымалне ула сондык. Сондык кӧргыштӧ сондык, тушто кия шергакан кӱ,— манеш курныж.— Айда мыйын пеленем. Мый тыланет пуэн колтем.

Иван кая курныж почеш. Миен шуыт шергакан кӱ кийыме верышке.

Курныж каласа коллан. Кол пурен кая вӱд йымак, луктеш шергакан кӱм. Марий эрге налеш шерга-

кан кӱм да кая пароход дек. Савырнен каят кугыжа дек.

Иван конден пуа кугыжалан шергакан кӱм. Кугыжа тудым йӱкта, пукша, оксам пуэн колта. Иван кая мӧҥгыжӧ.

Салтак адак кугыжалан ойла:

— Тиде Иван мане,— манеш,— эше луктын кертам шке шоктышо кӱслем.

Кугыжа колта эрлашыжым Иваным ӱжаш. Салтак мия тудын деке, манеш:

— Тыйым кугыжа кӱштыш.

Иван миен шогалеш кугыжа дек. Кугыжа йодеш:

— Тый теҥгече салтаклан сӧренат шке шоктышо кӱслем лукташ.

— Мый нимом сӧрен омыл! Тудо ондален ойлен,— манеш Иван.

— Тый кеч-кушто му. От кондо гын, тыйын шӱетым руалам! — манеш кугыжа.

Иван вуйжым сакен кая. Мӧҥгыжӧ толеш, аваже йодеш:

— Мо, эргым, кугыжат мом каласыш?

— Ой, авай, кугыжа мылам шке шоктышо кӱслем муаш кӱштыш.

— Эргым, мый тыланет каласышым: ит лӱй, маньым, тудо лудым. Ынде коштат. Кай, кугыжалан кӱштӧ ямдылаш кум салтакым, кум кремга шел сортам.

Иван кугыжа дек кая. Аваже тӱҥалеш тӱр тӱрлаш.

Иван каласа кугыжалан:

— Мый эрла каем кӱсле кычалаш. Мыланем кум салтакым пу, кум кремга шел сортам пу.

— Пуэм, кае,— манеш кугыжа.

Иван мӧҥгыжӧ пӧртылеш.

Аваже йодеш:

— Кугыжат мом ойлыш?

— Ямдылаш сӧрыш.

Эрдене Иван кынелеш, тӱҥалеш каяш. Аваже тӱр ден мундырам пуа. Иван мия кугыжа дек, йодеш:

— Ямдылышыч?

— Ямдылышым,— манеш кугыжа.

Кугыжа пуа кум салтакым, кум кремга шел сортам. Каят пароход дене, Иван вӱдыш мундырам кудалта.

Каят шуко-шагал, мундыра тӱҥалеш ик верыште пӧрдаш. Пароходым шогалтат, серыш лектыт. Серыште шога изи пӧрт. Пурат пӧртыш, тушто шкетак ик шоҥго кугыза ила.

— Мо кӱлеш тыланда? — йодеш кугыза.

— Мыланна шке шоктышо кӱсле кӱлеш,— манеш Иван.

— Тул кучышо уло? — йодеш кугыза.

Иван ик салтакым ончыкта. Тудо салтакше ик кремга сортам налешат, волгалтараш тӱҥалеш. Шоҥго кугыза тӱҥалеш кӱсле ышташ. Салтак, тулым кучен шинчен-шинчен, нералтен колта. Шоҥго кугыза салтакын вуйжым руал кудалта да адак йодеш:

— Тул кучышо уло?

Адак вес салтак тулым куча. Кучен шинча-шинчат, нералтен колта. Шоҥго кугыза адак салтакын вуйжым руалеш да йодеш:

— Тул кучышо уло?

Кумшо салтак сортам куча. Тудат сорта тулым кучен шинча-шинчат, нералтен колта. Шоҥго кугыза салтакын вуйжым руал кудалта да йодеш:

— Эше тул кучышо уло?

Ынде Иван тулым шке куча. Тӱрым луктын, ончаш тӱҥалеш.

Шоҥго кугыза йодеш:

— Пу-ян, могай тӱрым ончет?

Иван пуа тӱрым. Кугыза ончалеш да манеш:

— Тиде акам колтен. Молан шаҥгак шыч пу? Чыла салтакет илыше кодыт ыле. Ынде нимом от ыште.

Шоҥго кугыза вашкен кӱслем ышташ тӱҥалеш, ыштен шукта, пуа Иванлан. Иван кӱслем налын кая, шинчеш пароходыш. Миен шуэш кугыжан ола дек. Пароход гыч лектеш, ола урем дене кӱслем шоктен кая. Кӱсле йӱк мӱндыркӧ шокта. Чыла калык ӧрын. Миен пура кугыжа дек. Кугыжа йывыртен. Иван кугыжалан шке шоктышо кӱслем пуа. Кугыжа Иваным йӱкта, пукша, тӱжем теҥге оксам пуа. Иван мӧҥгыжӧ кая. Кӱсле шокта, а Иван кызытат ила.

ЗЛАТОКРЫЛАЯ УТКА

Раньше у одной старушки был сын по имени Иван. У него было ружье. Однажды он пошел пострелять уток. Видит, в воде плавает златокрылая утка. Он не стал стрелять в утку. Вернулся домой и сказал об этом матери:

— Мать, я видел, как в воде плавала златокрылая утка. Завтра я ее застрелю.

Мать говорит:

— Сын мой, эту утку не трогай! Она принесет тебе много горя.

— Нет, мать, я ее застрелю! — говорит Иван.

— Не стреляй, сынок! — умоляет мать.

Утром Иван встал, взял ружье и отправился на озеро. Видит, та самая утка плавает по воде. Иван ходил-ходил и застрелил утку. Принес ее домой и показал матери.

— Эх, зачем ты застрелил ее? Она принесет тебе много несчастья.

Иван взял утку и отправился к царю. Дошел до царя. Царь видит: Иван принес к нему златокрылую утку.

— Иван, сколько просишь за нее? — спрашивает царь.

— Тысячу рублей,— говорит Иван.

Царь дал ему тысячу рублей, а Иван ему — златокрылую утку.

Иван взял деньги и отправился домой.

После ухода Ивана один солдат царю донес:

— Иван хвастался, что может достать драгоценный камень.

Иван ничего об этом не знал. Царь послал солдата за Иваном. Солдат пришел к Ивану.

— Айда, Иван, тебя царь велел к себе,— говорит солдат.

Иван пошел к царю. Царь спрашивает:

— Ты говорил, что можешь достать драгоценный камень?

Иван отвечает:

— Нет, я ничего такого не говорил!

— Как это не говорил?! Мне сказал об этом солдат. А ты говорил солдату. Если не найдешь, то срублю твою голову!

Иван, повесив голову, отправился домой. Пришел, мать спрашивает:

— Что, сынок, сказал царь?

— Ой, мать, царь велел мне достать драгоценный камень,— говорит Иван.

— Я ведь тебе говорила: не трогай утку. Тебя она уведет далеко, принесет тебе много горя. Ну, иди к царю, скажи ему, пусть подготовит шесть бочек мяса и шесть солдат!

Иван пошел к царю. Мать взяла холст и стала вышивать. Иван сходил к царю.

Мать спрашивает:

— Что сказал царь?

Сын отвечает:

— Царь обещал выполнить.

Утром Иван стал собираться в путь. Мать дала ему клубок ниток и вышитый холст и говорит:

— Как сядешь на пароход, брось этот клубок на воду и плыви за ним. Клубок встанет — и ты остановись. Открой бочку с мясом и смотри на вышитый холст.

Иван пошел к царю и спрашивает:

— Ну что, подготовил?

— Подготовил,— говорит царь.

Иван с шестью солдатами пошел к пароходу. Погрузили на пароход шесть бочек мяса и отправились в путь. Иван бросил в воду клубочек, и они поплыли за клубком.

Плыли долго ли, коротко ли, клубок остановился и начал кружиться на месте. Пароход остановили. Иван открыл бочки с мясом, сам начал смотреть в вышитый холст. Вдруг на бочки с мясом налетели коршуны.

Старший коршун говорит:

— Иван, что ты смотришь? Дай мне тоже посмотреть.

Иван дал посмотреть коршуну вышивку.

— О, это послала моя сестра. Тебе нужен драгоценный камень. Этот камень лежит очень далеко. Под водой есть сундук. Внутри сундука есть еще сундук, и в том сундуке лежит драгоценный камень,— говорит коршун. — Айда со мной! Я тебе помогу достать его.

Иван пошел за коршуном. Подплыли они к тому месту, где лежал драгоценный камень. Коршун велел рыбе достать камень со дна. Рыба пошла на дно и достала драгоценный камень. Иван взял камень и пошел к пароходу. Сели на пароход и отправились обратно к царю.

Прибыв к царю, Иван вручил ему драгоценный камень. Царь угостил его, напоил, накормил, дал денег. Иван вернулся домой.

Солдат снова донес царю:

— Иван хвалился,— говорит он,— что может достать гусли-самогуды.

Царь опять послал к Ивану солдата. Пришел солдат к Ивану и говорит:

— Царь тебя просил прийти к нему.

Иван пришел к царю. Царь говорит:

— Ты вчера перед солдатом хвастался, что можешь достать гусли-самогуды.

— Я ничего не обещал. Он обманывает,— говорит Иван.

— Ты хоть где найди. Если не принесешь мне, то я отрублю тебе голову! — сказал царь.

Иван опустил голову и пошел домой. Увидела мать, что с сыном не ладно, и спросила:

— Что сынок? Что сказал тебе царь?

— Ой, мать, царь наказал мне раздобыть гусли-самогуды.

— Эх, сынок, я ведь тогда говорила: не тронь утку. Вот теперь ходишь мучаешься. Ну, иди к царю, попроси его подготовить трех солдат и три фунта сальных свечей.

Иван пошел к царю. Мать начала вышивать. Иван говорит царю:

— Завтра я отправлюсь на поиски самоиграющих гуслей. Ты мне дай трех солдат и три фунта сальных свечей.

— Дам,— говорит царь.

Вернулся Иван домой. Мать спрашивает:

— Что сказал царь?

— Обещал подготовить.

Утром Иван встал, начал собираться в путь. Мать дала ему клубок и вышивку. Иван пришел к царю и спрашивает:

— Подготовил?

— Да, подготовил,— говорит царь.

Царь дал Ивану трех солдат, три фунта сальных свечей. Иван и три солдата сели в пароход, Иван бросил в воду клубочек, и поплыли они за клубком.

Плыли долго ли, коротко ли, клубок остановился и начал кружиться на месте. Пароход остановили, вышли на берег. На том берегу стоял маленький дом. Вошли в дом, там жил один старик.

— Что надо вам? — спрашивает старик.

— Нам нужны гусли-самогуды,— говорит Иван.

— Кто будет держать огонь? — спрашивает старик.

Иван показал на одного солдата. Тот взял в руки сальные свечи и начал светить. Старик принялся мастерить гусли. Солдат сидел-сидел и уснул. Старик отрубил спящему солдату голову.

Опять спрашивает:

— Кто будет светить?

Теперь взял свечи другой солдат. Он тоже сидел-сидел да и заснул. Старик отрубил и ему голову.

— Кто будет светить? — спросил старик. Третий солдат взял в руки свечи. Сидел-сидел солдат и тоже остался без головы.

— Теперь кто будет светить? — опять спросил старик.

Настал черед Ивану. Он взял свечи, вынул вышивку и начал ее рассматривать.

Старик спросил:

— Ну-ка, какую вышивку ты рассматриваешь?

Иван дал ему вышивку. Старик посмотрел и сказал:

— Эту вышивку послала моя старшая сестра. Почему ты сразу не дал мне. Все солдаты тогда остались бы в живых. Теперь уж ничего не сделаешь с ними.

Старик тут же принялся делать гусли. Быстро смастерил их и дал Ивану. Иван взял гусли-самогуды, сел на пароход и отправился обратно. Прибыл в город, которым правил царь.

Сошел с парохода, взял гусли, и в руках они начали играть. Звуки гуслей неслись очень далеко. Весь народ был удивлен.

Пришел Иван к царю. Царь очень обрадовался. Иван вручил ему гусли-самогуды. Царь его напоил, накормил и еще дал тысячу рублей денег. Иван пошел домой. Гусли играют, а Иван живет да поживает.

ШЫМ КӦСӦ[1]

Ик кугыза лиеш, кок куваже лиеш, кок ӱдыржӧ лиеш. Кугыватын ӱдыржӧ, изватын ӱдыржӧ лиеш. Кугыватын ӱдыржӧ шинчаш кая. Шинча-шинча, ик мундырам шӱдырат, теркыже толеш. Мундыражым аважлан пуат, аваже тӧрза гыч шола. Мундыра куржеш, ӱдыржӧ лектешат, мундыра почеш куржаш тӱҥалеш. Мундыра куржеш, ӱдыр куржеш, мундыра куржеш, ӱдыр куржеш. Ӱдыр ик кува деке миен пура.

— Кувай, мундырам ужыч? — манеш.

— Мундырат дене ит лий,— манеш кува,— мыланем сомыл ышташ полшо!

[1] Кӧсӧ — каза.

Ӱдыр пум нумалеш, вӱдым нумалеш. Кочкыт-йӱыт. Ӱдыр каен колта. Ӱдыр куржеш, мундыра куржеш. Ӱдыр ик кува деке миен пура, кува деч йодеш:

— Кувай, мундырам ужыч? — манеш.

Куваже манеш:

— Мундырат дене ит лий, мыланем сомыл ышташ полшо!

Ӱдыр вӱдым нумалеш, пум нумалеш. Кочкыт-йӱыт, адак каен колта.

Ӱдыр куржеш, мундыра куржеш, ӱдыр ик кува деке миен пура.

— Кувай, мундырам ужыч? — манеш.

Куваже манеш:

— Мундырат дене ит лий, мыланем сомыл ышташ полшо!

Ӱдыр пум нумалеш, вӱдым нумалеш. Кас лиеш. Кочкыт-йӱыт, малаш возыт. Эр лиеш, мален кынелыт, кочкыт-йӱыт. Куваже манеш:

— Мундырат деке ит кае. Шым пӱнчӧ тӱҥыш шым кӧсӧ толеш.

— Йӧра,— манеш ӱдыр. Ӱльмыгӱрым налеш, шым пӱнчӧ тӱҥыш мият, пӱнчӧ вуйышко кӱзен шинчеш. Пӱнчӧ вуйышко кӱзен шинчешат, мураш тӱҥалеш:

Шым кӧсӧ, шым кӧсӧ,
Ик шурет[1] — ший, вес шурет — шӧртньӧ.

Кӧсӧ-влак толытат, эргедалаш[2] тӱҥалыт. Эргедалыт, эргедалыт, коктын-кумытын колен колтат. Пӱнчӧ вуй гыч ӱдыр волат, нуным, ӱльмыгӱреш пыштен, кува деке шӱдырен толеш. Толын пура кува деке. Кас лиеш, кочкыт-йӱыт, малаш возыт. Эр лиеш, мален кынелыт, кочкыт-йӱыт. Ӱльмыгӱрым налешат, адак кая шым пӱнчӧ тӱҥыш. Миен шуэшат, пӱнчӧ вуйышко кӱзен шинчеш, мураш тӱҥалеш:

Шым кӧсӧ, шым кӧсӧ,
Ик шурет — ший, вес шурет — шӧртньӧ.

Кӧсӧ-влак толын шуытат, эргедалаш тӱҥалыт. Эргедалыт-эргедалыт, кокытшо колен колта. Молышт-влак каят. Пӱнчӧ вуй гыч ӱдыр волат, ӱльмыгӱреш пыштен, кува деке нуным шӱдырен толеш. Кас лиеш, кочкыт-йӱыт, малаш возыт. Эр лиеш, мален кынелыт, кочкыт-йӱыт. Ӱльмыгӱрым налешат, адакат кая ӱдыр

---

[1] Ш у р — тӱкӧ.

[2] Э р г е д а л а ш — ӧргедалаш.

шым пӱнчӧ тӱҥыш. Толын шуэшат, пӱнчӧ вуйышко кӱзен шинчеш, мураш тӱҥалеш:

Шым кӧсӧ, шым кӧсӧ,
Ик шурет — ший, вес шурет — шӧртньӧ.

Кӧсӧ-влак толын шуытат, эргедалаш тӱҥалыт. Эргедалыт-эргедалыт, иктыже колен колта. Молыштвлак каен колтат. Ӱльмыгӱрешыже пыштат, ӱдыр толеш кува деке. Толын шуэшат, кас лиеш. Кочкыт-йӱыт, малаш возыт. Эр лиеш, мален кынелыт, кочкыт-йӱыт. Ӱдыржӧ тӱр тӱрлаш шинчеш.

Ӱдыржӧ лыҥ поен.

Ӱдыржын ачаже ӱдыржым кычал толеш. Комдым налеш, толеш-толеш, ик кува дене вашлиеш, кува деч йодеш:

— Ӱдырем ужыч? — манеш.

— Ужым,— манеш кува.— Мыланем сомыл ышташ полшышат, мундыраж почеш куржо.

Адак кугыза кая. Кая-кая, вес кува дене вашлиеш.

— Ӱдырем ужыч? — манеш.

— Ужым,— манеш куваже.— Мыланем сомыл ышташ полшышат, мундыраж почеш куржо.

Адак кая кугыза. Кая-кая, кува деке миен пура, кува деч йодеш:

— Ӱдырем ужыч? — манеш.

— Ужым,— манеш кува.— Мый денем ӱдырет шинча.

Кугыза ӱдыржым огешат пале, лыҥ поен. Кугыза ӱдыржым теркыже нанҥая. Теркыже толын шумо годым изи пий опта:

Мандар лар-лар-лар.
Акам поен толеш.

Изватыже лектешат, пийжын йолжым перен туга: «Молан тыге манат? — манеш.— Колен толеш ман!» — манеш. Толын пурат кугыза ден ӱдыр. Кугыватын ӱдыржӧ лыҥ поен.

Извате ӱдыржым шинчаш колта. Тудо шинчашинча, ик мундырам шӱдырат, теркыже толеш, мундыражым аважлан пуа. Аваже налешат, тӧрза гыч шолен колта. Мундыра куржеш, мундыра почеш ӱдыр лектешат, куржеш. Мундыра куржеш, ӱдыр куржеш. Ӱдыр ик кува деке миен пура.

— Кувай, мундырам ужыч? — манеш.

— Мундырат дене ит лий, мыланем сомыл ышташ полшо! — манеш кува.

Ӱдыржӧ манеш:

— Тыйын сомылет ыштен шинчаш яра омыл, мундыра почеш куржаш кӱлеш.

Мундыра куржеш, ӱдыр куржеш. Ӱдыр адак ик кува деке миен пура.

— Кувай, мундырам ужыч? — манеш.

— Мундырат дене ит лий, мыланем ик сомыл ышташ полшо!

Ӱдыржӧ манеш:

— Тыйын сомыл ыштен шинчаш яра омыл, мундыра почеш куржаш кӱлеш.

Мундыра куржеш, ӱдыр куржеш. Ӱдыр ик кува деке миен пура.

— Кувай, мундырам ужыч? — манеш.

Куваже манеш:

— Мундырат дене ит лий, мыланем ик сомыл ышташ полшо!

Ӱдыржӧ манеш:

— Тыйын сомылет ыштен шинчаш яра омыл, мундыра поштек куржаш кӱлеш.

Мундыра куржеш, ӱдыр куржеш. Ӱдыр шым пӱнчӧ тӱҥыш миен шуэш. Миен шуэшат, пӱнчӧ вуйышко кӱза. Пӱнчӧ вуйышко кӱзат, мураш тӱҥалеш:

Шым кӧсӧ, шым кӧсӧ,
Ик шурет — ший, вес шурет — шӧртньӧ.

Кӧсӧ-влак толытат, пӱнчым эргаш тӱҥалыт. Пӱнчым эргат, эргат, йӧрыктен пыштат, ӱдыржым кочкын колтат.

Кугыза имньым кычка, ӱдыржым кычалаш кая. Кая-кая, ик кува дене вашлиеш:

— Кувай, ӱдырем ужыч? — манеш.

— Ужым,— манеш куваже. — Мундыра почеш куржо.

Кая-кая кугыза, вес кува дене вашлиеш:

— Кувай, ӱдырем ужыч? — манеш.

— Ужым,— манеш кува,— мундыраж почеш куржо.

Кугыза кая-кая, кумшо кува дене вашлиеш.

— Кувай, ӱдырем ужыч? — манеш.

— Ужым,— манеш кува, — мундыраж почеш куржо.

Кугыза кая-кая, шым пӱнчӧ тӱҥыш шуэш, тушто ӱдыржын лужым веле муэш. Кугыза, мӱгырен-мӱгырен, лужым поген оптат, теркыже толеш. Теркыже толын шумо годым пийже опташ тӱҥалеш:

Мандар лар-лар-лар.
Акам колен толеш.

Извате лектешат, пийжын йолжым перен туга: «Молан тыге манат,— манеш.— Поен толеш ман!» — манеш.

Кугыза толын пура, ўдыржын лужым гына оптен толеш.

Илат-касат. Йомак — оньыш, мый — теньыш.

СЕМЬ КОЗ

Жил один старик. Первая жена умерла, и старик женился второй раз на другой. Было у него две дочери: от первой жены и от второй жены.

Однажды дочь первой жены пошла на посиделки. Весь вечер пряла пряжу и возвратилась домой. Клубок отдала мачехе. Мачеха взяла клубок и выбросила его из окна. Клубок покатился. Девушка выбежала из дома и погналась за клубочком. Клубочек бежит, девушка бежит, клубочек бежит, девушка бежит. Добежала до одной старушки.

— Тетушка, не видела ли моего клубочка? — спрашивает девушка.

— Не приставай со своим клубочком, лучше помоги мне по хозяйству! — говорит старушка.

Натаскала девушка дров, наносила воды. Поели-попили, девушка ушла. Клубочек бежит, девушка бежит. Добежала до другой старушки и спрашивает.

— Тетушка, не видала ли моего клубочка?

— Не приставай со своим клубочком, помоги мне по хозяйству! — говорит старушка.

Натаскала девушка дров, воды. Поели-попили, девушка опять ушла. Девушка бежит, клубочек бежит. Девушка добежала до третьей старушки и спрашивает:

— Тетушка, не видела ли моего клубочка?

— Не приставай со своим клубочком, помоги мне по хозяйству! — говорит старушка.

Наносила девушка дров, воды. Настал вечер, поели-попили, легли спать. Настало утро, встали, поели-попили, старушка и говорит:

— Не ходи за клубочком. Пойди к семи соснам, туда придут семь коз.

— Ладно,— говорит девушка. Берет с собой волокушу, приходит к семи соснам, залезает на вершину сосны и начинает петь:

Семь коз, семь коз,
Один рог — серебряный, другой — золотой.

Прибегают семь коз, начинают бодаться. Бодаются-бодаются, три козы падают замертво, другие убегают. Девушка спускается вниз, кладет погибших коз с серебряными и золотыми рогами на волокушку и тащит к старушке. Настал вечер, поели-попили, легли спать. Настало утро, встали, поели-попили. Девушка берет волокушку и снова идет к семи соснам. Доходит до семи сосен, залезает на верхушку сосны, начинает петь:

Семь коз, семь коз,
Один рог — серебряный, другой — золотой.

Прибегают семь коз, начинают бодаться. Бодаются-бодаются, две козы падают замертво, остальные уходят. Девушка спускается вниз, кладет погибших коз с серебряными и золотыми рогами на волокушку, тащит их к старушке.

Настал вечер, поели-попили, легли спать. Настало утро, встали, поели-попили. Девушка берет волокушку и снова идет к семи соснам. Доходит до сосны, залезает на вершину сосны, начинает петь:

Семь коз, семь коз,
Один рог — серебряный, другой — золотой.

Прибегают семь коз, начинают бодаться. Бодаются-бодаются, одна коза падает замертво, остальные убегают. Девушка слезает с сосны, кладет козу на волокушу, тащит её к старушке. Пока шла она к старушке, уже вечер наступил. Поели-попили, легли спать. Настало утро, встали, поели-попили. Девушка стала вышивать. Она очень разбогатела.

Отец девушки отправился искать дочь. Запряг лошадь, поставил на телегу лукошко и поехал. Ехал-ехал, доехал до одной старушки и спрашивает:

— Не видела ли ты мою дочь?

— Видела. Она мне помогала по хозяйству и убежала за своим клубочком,— говорит старушка.

Старик едет дальше, доезжает до другой старушки.

— Не видела ли ты мою дочь?

— Видела,— говорит старушка,— она мне помогала по хозяйству, а потом убежала за своим клубочком.

Старик поехал дальше. Едет-едет, доехал до третьей старушки.

— Не видела ли ты мою дочь? — спрашивает он.

— Видела,— говорит старушка,— твоя дочь сидит у меня.

Старик даже не узнал свою дочь, так она разбогатела. Повез старик свою дочь домой. Подъезжают к дому, а маленькая собачка начала лаять:

Мандар лар-лар-лар,
Едет богатая сестра моя!

Мачеха вышла, ударила собачку, перебила ей ножку.

— Зачем так говоришь?! Скажи: «Едет мертвая!» — говорит мачеха собачке.

Подъехали старик с дочерью. Старшая дочь вернулась очень богатой.

Старуха посылает и свою дочку на посиделки. Пряла-пряла девушка, напряла клубочек пряжи. Возвратилась домой, отдала матери клубочек. Взяла мать клубочек и бросила его за окно. Девушка бросилась за клубочком. Клубочек бежит, девушка бежит. Девушка дошла до одной старушки.

— Тетушка, не видела ли моего клубочка? — спрашивает она.

— Не приставай со своим клубочком, лучше помоги мне по хозяйству! — говорит старуха.

— Недосуг мне делать твою работу, мне надо бежать за клубочком,— сказала девушка и убежала.

Клубочек бежит, девушка бежит. Девушка добежала до другой старушки.

— Тетушка, не видела ли моего клубочка?

— Не приставай со своим клубочком, лучше помоги мне по хозяйству! — говорит старушка.

— Недосуг мне делать твою работу, надо за клубочком бежать,— сказала девушка и побежала дальше.

Клубочек бежит, девушка бежит. Добежала она до третьей старушки.

— Тетушка, не видела ли ты моего клубочка? — спрашивает она.

— Не приставай со своим клубочком, лучше помоги мне по хозяйству! — говорит старушка.

— Недосуг мне делать твою работу, надо за клубочком бежать,— сказала девушка и побежала дальше.

Клубочек бежит, девушка бежит. Добежала она

до семи сосен, добежала, залезла на верхушку сосны и начала петь:

Семь коз, семь коз,
Один рог — серебряный, другой — золотой.

Прибежали семь коз, начали бодать сосну. Бодали-бодали и свалили её, а девушку съели.

Старик запряг лошадь и отправился искать дочь. Ехал-ехал, доехал до одной старухи.

— Не видела ли ты мою дочь? — спрашивает он.

— Видела, она за клубочком побежала,— сказала старуха.

Старик поехал дальше, доехал до другой старушки.

— Не видела ли ты мою дочь? — спрашивает он.

— Видела, она за клубочком побежала,— сказала старушка. Старик ехал-ехал и доехал до третьей старушки.

— Не видела ли ты мою дочь? — спрашивает он.

— Видела, она побежала за клубочком,— сказала старушка.

Дальше поехал старик, ехал-ехал и доехал до семи сосен. Там увидал только кости своей дочери.

Собрал он кости, горько заплакал и повез домой. Подъехал к дому, тут залаяла собачка.

Мандар, лар-лар-лар,
Едет сестра мертвая моя!

Вышла жена старика, ударила собачку и сломала ей ножку.

— Зачем так говоришь? Скажи, что едет богатая сестра.

Приехал старик, привез только кости дочери.

Живут-поживают. Сказка прочь, я — здесь.

ТОШТО ВАТЫН ЎДЫРЖӦ

Ик марийын кок ўдыржӧ улмаш. Иктыже тошто ватын ўдыржӧ, весыже — изватын. Изватыже тошто ватын ўдыржым йӧратен огыл, шкенжын ўдыржым веле йӧратен, тошто ватын ўдыржым пытарынеже улмаш.

Икана извате кугызаж дене мутлана:

— Кугыза, мемнан кок ўдырна уло, айда тошто ватын ўдыржым йомдарена, мыланна шкенан ўдырна кодеш,— манеш извате.

Кугызаже ынеж келше улмаш. Тудым извате ойлен чактарат, кугыза келша.

Эрлашым эрдене ачаже ӱдыржылан каласа:

— Ӱдырем, вургеметым чий, чодыраш каена. Тый снегым погет, мый вопшым шуам.

Марий тошто ватын ӱдыржым, орваш шынден, чодыраш нангая. Каят-каят, кугу чодыра покшеке миен шуыт. Ачаже ӱдыржым корно деч ӧрдыжкӧ нангаен каласа:

— Ӱдырем, тый тыште снегым пого, мый вопшым шуам,— манеш да шке умбакырак кая.

Ӱдыр, тулыкын койын, снегым погышыжла, ныжылге мурым муралта:

Ачам вопшым шуэш,
Мый снегым погем.
Ачам вопшым шуэш,
Мый снегым погем.

— Ачий, улат? — манеш ӱдыр.

— Ула-ам! — мангыч шокта умбалне.

— Ой, ачам мӱндыр,— манеш семынже ӱдыр.

Адак изиш лиеш да муралта.

Ачам вопшым шуэш,
Мый снегым погем.
Ачам вопшым шуэш,
Мый снегым погем.

— Ачий, улат?! — йодеш ӱдыр.

Нимогай йӱкат ок шокто. Лач ты жапыште ачаже мӧнгыш кудалын улмаш. Кож укшеш кок ӱшым сакен коден да руымо йӱкла шоктен кечен. Ӱдыр йӱкыш толеш — ачаже уке. Кок ӱш кожым лупшен кеча. Изи ӱдыр шортеш да ончыко каяш тарвана. Ӱдыр кая-кая, маскам вашлиеш.

— Молан шортат, ӱдырем? — манын, маска ӱдырым, кид гычше кучен, шке пӧртышкыжӧ пурта.— Ну, ынде тый мыйын ватем лият. Шӱвылет дене нӧртен, ломыж дене лашкам ыште,— манеш маска.

Ӱдыр лашкам ышта, маска шӱвырым шокта:

Титоро-титоро,
Шылтен-пылтен,
Тувыренчык!

Коля лектеш, ӱдыр деч лашкам йодеш:

— Акай, ик лашка падырашетым пу, мый тылат вара илышетым саемдем,— манеш коля.

Ӱдыр колялан ик лашка падырашым пуа. Ӱдыр лашкам шолта.

Маска лашкам кочкеш, коҥгамбак кӱзен возешат, мален колта. Мален кынелмекыже, ватыжлан шиян йолвам сакалта, сывыным чикта, рывыж упшым упшалта да кушташ шогалта. Шкеже шӱвырым шокташ тӱҥалеш.

Титоро-титоро,
Шылтен-пылтен,
Тувыренчык!

Ӱдыр куштымашке коля лектешат:

— Акай, вашке лектын курж, ме тыйын олмешет таракан ден коктын куштена! — манеш.

Ӱдыр маска деч лектын куржеш. Олмешыже таракан ден коля куштен кодыт.

Ӱдыр кок кече гыч мӧҥгыжӧ толын пура. Извате чылт ӧреш: ӱдыр оранек ший йолван лийын толын.

Тыге тошто ватын ӱдыржӧ йоммо олмеш поен толын.

ДОЧЬ ПЕРВОЙ ЖЕНЫ

У одного марийца было две дочери. Одна дочь — от первой жены, другая — от второй. Вторая жена невзлюбила дочь первой жены, она любила только свою дочь, а от неродной дочери решила избавиться.

Однажды вторая жена говорит своему мужу:

— Старик, у нас две дочери, давай избавимся от падчерицы, а при нас останется наша дочь.

Старик сперва не хотел соглашаться. Вторая жена настояла и уговорила мужа. Муж согласился с женой.

На следующий день утром отец говорит своей дочери от первой жены:

— Доченька, оденься, поедем в лес. Ты будешь собирать землянику, а я борти буду тесать.

Мариец родную дочь первой жены посадил на телегу и повез в лес. Ехали-ехали они и вглубь леса заехали. Отец повел дочь в сторону от дороги и сказал:

— Доченька, ты здесь собирай землянику, а я борти стану тесать.— Сам же пошел в другую сторону.

Девочка, собирая землянику, сиротливо запела грустную песню:

Отец мой борти тешет,
Я собираю землянику.
Отец мой борти тешет,
Я собираю землянику.

— Отец, ты здесь?! — кричит девочка.

— Зде-есь! — послышалось издали.

«Ой, отец мой так далеко»,— думает про себя девочка.

Прошло немного времени, девочка снова запела:

Отец мой борти тешет,
Я собираю землянику.
Отец мой борти тешет,
Я собираю землянику.

— Ты здесь, отец?! — опять спрашивает девочка.

Не слышно ни звука. Как раз в это время отец её погнал лошадь домой. Он повесил две колотушки на сучок ели, и они, ударяясь об ель, издавали звуки, подобные стуку топора. Подошла девочка к этому звуку — отца нет. Только две колотушки ударялись об ель. Девочка заплакала и пошла дальше. Шла-шла девочка и встретила на своем пути медведя.

— Отчего ты плачешь, девочка моя? — спросил её медведь и, взяв её за руки, повел к себе домой.— Ну, теперь ты будешь моей женой. Сейчас же свари лапшу из золы. Сначала золу накатай на своей слюне, потом нарежь лапшу.

Девочка готовит лапшу, медведь играет на волынке:

Титоро-титоро,
Шылтен-пылтен,
Тувыренчык!

Вышла мышка и попросила у девочки лапшу.

— Сестра, подай мне кусочек лапши. Я тебя вызволю из этого положения.

Девочка подала мышке кусочек лапши. Потом девочка сварила лапшу. Медведь поел лапши и заснул, забравшись на печь. Проснувшись, повесил жене своей серебристую бахрому, одел ее в зеленый кафтан — сывын, на голову надел лисью шапку и заставил её плясать. Сам стал играть на волынке:

Титоро-титоро,
Шылтен-пылтен,
Тувыренчык!

Когда она плясала, выбежала мышка и говорит:

— Сестра, скорее беги, мы за тебя с тараканом попляшем.

Девочка убежала от медведя. За неё остались плясать таракан и мышь.

Через два дня девочка вернулась домой. Мачеха совсем удивилась: девочка вернулась вся в серебряной бахроме.

Так дочь первой жены, посланная на погибель, вернулась богатой.

РЫВЫЖ МАРИЙЛАН КУГЫЖАН ЎДЫРЫМ НАЛЫН ПУА

Ик йорло рвезе марий чодыраште илен. Тудын чылажат кок чывыже да агытанже веле лийын, моло ниможат уке улмаш. Икана рывыж йорло марий дек мия да тудын деч йодеш:

— Марий, ик чыветым кочкаш пу, мўшкырем пеш шужен. Мый тыланет пеш кугу таум ыштем,— манеш.

— Наҥгае, коч,— манеш марий рывыжлан.

Рывыж ик чывым кочкеш да мўшкыржӧ шужымешке коштеш. Мўшкыржӧ шужат, адак марий дек толеш.

— Марий,— манеш рывыж,— адак ик чыветым пу, мўшкыр пеш шужен!

— Кучо да коч,— манеш марий рывыжлан.

Рывыж вес чывым куча да кочкеш. Тушечын нигушкат огеш кае, уэш мўшкыржӧ шужымешке ила.

— Марий,— манеш рывыж,— агытанжымат пу, тыланет пеш кугу таум ыштем!

— Кучо да коч,— марий рывыжлан каласа.

Рывыж агытанымат куча да кочкеш. Вара марийлан каласа:

— Айда, марий, тыланет ўдырым налына.

— Мыланем могай ўдыр толеш, мыйын нимомат укес,— манеш марий.

— Эй, ме муына кӧм налаш! Кугыжан ўдырым налына! — манеш рывыж марийлан.

— Кугыжа кунам мыланем ўдыржым пуа. Тыгай пӧртыштӧ ўдыржат илаш ок тўҥал,— манеш марий.

— Ит коляне, ала кертына,— манеш рывыж.

— Ну, туге гын, айда каена,— келша марий.

Миен шуыт кугыжа дек, пурат. Рывыж кугыжа дене мутланаш тўҥалеш.

— Вот, тыге-тыге, ўдырет налаш толын улына.

Рывыж, качым моктен-моктен, кугыжам савыренат шукта.

— Йӧра,— манеш кугыжа,— ӱдыремым пуэм.

Марийын арака налашат оксаже уке, кугыжа шке йӱктен.

— Тугай-тугай числаште сӱаным ыштена, пеш кугу сӱаным кондо, мый кугу сӱаным йӧратем,— манеш кугыжа.

Рывыж ден марий мӧҥгыш каят. Марий пеш коляна:

— Кушак ынде сӱаным ыштена? Кӧм кондена, мемнан еҥжат вет уке. Сӱанлан чодырам наҥгаена мо?

— Ит коляне,— ойла рывыж,— сӱаным муына!

Ялышке каят. Тройка имньым, чапле повозкым налыт да вик олашке кудалыт.

— Ончыч,— манеш рывыж,— пурена олашке, тӱрлӧ кевытан уремеш мый волем да эркын кудалам, чылан поштекем куржаш тӱҥалыт. Тый тидын годым кевытыш пуро да опто повозкаш ӱзгарым: чевер тувыр-йолашым, картузым, кемым, сӱспаным, шӧрмычым.

Олашке миен шуыт, тӱрлӧ сату ужалыме уремышке пурат. Рывыж повозка гыч вола да эркын онычын кая. Рывыж почеш чыланат лектын куржыт:

— Рывыж! Рывыж! — манын кычкырат еҥ-влак.

Рывыж тугак эркын кая, чуч огыт кучо. Кевытвлак почмо кодыт. Тудын шеҥгечын марий кугу кевытыш пура, тӱрлӧ сатум ик возым опта да пасушко лектеш. Тушкак савырнен, рывыж тудым поктен шуэш. Повозкаш шинчыт да коктын кугыжа дек кудалыт. Кугыжан дворецыш миен шумо деч ончыч кугу вӱд уло, вӱд гоч кӱвар. Кӱварым вончатат, кӱварым сӱмырен кышкат. Чыла сатуштым пудыргылшо меҥгеш да монь сакалаш тӱҥалыт. Сакален пытарат да кугыжа дек каят. Миен шуыт, кугыжа дек пурат. Кугыжа нунылан ойла:

— Тыгай сӱаным мый тылечда шым вучо, тендан деч пеш кугу сӱаным кондаш шӱдышым,— манеш кугыжа.

— Ме титакан онал,— манеш рывыж.— Ме пеш кугу сӱаным кондышна. Титакше тыйын шкендын.

— Кузе мый титакан? — йодеш кугыжа.

— Вот, тыйын вӱд гоч вончаш кӱварет уло? — йодеш рывыж.

— Уло,— манеш кугыжа.

— Ме ончычын вончен кайышна, а сӱан калык пеш кугу. Кӱварет чытен ыш керт, сӱмырлыш,— манеш рывыж.

— Ондалет, кошар нер! Мыйын кӱвар сӱмырлышашлык огыл, пеш таза,— манеш кугыжа.

— Мыланем от ӱшане гын, шке каен ончо,— манеш рывыж.

Кӱварым ончаш кугыжа салтакым колта. Салтак ончен толешат, кугыжалан каласа:

— Чынак, мемнан титак, эсогыл ончашат лӱдыкшӧ: кӱвар сӱмырлен, южын кемже пижын кодын, южын тувыржо кодын, сӱспанат кодын.

— Ну нимат огыл,— манеш кугыжа.— Калык шкемын, пытен гын, пытен. Сӱаным шке ыштена, ӱдыремым шке намиен пуэм.

Вот сӱаным погат, йӱыт-кочкыт, каяш тарванат. А марий пеш лӱдын, ӧрын, кузе ӱдырым шӱкшӧ пӧртышкӧ намиен пурташ? Кудалыт-кудалытат, корно вожышко миен шуыт. Марий дек каяш кӱлеш пурла велышке, рывыж нангая шолашке. Шолагай кидыш пурен кайымек, рывыж повозка гыч вола да ончыч кая.

— Мый,— манеш тудо,— каем ончычын, шижтарем сӱан толмо нерген. Те эре тиде корно дене мийыза.

Марий пеш лӱдын, ойгыра: «Рывыж, векат, шылын кудале. Куш намиен пурташ?»

Рывыж кудалеш, кудалеш, шорык кӱтӱм вашлиеш да кӱтӱчӧ деч йодеш:

— Тиде кӧн кӱтӱ?

— Кишке онын,— манеш кӱтӱчӧ.

— Тый Кишке онын манын ит каласе. Айдемын онжо Кишке он дене ӱчашаш войска дене толеш,— манеш кӱтӱчылан рывыж.

— Вара мый кузе ойлем? — манеш кӱтӱчӧ.

— Иван Лаврентичын ман,— манеш рывыж,— вара Айдеме он пеш куана, тыланет оксам пуэн кода.

Рывыж эше ончык кудалеш, имне кӱтӱшкӧ шуэш.

— Тиде кӧн кӱтӱ? — йодеш тудо.

— Кишке онын,— манеш кӱтӱчӧ.

— Тый Кишке онын манын ит ойло, Айдемын онжо Кишке он дене ӱчашаш толеш, войска дене,— манеш рывыж.

— Мый вара кузе ойлем? — йодеш кӱтӱчӧ.

— Иван Лаврентичын ман,— манеш рывыж.— Тыге каласет гын, тыланет оксам пуэн кода.

Рывыж эше ончыко кудалеш, пеш кугу чапле пӧртышкӧ миен шуэш. Йырваш сад, пеледыш. Рывыж пӧртышкӧ пура, пӧртыштат чыла вере пеледыш. Озаже пӧртыштӧ ок кой.

— Кӧн тиде пӧрт? — йодеш рывыж.

— Мыйын! — шокта йӱк.

— Тыйже кӧ улат?

— Кишке он улам! — Кишке онын йӱкшӧ вес пӧлемыште шокта.

— Лек тышке! — манеш рывыж.

— Мыйым шке декет кычкыраш тый кӧ улат?! — манеш Кишке он.

— Мый тыйым чаманен толынам,— манеш рывыж.

— Молан тунаре чаманет? - манеш Кишке он.

— Тый декет ӱчашаш Айдемын онжо войска дене толеш,— манеш рывыж.

— А вара мый мом ыштем? — манеш Кишке он.

— Изишлан тый тышечын шыл,— манеш рывыж.

— Пеш шылам ыле, да кушко шылаш верым ом му,— манеш Кишке он.

— Мый,— манеш рывыж,— верым муам. Вот тушто кӧргашан кугу тумо уло. Тудо тумо кӧргыш пурен шич. Тыйым кычкыралмешкем, тушеч ит лек. Нуно тыйым кычал каят, тунам мый тыйым кычкыралам.

Кишке он тумо кӧргыш шылын возеш. Капка ончыко рывыж лектын шогалеш да вучен шога.

Ты жапыште корно дене сӱан толеш. Кугыжа шорык кӱтӱш толын шуэш.

— Тиде кӧн кӱтӱ? — йодеш кӱтӱчӧ деч кугыжа.

— Иван Лаврентичын,— манеш кӱтӱчӧ.

«Охо,— шона кугыжа,— мыйын веҥе начарын ок иле. Мый кугыжа улам гынат, тынар шорыкем уке». Кӱтӱчылан оксам пуа да эше ончыко кая, ушкал кӱтӱшкӧ миен шуэш.

— Тиде кӧн кӱтӱ? — кӱтӱчӧ деч йодеш.

— Иван Лаврентичын! — манеш кӱтӱчӧ.

«Охо, мыйын веҥе сай ила. Ушкалжат мыняр шуко уло!» — шоналта кугыжа. Кӱтӱчылан оксам пуэн кода. Имне кӱтӱшкӧ миен шуэш да йодеш:

— Тиде кӧн кӱтӱ? — манеш.

— Иван Лаврентичын,— манеш кӱтӱчӧ.

«Охо, мыйын веҥе сайын ила, мочоло вольыкшо уло, мыйын дечынат шуко»,— адак шоналта кугыжа. Кӱтӱчылан оксам пуа да эше ончыко кая. Миен шуэш кугу чапле пӧртышкӧ — чыла пеледыш веле!

Рывыж капкам почын да вучен шога. Кугыжа миен шуэш, пеш вожылеш:

— Мый кугыжа улам, да пӧртем тыгай огыл, мыйын веҥымын пӧртшӧ могае! Мылам намыс,— манеш.

— Нимат огыл, айда пуро пӧртышкӧ,— манеш рывыж кугыжалан.

Пӧртышкӧ пурат, ӱстел коклашке шинчыт, йӱашкочкаш, мутланаш тӱҥалыт.

— Вот тулар,— ойла рывыж,— мемнан вольык пеш таза лиеш ыле, да кечывалым кишке-шамыч лектытат, чыла вольык шӧрым йӱын коштыт. А нунын онышт теве тиде тумышто шылын возын. Тый кугыжа улат, от керт мо нуным пытарен?

— Кузе ом керт?! — манеш кугыжа да тунамак латкок пушкым йодын воза, салтакым пушко налаш колта.

Орудий-шамычым конден шуктат. Латкок пушко гыч ик гана лӱэн колтат — тумым чылт кӱрышт пытарат. Кишке он кола. Уэш толыт, йӱыт-кочкыт. Марий таче мартенат ватыж дене Кишке он деч кодшо чапле пӧртыштӧ ила.

ЛИСА ЖЕНИТ МАРИЙЦА НА ЦАРСКОЙ ДОЧЕРИ

Жил в лесу один бедный молодой марийский парень. Были у него лишь две курочки да один петух, больше ничего у него не было.

Однажды к бедному марийцу забрела лиса и спросила у него:

— Марий, дай мне одну курочку поесть, уж очень проголодалась я. За это я тебя крепко отблагодарю.

— Возьми, съешь,— говорит марий лисе.

Съела лиса курочку. И так она ходила до тех пор, пока опять не проголодалась. Проголодавшись, лиса опять пришла к марийцу.

— Марий,— говорит лиса,— дай мне еще одну курицу, уж очень я голодна!

— Лови и ешь,— говорит марий лисе.

Поймала лиса и другую курочку и тоже съела. И никуда отсюда лиса не ушла, жила она здесь, пока опять не проголодалась.

— Марий,— говорит лиса,— отдай уж мне и петуха, отблагодарю я тебя за это крепко.

— Лови и ешь,— говорит лисе марий.

Поймала лиса петуха и съела. Потом говорит марийцу:

— Айда, марий, сосватаем тебе девушку.

— Какая девушка пойдет за меня, ведь у меня ничего нет,— говорит ей марий.

— Э-э, мы найдем, на ком свататься! Посватаем царскую дочь! — отвечает лиса марийцу.

— Разве царь отдаст за меня свою дочь?! В такой избушке не станет жить царевна! — говорит марий.

— Не тужи, а может, и впрямь справимся! — говорит лиса.

— Ну, тогда пошли! — согласился марий.

Пришли они к царю, вошли. Лиса заводит разговор с царем.

— Так и так вот. Мы пришли к тебе сватать твою дочь.

Лиса так расписывала жениха, что сумела склонить царя на свою сторону.

— Ладно,— согласился царь,— отдам я свою дочь.

А у марийца и на водку денег нет, угостил их царь сам.

— Такого-то числа справим свадьбу, приведи с собой большую свадьбу, мне нравится большая свадьба,— говорит царь.

Возвратились лиса и марий домой. Сильно загоревал марий.

— Где же теперь справим свадьбу? Кого в гости пригласим, у нас ведь никого-то нет. Лес, что ли, поведем?

— Не горюй! — говорит лиса.— Найдем и людей на свадьбу.

Отправились они в деревню. Достали там тройку лошадей, добротную повозку да и подались прямиком в город.

— Сперва,— говорит лиса,— заедем в город, я слезу на улице, где магазины, и тихонько побегу, вслед за мной все люди бросятся. Тем временем ты вбеги в лавку и грузи товары в повозку: красивую одежду, кепку, сапоги, хомут, уздечку.

Приехали они в город, въехали на улицу, где разными товарами торговали. Соскочила лиса с повозки и пошла потихоньку впереди. Люди выбежали из лавки и бросились за лисой.

— Лиса! Лиса! — закричали они.

Лиса идет себе потихоньку, вот-вот поймают ее. Опустели лавки. А марий тем временем зашел в боль-

шую лавку, нагрузил товару полный воз и выехал в поле. Завернув туда, и лиса догнала его. Сели они в повозку и поехали к царю.

У царского дворца была большая вода, а через нее — мост. Как только проехали мост, они тут же его разобрали, разрушили. Весь товар развесили по разбитым столбам моста. Развесив, отправились к царю. Доехали, вошли к царю. Царь говорит:

— От вас я такую свадьбу не ожидал, я же велел привести огромную свадьбу.

— Мы не виноваты,— говорит лиса.— Мы вели очень большую свадьбу. Это ты сам виноват.

— Как я виноват? — спрашивает царь.

— Вот через речку у тебя есть мост? — спрашивает лиса.

— Есть,— говорит царь.

— Вперед мы проехали мост, а свадебный поезд — очень велик. Твой мост не выдержал и рухнул,— говорит лиса.

— Врешь ты, остроносая! У меня мост крепкий, не мог он провалиться,— говорит царь.

— Если ты не веришь, сходи сам, посмотри,— говорит лиса.

Царь послал посмотреть на мост солдата. Сходил солдат, посмотрел, докладывает царю:

— И вправду наша вина, царь. Аж страшно смотреть: мост рухнул, у одних сапоги зависли на столбах, у других — рубашки, платье, и хомут торчит.

— Ну, ничего,— говорит царь.— Народ-то у меня свой, умерли так умерли. Свадьбу сами справим, а дочь свою я сам повезу.

И вот сыграли свадьбу. Ели, пили, стали собираться к жениху. А парень пуще загоревал, страшно ему: как молодую-то завести в худую избушку к себе?

Едут-едут они и доезжают до перекрестка. К жениху надо ехать направо, а лиса повела их налево. Как только они повернули налево, лиса выскочила из повозки и побежала вперед.

— Я,— говорит лиса,— вперед побегу и предупрежу, что, мол, свадьба идет. А вы все время по этой дороге следуйте.

А жених испугался крепко, подумал: «Лиса наверняка убежала. Куда же свадьбу вести?»

Лиса бежала, бежала, встретила стадо овец. Спрашивает у пастуха:

— Чье это стадо?

— Владыки змеиного,— ответил пастух.

— Ты не говори, что стадо змея. Едет сюда царь с войском, будет сражаться со змеем,— говорит пастуху лиса.

— Как же мне отвечать-то? — спросил пастух.

— Скажи, что стадо Ивана Лаврентьича,— говорит лиса.— Скажешь так, царь даст тебе денег.

Побежала лиса дальше, добежала до табуна лошадей.

— Это чей табун? — спрашивает она.

— Владыки змеиного,— ответил пастух.

— Ты не говори, что табун змея. Едет сюда царь с войском, будет сражаться со змеем,— говорит лиса.

— Как же мне говорить-то? — спросил пастух.

— Скажи, что табун принадлежит Ивану Лаврентьичу,— говорит лиса.— Если ты так ответишь, царь тебе денег даст.

Побежала лиса дальше, добежала до большого красивого дома. Кругом сад, цветы. Лиса вошла в дом, и дома всюду цветы. Хозяина в доме не видно.

— Чей это дом? — спросила лиса.

— Мой,— ответил голос.

— А ты кто?

— Я — Владыка змеиный!

— Выдь сюда! — говорит лиса.

— Ты кто такая, чтоб меня к себе звать?! — спросил змей.

— Я пришла, чтобы помочь тебе,— сказала лиса.

— Почему же ты меня так жалеешь?

— Едет сюда царь со своим войском, чтобы биться с тобой,— говорит лиса.

— Что же теперь я должен делать? — спросил змей.

— Тебе следует ненадолго спрятаться,— советует лиса.

— Спрятался бы, да ведь некуда, места себе не нахожу.

— Я,— говорит лиса,— найду место. Вон там дуплистый дуб стоит. Полезай в дупло.

Спрятался змей в дупле дуба. Лиса вышла за ворота, стоит, поджидает свадьбу.

Между тем свадьба едет по дороге. Царь увидел овечье стадо.

— Чье это стадо? — спрашивает у пастуха.

— Ивана Лаврентьича,— отвечает пастух.

«Охо,— подумал царь,— неплохо мой зять живет.

Я — царь, у меня и то нет столько овец». Дал пастуху денег. Увидел табун коней.

— Чей это табун? — спрашивает у пастуха.

— Ивана Лаврентьича,— отвечает пастух.

«Охо, мой зять хорошо живет,— подумал царь.— Как много у него скотины, даже больше моего!» Дал пастуху денег и поехал дальше. Добрались до большого, добротного дома — всюду цветы.

Лиса отворила ворота и стоит-поджидает. Пришел царь, неловко стало ему.

— Я — царь, даже у меня нет такого дома! А у моего зятя дом так дом! Мне стыдно! — говорит царь.

— Ничего, айда заходи в дом! — говорит лиса царю.

Вошли в дом, сели за стол, ели-пили, беседовали.

— Вот, сват,— говорит лиса.— Наша скотина была бы еще здоровей, если бы змеи в полдень у них не сосали молоко. Их владыка прячется в дупле вон того дуба. Ты — царь, так не можешь ли ты избавить нас от него?

— Как не могу?! — говорит царь.

Он тут же послал солдата с письмом, чтоб прикатить сюда двенадцать пушек.

Тут подкатили орудия. Выстрелили из двенадцати пушек — от дуба ничего и не осталось.

А марий со своей женой и сегодня живут в доме змеиного владыки.

КУЗЕ МАРИЙ СТАНОВОЙЫШ ПУРЕН

Кугече шуэш. Марийын коҥгаш олташ пужат уке. Ватыже эрдене кынелеш, онча — мелна руаш пеш чот оварен.

— Кугыза, мемнан коҥгаш олташ пунат укес, мелна руаш пеш оварен.

Марий кыдалешыже товарым чыкалешат, кожлашке пу руаш лектын кая. Кожлаш миен шуэш, кугу гына кукшо кӧрган пистым ужеш да тудым руаш тӱҥалеш. Руа-руа, писте кӧргӧ гыч айдеме йӱк шокта:

— Марий, марий, ит ру!

— Ом ру ыле да, мыйын мелна руаш коча, пу кӱлеш.

— Ит ру мыйым. Мӧҥгышкет кай, тыйын пӧртӧнчыл мучашыштет коҥгаш олташет пу ямде шинча!

Марий писте руымым чарна, товаржым кыдалышкыже чыка да мӧҥгыжӧ кая. Миен шуэш — пӧртӧнчыл

мучаште пу чынак иктаж кум гана олтышашлык шинча. Тудо пум олтат, куваже марийжылан шокшо мелнам пукша.

Тыге, саде пум олтен, иктаж кум кечым илат, пуышт адакат пыта. Кугыза тоям налеш да чодырашке саде пистыж декак кая. Писте деке миен шуэшат, лоч-лоч-лоч пералта. Тушеч йўк шокта:

— Марий, мо тыланет кўлеш?

— Мо кўлеш мыланем. Адакат пу кўлеш! Ынде важык дене кўлеш.

— Мöҥгышкет кай, тыйын пöртöнчылнет важык дене пу шинча.

Марий кая, мöҥгыжö миен шуэш. Чынак, пöртöнчылныжö ик важык пу шинча. Марий ик кечым олтен ила, весым ила, кумшым ила, вара куваж дене кутыраш тўҥалыт. «Кува, тыге илен, мо пайда,— манеш кугызаже,— ни оралте уке, ни кочкыш уке, ни вольык уке, писте дек миен толам».

Кугыза пистыж дек кая, кугу тояж дене лоч-лоч-лоч пералта. Писте гыч йўк шокта:

— Марий, мо кўлеш адак?

— Мо кўлеш, шкат ужат! Ни оралте уке, ни вольык уке, ни кочкаш уке. Суртем-печем лийже, вўта тич вольыкем лийже.

— Марий, кай мöҥгышкет. Ик йўдым мале, эрдене кынелатат, чыла лиеш!

Марий мöҥгышкыжö кая. Кас шуэш, малаш возеш. Эрдене кынелеш — сурт-печат пеш кугу, вўта тич вольык уло, идым-пече йыр кинде каван шога. Пöртыштö кугу сондык тич окса уло. Марий кугу поян лиеш.

Илен-илен, марий ялт örканен, начальникыш пурымыжо шуэш. Адак тояжым налешат, писте деке кая, миен шуэш, лоч-лоч-лоч пералта. Писте гыч йўк шокта:

— Мо адак кўлеш, марий?

— Мый ынде начальникыш пурынем. Эре тыге илаш йöсö.

— Вара могай начальникыш пурынет?

— Мый старостылан пурынем.

— Мöҥгышкет кай. Малаш воч, эрлак тыйым погынымашке ўжыктат, старостылан сайлат.

Марий мöҥгышкыжö толеш. Кас шуэш, малаш возеш. Эрлашыжым кынелеш, окна гычын тудым кычкырат:

— Кугызай, айда погынымашке!

Марий погынымашке миен лура. Поянлан верым ӱстел воктене пуат. Поян марий ынде староста лийын.

Илен-илен, тудын адак шерже темын, марий адак кугу пистыж деке ошкылеш. Мия, пистым лоч-лоч-лоч пералта. Писте көргӧ гыч йӱк шокта:

— Мо кӱлеш, марий?

— Мый йолын кошташ ӧрканем, сандене старшиналан пурынем.

— Мӧҥгышкет кай. Эрла погынымашке мий, тыйым старшинам ыштат.

Марий мӧҥгыжӧ кая. Кас шуэш, малаш возеш. Эрдене помыжалтешат, вакшыштыже кия. Окнам перыме шокта:

— Кугызай, кынел, айда погынымашке!

Кугыза кынелеш, кочкеш-йӱэш, вара волостной правленийышке кая. Миен шуэш, поянлан корным пуат, ӱстел воктек пуртен шындат. Вара погынымаш тӱҥалеш, тудым старшиналан шогалтат. Ынде марий йолын ок кошт, тудым оҥгыран имне дене кудалыштыктат. Тыге волость мучко кудалышт илен, кум ийым шуктен. Варажым старшина лийын кошташ тудын шерже темеш. Тудо адакат кугыракыш пурынеже, становой пристав лийнеже. Имньыжым кычка, кугу пистыж дек кудалеш. Миен шуэш, тояж дене пистым лоч-лоч-лоч пералта. Писте гыч йӱк шокта:

— Мо кӱлеш адак, марий?

— Становойлан пурынем, мамык тӧшакыште малынем.

Марий мӧҥгышкыжӧ толеш. Кас шуэш, кугыза малаш возеш. Эрдене мален помыжалтеш, кугу кӱртньӧ кроватьыште, кугу мамык тӧшакыште, кугу одеял йымалне кийылтам, шона кугыза. Кугызан чонжо пеш йывыртен, кугу тӧра улам, шона. Ончалеш — кугу чодыра покшелне кугу маска вынемыште кия, ӱмбаланже кужу сур пун кушкын. Маска лийын мӱгыралта. Мӱгыра-мӱгыра да таче мартеат чодыра мучко урмыж коштеш.

Тошто марий ойла: маска тӧра урлык, становой гыч лектын, манеш.

КАК МАРИЕЦ ПОПАЛ В СТАНОВЫЕ

Приближалась пасха. У марийца не оказалось даже дров, чтобы затопить печь. Жена марийца утром встала и будит мужа:

— Эй, муженек, опара для блинов поднялась, а у тебя даже дров нет.

Встал муж, взял большой топор и отправился в лес за дровами. Там стояла громадная дуплистая липа. Подойдя к этой липе, мариец начал рубить ее: кроп-кроп. Вдруг изнутри липы раздался человеческий голос:

— Эй, мариец, постой, не руби!

— С тобой говорить мне сейчас недосуг,— отвечает мариец,— у меня может скиснуть опара для блинов.

— Не руби! Иди домой! Дома у тебя готовые дрова лежат! — послышалось из липы.

Мариец отступился, взял топор и пошел домой. Доходит до дома, видит: у самого дома лежат дрова, примерно на две-три топки. Затопила жена печку и накормила его блинами.

Прожили денька три, опять дрова кончились. Берет марий большую палку и идет к липе. Подойдя к ней, постукал: лат-лат.

— Что нужно, мариец?

— Что нужно! Мне опять нужны дрова! Нужны дрова не охапками, а целыми саженями,— говорит ей мариец.

— Ступай домой, будут дрова,— отвечает голос из липы.

Приходит мариец домой: вокруг избы уложены дрова целыми кладями. Мариец ночь поспал, другую ночь поспал, потом говорят с женой:

— Куда годится такая жизнь?! Ни хлеба нет, ни скотины нет, ни строения нет! Пойду к липе!

И пошел мариец к большой липе. Стукнул по липе большой палкой. Опять раздался голос из липы:

— Что нужно, мариец?

— Видишь ли,— говорит он,— что нужно! Хлеба нет, скотины нет, хозяйства нет. Пусть будут у меня строения кругом, полные хлева скотины и чтобы были у меня кладухи хлеба вокруг гумна!

— Пойди, мариец, домой,— отвечает голос,— ложись сегодня спать, а завтра все будет!

Пришел мариец домой. Настал вечер, лег он спать. Утром просыпается, видит — кругом стоят большие хозяйственные постройки, в избе целые сундуки денег, в хлевах — полно скотины. Стал мариец богатым человеком.

Жил-жил мариец да обленился. Захотелось ему стать начальником. Взяв большую палку, пошел он к

большой липе. Лат-лат — постукал по липе. Из нее послышался голос:

— Что тебе нужно, мариец?

Мариец отвечает:

— Очень хочется стать начальником! Нечего жить так по-старому!

— Ну, а каким же начальником желаешь стать?

— Я,— говорит мариец,— хочу стать старостой!

— Пойди домой, ложись спать, а завтра соберут сход и тебя выберут старостой,— отвечает голос из дупла.

Пришел мариец домой. Настал вечер, лег спать. Утром просыпается — приглашают на сельский сход.

— Идем, дяденька, на сход! — кричат.

Приходит мариец на сход, уступают богатому место за столом. Раньше богатые всегда садились за стол. Выбрали старостой этого марийца. Мариец стал богатым старостой.

Жил-жил, снова ему все это надоело. Пошел он к большой липе. Лат-лат-лат — стукнул по липе. Из липы послышался голос:

— Что нужно, мариец?

— Что нужно?! — отвечал он.— Надоело ходить пешком, хочу быть старшиной!

— Иди домой, ложись спать, а завтра соберут сход и выберут тебя старшиной.

Идет мариец домой. Настал вечер, ложится спать. Утром он еще лежал на постели, как уже застучали в окно:

— Староста, вставай! Идем на сельский сход!

Мариец встал, позавтракал и пошел в волостное правление. Приходит в правление, богатому старосте дают дорогу. Садится за стол. Собрание началось, старшиной выбирают этого марийца. Теперь мариец пешком не ходит, ездит по волости на лошадях с колокольчиками.

Жил-жил, прослужил так мариец три года. Теперь мариец захотел стать большим барином — становым приставом. Запрягает лошадь и едет к большой липе. Подъезжает к липе и стучит по ней — лат-лат-лат. Послышался голос:

— Что тебе нужно, мариец?

— Хочу быть становым, хочу спать на пуховой перине.

— Поезжай домой, ложись спать, а завтра все будет! — отвечает голос из липы.

Приходит домой. Наступил вечер, старшина ложится спать. Утром проснулся: лежит он, прохлаждается на большой железной кровати, на большой пуховой перине, под теплым одеялом. Мариец сильно обрадовался.

— Теперь уж я большой барин,— вообразил себе.

Вышел он из большой медвежьей берлоги в большом дремучем лесу. Посмотрел на себя: выросла на нем длинная серая шерсть. Завыл он жалобно медведем. Так он до сегодняшнего дня ходит по лесу и воет.

— Медведь — барской породы, произошел от станового,— так говорили в старину марийцы.

КӰРТНЬӦ МАСТАР ДЕН ПУ МАСТАР

Ирод кугыжаныште кӱртньӧ мастар ден пу мастар иленыт. Кӱртньӧ мастарже турням ыштен, пу мастарже лудигым ыштылын, кугу лудымат ыштылын. Кугыжа нуным шке декыже ӱжыктен конда да турням, латик лудигым да ик кугу лудым ышташ каласа, ыштымышт деч ончыч нунылан оксам пуа. Турня ден лудиге-влакым ышташ кок арня жапым пуэн. Нине мастар-влакет кугыжан пуымо окса дене йӱын-кочкын коштыт. Вара пу мастар ышташ тӱҥалеш, а кӱртньӧ мастарже эре йӱын коштын. Вара кӱртньӧ мастар турням ик кечыштак ыштен пытарен. Лудым вӱдыш колтеныт, винтым пӱтыралме дене лудо-влак вӱдыштӧ коштыт. Кугыжа пу мастарлан адак кум шӱдӧ тенге оксам пуа.

Кӱртньӧ мастар турняжым кӱш кӱзыктен колтен онча. Турня тудынат пеш тӱрльӱт-тӱрльӱт манын магырен коштеш. Кугыжа тудланат оксам пуа.

Вара нуно олаш каят. Кугыжан эргыже улмаш. Тудо мастарын турнялан кӱш кӱзаш винте пӱтырмым ончен шоген. Кугурак-влак каен пытымеке, тудо турням кушкыж шинчеш, кӱш кӱзымӧ винтетым пӱтырал колта, кӱш кӱзенат кая. А мӧҥгӧ волаш кудо винтым пӱтыраш — шинчен огыл. Кӱш кӱзымӧ винтым эре пӱтырен-пӱтырен, тудо ала-куш каен йомын. Кугыжан эргыже йоммеке, кугыжа кӱртньӧ мастарым кучен кондыкта да петырен шында. Кок суткам кия ынде мастар, вара кугыжан ӱдыржӧ пеш чаманен тудым.

— Мастар, шольым йоммылан тый титакан отыл вет. Ачий арамеш тыйым петырен шынден. Почешыже кычал кает гын, тудым муат мо?

— Муам, мыйым кеч ик шагатлан пазарыш колтышт ӱзгар наледаш.

Кугыжан ӱдыр ачаж деке кая да мастарын ойлымыжым каласа. Вара кугыжа тудым орол дене пазарыш колта, мастар турня ышташлан мо кӱлеш ӱзгарым наледен толеш. Эрлашым эрдене тудо турням ыштенат шукта. Мастар турням рончен опта, вара ончычсо турня гайымак винтылен шында.

— Мастар, тиде турнят дене эргым муын кертат мо? Муат гын, вич шӱдӧ тенгге оксам пуэм.

— Кертам,— манеш кӱртньӧ мастар.

Мастар турняжым кушкыж шинчеш, пӱтырал колта, кӱш кӱзенат кая. Кӱшнӧ турняжым мастар магырыктен-магырыктен веле кая: тӱрльӱт да тӱрльӱт. Каен-каен, Аполлон кугыжан мландыш шуэш. Тенгыз покшелне островыштыжо вес турня йӱк шокта магыргыч. Тудо островыш вола, шке ыштыме турняжак туштo шинча, туштак самовар, чай уло, а енгже уке. Турня-влакым йыгыре шынден кода да тудо кугыжан эргым кычалаш кая. Кычал савырнен толеш, онча, ик турняжат уке! Тудо тушакын возеш да мален колта. Мален кынелеш, вара адак кугыжа эргым кычалаш кая. Кычал толеш — турня когынек шинча, кугыжан эрге уке адак. Вара тудо кагазеш возен пыштен кода: «Ачат мыйым почешет кычалаш колтен, толын шуат гын, мыйым вучо»,— манын возен кода. Шкеже адак кычалаш кая. Кугыжан эрге мастар кайыме шенггеч толеш, возен пыштыме кагазым налын лудеш да вуча. Мастар кычал толын шуэш. Кугыжан эрге Аполлон кугыжан изи ӱдыржӧ дене гуляен коштын.

— Вара могай илымаш? Ачат тыйын почешет колтыш кычалаш. Айда ынде каена.

Кугыжан эрге Аполлон кугыжан ӱдырым чодырашкыже намиен кода да мастар дене шке декышт каенат колтат. Миен шуыт, турняшт дене йӱкым пуат. Вара кугыжа нуным вашлияш лектеш. Волымекышт, мастарлан кугыжа вич шӱдӧ тенгге оксам пуа. Мастар оксам налеш да кая. Вара кугыжан эрге ден ӱдыржӧ турням кушкыжыт да Аполлон кугыжан островышкыжо гуляяш каят. Миен шуыт, гуляен коштыт, трук пеш кугу мардеж тарвана, кугыжан ӱдырым ала-куш пӧрдыктен нангаен йомдара. Кугыжан эрге шке турняжым кушкыжеш, весыжым вӱда да шке декыже толеш.

— Ачий, ик ойго гычын утленат, адак вес ойгыш верештыч.

— Мо тугае? Могай ойгыш верештым? — кугыжа ачаже йодеш.

— Акайым пӧрдшӧ мардеж пыл помышыш пӧрдыктен нангайыш да йомо.

Кугыжа тунамак увертарымашым ышта: «Мыйын ӱдырем кӧ муэш, тудлан пел кугыжанышым пуэм»,— манын воза. Тудо кугыжан Микита лӱман салтакше улмаш. Тудо уремыште кугыжан увертарымашыжым лудаш тӧчен шогылтеш.

— Мом лудаш тӧчет, Микита?

— Тенгече тыгай кагаз пырдыжлаште уке ыле, тače кажне угыллаште уло да лудаш тӧчен шогылтам.

Вес салтакше тудлан лудын пуа: «Июльын 2-шо кечыштыже мыйын ӱдырем йомын, кӧ тудым муэш, тудлан пел кугыжанышем да ӱдырем пуэм»,— манын возымо.

— Мый тудо ӱдырым муам,— манеш Микита.

Вес салтакет кугыжа деке кая да Микитан муам манын ойлымыжым каласа. Кугыжа Микитам шке декыже ӱжын кондыкта.

— Микита, тый мыйын ӱдырем муат мо?

— Муам.

— Вӱд дене кает але мланде дене кает?

— Вӱд дене каем.

Кугыжа тудлан кораблым пуа, машинистше Пӧтыр ден Иван лийыт. Кораблыш кум ийлан кочкаш ситыше кочкышым оптат, да кугыжа нуным ужатен колта.

Ик талукат пелым нуно эре вӱд дене кают. Вара островышко лектыт. Тушто тӱнгӧ-мучашыже уке, эртак кайыккомбо-влак коштыт. Кайыккомбым кокытым лӱят да кочкаш шолташ сакат. Кочмекышт, малаш возыт. Эрдене адак кум комбым лӱен, Иваным кочкаш шолташ кодат, Пӧтыр ден Микита ӱдыр кычалаш кают. Иван кочкаш шолтен-кӱктен шында, тудек кок важык кутышан, важык лопкытан, вуйжо смола под гае, шинчаже подкинде гае, ен толын шогалеш. Иван тудым ужеш да шылын шинчеш. Тудо енет шолтен сакыме шӱретым под гыч тӱрын йӱэш, шылжым тугак нелеш да кая. Иван содор лектеш да шӱрым угыч сака. Микита ден Пӧтыр толын шуыт, шӱр шолаш гына пурен але.

— Вара кузе, кочкаш шолтен шуктышыч мо?

— Але шолаш гына пурен.

— Мый але марте кум пачаш шолтен шуктем ыле, ала-мом ыштылат тый,— манеш Микита.

Шӱрым шолтен кочкыт, йӱыт, вара малаш возыт. Эрлашым кочкаш шолташ Пӧтырым кодат. Иван нунылан теҥгече мо лиймым нимат каласен огыл. Ынде Пӧтыр комбым шолташ сака, кӱктен шукта. Туддек теҥгечысе кугу еҥет толын шогалеш. Пӧтыр лӱдмыж дене ала-куш куржын колта. Кугу еҥет шӱрым под гыч тӱрын йӱэшат, шылжым тугак нелеш, кая. Пӧтыр лектеш шылын шичма гычше, комбым угыч лӱен конда, вашке кочкаш угыч шолташ сака. Шӱр шолашат пурен ок шу, Иван ден Микита толынат шуыт. Пӧтырат мо ужмыжым ок ойло. Эрлашым Микита шке кочкаш шолташ кодеш. Комбым лӱя, подеш шолташ сака. Кӱктен шукта да тул воктене шуйныл кийылтеш. Шеҥгечше кугу еҥ толмым ок шиж. Опкын толеш да йодеш:

— Микита, шкендым пуэт але шолтымо шӱретым пуэт?

Микита кынел шогалеш, шеҥгекше ончал колта, нигунамат уждымо еҥым ужеш.

— Шӱремат ом пу, шкемымат ом пу.

— Ай-яй, мо пеш тале улат! Мыйын кочмем, мыйын йӱмем кочкын-йӱын кертат мо?

— Кертам.

— Кертат гын, айда мый декем.

Микита ден кугу еҥ каят. Микитам наҥгаен шукта кок пачашан кӱ полатышке. Пурта, комнатыш намиен шында, вара Микитан ончыкыжо ик ведра пурымо подеш шӱрым конден шында. Ик ведра аракам пуа. Шкаланже тугак налын шинчеш. «Вот, Микита, тиде шӱр ден аракам йӱын пытаре»,— манеш.

Микита, кочшын койын, пел шӱржым, пел аракажым ӱлыкӧ кышкен пытара. А Опкын шӱржымат, аракажымат иканаште нелын колта. Вара шинчышыжла нераш тӱҥалеш. Аракат дене руштын тудо Опкынет. Микита тудын логарышкыже кинжалым кереш, Опкын колен колта. Тудын пеленже мо улмыжым Микита чыла кычал пытара. Кугу пондаш коклаштыже латкок сравочым муэш. Кажне сравочшо дене пӧлем-влакым почын ончен коштеш. Ик пӧлемым почын онча, тушто эртак ший, весым почын онча, тушто эртак шӧртньӧ, кумшым почын онча, тушто эртак вӱргене, чинче вургем-влак да чием улыт. Кок пӧлемыште айдеме вуй ден айдеме кап-влак кечат. Ик пӧлемыште сравочлан келшыше кӧгӧным ок му. Вара кычалын-кычалын, шпалер коклаште изи омсам муэш. Тудо омсам почын колта — нунын кычалме ӱдырышт тушто

шинча. Кугыжан ӱдыр Микитан шӱйышкыжӧ кержалтеш, шорташ тӱҥалеш.

— Тыште пеш шуко калык пытен, очыни, тыйын вуетат пыта.

— Мый Опкынын вуйжым кошартенам, нигӧат мыйым ынде пытарен ок керт.

— Пеш тау утарыметлан, ынде мый тыйын ватет лиям!

Туштак име тӱкнымӧ вургемым чиятат, корабль деке каят. Миен шуыт, Иван ден Пӧтыр тушто шогат. Кугыжан ӱдырым намийымым ужыт да шке коклаштышт Микитам вӱдыш шуаш манын ойлат. Кораблыш чыла ӱзгарыштым оптат, кугыжан ӱдырым шындат, каенат колтат. Теҥыз покшек шумеке, Пӧтыр Микитам, ондален, чарашке луктешат, теҥыз покшеке шӱкалынат шуа. Кугыжан ӱдыр Микитан почеш содор лектеш, Микита — вӱдыштат, вара тудо оҥам вашкерак вӱдышкӧ шуэн колта, Микита оҥа ӱмбак кӱзен возеш. Микитан толашен кийыме жапыште корабль пеш шуко торлен каен колта. Вара вӱдоҥ, лупшенлупшен, Микитам островышко мӧҥгеш луктеш. Микита островышко лектеш, кадыр куэ йымак миен возеш. Тушечын торак огыл кум пачашан кӱ полат улмаш. Тудо кӱ полатыште Микитан пуштмо Опкын илен, адак изаже улмаш тушто. Изажын икшывыже улмаш. Тудо икшывет Микитам ужеш.

— Ачий, онча̄л, кадыр куэ йымалне мемнан изанам пуштшо Микита кия.

— На, тудлан наҥгае ик шултыш киндым, ик кленча шӧрым. Тудым йӱктӧ-пукшо да тыш кондо.

Икшывет туддек мия, кинде ден шӧрым пукша, вара тудым ачаж деке конда. Полатыш намиен пурта. Тушто Микита кум важык кутышан, важыкат пелак торешан кугызам ужеш. Микита тудын ваштарешыже сукен шинчеш.

— Микита, мыйын шольымым пуштынат да мыйымат пушташ тольыч мо? Мыйым пуштын от керт,— манеш.

— Кугызай, тыйым пуштмо огыл, шкемым кеч-мом ыште ынде, тыйын кидыштет улам.

Кугыза Микитам кугыжан ӱдыр могай пӧлемыште шинчен, тугайышкак намиен петырен шында. Тушто кочкаш-йӱаш пеш сай улмаш. Тудым рай верышке петырен шынден. Тушто изи гына рож улмаш. Микиталан тудо кугыза каласа: «Микита, тиде рож гыч ит онча̄л, онча̄лат гын, вуетым руалам».

Ит ончал манме рож гыч Микита ончал колта, чонжо ок чыте. Кудывечыште кугыза кадыр почан ия-влакым вӱташ петыраш поктыл курҗталеш. Рож гыч Микита ончалынат, ия-влакет вӱташке огыт пуро. Саде икшывет адакат Микитан ончалмым ужын.

— Ачий, Микитат рож гыч ончалын, садлан петыраш ок лий ынде.

Кугыза Микитан шинчыме пӧлемыш пура:

— Но, Микита, ынде тыйын вуетым руалам. Молан тиде рож гыч ончальыч?

— Руалат гын, руалат, кугызай, мый титакан улам! Нимат ышташ ок лий.

— Руалам ыле, но налшаш ӱдырет ыжал.

Кугыза Микитам тугак коден кая. Тушто Микита илымыжымат ок шиж.

— Микита, тыште илашет сай мо? Ала кайымет шуэш? — йодеш кугу еҥ.

— Пеш кайымем шуэш, да мом ыштет, каяш ок лий.

— Кайымет шуэш гын, лек да кае.

Микитам луктеш да шке ваштарешыже шогалта.

— Микита, тыште мочоло иленат?

— Иктаж кок арня иленам ала-мо?

— Кок арня огыл, тылзат пелым иленат. На, тиде шашке тыланет. Саде кадыр куэ йымакет миен шогал да вожгоклашкет чыкен лук. Вожгоклаш чыкен лукмеке, кум минут марте тудым ит ончал, «Шолашке, пурлашке!» манын веле шого. Шашкет тыйым наҥгая куш кӱлеш. Ончалат гын, кум минут гыч теҥгызыш пурен кает. Миен шумекет, ватетлан ит ӱшане, тиде шашкетым ит ончыкто тудлан. Сар тӱҥалеш гын, шашкетым вожгоклашкет чыкен лук да кум минут годым ит ончал тудым, вара «шолашке, пурлашке!» манын веле шого, шашкет руаш шкак тӱҥалеш.

— Пеш тау тыланет, кугызай. Чеверын ынде!

— Чеверын огыл, тый але ик гана тышке толат!

Микита кадыр куэ йымак миен шогалеш. Юзо шашкыжым вожгоклашкыже чыкен луктешат, шинчажым кумен, «шолашке, пурлашке!» манын ойла. Кум минут марте шашкыжым ок ончал. Вара ончал колта — кугыжан дворецыште чердакыште шога. Тиде жапыште Микитан кайыме корабльым вашлияш музык дене лектыныт улмаш. Корабль гычын кугыжан ӱдырым, Иваным, Пӧтырым нумал пуртат, нуным йыгыре-йыгыре шындат. Микита тидым чыла чердак гыч ончен шога. Вара кугыжа нунылан ойла: «Ынде кеч

кудыда ӱдырем марлан налза»,— манеш. Пӧтыр ден Иван каҥашаш лектын каят. Пӧтырлан ӱдырым пуаш ыштат. Сӱаным тӱҥалыт тунамак. Сӱанышке Микитат чердак гыч вола. Эн ончыко, генерал-влак шинчымашке, шинчеш. Микита эн кугу чинан дечат ончыко пӱкеным налын шинчеш. Микиталан кугыжан ӱдыр именной шергашыжым пуэн улмаш. Микита тудо шергашым чиен да шергашым шовыч дене пӱтырен шынден. Арака чаркам эн ончылнысо еҥлан пуыман улмаш. Кугыжан ӱдыр аракам эн ончычак Микиталан пуа. Микита аракам йӱын колта:

— Кидетым молан пӱтыренат? — манеш кугыжан ӱдыр.

— Парням пӱчкынам.

Микитан парняжым рончыкта, шергашыжым кугыжан ӱдыр пала. Вара кум гана аракам, темен-темен, Микиталан йӱкта. Вара арака атыжым шында да йодеш:

— Ачий, авий, генерал-влак, мый кӧгӧнлан келшыше сравочым йомдаренам ыле, вара весым налынам, кызыт ынде тоштыжымат муынам, кудыжым шуаш, тоштыжым але угыч налмем?

— Кудыжо сайрак ыле, тоштыжо але ужо? Тоштыжо сай гын, тоштыжым кодо.

— Тоштыжо сайрак ыле. Мыйым утарыше еҥ теве тиде. Тиде мыйын вуем утарен. Микита мыйым Опкын петырыма гычын лукто. Толшыла, Пӧтыр ден Иван тудым теҥызыш шуышт.

— Микита, тый нуным мом шонет, тудым ыште,— манеш кугыжа.

— Мый нуным нимат ом ыште, мыйын шинчашем гына ынышт кончо, те нуным иктаж вере умбак колтыза.

Иван ден Пӧтырым кучен луктыт да вес велышке колтат. Микиталан ӱдыржым менчаят.

Ик талук годым нуно пеш сайын илат, вара ватыже вес кугыжанышыш таҥже дек письмам возаш тӱҥалеш. «Мыйым налаш сар дене тол, сар нерген нимат ит увертаре» манын, ватыже таҥжылан воза. Таҥже сар дене толеш. Сар пеш тале тӱҥалеш. Ирод кугыжа мом ышташат ӧреш, шке калыкшым ончык лукташ ик вере да вес вере поген коштыктылеш.

— Ачий, тыге орланен ит кошт, тудо тыгак пыта,— манеш Микита веҥыже.

Микита чердакышкыже кӱзен шогалеш. Кердыжым вожгоклашкыже чыкен луктеш, шке «шолашке, пур-

лашке!» манеш да шашкыжым сар ӱмбаке шуэн колта, кум минут марте ок ончал, шашке шке шотшо дене калыкым руэн пытара кум минут коклаште, вара Микитан кидышкыже толын перна. Микита ончал колта, калык чыла пытен.

Тулеч вара Микитам ватыже шекланаш тӱҥалын.

— Микита, тый могай вий дене тынар калыкым пытарышыч?

Микита ондак ынеж ойло, вара ойлен колта. Ватыжлан йӱдым шашкыжым луктын ончыкта. Ватыже Микитан малыме шеҥгеч тудо шашкым шолыштеш да олмешыже вес шашкым пышта. Микитан шашкыжым вес кугыжаныш таҥже деке колта. «Мыйын марием теве тидыж дене пытарен, тидым налмекет, вашке тол»,— манын, серышым воза. Вес кугыжаныште таҥже серышым налеш, войскам угыч пога. Вара тудо калыкше дене толын шуын.

Микита шашкыжым налеш да чердакышкыже кӱзен кая. Ты толашен шога ватыжын алмаштен пыштыме шашке дене, ты шога, нимогай шотат уке. Вес кугыжан салтак-влак олам авырен налыт. Пурен каят, Микитам йодаш тӱҥалыт. «Микита чердакыште»,— манын колта Микитан ватыже. Чердак гыч Микитам кучен волтат. Кугыжан ош имньыже улмаш, тудо имне мӱшкыр йымалан кылдат Микитам, имньым сола дене лупшал колтат. Микита имне мӱшкыр йымалне кеча. Имне пасушко кудал лектеш да кум гана чот гына шинчал колта. Вара тушечын мардежла кӱш кӱзен кая. Изиш лиймеке, теҥыз серышке, кадыр куэ йымаке, миен шогалеш. Тудо имньым Опкынын изи эргыже адак ужеш.

— Ачий, саде Микитат адак толын, имне мӱшкыр йымалне кеча.

— Каен рудо, тышке тудым кондо.

Икшыве туддеке мия, имне мӱшкыр гычын руден, ачаж деке намия. Микита тудын ончылан сукен возеш:

— Кугызай, ынде мыйым пуштат вет тый?

— Молан ватетлан ӱшаненат? Шашкетым ончыктымо ок кӱл ыле. Вот ынде коштат тыге! На, тиде шашке тугаяк. Но ватетлан ит ончыкто. Кызытсе ватет дене ит иле. Вес вате дене иле. Ончыч толмет годым эше икана толат маньым, тольыч вет.

Микиталан вес шашкым пуа. Микита саде кадыр куэ йымак миен шогалеш. Имньыже тушечын ала-куш каен, пыл коклашке. Микита шашкыжым вожгоклаш-

кыже чыкен луктеш, шке кум минут марте ок ончал. Кум минут эртымеке ончалеш — чердакышкыже толын шогалын. Вара ачаж деке пура. Ачаже пеш куана Микитан илыше кодмыжлан.

— Ну, веҥе, мом шонет, тудым ыште. Сар дене каена мо?

— Вот, ачий, мыланем ик рота пехотым, ик рота артиллерийым, ик рота кавалерийым пу, мый нуным сеҥен толам.

Кугыжа Микитан йодмыжым шукта, ужатен колта. Пеленже бинокльым налеш. Миен шуыт вес кугыжан ола лишке, тушакын артиллерийым шогалтен кода. «Первый сигнал лиеш гын, те лӱйкалаш тӱҥалза»,— манеш. Вара кавалерийым шогалтен кода. «Кокымшо сигнал лиеш гын, те мийыза,— манеш.— Кумшо сигналлан пехота мия».

Ола дечын чоҥга вереш кӱзен шогалыт да ондак сигналым пуа ик гана. Артиллерий снарядым кышкаш тӱҥалеш ола ӱмбаке. Кок гана сигналым пуалта — кавалерий миенат шуэш. Кум гана сигналым пуалта — пехота ола налаш миенат шуэш. Ваштареш лекшетым тудо юзо шашкет дене пытара, эрыкым ок пу. Олам авырен налыт, сеҥен пурат. Микита кугыжалан шогалеш. Тошто ватыжым страпкалан шогалта, осал кугыжам пуштеш. Тудо тале кугыжа лийын.

СЛЕСАРЬ И СТОЛЯР

В государстве царя Ирода жили слесарь и столяр. Слесарь решил смастерить журавля, а столяр — утят и утку. Царь, узнав об этом, призвал их к себе и приказал сделать одного журавля, одиннадцать утят, одну утку. Дал им деньги и наказал, чтобы журавль, одиннадцать утят и утка были готовы через две недели.

Сначала эти мастера прокутили деньги, выданные царем. Потом столяр приступил к работе, а слесарь продолжал кутить. Он только в последний день смастерил журавля.

Уток пустили в воду, они поплыли по воде при помощи винта. Столяру царь выдал еще триста рублей. Слесарь поднял вверх своего журавля, и он полетел с криком: «Трлють-трлють!» Царь выдал и слесарю деньги. Затем оба мастера пошли в город.

Был у царя сын. Он видел, как они вертели винт. Когда ушли все, сел на журавля, повернул винт и взлетел вверх. Но он не нашел винта для спуска

на землю, поэтому полетел дальше и дальше. Он все крутил винт для подъема и пропал без вести. Тогда царь приказал привести к себе слесаря и заключил его в тюрьму. Двое суток он пролежал там. Пожалела слесаря царская дочь, пришла и говорит:

— Не твоя вина, что брат мой пропал, он сам улетел, отец тебя напрасно запер в тюрьму. А если ты отправишься вслед за ним, сможешь найти его? — спрашивает царевна.

— Найду,— отвечает слесарь.— Пусть только меня на один час выведут на базар, хотя бы под стражей, материал купить.

Пошла царевна к отцу и рассказала о том, что слесарь может помочь. Сводили его на часок на базар, закупил он материалы и, сидя в тюрьме, быстро смастерил другого журавля, развинтил и свинтил снова, к утру он сделал его.

— Найдешь наследника, когда полетишь за ним на этом журавле,— дам пятьсот рублей.

— Найду,— отвечает слесарь.

Сел слесарь на журавля, повернул винт, поднялся вверх и полетел, курлыкая: «Трлють-трлють!» Летел-летел, долетел он до земли царя Аполлона. И слышит посреди моря на острове знакомый журавлиный голос. Опустился на остров и увидел первого своего журавля; тут же стоит самовар, чай заварен, а людей нет. Поставив рядом обоих журавлей, слесарь начал разыскивать наследника. Вернулся обратно, видит — не стало обоих журавлей. От усталости он свалился и заснул. Выспался и опять отправился на поиски царского сына. Вернулся — стоят оба журавля, а наследника нет. Тогда слесарь написал записку:

«Будешь здесь, дожидайся моего возвращения, меня послал сам царь». Сам снова отправился на поиски. Тем временем царский сын вернулся, прочитал записку и стал дожидаться. Пришел слесарь. А сын царя гулял с младшей дочерью царя Аполлона. Наконец-то они встретились и поздоровались.

— Ну, как поживаешь? Меня твой отец послал за тобой, полетим на родину,— говорит слесарь наследнику.

Распростился наследник с дочерью царя Аполлона, отвез ее в лес, а сам полетел со слесарем домой.

Прилетают, подают журавлиный голос. Царь выходит встречать, ведет их во дворец и дает слесарю обещанные пятьсот рублей.

Однажды наследник вместе с сестрой полетел прогуляться на остров царя Аполлона. Вдруг поднялся сильный вихрь и унес сестру в неизвестном направлении, подняв ее вверх. Наследник сел на одного журавля, другого прихватил с собой и прилетел обратно.

— Папа,— говорит он,— только ты избавился от одного горя, пришло другое!

— Что случилось? — спрашивает царь-отец.

— Во время нашего полета на журавлях вихрь унес мою сестру,— рассказывает наследник. Тогда царь Ирод расклеил по своему городу такое объявление: «Кто разыщет мою дочь, тому дам полдержавы». У этого царя был солдат Никита. Стоит он у объявления и еле-еле его разбирает. Другой, грамотный солдат спрашивает его:

— Что ты, Никита, читаешь?

— Да вот вчера,— говорит,— не было этой бумаги, а сегодня повесили! Смотрю — бумажки на каждом углу, а понять, что написано, не могу.

— «В июле месяце,— прочитал ему грамотный,— второго числа потерялась дочь царя. Кто ее разыщет, тому царь даст полдержавы и выдаст за того дочку».

Никита и говорит:

— Я найду царевну!

Тогда грамотный солдат идет к царю и докладывает, что Никита обещает найти царскую дочку. Царь потребовал Никиту к себе. Приходит Никита. Царь спрашивает:

— Найдешь что ли мою дочку?

— Найду.

— Как поедешь искать — водой или сушей?

— Водой!

Царь дает Никите корабль, а машинистами назначает Петра с Иваном. Погрузили в корабль припасов на три года. Проводил царь путешественников.

Плыли они полтора года и, наконец, вышли на остров. А там — без конца без краю летают дикие гуси. Застрелили путники двух гусей и сварили обед. Поели-попили и легли спать. На следующее утро опять подстрелили трех гусей. Ивана оставляют готовить обед, Петр и Никита идут искать царевну.

Только сварил Иван обед — вдруг является человек в сажень ростом, шириной в сажень, голова, как смоляной котел, а глаза, как каравай.

Увидев его, Иван спрятался. А великан выхлебал прямо из котла весь суп, забрал мясо и ушел.

Вернулся Иван и снова стал варить обед.

Явились Никита и Петр, а суп только начинал закипать.

— Ну, готов ли твой обед?

— Нет еще, не сварился, только закипел.

Никита сильно обозлился на него:

— Я бы,— говорит,— за это время три раза сварил, а ты даже готовое до сих пор сварить не можешь!

Когда суп сварился, поели, легли спать. Выспались. Оставили варить обед Петра. Иван промолчал, что случилось вечером. Иван с Никитой отправились на поиски царевны. Только Петр сварил суп из гуся, к нему явился опять тот огромный великан. От сильного испуга Петр убежал и спрятался. Великан опять выхлебал весь суп, захватил мяса и ушел. Вышел Петр из укрытия, подстрелил гусей и во второй раз поставил суп вариться. Не успел закипеть суп, приходят Никита с Иваном. Петр промолчал о своей встрече.

Назавтра сам Никита остается варить суп. Подстрелил гусей, повесил варить суп в котле. Суп закипел, а сам он лег у костра, растянувшись. Он даже не заметил, как подошел сзади великан. Великан Опкын[1] и говорит:

— Никита, что дашь мне на обед — похлебку или самого себя?

Никита обернулся и видит: стоит за его спиной неуклюжий великан.

— И похлебки не дам, и сам не дамся! — отвечает Никита.

— Ай-ай,— говорит Опкын,— неужели ты такой сильный? Сможешь ты съесть и выпить столько, сколько я?

— Смогу! — отвечает Никита.

— Если сможешь, идем ко мне!

Пошли Никита и великан. Они пришли к двухэтажной каменной палате. Зашли в палату. Опкын сажает Никиту за стол, ставит перед ним суп в ведерном котле да ведро водки. Себе столько же поставил.

— Вот, Никита, съешь этот суп и выпей эту водку!

Принялся Никита за обед и то и дело потихоньку выливает суп и водку вниз, под себя. А великан Опкын

[1] Опкын — обжора, здесь — сказочное существо.

сразу выпил и суп, и водку. Сам он потом, сидя, стал дремать. Никита вынул кинжал и вонзил ему в горло, Опкын замертво упал. Никита его обыскал. Нашел у него в бороде двенадцать ключей. Стал он открывать одну комнату за другой. Открыл одну комнату — там серебро, открыл другую — там золото, открыл третью — там медные монеты, потом — драгоценные камни и одежда изукрашенная, и другое. В двух комнатах увидел висящие человеческие головы и тела. Только к одной комнате не мог он подобрать ключей.

Искал-искал, вдруг за обоями обнаружил маленькую дверцу. Открыл эту дверь, видит — сидит там царская дочь. Дочь царя сразу бросилась к нему на шею и заплакала.

— Тут много людей погибло, и ты можешь потерять свою голову.

— Я сам убил Опкына, и никто не может меня победить.

— Спасибо тебе! Я теперь буду твоей женой.

Потом они надели одежды и пошли на корабль. Подошли, а там стоят Иван и Петр. А Петр и Иван как увидели, что Никита ведет царскую дочь, сговорились сбросить Никиту в море.

Корабль нагрузили, посадили царскую дочь и поплыли. Доплыли они до середины моря, Петр обманом вызвал Никиту на палубу и столкнул в море. Выбежав следом за ним, царская дочь бросила ему доску. Лег Никита на эту доску. Смотрит, а корабль уже отошел далеко. И волны вынесли Никиту снова на тот же остров. Выйдя на берег, он лег отдыхать под кривую березу. Недалеко от нее стояли трехэтажные каменные палаты. Оказывается, там кроме Опкына жил еще его старший брат. А у него был сын, который и увидел Никиту.

— Смотри, папа,— сказал он,— убийца твоего брата лежит под кривой березой.

— Отнеси ему ломоть булки и бутылку молока, накорми, напои, потом приведи сюда.

Мальчик пошел к нему, дал ему кусочек булки, молока, потом повел его к своему отцу. Зашли они в палату. Там Никита увидел великана в три сажени вышины, полторы сажени ширины. Перед ним Никита стал на колени.

Великан говорит ему:

— Никита, ты убил моего младшего брата и небось пришел убить меня, но меня тебе не одолеть.

— Где мне тебя убить,— взмолился Никита.— Можешь делать со мной, что тебе угодно, захочешь — убьешь, захочешь — приютишь.

Великан увел Никиту и запер его в такую же комнату, в какой сидела царская дочь. В отношении угощения там было все, что душе угодно. Потом великан показал ему на маленькую дырочку в стене и предупредил:

— В эту дырочку не смотри: если посмотришь, голову отрублю!

И все-таки у Никиты душа не вытерпела, заглянул он в запретное отверстие. Как раз в это время во дворе великан гонял чертей с загнутыми хвостами, чтобы загнать их в хлев. Так как Никита посмотрел в дырку, черти не захотели войти в хлев.

Сын великана заметил, что Никита подглядывает.

— Папа, Никита смотрит в дырку, поэтому черти не хотят в хлев.

Заходит великан к нему и говорит ему:

— Ну, Никита, сейчас я отрублю тебе голову. Зачем запрет нарушил? — кричит великан. А Никита отвечает: — Отрубишь, так отрубишь, дядюшка, моя вина, ничего не поделаешь!

А великан ему:

— И отрубил бы, да жаль твою невесту.

Словом, он оставил Никиту в живых. Живет он, даже не замечает, как дни летят.

Опять как-то спрашивает его великан:

— Хорошо ли тебе здесь? Может, домой хочешь?

— Хоть и хорошо мне у тебя, но домой очень хочется, да уехать невозможно.

Вывел он Никиту, поставил против себя и опять спрашивает:

— Никита, сколько по-твоему ты у меня прожил?

— Примерно две недели.

— Нет, уже полтора месяца. Пойди, Никита, с этой шашкой под ту кривую березу, встань и тяни ее промеж своих ног. Протащив промеж ног, около трех минут не смотри и только повторяй: «Налево-направо». Шашка тебя понесет, куда захочешь. Если посмотришь, пока не пройдет три минуты, ты утонешь в море. Вернешься домой, не верь своей жене, не показывай свою шашку ей. Если разразится война, протащи шашку промеж своих ног и около трех минут не смотри на нее, а только повторяй: «Налево-направо!» — и шашка твоя сама начнет рубить в бою.

— Спасибо тебе, дядюшка! Прощай! — сказал Никита.

— Нет, не прощайся, ты вернешься еще раз!

Пошел Никита под кривую березу. Поставил чудесную шашку между ног, закрыл глаза и сказал: «Налево-направо». На три минуты закрыл глаза. Потом как взглянул, то увидел, что он стоит на чердаке царского дворца. Как раз в это время народ выходил встречать с музыкой прибывающий корабль. Царскую дочь, Петра и Ивана понесли во дворец на руках, посадили их рядом на почетные места, Никита все это видит с чердака. Царь тут же согласился выдать дочку:

— Теперь любой из вас может жениться на моей дочери.

Иван и Петр посоветовались и решили, что женится на царевне Петр. Тут же заиграли свадьбу.

Тогда Никита спустился с чердака и вошел в зал на свадьбу. В первом ряду сидели генералы, и Никита пошел в этот ряд. Он взял табуретку и сел вперед всех. На пальце у него был именной перстень, который ему дала царская дочь. На перстень он накинул платочек. По обычаю, первую чарку подносили сидящему впереди. Первым долгом царская дочь поднесла чарку Никите. Никита взял и выпил.

— Зачем ты перевязал палец? — спрашивает царевна.

— Палец порезал.

Она заставила Никиту развязать тряпку и узнала свое именное кольцо.

Потом подала ему три чарки подряд, поставила рюмку и обратилась к родителям и гостям с такой речью:

— Батюшка, матушка, генералы, я потеряла было ключ от каюты и вместо потерянного взяла другой. Сейчас я нашла старый ключ, а новый тоже при себе. Который велите бросить?

— А который был лучше? — спрашивают.

— Старый был лучше,— отвечает она.

— Если тебе нравится старый, бросай новый!

Тогда она сказала:

— Мой спаситель — вот этот, Никита. Он спас мою голову, вызволил меня из рук Опкына. А Иван и Петр на обратном пути бросили его в море.

— Что хочешь, то и делай теперь с Петром и Иваном,— говорит царь Никите.

— Я ничего им не сделаю,— говорит Никита,— пусть только никогда не показываются мне на глаза. Отправьте их подальше!

И угнали Ивана с Петром в другую страну, а царскую дочь обвенчали с Никитой.

Первый год жили очень хорошо, но затем царевна стала посылать письма одному своему любимому в другую страну и звала: «Ты иди войной на мою родину, чтобы забрать меня; без всякого извещения приведи войска». Тот напал без объявления войны. Разгорелась страшная война.

Царь Ирод обезумел, мечется, собирает народ, чтобы выступить навстречу неприятелю.

— Батюшка, вы не беспокойтесь,— говорит Никита,— враг будет уничтожен!

Никита побежал на чердак, шашку протащил между своих ног, потом махнул рукой, сказал: «Налево-направо» — и бросил шашку в неприятельское войско. Минуты три он не смотрел. Шашка порубила вражеское войско, потом прилетела обратно в руку. Посмотрел Никита — все войско было порублено.

После этого жена стала следить за Никитой, начала выспрашивать:

— Никита, какая сила помогла тебе уничтожить врагов?

Никита долго не хотел открывать свою тайну, но как-то проговорился. Вынул и показал ей шашку.

Ночью, когда он уснул, она украла ее, подложила вместо нее простую шашку. А шашку Никиты переправила в другое государство к своему любовнику. «Мой муж разбил твое войско этой шашкой, получишь ее, снова нападай»,— пишет.

Ее любовник из другого государства, получив письмо, собрал снова большое войско, напал.

Никита вбежал с обыкновенной шашкой на чердак и стал кричать: «Направо-налево», но все было напрасно. Те окружили город, ворвались, сразу стали искать Никиту.

— Никита на чердаке,— указала жена.

Стащили с чердака Никиту, привязали его под брюхо к белой царской лошади и пустили ее. Лошадь вышла в поле, заржала подряд три раза, поднялась как вихрь, понеслась через море и полетела к кривой березе. Их увидел сын Опкына и сказал:

— Опять Никита вернулся, висит под животом коня!

— Пойди развяжи и приведи его.

Пошел мальчик, развязал Никиту и привел его к своему отцу.

Упал Никита на колени и сказал:

— Убьешь или оставишь в живых, твоя воля, дядюшка!

— Зачем ты доверился жене? Зачем показал ей шашку? Вот теперь ты как наказан! На, возьми такую же шашку. Но жене своей не показывай. Не живи со своей нынешней женой. Женись на другой и живи хорошо. Говорил тебе первый раз, что ты опять возвратишься ко мне. Явился ведь,— и великан Опкын вручает ему другую шашку.

Идет Никита под кривую березу, смотрит — лошади нет, она улетела в небеса. Но он не горюет, поставил шашку между ног и крикнул: «Налево-направо». Закрыл глаза на три минуты. Опять через три минуты очутился на чердаке царского дворца. Пошел он к тестю, тот обрадовался, что зять жив остался.

— Ну, теперь, зятек, что думаешь, то и делай. Пойдем, что ли, войной на них.

Никита ему заявляет:

— Вот что, батюшка, я пойду на врага, дай мне одну роту пехоты, роту артиллерии, роту кавалерии, расправлюсь с ним.

Царь дал Никите все, что он просил, и проводил его. Взял с собой подзорную трубу. Подошли они к городу вражеского государства, поставили там артиллерию. «Когда услышите первый сигнал, начните палить»,— приказал он артиллерии. Потом он поставил кавалерию. «Когда будет подан сигнал второй, начните наступление,— приказал.— А по третьему сигналу будет наступать пехота».

Он забрался на холмик и подал первый сигнал. Артиллерия начала метать снаряды в город. Подал второй сигнал — напала кавалерия. Дал третий сигнал — бросилась в атаку пехота. Противников, вышедших навстречу, он начал уничтожать чудесной шашкой, не давая им опомниться. Так штурмом взяли город. Царем стал Никита. Жену поставил стряпухой, а любовника убил. И он стал сильным царем.

САЛТАКЫН МЫСКАРАЖЕ

Ик кугорно ӱмбалне поп илен. Поп деке салтак тӱшка обедылан пурены̆т. Поплан кочмо-йӱмыштлан вич тенге шӧртньым пуэны̆т да кугорно дене ошкеденыт. Попет сату налаш тӱҥалеш, онча — портманетыштыже кешыр пӱчкыш веле кия. Попет давай салтак-влакым покташ. Поктен шуэш да ойла:

— Те мыйым молан ондалышда, кешыр пӱчкышым веле пуэндас! — манеш.

— Кешыр огыл, ончо тый, шӧртньӧ оксас,— маны̆т тудлан.

Поп онча — чынак шӧртньӧ. Поп сату деке кая. Налаш тӱҥалеш, оксам онча — адак кешыр пӱчкыш. Давай салтак-влак почеш тройко дене кудалаш. Поктен шуэш да адак ойла:

— Те мыйым молан олталышда, кешыр пӱчкышым веле пуэндас! — манеш.

— Уке, тый сайын ончо, кешыр огыл, шӧртньӧ,— маны̆т тудлан.

Онча попет — чынак шӧртньӧ окса. Поп адак мӧҥгеш кудалеш. Сату налаш тӱҥалеш, оксам онча — окса огыл, кешыр пӱчкыш веле.

Тыге поп кум гана ондалалтеш. Поп ынде кугыжа деке жалобым пуа. Суд шуэш. Намият попым, ик салтакым да окса клеймом. Клеймо дене оксам таҥастарат. Таҥастарат — окса шотлан толеш. Судья каласа:

— Салтак чын ыштен, тудо винамат огыл. А тый, поп, йӧршеш окмак улат. Ӱпет кужу — ушет кӱчык, садлан суд тыйын ӱпетым пӱчкын шуаш ышта,— манеш.

Садыге поп ӱп деч посна кодеш.

Ынде кугыжат салтак деч йодеш:

— Чынак мо тый поплан тугай фокусым ончыктенат? — манеш.

— Да, ончыктенам. Тудлан мый шӧртньым огыл, а кешыр пӱчкышым пуэнам,— манеш салтак.

— Тугеже тый мыланемат фокусым ончыкто,— манеш кугыжа.

— От пушт гын, ончыктем,— манеш салтак.

— Ом пушт,— манеш кугыжа.

Салтак тӱгӧ лектеш, тунамак омса гыч вӱд мӱгырен пура. Кугыжа шинчам веле карен.

— Кокымшо пачашыш кӱзышаш,— ойла салтак.

— Мыят кӱзем. Колышаш ынже лий! — кычкыра кугыжа.

Кугыжа кӱзен веле шуэш — туштат вӱд темын. Кӱзат кумшо пачашыш. Туштат вӱд темеш. Куш каяш? Кӱзат пӧрт вуйыш. Кугыжа, вӱд деч лӱдын, мурням ӧндал шинчеш. Ончат — пуш толеш. Давай пушыш шинчаш. Шинчыт пушыш да кукшо мландыш каят. Миен шуыт, тушто кугу ялым ужыт. Кугыжан мӱшкыр шужен. Мом кочкаш?

— Давай кӱтӱм налына, кугыжа, а то кочкаш уке. Мый подрядчик лиям, а тый кӱтӱчӧ лий,— манеш салтак.

Кӱтат кӱтӱм кеҥеж гоч. Мӱшкырат темеш. Кӱтӱм кӱтен шуктат. Оксам погат да пӧртымат шындат. Калык семын илаш тӱҥалыт. Салтакетым старшиналан шогалтат, а кугыжам — лувуйлан. А вес ийжылан салтакым волостнойлан, кугыжам сельскийлан шогалтат. Но ты коклаште кугыжат растратым ыштен оптен. Толеш становой да кугыжатым ссылкыш колташ судитлат. Суд деч ончыч кугыжатым становой бырлоч совен колта. Кугыжа помыжалт кая. Тудо адакат кугыжа. Чыла тиде самовар чай кӱмеш лийын. Вес самовар шумеш кугыжат — йывылдик.

Йомак — умбак, кугыжа — йол таган йымак.

СОЛДАТСКИЕ ПРОДЕЛКИ

Жил у большой дороги поп. В полдень на обед к попу зашли мимо проходившие солдаты. За обед солдаты попу дали пять рублей золотыми, а сами пошли по большой дороге дальше. Когда поп стал покупать товары в магазине, смотрит в кошелек и глазам своим не верит: в кошельке лежали одни ломтики моркови. Погнался поп за солдатами. Догнал он их и говорит:

— Вы почему меня обманули, вы мне дали только ломтики моркови!

— Не морковь же, глянь,— золотые монеты,— говорят ему солдаты.

Посмотрел поп в кошелек — и впрямь золото. Поп пошел опять покупать товары. Берет товар, посмотрел в кошелек — а там опять только ломтики моркови. Снова погнался поп за солдатами, теперь уж на тройке. Догнал он солдат и опять говорит:

— Вы почему меня обманули? Вы же мне дали только ломтики моркови!

— Нет,— говорят ему солдаты,— да ты смотри хорошенько, не морковь же, а золото!

Посмотрел поп в кошелек, глазам не верит, дейст-

вительно золото. Повернулся поп и поехал обратно домой. Начинает покупать товар, смотрит в кошелек, там не деньги, а опять морковь.

Так поп обманулся три раза. Теперь поп пишет царю жалобу.

Наступил день суда. На суд пригласили попа и одного солдата. Сравнивают деньги, клеймо и эти отданные солдатами с клеймом, все сходится. Судья вынес решение:

— Солдаты поступили правильно, они не виноваты. А ты, поп, совсем глупый. Волосы у тебя длинные, а ум короток. Поэтому суд решает стричь твои длинные волосы.

Так поп остался без волос.

После суда царь спрашивает у солдата:

— Правда, что ли, ты попу показывал свой фокус?

— Да,— говорит солдат.— Я ему не золото дал, а ломтики моркови.

— Если так, то ты и мне показывай свой фокус,— говорит царь.

— Если не убьешь, покажу,— говорит солдат.

— Нет, не прикажу убивать,— говорит солдату царь.

Солдат вышел из дворца. В то же время в двери хлынула вода внутрь. Сильно удивился царь, аж глаза его на лоб полезли.

— Давай поднимемся на второй этаж,— говорит солдат.

— Постой, я тоже поднимусь, а то еще могу утонуть,— закричал царь.

Только успел царь подняться, и на втором этаже оказалась вода. Поднялись на третий этаж. Глядь, и здесь вода. Дальше куда? Теперь они взобрались на крышу. Испугавшись воды, царь обнял трубу и сел верхом на нее. Видят — плывет лодка. Сели они в лодку и давай плыть в сторону сухой земли. Доплывают до земли, там увидели большую деревню. Царь сильно проголодался. Что же есть?

— Давай наймемся в пастухи, а то нам нечего есть. Я буду подрядчиком, а ты подпаском,— сказал ему солдат.

Они все лето пасли стадо. И сыты. Пасли до осени. Собрали денег с народа за пастьбу за стадом. Начали жить как и весь народ. Солдата поставили старшиной, а царя десятником. А на следующий год солдата назначили волостным, царя — сельским. Но в это

время царь сделал большую растрату. Прибыл становой и царя осудили, решили выслать в Сибирь. Перед судом становой ударил царя по лицу. Тут царь очнулся. Он опять — царь. Вся эта история совершилась, пока кипел самовар. А до того, как закипел второй самовар,— и царя не стало: его свергли.

Сказка — прочь, царь — под мой каблучок.

КИШКЕ ЙЫЛМЕ

Ик кӱтӱчӧ эре кӱтӱм кӱтен илен. Икана тудо, чодыраште кӱтен коштшыжла, рожыш пурен каен, мланде йымаке. Тушто кыраж гай кугу кишке киен. Тушто кӱтӱчӧ кеҥеж гоч киен. Шыже шумеке, тушко кишкевлак пураш тӱҥалыныт. Ик кугу кишкыже кишкевлакын онышт улмаш. Тудо рожыштак кугу гына кӱ киен. Кишке-влак пурат да кӱм нулалыт чыланат, ик-тат нулалде ок код.

— Чу, мыят нулал ончышаш тиде кӱм,— манын шона кӱтӱчӧ.

Нулал онча... Тудым нулалмеке, йӱмат ок шу, кочмат ок шу улмаш. Кӱтӱчӧ кишке нулалме кӱэтым нулалын да кишке йылмылан тунемын, нунын ойлымыштым чыла ыҥлаш тӱҥалын. Кишке-влакын ойлымыштым колышт ила ынде тушто. Кеҥеж шуэш, кишке он тыгыде кишке-влакым туныктен:

— Лекмекыда, вольыкым, айдемым ида тӱкале,— манын луктын колта.

Кишке-влак чыланат лектын каен пытат.

Кӱтӱчетым ок колто кишке онет. Вес шыже адак шуэш, кишке-влак адакат пеш шукын пурат. Пеш шуко тӱрлӧ кишке-влак улыт. Чыла тӱрлӧ кишке шке онышт дене, шке тукымышт дене погынен возыт. Пурымекышт, адакат садыгак кӱм нулалыт.

Марий тушто кум ий ила. Кум ий годсек тудо чыла кишкын йылмыжымат тунемын. Чыла кишкын ойлымыжым, чыла кайыкын ойлымыжым ыҥлаш тӱҥалын. Кум ий гычын кишке он марийым луктын колта. Кишке тудлан йылмым палымыж нерген ниӧлан каласаш кӱштен огыл. Каласет гын, шке колет, манын.

Кӱтӱчӧ адак кӱтӱмак кӱташ тӱҥалеш. Вольыкым кечываллан эре ик тумо йымаке канаш чумырен пышта улмаш. Вот икана тудо кечываллан вольыкым, чумырен, канаш пышта, шкеат канаш возеш. Тудо тумо вуйыш корак толын шинчеш.

— Ой, марият, коло вич ий годсек кӱтӱм кӱтен коштеш, а тиде тумо йымалне нылле ведран печке дене кийыше шӧртньым налын ок керт,— манеш корак.

Кӱтӱчет нерен веле кия улмаш, коракын ойлымыжым чыла колеш. Мален кынелеш, кӱтӱм шалатен колта. Вара тумо йымалныже онча — лачакак нылле ведран печке дене шӧртньӧ кия. Вара тудо оксам луктын налеш, суртым пога, вольыкымат пога, ӱдырым налеш. Вате пеш таза, кӱжгӧ верештын.

Вот икана нуно пар имнеш тарантасым кычкат, пазарыш каят. Кайышыштла, имне-влак коктын ойлаш тӱҥалыт:

— Мый эре чот шупшам, тый отат шупшылыс, шупш чотырак,— манеш иктыже.

— Ончал-ян шеҥгекет, тыйын шупшмо могырыштет могай кӱжгӧ вате шинча, а мыйын могырышто какши марий. Коктынат тӧрак шупшына, тыйын могырыштет кӱжгӧ еҥ шинча, да садлан тыге чот шупшметла чучеш,— манеш вес имньыже.

Марий тыге ойлымым ыҥла да воштыл колта. Ватыже марийжын воштылмыжлан ӧреш.

— Молан воштыльыч, молан воштыльыч?! — манын йодаш тӱҥалеш.

— Так воштыльым,— ойла марийже.

Ватыже эре йодын, чарнен огыл, пижын веле.

— Имньылан, вольыклан пукшаш пазарыште калачым налам. Мӧҥгыштӧ вольыкым ик рат дене пукшен кодем да ойлем,— манеш марийже.

Пазар гыч толыт. Марий чывыжлан да пийлан калачым пуа. Пий ок коч, пеш ойгыра. Чыве, агытан кыдыге веле кочкыт. Пийын ончылно калач шултыш тугак кия. Агытан тудым ужешат, ойла:

— Пий, тый калачетым молан от коч? — манын йодеш.

— Кочмем ок шу, изана вашке кола вет,— манеш пий.

— Иза кола гын, ватыжым молан ок кучо. Мыйын латкок ватем уло гынат, чыла кучен кертам, тудын ик ватыже веле гынат, тудымат кучен ок керт. Тудлан ойгырашыжат ок шого. Клатыштыже латкок шӧрынан лупшыжо уло, тудын дене изиш лупшкедыл налеш гын, уто огыл. «Адак йодат, адак йодат?!» — манын лупшыжо тудо.

Марий агытанын тыге пийлан тототлен шогымыжым колышт шоген. Марий клатыш пура, лупшыжым налын лектеш, ватыж деке пӧртыш пура.

— Адак йодат?! Адак йодат?! — манын, ватыжым лупшаш тӱҥалеш. Ватыже «Огым!» манмешке, тудым лупшен.

Туддеч вара марий ден ватыже сайынак илаш тӱҥалыныт.

ЯЗЫК ЗМЕЙ

Жил один пастух и всю жизнь пастушил. Однажды он, когда пас стадо, угодил в змеиную нору и очутился в подземелье. Там в подземелье лежала, словно кряж, змея. Она была вождем змей. Все лето пастух волею судьбы провел в подземелье. Когда настала осень, здесь начали собираться змеи. Здесь же у выхода лежал большой камень. Вползая в нору, все змеи облизывали камень.

«Ну,— подумал пастух,— дай-ка я тоже лизну его». Как только он дотронулся до камня языком, так пастуху не захотелось ни пить, ни есть. Пастух, облизнув змеиный камень, вдруг начал понимать и змеиный язык. Жил пастух у змей и все понимал, о чем они говорили между собой. Так он провел у них всю зиму. Настало лето. Подошло время змеям выйти на землю. Перед выходом змеиный вождь учил всех змей:

— На земле не трогайте ни скотину, ни людей!

Все змеи покинули нору и выползли на землю. А пастуха вождь змей не отпустил. Подошла и следующая осень. Змеи снова начали собираться в норе. Перед входом в нору все змеи облизывали камень. Разные змеи со своими вождями располагались по своим углам.

Пастух прожил у змей ровно три года, и за три года он выучил языки всех змей, птиц и зверей. Спустя три года вождь змей выпустил пастуха на волю и велел ему не говорить, что он понимает язык животных. В противном случае он умрет.

Опять пастух начал пасти скот. В полдень каждый раз свое стадо он пригонял на отдых к большому дубу. Вот однажды он пригнал скот к тому же дубу, а сам прилег под ним отдохнуть. На верхушку дуба прилетела ворона и говорит себе: «Ну и пастух! Двадцать пять лет пасет стадо, а до сих пор не знает, что под этим дубом в сорокаведерной бочке зарыто золото». Пастух под дубом только дремал, и поэтому все слова

вороны слышал. Пастух очнулся, отогнал стадо, затем выкопал из-под дуба сорокаведерную бочку с золотом.

Разбогател пастух. На эти деньги он построил себе новый дом, купил всякую скотину, а потом женился. Жена оказалась здоровой и толстой.

Однажды пастух запряг пару лошадей в тарантас и поехал с женой на базар. По дороге лошади начали между собой разговаривать. Пастух сидел и слушал, о чем они говорили.

— Только я,— говорит одна из них,— тяну тарантас, а ты вовсе не тянешь, тяни сильнее.

— Оглянись-ка назад,— говорит другая.— На твоей стороне какая женщина сидит, здоровая толстуха, а на моей стороне тоненький ее муж. Поэтому тебе кажется, что ты тянешь сильней меня.

Услышав разговор лошадей, мариец не выдержал и засмеялся. Жена, удивившись, спросила мужа:

— Почему ты смеешься?

— Просто так,— отвечает муж.

Жена заупрямилась, все хотела выведать, отчего смеялся ее муж.

Муж говорит:

— Вот на базаре купим калачей. Вернемся домой, накормлю скотину, а потом скажу, над чем я смеялся.

Муж и жена возвратились домой. Мариец дал калачей курам и собаке. Собака не стала есть, она горевала. Куры и петух стали клевать. А перед собакой калач так и лежал нетронутым. Петух, увидев, что собака не ест, спросил ее:

— Почему ты не ешь?

— Не хочется есть, так как наш хозяин скоро умрет,— говорит собака.

— Конечно, умрет, коль он на одну свою жену управы не находит. У меня вот есть двенадцать жен, и всех я держу в своих руках. У него только одна, и то не может с ней справиться. Ему нечего горевать: у него в клети висит двенадцатигранная плеть. Вот бы похлестал он этой плетью свою жену, поговаривая: «Будешь еще расспрашивать о том, чего нельзя спрашивать?»

Мариец стоял тут же и слышал разговор петуха с собакой. Тогда он взял в клети двенадцатигранную плеть и вошел к жене.

— Будешь еще меня расспрашивать?! — повторял он, хлеща ее.

И до тех пор хлестал он свою жену, пока она не сказала: «Ладно, больше не буду расспрашивать».

После этого муж и жена стали жить дружно.

СОНАРЗЕ ДА ТУДЫН КОК ПИЙЖЕ

Ожно лийын ик сонарзе марий. Тудын сонарыш коштмо кок пийже улмаш.

Икана сонарзе, кок пийжым налын, кожлаш каен. Миен шуыт кожла тӱрыш. Ончылнышт кугу лаке койылалта. Лаке йыр тул йӱла. Покшелныже кишке, нигуш пураш ӧрын, кия пӧрдалын. Кишке марийым ужын кодеш.

— Ой, марий, ломашым шуялте, мыйым утаре тышечын! — сӧрвала кишке.— Мыйым утарет гын, мый тылат тӱняште мо йылме уло, чыла тудым туныктем. Тый чыла янлык ден кайык йылмым умылаш тӱҥалат.

Сонарзе ломашым кычал муэш, шуен пышта лакыш. Кишке, ломаш дене нушкын, утлен лектын кая.

Кишкым азап деч утарымек, марий кок пийже дене кожлаште коштеш, кайыквусым лӱен налеш. Кас лиеш. Йӱдым эртарашлан сонарзе омашым ыштен ямдыла. Малаш пурен возыт.

Омашыш пурен вочмек, кок пий икте-весышт дене кутыраш тӱҥалыт. Пий-влакын мутланымыштым сонарзат умыла.

Ик пийже весыжлан ойла:

— Мый,— манеш,— мӧҥгӧ каем. Таче мый мӧҥгыштӧ ворым оролем. Тушко вор толеш. А тый тыште оза дене код. Оза деке Ия толеш.

— Йӧра,— манеш вес пийже.

Вара кая пий мӧҥгыжӧ, корныштo вашкен кудалеш. Толын пура. Оза куваже кочкаш пешкыде кинде падырашым веле пуа. Пий кочкынат огеш керт. Оза кува тудым салмавондо дене кырен луктын колта.

Пий сурт оролаш кодеш. Каслан нунын дек вор толын лектеш. Пий вича шеҥгелне эре оптышт кудалыштын мӧҥгеш-оньыш. Пий улмылан вор пураш тоштын огыл.

Пычкемыш йӱд эрта, эр шуэш. Пий, пӧртым вор деч оролымек, уэш чодырашке кудалеш. Озаж дек миен шуэшат, кок пий адак мутланат.

— Вара озам оролышыч? — манын йодеш оза вате деч толшо пийже.

— Оролышым,— манеш тудыжо.— Оза дек Ия тольо, да мый тудым пеш вурсышым. «Умшат гыч пурен, шеҥгекет лектам, шеҥгечет пурен, умшашкет лектам», манын вурсышым. Ия лӱдын кайыш.

— Вара тый мӧҥгӧ сай мийышыч?

— Мийышым,— манеш оза вате дек коштшо пий.

— Кочкаш пукшыш вара оза куват?

— Пешкыде кинде падырашым пуыш да тудымат кочкын шым керт. Салмавондо дене поктен лукто. Кастене пӧрт деке вор тольо. Йӱдым эртак вича шеҥгелне ворым вурсен коштым. Вор толаш ыш тошт пӧртна дек.

Тыге кутырен улыт кок пий. Озаже воктенышт колышт киен.

Эрдене кынелыт, кочкыт-йӱыт. Адак кожлаште кечыгут коштыт. Кас шуэш. Вара мӧҥгӧ толыт. Мийымыштлан оза куваже мончаш олтен ямдылен.

— Теҥгече пий тольо? — йодеш сонарзе куваж деч.

— Тольо,— манеш куваже.

— Кочкаш пукшышыч?

— Пукшышым: пушкыдо киндым шӧреш чыкен пуышым,— манеш куваже.

— Могай пушкыдо киндым пуэнат?! Мом ондалет! — манеш марийже.— Ноен толынат, пешкыде кинде падыраш пуыметымат кочкын кертын огыл. Эше тудым тый салмавондо дене кырен луктын колтенат. Ту йӱдым вича шеҥгеке вор толын. Пий ок тол ыле гын, эше вор пура ыле. Йӧра эше пий пӧртым йӱдвошт оролен, ворым пуртен огыл. Вор мӧҥгеш каен,— манешат, сонарзе мариет куважлан пыртак шокшым пуртен налеш.

Йомак — умбак, мый — тембак.

ОХОТНИК И ДВЕ ЕГО СОБАКИ

Раньше был один охотник мариец. У него были две охотничьи собаки. Однажды охотник с двумя собаками отправился на охоту в лес. Дошли они до опушки леса. Перед ними показалась глубокая яма. Вокруг той ямы горел огонь. А в середине ямы, не зная что делать, вертелась змея. Она увидела марийца.

— Ой, мариец, протяни жердочку, вызволи меня отсюда! — взмолилась змея.— Коли спасешь меня,

научу тебя понимать все языки, какие только на белом свете существуют. Ты начнешь понимать языки всех животных и птиц.

Охотник разыскал жердочку, спустил в яму. По ней змея выползла из ямы и спаслась.

Освободив змею от беды, мариец с двумя собаками походил по лесу, пострелял птиц. Наступил вечер. Чтобы переночевать, охотник построил шалаш. Легли спать.

Устроившись на ночлег в шалаше, две собаки начали разговаривать между собой. Охотник их разговор понимал.

Одна собака говорит другой:

— Я,— говорит,— побегу домой. Сегодня буду охранять дом от вора, туда придет вор. А ты останься здесь с хозяином. К нему придет черт.

— Хорошо,— говорит другая собака.

Потом собака побежала домой, по дороге спешила. Прибежала домой. Хозяйка подала ей только кусок черствого хлеба. Собака не смогла даже съесть его. Хозяйка её выгнала, ударив сковородником.

Собака осталась сторожить дом. Вечером к ним пришел вор. Она все время бегала и лаяла перед хлевом. Из-за собаки вор не посмел ограбить дом.

Темная ночь прошла, наступило утро. Оградив дом от вора, собака опять побежала в лес. Прибежала к хозяину. Две собаки опять начали разговаривать между собой:

— Ну, как охраняла ты хозяина? — спрашивает собака, пришедшая от хозяйки.

— Да, охраняла,— говорит.— Пришел к хозяину черт, я его сильно обругала. «Войдя через твой рот, выйду через твой желудок, войдя через твой желудок, изо рта твоего выйду»,— так я его ругала. Черт, испугавшись, ушел. А ты-то как сбегала домой?

— Сбегала,— говорит собака, побывавшая у хозяйки.

— Накормила ли тебя хозяйка?

— Подала она мне кусок черствого хлеба, да и то я не смогла его съесть. Выгнала меня, ударив сковородником. Вечером к дому пробрался вор. Всю ночь я вокруг бегала и ругала вора. Вор не посмел приблизиться к нашему дому.

Так разговаривали собаки друг с другом. Хозяин лежал тут же рядом и всё слышал и понимал.

Утром встали, поели-попили. Опять весь день про-

ходили по лесу. Настал вечер. Они возвратились домой. К их приходу хозяйка приготовила баню.

— Вчера у тебя собака была? — спрашивает охотник у своей жены.

— Приходила,— говорит жена.

— Накормила её?

— Накормила: свежий хлеб в молоке подала,— говорит жена.

— Какой свежий хлеб дала?! Чего обманываешь?! — говорит ей муж.— Пришла собака уставшая. А ты подала ей кусок черствого хлеба, и она не смогла даже его съесть. Да еще ты ее выгнала, ударив сковородником. В ту ночь к хлеву приходил вор. Если б не было собаки, вор проник бы в дом. Хорошо, что собака всю ночь сторожила дом, не пускала вора! — сказав так, охотник проучил свою жену, научил уму-разуму.

Сказка — прочь, а я — тут.

ИВАН ЦАРЕВИЧ ДЕН КИДДЫМЕ ЎДЫР

Кугыжан эрге ден ўдыржӧ улмаш. Кугыжалан колаш жап шуэш. Ўдыр ден эргыжым ўжешат, ойла: «Вот, эргым, шўжаретым ават семынак ончо, а тый, ўдырем, изатым ачат семынак ончо,— манеш.— Коктын ваш-ваш келшыза!»

Кугыжа пеш шуко ок иле, колен колта. Коктын илат нуно. Иван-царевич эре смотрыш коштеш, а шўжарже мӧнгыштӧ эре ила. Иван-царевичлан ўдыр налаш жап шуын.

— Шўжарем, ўдырым налам мо? — манеш.

— Шке шинчет,— манеш тудыжо.

— Налам докан,— манеш.

Каен ик генерал деке ўдыр ончаш. Келшен огыл. Каен полковник деке, тудын ўдыр келшен тудлан.

— Но, полковник,— манеш,— мый тыйын ўдыретым налнем вет.

— Мый пуаш пуэм,— манеш полковник,— но шыдырак.

Нуно сӧрасеныт, сўаным ыштеныт, ик арня годым коктын ваш-ваш йўын-кочкыныт. Кумытын илат. Шўжарже ден изаже коктын моткоч келшат. Иван-царевичын ватылан сай ок чуч.

— Мо,— манеш,— Иван-царевич, пеш келшеда те? — ватыже ойла.

— Ачий каласен коден шӱжарым авий семынак ончаш, вот келшем. А шӱжаремлан каласен коден мыйым ачий семынак ончаш.

Иван-царевич кая смотрышко, ала-мыняр коштеш. Тудын кайыме шеҥгечын ватыже уло чывым чыла шӱшкыл пытара. Иван-царевич толын шуэш, ватыже налаш куржын лектеш.

— Иван-царевич, шӱжаретлан пеш ӱшанет, уло чыветым чыла шӱшкыл пытарен, иктымат коден огыл,— манеш.

— Тиде ачийын поянлыкше, ме шкаланна шке погена,— манеш, шӱжаржылан ок сыре.

Вескана адак кая смотрыш, кайыме шеҥгеч уло лудым чыла шӱшкыл пытара ватыже, иктымат ок кодо. Иван-царевич адак смотр гыч толеш, ватыже куржын лектеш.

— Вот, Иван-царевич, шӱжаретлан пеш ӱшанет тый, уло лудым чыла шӱшкыл пытарен, иктымат коден огыл,— манеш.

— Ачийын поянлыкше, ме шканна шке погена,— манеш. Шӱжаржылан адакат ок сыре.

Иван-царевич адак смотрыш кая. Тудын кайыме шеҥгеч уло комбым чыла шӱшкыл пытара ватыже, иктымат ок кодо. Иван-царевич адак смотр гыч толын шуэш, ватыже адак налаш лектеш.

— Вот, Иван-царевич, шӱжаретлан пеш ӱшанет, комбым иктымат коден огыл,— манеш.

— А тудо ачийын поянлыкше,— манеш, эре тугак ойла. Шӱжаржылан адак ок сыре.

Иван-царевич ынде ятырак мӧҥгыштыжӧ ила. Шӱжарже дене коктын эре келшат, огыт сыре.

Иван-царевич адак смотрыш кая. Қайымыж шеҥгеч ватыже еҥым конда, шорык шӱшкылшым, уло шорыкым шӱшкылыкта, иктымат ок кодо. Адак Иван-царевич смотр гыч толын шуэш. Ватыже налаш куржын лектеш.

— Иван-царевич, шӱжаретлан пеш ӱшанет, уло шорыкым чыла шӱшкыл пытарен, иктымат коден огыл,— манеш.

— Тудо ачийын поянлыкше,— манеш. Адак шӱжаржылан ок сыре.

Адак ала-мыняр ила шке деныже, адак смотрышко кая Иван-царевич. Тудын кайыме шеҥгеч ватыже кок еҥым конда, уло ушкалым чыла шӱшкылыкта, иктымат ок кодо. Иван-царевич адак толын шуэш, ватыже налаш куржын лектеш.

— Вот, Иван-царевич, шӱжаретлан пеш ӱшанет ыле, уло ушкалым шӱшкыл пытарен,— манеш.

— Ачийын поянлыкше, ме шканна шке погена,— манеш. Шӱжаржылан адак ок сыре.

Ала-мыняр ила шке деныже Иван-царевич, адак смотрышко кая. Тудын кайыме шеҥгеч адак кум еҥым конден, уло имньым чыла шӱшкыл пытарен. Иван-царевич смотр гыч толын шуэш, ватыже налаш куржын лектеш.

— Вот, Иван-царевич, шӱжаретлан пеш ӱшанет ыле, уло имньым шӱшкыл пытарен, иктымат коден огыл,— манеш.

— Ачийын поянлыкше, ме шканна шке погена,— манеш. Адак шӱжаржылан ок сыре.

Ынде Иван-царевич мӧҥыштыжӧ ятыр ила, ватыжын аза ыштымыжым пеш вуча. Ватыже азам ыштен, эргым. Тудо азам кумытынат пеш ончат, пешак йӧратат. Иван-царевич адак кая смотрышко. Иван-царевич кайыме шеҥгеч ватыже эрге азам пуштеш. Тудо тунар ынде шӱжаржылан сырен, эрге азажымат чаманен огыл. Иван-царевич смотр гыч толын шуэш. Ватыже, шортын-шортын, налаш куржын лектеш.

— Вот, Иван-царевич, шӱжаретлан пеш ӱшанет ыле, мемнан Микалетым пуштынат тудо,— манеш.

— Но тиде мыйын поянлык ынде! — манеш. Шӱжаржылан ынде кудывечыштак сырен кудалта. Иван-царевич пӧртышкӧ пура. «Шӱжарем, Микалым молан пуштынат тый?» — манеш. Шӱжарже ик мутымат ок пелеште.

Ватыже ойла Иван-царевичлан: «Шӱжаретым руэмышке наҥгай, кок кидшым когынек руал колто»,— манеш. Иван-царевич шӱжаржым руэмыш наҥгая, товарым налын, пундыш ӱмбак пыштен, кок кидшым когынек руалеш. Иван-царевич шӱжаржым огешат ончал, каен колта. А тиде шӱжарже шортын-шортын кая. «Мом ыштем ынде, нимом ыштен ом керт, кид уке»,— манеш.

Тудо, каен-каен, ик олашке верештын. Садышке толашен-толашен пура, а мӱшкыржӧ пешак шужен. Толашен-толашен, ик олмам камвозыктен кочкын колта. Тудо садше купечын улмаш. Купеч эрге куржын толын садышке. Олмам шотла — ик олма уке! Ачаж дек куржын мия купеч эрге.

— Ачий, ик олмана йомын! — манеш.

— А кӧ налын? — манеш ачаже.

— Тушто ик киддыме ӱдыр шога,— манеш.

— Кондо тудым, ала чывылан мойн варен кертеш,— манеш.

А ӱдыр пеш чевер. Купечын эргыже садышке кая, тудо ӱдыр дечын йодеш:

— Тый ик олмам кочкынат мо?

— Мый иктым кочкынам,— манеш ӱдыр.

— Айда мемнан деке, ачий каласен, ала чывылан варен кертат,— манеш.

— Кайышаш уке гын,— манеш тиде ӱдыр.

Ынде тудо ӱдыр кӱштымӧ сомылым ыштылеш: чывылан, лудылан, комбылан вара, ушкаллан пуа кокла гычын.

Купеч эргын ӱдыр налаш ийгот шуын. Ачаже эргыж дечын йодеш:

— Мый ӱдырым налын пуынем вет,— манеш.

— Ачий, кушто налына уке гын? — манеш.

— Тугай купеч дек миен тол-ян, йӧра уке? — манеш.

Купеч деке кая, миен шуэш, ӱдырым онча. Тудо ӱдырет тудлан ок келше. «Мыланем ок йӧрӧ»,— манеш семынже. Ачаж дек толын шуэш.

— Но, ӱдырет йӧра мо?

— Мыланем ок йӧрӧ,— манеш.

Ик вере колта — ок йӧрӧ, вес вере колта — ӱдыр эре ок йӧрӧ.

— Тый, эргым, ӱдырым кычалтылат пеш,— манеш.

Иван ачажлан каласаш вожылеш.

— Ачий, мый тиде киддыме ӱдыретым налам,— манеш,— а молым ом нал.

— Пашам ыштен ок керт вет.

— Мӧҥгыштӧ ила, мый ынде кушкын шуынам, ял воктене торгаяш тӱҥалам, кузе-гынат тудым пукшем,— манеш.

— Но, Иван, шке шинчет уке гын,— манеш ачаже.

— Сомылым пеш ышта, тидымак налза,— манын, купечын ватыже ойла.

Вот купеч ынде унам погаш тӱҥалеш, ӱдыр шке денжак, менчаят да сӱанетым ыштат.

Ала-мыняр иленыт нуно, ала ик тылзым, а купечын ик магазин веле сатужо. «Но, ачий, мый ынде ял воктен торгаяш каем, сатуэтым оптен,— манеш.— Ачий, пу кидетым, тыйын пиалет дене каем»,— манеш.

Ачаж пиал дене кая. Иван торгаен коштеш-коштеш, парым веле. Мӧнгӧ толеш. «Ачий, пиалет уке

тыйын, парым пеш кугу лийын,— манеш.— Ну ынде авийын пиал дене каем, кидетым пу!» — манеш.

Аваж пиал дене кая. Иван торгаен коштеш-коштеш, адакат парым пеш кугу. Мӧҥгыш толеш адак. «Авий, пиалет уке, парым пеш кугу лийын»,— манеш. «Ну, ынде каем шке пиалем дене»,— манеш.

Адак ял воктене кая. Вот торгаен коштеш, сатумат ужален пытара, парымат, парышат уке, шке акет веле лектын. «Но, ынде, ватем, тыйын пиалет дене каем, кидетым-токмакетым пу»,— манеш.

Ватыже кидшым пуа. Ватыж пиал дене каен колта. Вот торгая, тудын сату пеш кая, тыманмешке ужален пытара. Парыш пеш кугун кодын ынде. Мӧҥгӧ толеш. «Но, вате, пиалет пеш кугу тыйын. Оксалан окса кодын. Но, вате, адак каем, кидетым пу, пиалет дене». Адак оксалан окса кодеш. Мӧҥгыжӧ толеш адак, ватыже пиал дене коштын-коштын, кок магазиным шында.

— Ачий,— манеш адак,— тый шоҥго отыл. Мый ик магазин сатум наҥгаем вес олашке, а тый тыште торгае,— манеш.

— Кай уке гын,— манеш,— ватетым наҥгает мо?

— Ватем кодеш, тудо мӱшкыран, авий шке семынже аза ышташ полша,— манеш.

Иван опта ынде сатум ала-мыняр возым да кая вес олашке. Лачак тудо кугыжан олашке верештеш. А магазиным кугыжа илыме олашак ышта. Иван торгая, калык шыҥа-ӱвырала веле коштеш, пеш кугу парыш. Латкок приказчикым тарлен, пел ий наре торгаен, кум магазинже лийын.

Иванын ватыже мӧҥгыштӧ азам ыштен, эргым, моткоч чевер! «Иван, ватет азам ыштен, тол ужаш»,— письмам ачаже серен колта. Тудо письмам еҥгаже руалтен. Еҥгаже тӱрлӧ кӱлеш-оккӱлым серен колта ачажлан: «Мыланем тиде вате ок кӱл, поктен колтыза, пӧртыштӧ ида шогыкто»,— манын. «А молан тыге ойла гын,— манеш ынде ачаже,— пеш йӧратен налыныс. Кызыт поктен лукташ каласа». Ачаже адак письмам воза эргыж деке: «Молан, эргым, тыге сыренат ватетлан ынде?» Тудын азаже эре кушкеш, эре сайлана веле. Саде письмам адак еҥгаже руалтен, а Иван шимом ок шинче. Еҥгаже адак серен колта мӧҥгыжӧ ачаж деке: «Тиде вате мыланем ок кӱл, азажым тупеныже кылдыза, кеч-кушко кайыже, пӧрт гыч колтыза, ок кӱл». Ну купеч ойла: «Молан эргым тыге пужлен

гын,— манеш ынде,— молан торгаяш колтышым?» Купечшат да ватыжат пеш чаманеныт ынде.

— Но, шешкым,— манеш,— эргым тыйым покта вет, азамат пешак йӧратена, тыйымат пешак йӧратена, азатге поктен колташ каласа,— манеш.

— Мый вет азам нумал каен ом керт,— манеш шешкыже.

— Иван пота дене пидын колташ каласен.

Шортын-шортын, ынде пидыт, шешкыжым чаманат, азажымат чаманат. «Но, шешкым, чеверын, сайын кошт ынде»,— маныт. Шешкыже лектын кая.

Каен-каен, ик корем деке шуэш. Йӱмыжӧ пешак шуын тудын. Тудо коремышке йӱаш пӱгырна — азат вӱдышкӧ пурен кая. Вот шортын шога. А ик шоҥго вес могырышто шога:

— Азат колен огыл,— манеш,— эше кидетым чыке, кузе-гынат лук.

— Кидемже уке, кузе чыкем! — манеш.

— Чыке-чыке, лук кузе-гынат азатым, колен огыл! — манеш.

Вот кидшым чыка ынде тудо, эре чыка, аза дек шумеш кидшым чыкен, кидше тыгаяк кушкын шинчеш, азам луктеш. Кидше тошто кидше гаяк лийын. Кок котомкам сакен, кидеш азам налын да кӱчызӧ лийын.

Каен-каен, шке олашкыже шуэш, тушто изаже, туштак марийже. Кас шуын, изаж деч пачерлан пурташ йодеш:

— Кӱчызым малаш пуртыза! — манеш ынде.

— Тушто пуртат, тушко кае,— манеш изаже. А тудо коштеш-коштеш да адак изаж декак мия, иктат пуртышо уке.

— Мыланем вер шуко ок кӱл, азам веле уло! — манеш.

— Но, уке гын пуро, шеҥгел пӧртыштӧ шкетын азат дене малет.

Аза ынде кудалышташ тӱҥалын. Вот кас шуын ынде, нуно кумытын толыт тудын деке, Иван-царевич онча тудым. «Мо пеш шӱжарем гай веле тӱсшӧ,— манеш,— адак кидше уло,— манеш.— Тудын кидше уке ыле, токмак ыле». Марийже онча. «Йӧршеш мыйын ватем гай веле, адак кидше уло! — манеш тудат.— Мыйын киддыме ыле»,— манеш. Вот кугыжан эрге туддечын йодеш:

— Вот тыгай йодышт коштшо йомакым пеш шинча вет, ме йомакым пеш йӧратена, лӱмын колышташ

толна. Ала йомакым моштет тый? — манеш Иван-царевич.

— Мошташ моштем,— манеш,— ала сыреда те? — манеш.

— Она сыре! — манын чыланат.

— Ида сыре, сыреда гын, ом колто! — манеш.

Ынде вот тӱҥалын йомак колташ:

— Ожно кугыжан ӱдыр ден эрге иленыт. Ачажын колаш жап шуын. «Но, эргым, мый колаш вашке шуам ынде,— манеш,— шӱжаретым ават семын ончо, а тый, ӱдырем, изатым ачат семын ончо»,— манын коден. Илен-илен, кугыжан эргын ӱдырым налаш ийгот шуын. «Шӱжарем, ӱдырым налам мо?» — манеш. «Шке шинчет»,— манеш шӱжарже. Изаже ӱдыр ончаш генерал дек каен колта, ӱдыр йӧрен огыл, вара полковник дек каен, полковник ӱдырым налын. Но нуно кумытын илат, манеш, пеш сайын. Шӱжарже ден изаже моткоч сайын келшат, манеш. Вара изаже каен смотрышко. Смотрышко кайыме шеҥгеч тудын ватыже ул чывым пуштын пытарен. Смотр гыч изаже толеш, манеш, ватыже налаш куржын лектеш. «Шӱжаретлан пеш ӱшанет,— манеш,— ул чывым чыла шӱшкыл пытарен, иктымат коден огыл»,— манеш. «Тиде ачийын поянлыкше, ме шканна шке погена»,— манеш, шӱжаржылан ок сыре. Адак смотрыш кайыме шеҥгеч лудым, комбым, ик еҥым конден, шорыкым, кок еҥым конден, ушкалым, кум еҥым конден, имньым шӱшкылын пытарен. Марийже смотр гыч толмек, ватыже шӱжаржылан йолам ыштен эре ойла, а тудо эре манын: «Ачийын поянлыкше. Ме шканна шке погена». Вара нунын аза шочын, вара тугак смотрыш кайыме шеҥгеч ватыже шке азажым шке пуштын, адак шӱжаржылан йолам ыштен. Вара тудлан изаже сырен: «Тиде ынде мемнан поянлык»,— манын. Вот ынде еҥгаже ойла: «Шӱжаретым наҥгай руэмышке, кок кидшым руал колто»,— манын. Изаже шӱжаржым вӱден кая руэмышке, кок кидшым пышта омарта ваке да руал колта.

— Руалынам шол! — манеш ынде изаже.

— А сыреда гын, ом колто вет,— манеш,— йомакетым.

Марийже ойла:

— Колтыжо-колтыжо, йомак пеш сай,— манеш.

Тиде йомакым моткоч колыштыт.

— Вара изаже, манеш, шӱжаржым ончалынат огыл, савырнен да каен руэм гычын. Шӱжарже вара

шортын-шортын каен. Каен-каен, ик олашке верештын. Толашен-толашен, пурен ик садышке. Мӱшкыржӧ пеш шужен тудын, толашен, ик олмам кузе-гынат возен, тудо олмам кочкын. Тудо сад купечын улмаш, манеш. Купеч эрге куржын толын шуын, олмам шотлен, ик олма уке. Купеч эрге ачаж деке куржын мия ынде: «Ачий, ик олмана йомын вет»,— манеш. «Кӧ кочкын?» — манеш купеч. «Киддыме ӱдыр шога»,— манеш. Купеч эргыжлан каласа: «Тудо ӱдырым тыш кондо, кеч чывылан варен пукша»,— манеш. Купеч эрге саде ӱдырым конда шке декше. Тудо киддыме ӱдыр чывылан вара, комбылан вара. Купеч эргын ӱдыр налаш ийгот шуын. «Ачий, кушто ӱдырым налына?» — манеш ынде. «Тудо купеч дек миен тол»,— манын ачаже ойла. Купеч эрге миен, ӱдыр ок келше. Ик вере ок келше, вес вере ок келше, ачажлан каласаш вожылын. «Ачий,— манын,— мый тиде киддыме ӱдырым налам»,— манын ойла, манеш. «Ой, Иван, пашам ыштен ок керт вет»,— манын ойла ачаже, манеш. «А мый молым дык ом нал»,— манын ойла Иванет, манеш. Купеч уна-шамычым поген, Иван саде ӱдырым менчаен, сӱаным ыштен да тиде ӱдырым налын, манеш.

— Налынам шол! — манеш. Адак сырен тудыжат.

— Сыреда гын, ом колто вет,— манеш,— йомакдам.

— Колтыжо-колтыжо, йомак сай,— манеш изаже.

— Вара купеч эрге ял воктен торгаен кошташ тӱҥалын. Ачаж пиал дене каен — кугу парымыш пура, аваж пиал дене каен — кугу парымыш пура, шке пиалже дене каен — парымат, парышат уке. Ватыж пиал дене кая ынде — оксалан оксам конда, пеш кугу парыш. Коштын-коштын ватыже пиал дене, ик магазиным шынден, манеш. Тудо магазин сатум оптен да вес олаш торгаяш каен, ачажым мӧҥгыштӧ торгаяш коден. Ачаже ойла, манеш: «Вара шкет кает мо? Ватетым от наҥгае мо?» — «Ватем мӱшкыран,— манеш, манеш,— шке семынже шке азам ышта»,— манеш, манеш.

Иван каен колтен вес олашке сатуж дене. Тудо олаште Иванын шыҥа-ӱвыра веле калык шога, кум магазиным ватыж пиал дене шынден. Тудын шеҥгечше ватыже азам ыштен, манеш. Ачаже Иван деке письмам колта, манеш, а тудын кидышке письма ок пуро, манеш, тудын еҥгаж кидыш пура, манеш. Еҥгаже сыра, «Тудым поктен лукса, пӧртыштат ида

шогыкто, мыланем ок кӱл» манын, возен колта. Купеч тудо письмам лудеш, манеш. «Молан эргым пуҗлен, тудо пеш йӧратен налын»,— манеш. Вес гана адак серен колта, манеш, Иван деке ачаже, адакат еҥгаже налеш, манеш. Еҥгаже серен колта: «Азажым тупешыже пота дене пидса, пӧрт гыч поктен колтыза,— манын. Азам шортын-шортын пидыныт тудлан. Купеч каласа шешкыжлан: «Шешкем, чеверын, сайын кошт!» Шешкыже каен-каен, ик коремыш верештын, йӱмыжӧ пеш шуын, манеш. Йӱаш пӱгырнен, азаже вӱдыш пурен каен. Тудо азам налаш толаша, кидшым чыка-чыка... Кидемат тыге чыкенам-чыкенам, кидем лийын ынде, азамат мыйынак ынде тиде. Изай — тый улат, мариемже — тый улат,— манеш.

Марийже азам содор руалтен налын, пеш йӧратен.

— Тиде ватетым имне почеш кылде да ола мучко кудалыштыкте, шке азажым шке пуштын,— манеш.

Изаже тугак ыштен ватыжым. Вара сайын илаш тӱҥалыныт нуно.

Йомак — умбак, шке — тембак.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И БЕЗРУЧКА

У царя были сын с дочкой. Вот пришло время умирать царю. Позвал он детей и говорит: «Ухаживай за сестрой, как за матерью, а ты дочка за братом ухаживай, как за своим отцом». После этого царь недолго жил, умер.

Остались брат и сестра вдвоем. Иван-царевич все время ездил на смотры, а сестра сидела дома. Подоспело время жениться Ивану-царевичу.

— Сестрица, а не жениться ли мне?

— Сам знаешь,— говорит она.

Поехал смотреть невесту к генералу. Не понравилась генералова дочь. Поехал к полковнику. И понравилась ему дочь полковника.

— Ну, полковник, я ведь думаю жениться на твоей дочери. Не отдашь ли?

— Выдать-то выдам, но у меня она немного злая.

Жених и невеста обручились, на свадьбе пировали целую неделю. Живут теперь втроем. Брат и сестра очень любят друг друга, а жене это не по сердцу.

— Что это,— говорит она,— вы так друг друга уважаете?

— Отец завещал мне на сестренку смотреть, как

на мать. Вот я и помню его слова. И сестренке завещал ухаживать за мной, как за отцом.

Вот как-то поехал Иван-царевич на смотр, а во время его отсутствия жена прирезала всех кур. Приезжает Иван-царевич, жена выбегает к нему навстречу и говорит:

— Ты очень доверял сестренке, а она зарезала всех кур, ни одной не оставила.

— Это отцовское богатство, а мы сами себе соберем,— отвечает он и на сестренку нисколько не сердится.

В другой раз опять он уехал на смотр. А жена прирезала всех уток, ни одной не оставила. Возвращается Иван-царевич со смотра. Навстречу ему выбегает жена и ябедничает:

— Вот, Иван-царевич, ты доверял своей сестре, а она прирезала уток, всех до единой.

— Это отцовское богатство. Мы сами себе накопим,— отвечает он и на сестру не сердится.

Иван-царевич опять поехал на смотр. На этот раз жена всех гусей прирезала. Возвратился Иван-царевич, а она опять ему:

— Вот, Иван-царевич, очень уж ты доверял сестре. Она ни одного гуся не оставила, всех прирезала.

— Это отцовское богатство,— не сердится Иван-царевич на свою сестру. Он на этот раз долго живет дома. Дружит со своей сестрой, не ссорятся.

Иван-царевич опять едет на смотр. Жена привела мясника с бойни, заставила зарезать всех овец. Ни одной не оставила. Опять Иван-царевич возвращается со смотра. Жена выбегает встречать:

— Иван-царевич, вот как ты сестре своей доверяешь, а она всех овец прирезала, ни одной не оставила!

— Это отцовское богатство,— опять не сердится он на сестру.

Прожив некоторое время дома, Иван-царевич опять отправился на смотр. А жена в это время привела двух мясников, и прирезали они всех коров. Иван-царевич приехал, а она выходит навстречу:

— Вот доверял сестре, а она всех коров прирезала.

— Это отцовское богатство, мы сами себе наживем,— отвечает он ей. Опять не сердится на сестру.

Пожив некоторое время дома, Иван-царевич опять уехал на смотр. А жена позвала трех мясников-коновалов, и прирезали они всех лошадей. Иван-царевич

возвращается со смотра, а жена выходит ему навстречу и говорит:

— Вот, Иван-царевич, ты доверял своей сестре, а она всех лошадей прирезала, ни одной не оставила!

— Это отцовское богатство, мы сами себе наживем,— и не сердится на сестру.

Теперь Иван-царевич живет дома, ждет, когда жена родит ребенка. Жена родила мальчика. Все трое ухаживают за ним, любят его. Иван-царевич опять едет на смотр. Во время отъезда жена убила своего мальчика. Настолько она была сердита на его сестру, что даже не пожалела своего ребенка. Приезжает Иван-царевич со смотра, а жена, плача, выбегает его встречать:

— Вот, Иван-царевич, очень уж доверял ты своей сестре. Нашего Николая она убила!

— Ну, теперь это мой капитал,— говорит. Рассердился на сестру еще во дворе. Заходит в избу: «Сестренка, зачем ты Николая убила?» А сестра ни одного слова не молвит. Жена советует Ивану-царевичу: «Уведи свою сестру в лес на делянку, отруби ей обе руки». Вот Иван-царевич берет топор, ведет сестру на делянку в лес, кладет ее руки на пень и отрубает. Иван-царевич даже не обернулся к ней, сразу ушел.

А сестра идет и плачет: «Что я буду делать теперь безрукая?»

Шла, шла она, дошла до одного города, с большим трудом забралась в яблоневый сад, очень проголодалась. Кое-как сбила одно яблоко и съела. А этот сад принадлежал одному купцу. Прибежал в сад купеческий сын, сосчитал яблоки, одного не хватает. Прибегает к отцу:

— Отец, у нас одного яблока не хватает!

— А кто же взял? — спрашивает отец.

— Там стоит безрукая девушка.

— Приведи её сюда, может быть, курам корм месить пригодится.

А девушка очень красива. Купеческий сын идет опять в сад, спрашивает девушку:

— Ты съела одно яблоко?

— Да, я съела одно яблоко, была очень голодна,— отвечает девушка.

— Может, будешь жить у нас да курам месить корм? Идем к нам, отец просил тебя.

— Придется идти, коли так.

Эту девушку держат у себя. А она, как может, потихоньку все дела делает. Месит курам, уткам, гусям. Между делом покормит и коров.

Купеческому сыну пришло время женитьбы. Отец говорит сыну:

— Пора тебе жениться!

— Отец, где же мы найдем невесту?

— Сходи-ка к такому-то купцу, посмотри на его дочь, понравится или нет.

Идет к купцу. Приходит смотреть девушку. Не понравилась она ему. Приходит к отцу.

— Ну как, девушка подходящая или нет?

— Мне не нравится,— отвечает сын.

Посылает отец в другое место — опять не годится. Посылает в третье место — тоже не нравится.

— Ты, сыночек, очень уж разборчив! — говорит купец.

А Иван все стесняется высказать свое желание. Наконец, говорит:

— Отец, я женюсь на этой девушке-безручке, а другой мне не надо.

— Она же ничего не может делать.

— Ничего, она будет жить дома. Я теперь уже взрослый, будем ездить по деревням, торговать, как-нибудь я ее прокормлю.

— Ну, Иван, поступай, как сам знаешь.

— Работящая она, женись на ней же,— говорит и купчиха.

Собрал купец гостей, сыграли свадьбу.

Некоторое время прожили вместе, может, один месяц, а у купца только один магазин товаров.

— Ну, отец, теперь поеду по деревням торговать,— говорит Иван.— Давай руку, отец, поеду на твое счастье торговать.

Едет испытывать отцовское счастье. Ездил-ездил, от торговли получил только убыток. Приезжает домой.

— Отец, нет у тебя счастья, получил лишь убыток. Теперь, мамаша, поеду на твое счастье торговать, дай руку.

Едет испытывать материнское счастье. Ездил-ездил, опять с большим убытком приехал. Приезжает домой.

— Ну, мама, у тебя тоже нет счастья. Теперь поеду на свое счастье торговать.

Торговал-торговал, все товары распродал: ни убытка, ни прибыли. Вышла только своя цена.

— Ну, теперь, жена, поеду на твое счастье торговать. Дай руку — культю свою,— говорит муж.

Жена дает культю, и поехал он на счастье жены торговать. Вот он торгует, товар очень быстро идет. Сразу распродал товар, выручил двойные деньги, большой барыш получил. Приезжает домой:

— Ну, жена, большое у тебя счастье! Выручка в два раза, опять поеду на твое счастье торговать.

Опять выручка двойная. Едет домой. Так на счастье жены нажил он два магазина. Говорит отцу:

— Ты еще не стар, я повезу товары в другой город, а ты поторгуй здесь, в этом магазине.

— Поезжай! И жену повезешь? — спрашивает сына.

— Жена останется: она беременна. Мать поможет ей родить.

Иван сложил теперь много возов товару, уехал в другой город. Попал он в тот самый город, где жил тот царь, брат жены. Около царского дома построил магазин. Иван торгует, а народ ходит к нему, словно мошкара гудит. Очень большой барыш. Нанял двенадцать приказчиков. Поторговал с полгода, построил три магазина.

А его жена родила мальчика, здорового, красивого. «Иван, твоя жена родила ребенка. Приезжай повидаться»,— пишет письмо отец. А это письмо перехватила невестка, которая и раньше клеветала на сестру Ивана-царевича. Пишет в ответ: «Мне больше такая жена не нужна, выгоните её, не оставляйте её дома».

«Ах, почему он так пишет? Ведь он женился на ней по любви, а теперь велит выгнать её из дома»,— думает отец.

Опять посылает письмо, спрашивая: «Зачем так сильно разгневался на жену? А ребенок твой растет и растет. Все больше и больше здоровеет». А Иван ничего не знает. Опять невестка перехватила письмо и шлет в ответ: «Эта жена мне не нужна, выгоните её! Пусть идет куда угодно, и ребенка к ней привяжите». Купец, получив это письмо, очень расстроился: «Ах, почему так испортился мой сын? Зачем я его послал торговать?!» Жалко стало своей снохи и купцу, и купчихе.

— Ну, сноха, сын наш тебя гонит. Хотя мы очень полюбили и тебя, и ребенка, но он велит вас выгнать.

— А как же я сына без рук понесу? — спрашивает сноха.

— Иван приказал привязать его кушаком.

Вот они привязали к ней ребенка, плачут, жалко им и снохи, и внука. «Ну, сноха, до свидания. Желаем счастья!» — говорят купец и купчиха. Сноха вышла и пошла.

Шла-шла, дошла до оврага, где протекала речка. Сильно ей захотелось пить. Нагнулась она, а ребенок и выпал в воду. Вот стоит она и плачет. Вдруг на другой стороне появился старик:

— Ребенок еще жив,— говорит он,— сунь руку, вынь его из воды!

— Рук-то у меня нет, как я суну?

— Как-нибудь попробуй! Он еще жив!

Вот она сует культи своих рук в воду до самого ребёнка. Тут у ней руки стали расти, стали как и прежде здоровыми. Она вынула ребёнка. Повесила две котомки, взяла ребёнка, стала нищенкой.

Шла-шла она, дошла, наконец, до того города, где её брат и муж живут. Настал вечер, просится к брату переночевать.

— Пустите нищенку переночевать!

А они отвечают:

— Иди туда, там пустят!

Она походила вокруг дома, опять пришла к брату.

— Никто не пускает. Мне места много не надо, только вот у меня ребенок.

— Ну, в таком случае заходи. В задней избе одна переспишь с ребенком.

А ребенок уже начал ползать. (В сказке ведь быстро делается.) Наступил вечер. Муж и брат идут к ней, а она совсем нищенка, одета плохо. Иван-царевич присматривается к ней и думает: «Что-то она на мою сестру похожа?» А потом засомневался: «Хотя у этой руки есть, а моя сестра была безрукой». Муж глядит и думает: «Точь-в-точь как моя жена. Нет, у моей жены не было рук, она же была безрукой». Царский сын спрашивает её:

— Вот такие нищие сказок много знают. Мы очень любим сказки, пришли к тебе слушать сказки. Может, ты нам расскажешь их? — говорит Иван-царевич.

— Рассказать-то расскажу, а вдруг вы рассердитесь?

— Нет, не будем сердиться! — говорят они.

— Чтобы никто не сердился. А будете сердиться — не буду рассказывать!

И начала она рассказывать сказку:

— Жил-был царь с дочкой и сыном. Пришло время умирать отцу. «Ну, сынок, сказал он,— скоро я умру, а ты за своей сестрой ухаживай, как за матерью. А ты, дочь, за братом ухаживай, как за отцом».

Жили-жили, царскому сыну подоспело время жениться. «Сестра, жениться что ли мне?» А сестра ответила: «Сам знаешь». Брату понравилась дочь полковника, и он женился на ней. Жили они втроем очень хорошо. Брат с сестрой друг друга любили. Однажды брат уехал на смотр, а в это время жена прирезала всех кур. Приехал брат со смотра, жена выбежала навстречу со словами: «Вот ты очень доверял сестре, а она прирезала всех кур. Не оставила ни одной». Он ответил: «Это отцовское богатство, мы сами для себя наживем». Не рассердился на сестру. После этого во время его отъездов жена прирезала уток, гусей. Привела одного мясника, зарезала овец. Привела двух мясников, прирезала коров. Привела трех коновалов, прирезали всех лошадей. Когда же каждый раз возвращался со смотра муж, она обвиняла сестру. Он же отвечал ей, что это, мол, не наше богатство, мы сами себе наживем. Потом у них родился ребенок, мать убила его, оклеветала сестру. За это брат разгневался на сестру: «Это уж наш капитал». А невестка уговорила его увести сестру на делянку леса, отрубить ей руки и отпустить на все четыре стороны. Брат так и сделал, и руки ей отрубил.

— Да, отрубил! — не стерпев от волнения, закричал брат.

— Если будете сердиться, я не буду рассказывать.

Муж говорит:

— Пусть рассказывает, сказка очень интересная.

Дальше слушают эту сказку.

— Отрубив ей руки, брат даже не посмотрел на нее, повернулся и ушел из лесу. Сестра ушла со слезами. Дошла до одного города. Забралась в какой-то сад. Сильно проголодалась, с большим трудом сбила одно яблоко и съела его. Этот сад оказался купеческим. Прибежал туда купеческий сын, доложил отцу, что у них пропало одно яблоко, купец спросил, кто мог съесть. Сын рассказал ему, что видел там девушку без рук. Купец велел сыну привести эту девушку,

чтобы она у них хотя бы кур кормила. Девушку привели. Она старалась работать, как могла, месила курам, уткам, гусям. А когда пришло время купеческому сыну жениться, он и спрашивает: «Папа, где мне найти девушку?» Отец предложил съездить к одному купцу посмотреть на его дочь, но та не понравилась ему. Съездил купеческий сын и в другие места. Там тоже не нашел, чего хотел, а сказать отцу он боялся. Наконец сознался: «Отец, я женюсь на этой безрукой девушке».— «Ой, Иван, она же не сможет работать»,— ответил отец. «А на другой я не женюсь»,— решил Иван. Созвал купец гостей, сыграли свадьбу. Иван женился на безрукой красивой девушке.

— Да, женился! — сказал Иван и рассердился.

— Если будете сердиться, то перестану рассказывать.

— Пусть рассказывает. Сказка очень интересная,— говорит её брат.

— Потом купеческий сын стал ездить с товаром по деревням. Едет на счастье отца, получает одни убытки. Едет на счастье матери — одни убытки. Едет на свое счастье — ни убытка, ни прибыли. Поехал на счастье жены — привез барыша два рубля на рубль. Ездил-ездил на счастье жены, построил большой магазин. Сложив товар из этого магазина, едет торговать в другой город, а отца оставляет в своем городе вместо себя. Отец его спрашивает: «Разве ты один поедешь, не возьмешь жену?» А Иван отвечает: «Жена беременна, пусть рожает дома, как может».

Иван уехал в другой город с товаром. У его магазина народу собирается — точно мошкара. На счастье жены он построил три магазина. А в это время его жена родила сына. Отец послал письмо, но оно не попало Ивану в руки. Невестка перехватила, вместо этого письма написала старику письмо, где говорилось, чтобы тот выгнал жену из дома навсегда. Прочел купец письмо, удивился: «Почему так испортился его сын, ведь он женился на ней по любви?» Опять написал Ивану ответное письмо. Опять его перехватила невестка и написала: «Привяжите ребенка кушаком, выгоните прочь из дома!» Со слезами на глазах привязали ребенка, пожелали счастья и доброго пути ей. Сноха шла-шла, дошла до оврага. Ее замучила жажда, наклонилась пить над рекой — ребенок упал в воду. Она старалась своими культями вытащить ребенка из воды, но руки ее все дальше и дальше по-

гружались в воду. И чем глубже погружались культи, тем быстрее стали расти, и ребенок этот теперь мой, а ты — мой брат, а ты — мой муж.

Муж живо схватил ребенка, очень полюбил его.

— Брат мой, возьми свою жену, привяжи ее к хвосту лошади, тащи по городу. Она сама убила своего ребенка.

Брат поступил с женой так, как сказала сестра. Потом они стали жить хорошо.

Сказка — прочь, а я — тут.

ПОЯН ЛАЗЫРЫН ЎДЫРЖӦ

Лазыр лўман ик поян еҥ улмаш. Тудын ик эргыже да путырак чапле ўдыржӧ — Қычыри — улмаш. Тудо тарзым кучен. Тарзыжым Лазыр пеш йӧратен илен, ўдыржӧ йӧршешат йӧратен огыл. Икана Лазыр тарзыжлан манеш: «Мый тыланет ўдырем марлан пуэм, таче кастене арака дене тол». Ўдыржӧ ачажын тыге ойлымыжым колын да каче арака дене толшаш каслан вес ялышке кокаж деке шылын кая. Қачымарий Лазыр деке арака дене толеш. Лазыр ўдыржым руалта — ўдыржӧ уке.

— Эргым, акат куш каен?

— Акай вес ялышке кокамыт дек каен.

— Тиде кўзӧ дене акатым шуралтен пушт да шўм-мокшыжым кондо,— манын, Лазыр эргыжлан кўзым нумалтен колта.

Эргыже вес ялыш акаж почеш кая. Миен шуэш. Акаже тўрым тўрлен шинча.

— Шольым, молан тольыч?

— Ачий мыйым тыйын шўм-мокшет деке колтыш: «Тиде кўзӧ дене акатым шуралтен пушт да шўм-мокшыжым нумал тол»,— мане.

Акаже кокажын пырысым шўшкылеш да пырыс шўм-мокшым шольыжлан нумалтен колта. «Тиде акайын шўм-мокшыжо манын пу»,— манеш.

Шольыжо ачажлан пырыс шўм-мокшым намиен пуа.

«Тудлан тугак кўлеш»,— манын ойла ачаже.

Акаже шылын кайымаш гычше вес вере шылын куржеш, ала почешем адак толыт манын. Миен пурен ала-могай тулык кува деке.

— Тыгай йўштыштӧ куш куржталат тыге?

— Мый тугай ял поян Лазырын ўдыржӧ улам. Ачий мыйым нужна тарзылан марлан пуынеже ыле, да

мый шылын куржынам шке дечын. Шӱм-мокшем луклеже ыле. Лӱдмем дене, йӱд гынат, тышке шылын куржын толынам,— манеш.

— Эй, ораде, шылын куржталман мо, ача куш пуа, тушко кайыман.

— Тудо тарзынаже акай лийшын эргыже,— манешат, ӱдыр тушечын шылын лектын куржеш. Лӱдмыж дене чодырашке куржеш. Эр ӱжаралан чодыра покшеке шуэш. Эрдене, волгыжмеке, онча: ончылныжо кум пачашан пӧрт шога. Тушко куржын пура. Тушто латкок разбойник-влак чайым йӱын шинчат.

— Мемнан ончыкынак икте толын пура, ужат,— манеш ик разбойникше, ӱдырым ужын да.— Толаш кайышашат уке,— манеш.

— Тиде ӱдырым ида тӱкале, мыланна страпка олмеш илыже,— манеш разбойник-влакын вуйлатышышт.— Кайымашеш, толмашеш кочкаш ямдылыже,— манеш.

Командирышт шӱдымеке, нуно огыт тӱкале тудо ӱдырым, ӱдыр тушто разбойник-влаклан пашам ышташ тӱҥалеш. Кочкаш пога, кодшо кочкышым комакаш шында. Вӱдлан каяш вургемым чиен шогалеш, кайышаш веле — окнашке юзо кува толынат шогалеш.

— Пураш лиеш мо? — манеш кува.

— Лиеш,— манеш ӱдыр.

Разбойник-влак деч кодшо кочкышым комака гычын луктын, юзо кувам кочкаш шында. Кува кочкынйӱын темешат, помыш гычше ош шовычым луктеш. «На, тиде шовыч пукшымо-йӱктыметлан тыланет. Вӱд дек кайымет годым пидын лекташет»,— манын, шовычым пуа. Шкеже лектын каен колта.

Ӱдыр куван пуымо шовычым пидын гына шукта, пу сорымла кӱварышке йӧрлынат кая. Кас марте, разбойник-влак толмешке, колышыла кия. Разбойник-влак толын шуыт, пурат, нимоланат ӧрыт. Эрдене лектын кайымышт годым ӱдыр таза кодын, кастене толын пурымашешышт колен кия. Разбойник-влак тудым мушкаш вӱдым левыкташ тӱҥалыт, колотка ыштышыже колоткам ышта.

Вӱдым ырыктен ямдылыме. Ӱдырым мушкаш вургемжым кудашаш тӱҥалыт. Вуйжо гыч шовычым налын гына шуктат — ӱдыр кынелынат шинчеш.

— Ой-ой! Шукат маленам,— манеш ӱдыр.

— Мален отыл, коленат ыле,— манып разбойник-влак.

Ӱдыр кочкыш ышташ содор тӱҥалеш, разбойник-влакым пукшен-йӱктен, малаш пышта. Эрдене адакат нунылан кочкаш содор ямдыла, пукшен-йӱктен, нуным пашашкышт луктын колта. Разбойник-влак кайымеке, юзо куват адакат толын шуэш, пӧртыш пура. Ӱдыр разбойник-влак деч кодшо кочкышым тудлан комака гычын луктын пукша. Куват адакат, «Тиде кочмемлан-йӱмемлан» манын, парняшан пижым ӱдырлан пуа, шкеже лектын каен колта. Ӱдыр тудо пижым чиен гына шукта — кӱварышке йӧрлынат кая, кола. Кас марте тудо кӱварыштак кия. Разбойник-влак толын шуыт, ончат — ӱдыр кӱварыште колышо кия. Нимоланат ӧрыт да тудым тояш мушкашлан вургемжым кудашаш тӱҥалыт. Пижгӧргым кид гычше кудаш налын гына шуктат, ӱдыр кынелынат шинчеш. «Шукат маленам»,— манеш.

Вара адакат разбойник-влаклан кочкаш ышташ тӱҥалеш, нуным пукша-йӱкта, разбойник-влак малаш возыт. Эрдене садыгак адакат ӱдыр нуным, пукшен-йӱктен, пашашкышт луктын колта. Разбойник-влак кайымеке, юзо куват адакат толын шуэш. Ӱдыр адакат разбойник-влак дечын кодшо кочкышым комака гычын луктешат, тудым кочкаш шында. Кува кочкеш-йӱэшат, «На, пукшымо-йӱктыметлан тиде шергаш» манын, ӱдырлан ший шергашым пуэн кода. Шкеже лектын каен колта. Ӱдыр тудо шергашым чиен гына шукта — кӱварышке йӧрлынат кая, кола. Разбойник-влак кастене толын пурат, ӱдыр адакат колышо кия. Нуно ӱдырым мушкаш вургемжым кудаш налыт чыла, шергашыжым кудаш налаш иктынат ушеш ок воч. Мушкыт, сай вургемым чиктен пыштат колоткашке, вара тудым чодырашке нанҥаят, кугу пӱнчӧ вуйышко кӱзыктен шындат.

Тудо ӱдырым пӱнчӧ вуеш шынден кодымекышт, кок кече лиймеке, кугыжан эрге, чодырашке коштшыжла, пӱнчӧ вуйышто йыл-йыл коймым ужын, тудо йылгыжмашке миен, пӱнчӧ йыр пӧрдын, ончен коштеш, мо тушто шинчымыжым пален ок шукто, пычалжым виктарен, лӱен колта — колотка кроп веле шокта, воленат возеш. Кугыжан эрге онча — тушто путырак чапле ӱдыр кия. Тиде ӱдырым мый лӱен пуштым вет манын, тудым налешат, шке декыже нумал намия, шке пӧлемышкыже пышта. Кеч-куш кайымыж годым пӧлемжым сурален кода улмаш. Тидлан ачаж ден аваже ӧрын улыт. «Ончычын тыге тӱкылен коштмашыже уке ыле, молан кызыт эре тӱкылен кода» манын, сра-

вочым таҥастарен, кугыжан эргын пӧлемжым почын пурат. Ончат — тӧшакыште пеш йытыра колышо ӱдыр кия. «Чу, вет тиде сай огыл, колышым ала-кушечын конден пыштен» манын, тудо ӱдырым тӱжваке луктыт. Кугыжа содоррак колотка налаш колта, молышт вӱдым ырыктен, мушкаш тӱҥалыт. «Шого, парня коклясе шергашыжымат мушкаш кӱлеш» манын, страпкаже шергашыжым кудаш гына налеш — ӱдыр кынелынат шинчеш. Страпка, «Ох, батюшки!» манын, комдык йолым шогалтен, йӧрлын кая. Кугыжа ден ватыже коктын куржын лектыт, чылт ӧрыт, ушышт кая. Ӱдыр кынелын, вургемым конден чиктат тудлан.

Кугыжан эрге толын шуэш, чылт ӧреш, пеш куанен шкеже. Ачаже тудым посна пӧлемыш наҥгая да йодышташ тӱҥалеш, кузе лийын, мо тугай лийын. Кугыжан эрге каласа: «Ончен коштым, кандашымше кварталыште мӱндырчынак пӯнчӧ вуйышто пеледышла йыл-йол койо. Мый тушко мо тыге йылгыжеш манын ончышым, вара лӱен колтышым. Тиде ӱдырын колоткаже туге йылгыжеш улмаш кече ваштареш. Лӱйымекем, колотка волен возо, колоткасе ӱдырым мый лӱен пуштым вет манын лӱдым да шке декем кондышым»,— манын каласа. Кугыжан эрге тудо ӱдырым ватылыкешыже налеш.

Изиш илымекышт, кугыжан эрге вес кугыжанышке паша дене каяш лектеш. Ватыже мӱшкыран кодеш, аза ыштышаш веле. Кугыжан эрге кайымеке, ик тылзе лиймек, ватыже эрге азам ышта. Ачаже эргыжлан пакетым салтак дене возен колта. Тунам салтак-влак йолын коштыт улмаш. Салтакын кайышаш корнеш юзо куват будкым ыштен, аракам налын, салтак кайымым вучен шинчен. Пакет наҥгайыше салтакет юзо куван будкыж деке миен шуэш. Юзо кува тудым, «Салтак, тый пеш ноенат вет, изиш каналтен кае» манын, кычкырен пурта, тудлан аракам йӱкта. Салтакет руштеш да изиш нералтен колта. Юзо кува салтакын кӱсен гычше пакетым луктын онча, тудо пакетым кушкед кышка, весым воза: «Ватет азам ыштен, пий ден пырысым» манын возен, салтак кӱсеныш пышта. «Ну, ынде каяшат жап шуын»,— манеш, салтакым кугыжан эрге деке луктын колта.

Салтак кугыжан эрге деке миен шуэш, пакетым тудлан намиен кучыкта. Кугыжан эрге пакетым лудеш, ватыже пий ден пырысым ыштен манын возымо. «Кеч-мом ыштен гынат, мыйын мийымешкем, ида пушт» манын возен, салтак дене серышым мӧҥгеш

колта. Салтак кугыжан эргын пакетым нумал толеш, саде будка деке миен шуэш, юзо кува тудым адакат кычкырен пурта, аракам йўктен руштыкта. Салтак руштеш да малаш возеш. Салтак малыме шеҥгеч юзо кува тудын кўсен гычше пакетым луктын лудеш, вара кушкед кышка, олмешыже «Ватемын кок шинчажымат шуралтен лукса да, азажым нумалтен, луктын колтыза» манын возен пышта салтакын кўсенышкыже. Вара салтакым, кычкырен кынелтен, луктын колта. Салтак кугыжа деке миен шуэш, эргыжын пакетшым кучыкта. Кугыжа лудын ончат, чылт ӧреш:

— Шинчам шуралтен лукташ сай огыл, мом тиде ойлыштеш, чылт ӧрам веле,— манеш.

— Язык гынат, эргынан кўштымыжым шукташак кўлеш,— манеш ватыже.

Кугыжат эргыжын толмешке чытен огыл, ватыжын ой почеш аза пукшен кийыше шешкыжым «Тышке азатым нумал тол» манын кычкыралеш. Ачаже, кугу кўзым налын, шешкыжын кок шинчажымат шуралтен луктеш. «Ынде куш моштет, туш кае, мариет тыге ышташ кўштен» манын, луктын колта. Шешкыже урем мучко шортын-шортын кая. Пасушко лектын, логарже пеш кошкен, йўмыжӧ пеш шуын. Эргыже ойленат мошта улмаш.

— Эргым, иктаж вере вўдым ужат? Мамам?

— Авий, уна тушто мама уло, изи памаш йога.

Тудо памаш деке аваже мия, кидше дене ниялткален-ниялткален, вўдым муэш. Тудо памашышке пура, йўэш. Вўраҥше шўргыжым мушкеш, шортын-шортын. Памаш вўд дене мушмекыже, шинчаже корштымым чарна. Шортын-шортын, пачаш-пачаш шинчажым мушкеш вате, вара шинчаже, кум гана мушмекыже, чылт тыглай ужшо шинчак лийын шинчеш. Кугыжан эрге вате чылт ужаш тўҥалын ынде, эргыжым вўда да тушечын кая ачажын илыме верышке. Миен шуэш ачажын илыме ялышке. Тушто кўчен коштын, киндым ога. Кас лиймеке, ачаж деке малаш пураш йодеш. Поян Лазыр дене окна гычын ужын юзо кува шинчымым, туштак савырнен толшо марийже уло — кугыжан эрге. Вара тудо ўдырым налаш тӧчышӧ тарзыже уло.

— Малаш пуртет?

— Кӧ тушто малаш пураш йодеш? — манеш ачаже.

— Икшыван кўчызӧ вате кычкыра,— манеш тарзыже.

— Кызыт кӱчызым малаш пурташ вер уке, тыгай уна улмо годым пуртымаш уке, вес вере кая да мала,— манеш ачаже.

— Вес шеҥгел пӧртышкет пурто, тушакын мален кайыже айда,— манеш кугыжан эрге.

— Мий, эргым, шеҥгел пӧртышкӧ пуртен колто,— манеш ачаже.

Кочмек-йӱмеке, кугыжан эрге йомакым колташ йодаш тӱҥалеш, колышт шинчаш оҥай.

Йомакым иктат моштышо уке.

— Кӱчызӧ ватыдам кычкырал кондыза, тудо ужмо-колмыжым, йомакымат каласен мошта ала,— маныт.

Кӱчызӧ ватым кычкырал кондат, вате толеш. Шоя ойлымо годым кӧ лугычын кая, тудым руал пушташ, манын ойым ыштат. Вара вате шке ужмыж-колмыжым шояшке кусарен ойлаш тӱҥалеш. Адак ойлымо годым кӧ «Шоя» манеш, туддечын шӱдӧ теҥге оксам пышташ манын ойым ыштат.

Ойлаш тӱҥалеш шке коштмыжым, ачаже «Шоя» манын колта. Ачаж дечын шӱдӧ теҥгем налеш. Ойлен-ойлен, юзо кува деке шуэш. Юзо куват «Шоя» манын колта. Туддечын шӱдӧ теҥгем налеш. Юзо кува шоя лугычын каяш тӱҥалеш. Кугыжан эрге тудын ӱмбак шашкыжым нӧлталеш. Ынде кугыжан эрге ӱмбак шуэш. Кугыжан эрге «Шоя!» манын ок ман, ончен шинча, ушыжо каен. Вара адак юзо кува деке шуэш, ту пакет коштыктымашкет. Юзо кува вич гана «Шоя» манын, вич шӱдӧ теҥге оксам пышта. Коштмыжым ойлен пытара да мӱгыралтен шортын колта кӱчызӧ вате. Кугыжан эрге юзо кувам шашкыж дене тунамак тореш-кутынь руэн пытара, марлан налаш толшо тарзыжымат руалеш. Поян Лазырымат руалнеже. Но манеш:

— Тый ачий лият, шотыштыжо родо.

Кугыжан эрге эрлашыжым ватыж ден эргыжым шында да шке декыже наҥгая. Шке декыже намиен шукта, ачажым пеш чот вурса: «Изиш чыташат ок лий ыле мо тыланет? Юзо кува ой почеш ыштылынат!» — манеш.

Вара илаш тӱҥалыт пеш сайын нуно.

ДОЧЬ БОГАТОГО ЛАЗАРЯ

Жил богатый человек по имени Лазарь. У него были сын и дочь — красавица Катерина. Он держал работника. Богатый Лазарь очень любил этого работника, а дочь вовсе не любила его. Как-то Лазарь говорит работнику:

— Приходи сегодня вечером с хлебом-солью и с водкой, я выдам за тебя дочь.

Услышав это, дочь убежала в другую деревню, к тетке.

Приехал жених к Лазарю с водкой.

Лазарь спохватился, а дочери нет.

— Куда ушла твоя сестра? — спрашивает сына.

— Сестра ушла к тетке, в другую деревню.

— Вот тебе нож, найди и зарежь свою сестру, принеси сюда ее сердце и печень,— сказал Лазарь и дал сыну нож.

Пришел брат к сестре, она сидит и вышивает.

— Зачем ты пришел, братик?

— Меня послал отец, убить тебя и принести ему твои сердце и печень.

Зарезала она теткину кошку и отдала ему кошачьи сердце и печень.

— Скажи, что это сердце и печень сестры.

Мальчик так и сделал, вручил отцу кошачьи сердце и печень.

— Хорошо,— сказал отец, так ей и надо!

Между тем девушка убежала от тетки той же ночью, боясь, как бы не пришли за ней. Зашла она к какой-то одинокой старушке.

— Куда это ты в такой холод бежишь?

Девушка рассказала все по порядку:

— Я дочка богатого Лазаря. Отец хотел меня выдать за работника, а я отказалась. За это отец велел брату зарезать меня, вынуть мое сердце и печень. Я убежала со страха, несмотря на ночь, и прибежала сюда.

— Напрасно прячешься! — говорит ей старушка.— Надо идти за того, за кого желает тебя выдать отец: ваш работник сын моей старшей сестры.

Услышав эти слова, девушка опять убежала. С перепуга она убежала в лес. К рассвету оказалась она в глухом лесу. Когда стало светать, увидела перед собой трехэтажный дом. Зашла в этот дом, а там си-

дят двенадцать разбойников да чай пьют. Один из них, увидев девушку, сказал:

— Смотрите-ка, к нам идет еще один человек. И похищать не нужно ходить.

Но атаман сказал:

— Не трогайте эту девушку, пусть живет вместо стряпухи. К нашему уходу и приходу она будет готовить обед.

После такого приказа разбойники решили не трогать ее, а считать ее вместо своей сестры.

И вот живет она там, ее не трогают. Готовит и собирает обед на стол, убирает со стола. Однажды, накинув на себя одежду, хотела сходить за водой. В это время подошла к дому волшебница, заглянула в окно и спрашивает:

— Можно войти?

— Можно,— ответила девушка и посадила волшебницу за стол, подала ей остатки обеда. Наевшись, волшебница говорит:

— Вот тебе подарок за обед — платок. Накинь его, когда пойдешь по воду.

Волшебница ушла, а девушка повязала платок. Как только повязала, так сразу и свалилась как мертвая и лежала до вечера, пока не вернулись разбойники. Посмотрели разбойники, а она уже застыла. Сейчас же принялись мыть ее и развязали платок. Как только сняли платок с головы, она сразу ожила, села и говорит:

— Ой-ой, как долго спала!

— Нет, ты не спала, а умерла и теперь ожила,— отвечают ей разбойники.

Но разбойники не разбили стеклянный гроб, а поставили его в сторону. После этого девушка опять принялась готовить ужин. Разбойники, поужинав, легли спать, а она к утру приготовила им завтрак. Утром разбойники поели, попили и разошлись кто куда. Девушка собрала остаток обеда и поставила в печь.

Опять пришла волшебница к ней. Девушка снова пустила ее в избу, посадила за стол и накормила. Волшебница подарила ей за обед перчатки. Как только девушка надела перчатки, так и умерла. Вечером приходят разбойники, а она лежит мертвая.

— Что это она то и дело умирает? — удивились они и начали раздевать ее, сдернули перчатки — и она ожила.

— Ой, что-то я долго спала,— проговорила она.

— Нет, ты не спала, а умерла и теперь ожила,— сказали разбойники.

Опять принялась девушка готовить обед. Накормила разбойников и уложила спать.

Утром разбойники позавтракали и разошлись. После ухода их снова пришла волшебница. Девушка накормила ее, и та дала ей за обед серебряный перстень. Надела девушка этот перстень и упала замертво. Пришли разбойники и удивились, что она опять лежит мертвая.

Сейчас принялись за дело. Кто греет воду, кто раздевает ее. А девушка лежит такая же красивая, как будто ничего не произошло. Обмыли. А снять перстень не догадались. Одели они ее и положили в стеклянный гроб. Уложив в гроб, понесли ее. Принесли в чащу леса и повесили гроб на вершине высокой сосны.

Спустя два дня после этих похорон пошел царевич в лес поохотиться. Издали увидел он, как на вершине большой сосны что-то блестит. Подошел к сосне и выстрелил. Вниз полетел гроб и разбился вдребезги, а девушка упала на землю. Посмотрел царевич и увидел, что перед ним — красивая девушка. Перепугался, подумал, что он убил ее. Взял он красавицу на руки, понес домой. Принес ее к себе в спальню. Сильно полюбил царевич девушку: лежит она такая красивая, точно живая. Уходя, он стал запирать свою спальню.

Удивились царь с царицей, почему это царевич запирает свою спальню. Подобрали они какой-то ключ и открыли спальню. Смотрят, в постели лежит девушка, сама мертвая.

— Ах, грех какой! Откуда он принес себе мертвую? — говорят родители.

Выносят из спальни девушку. Царь посылает людей за гробом, стали готовить к похоронам. Начали мыть покойницу. Когда ее мыли, стряпка заметила:

— Постойте-ка! Надо вымыть и кольцо на пальце.

С этими словами она сняла перстень. Как только сняла она перстень, девушка ожила. А стряпка, крикнув: «Ах, батюшки!» — грохнулась на пол. Царь вбежал в комнату, а за ним — и царица. Девушка встала на ноги. Одели ее потом в царское платье. Пришел царевич, сильно удивился и обрадовался такому счастью. Радости не было конца. Царь пригласил сына в отдельную комнату и начал расспрашивать, как это все случилось. Царевич рассказал все по порядку.

Царевич женился на красавице. После этого пришлось ему поехать по делам в другое государство. Жена была беременной, скоро надо было ей рожать. Приблизительно через месяц после отъезда царевича жена родила сына. Об этом написал царь письмо сыну и отправил с пешим солдатом. (Тогда носили письма пешие.) Солдат вышел в путь, а та старуха-волшебница поджидала его в ларьке с вином. Увидев солдата, она крикнула:

— Куда идешь? Отдохни немного, иди сюда!

Он к ней заходит отдохнуть.

Волшебница подает солдату два стакана вина, один за другим. Солдат с усталости быстро опьянел и задремал. В это время волшебница потихоньку вытащила пакет и начала читать письмо. Прочитав, разорвала и написала другое. Положила это письмо солдату в карман. Там было написано: «Твоя жена родила щенка и котенка».

— Ну, время уже тебе идти, отправляйся! — сказала она солдату, разбудив его.

Вскочил солдат с лавки, на которой спал, и помчался дальше. Солдат вручил царевичу письмо. Тот прочитал, что его жена родила щенка и котенка, написал: «Кого бы она там ни родила, не убивайте ее до моего приезда». Направился солдат в обратный путь. Опять выскочила из того ларька волшебница. Подала ему вина, и он задремал с дороги. А она вынула пакет из его кармана, прочла и разорвала письмо на части. Потом написала другое: «Выколите у моей жены оба глаза, привяжите к ней ребенка и выгоните!»

Положив это письмо в карман солдату, волшебница отправила его к царю. Солдат принес письмо. Царь прочел и сильно удивился:

— Ну, что же! Хоть она жена моего сына и жалко ее, а надо исполнить его просьбу.

— Хотя и грех, но просьбу сына нужно исполнить,— сказала жена.

Царь не стал ждать возвращения сына, по совету жены приказал кормящей невестке:

— Иди-ка сюда вместе с ребенком!

Царь схватил большой нож и выколол ей оба глаза, потом ее выгнал:

— Иди теперь куда хочешь, так велел твой муж.

И пошла бедная слепая с ребенком — куда, и сама не знает. Вышла из городских улиц в поле, шагает по дороге, молясь богу и плача. Пересохло у нее

горло, захотелось ей пить. Сын ее, оказывается, умел уже говорить.

— Сыночек, не видишь ли ты где воду? — спрашивает она.

Мальчик увидел вдали источник.

— Мама, вот там есть вода! — ответил он.

Щупая руками, мать нашла в скале маленький источник. Наклонилась она к этому источнику, напилась и принялась, плача, мыть свое лицо. От этой ключевой воды сначала прекратились у нее боли в глазах. Села она около этого источника и снова горько заплакала. Вымыла потом свои глаза три раза, и вдруг глаза ее открылись, и она стала зрячей. Взяв своего ребенка за руку, питаясь милостыней, пробиралась она к своему отцу. Шла-шла, устала и попросилась ночевать к богатому Лазарю. Она из окна еще увидела, что в избе находятся та самая старушка-волшебница, вернувшийся ее муж-царевич, и работник, который хотел жениться на ней.

— Не пустите ли переночевать? — спрашивает она.

— Кто там просится ночевать? — спрашивает ее отец.

— Какая-то нищенка с ребенком,— говорит работник.

— У меня гости, не могу я сегодня пустить нищих на ночлег, пойди, попросись у других,— отвечает отец.

— Пустите ее, пусть переночует в задней избе,— говорит царевич.

После этих слов царевича Лазарь приказывает снова:

— Пустите ее ночевать в заднюю избу.

Так и пустили ее ночевать.

После обеда царевич попросил, чтобы ему рассказали сказку, а сказочника-то и не оказалось. Тогда он попросил:

— Позовите ту нищенку, пусть расскажет, что она слышала и видела.

Позвали ее. Она пришла и начала рассказывать о своих похождениях. Перед началом рассказа договорились: кто уйдет во время рассказа — того зарубить, а кто скажет слово «пустяки» — с того взять сто рублей штрафа. После этого она начала рассказывать. Первым слово «пустяки» сказал ее отец и уплатил за это сто рублей штрафа. Когда в своем рассказе она дошла до старухи-волшебницы, то и она крикнула

«пустяки», и ей пришлось выложить сто рублей. Волшебница уже поднялась с места, чтобы уходить, но царевич замахнулся на нее шашкой. Теперь нищенка дошла в своем рассказе до царевича. Царевич был вне себя от удивления. Потом она опять начала рассказывать о волшебнице, про случай с письмом. Пять раз волшебница произнесла «пустяки», и за это заставили ее уплатить нищенке пятьсот рублей. Окончив рассказ о своих мытарствах, она голосом завыла. Тогда царевич изрубил волшебницу на куски. Зарубил и работника, сватавшегося к ней когда-то. Чуть не зарубил и богатого Лазаря, но сказал ему:

— Все же ты приходишься отцом, как-никак родня!

На следующее утро царевич посадил жену с сыном в карету и повез домой. Привез к своему отцу и сказал:

— Неужели ты не мог подождать немного? Ведь ты сделал все это по велению злой волшебницы.

Так вся правда вышла наружу, и царевич с женой и ребенком зажили очень хорошо.

ЙОРЛО ДЕН ПОЯН ИЗАК-ШОЛЯК

Иленыт изаж ден шольыжо. Изаже пеш улан илен, шольыжо пеш начар илышым илен. Шольыжын лӱмжӧ Йыван улмаш. Калыкын пеш кугу пайремже шуын, пайремлат чот. Нужна Йыванын ватыже марийжылан каласа:

— Эй, кугыза, калыкын пеш кугу пайрем. Кочкыт-йӱыт, сай вургемым чиен коштыт. Тыят ит кие комакавалне. Уна, эргычым вӱдалте да изат деке кае пайремым ужаш. Пайрем пиал дене изи эргына кеч поро обедым кочкын толеш.

Нужна Йыван кая эргыж дене урем воктен изаж деке. Окна виш гычын ужо суртыштыжо ойлыма гычат шокта:

— Ай-ай, Йыван пайремыш кая. Теве изаж деч кузе мурен вола, ончена.

Йыван, тыгай мутым колын, утыр вуйжым сакалта: «Эх-ма, але миенат шуын омыл, кочкын-йӱынат омыл, пошкудем-влак тыге ойлатат».

Миен шуыт изаж деке, пайрем дене саламлат.

— Ну, туге гын, кушто шогет, тушак шич,— ойла изаже.— Уна, воктенет печке вӱд, коркам нал да подыл.

А нуно шкешт кочкыт-йўыт пеш тамле кочкышым. Ачаж ден эргыже нойымешкышт шоген улыт да изаж дечын мӧҥгеш пӧртылаш тарванат. «Ындыжым толаш тольым изай деке, кузе кайышаш шкенан деке»,— шона нужна Йыван.

Капкам лектеш да ойгыж дене айык коймо дечын колта тудо муралтен.

— Ой, ачий, пеш сылнын шокта мурет,— ойла эргыже.— Ала-мо коктын мурымыла веле шоктас.

— Кӧ тыгае мура мурым мыйын воктенем?! — ӧреш нужна Йыван.

— А-а, тый от шинче мо але марте, мый тыйын йолташет улам, муралташ полшем. Ужамат, чонышкет пеш витаренам, ынде тыйым чаманашак возеш. Шке декет мийымекет, тый мыйым тойо вашкерак, тый ит ойло ниголанат,— шокта воктенжак нужна Йыванын пылышыжлан.

Толеш Йыван шке декше. Лектеш леваш йымаке, ышташ тӱҥалеш колоткам. Колоткам ыштен пытарымекше кычкыралеш:

— Эй, йолташем, ынде тоем тыйым. Пурен воч колоткашке, вашке чыкаш наҥгаена. (Ожно колышым чыкыше кушак шонен, тушак чыкен.) Йыванетат пакчаш, амбар воктене, вынемышке тоя. Чыкен мутайымеке, мӧҥгеш пӧртыш пурат. Нунын шеҥгеч алакӧ пӧртыш пурен да окса мешакшым монден коден. Йыван онча мешакым: окса уло, шергакан.

— Эх, кува, айда изиш оксажым мый налам, кондо сатум эргымлан, мо шергакан, мо кӱлешан. Монден кайыше окса озаже толеш гын, мӧҥгеш пуэна, а ок тол гын, шканна лиеш.

Оксан озаже ок тол. Туддеч вара сай илыш койын саемаш тӱҥалын, эре перке лийын шога. Паша йӧнан толеш, окса лийын шога. Киндат шочеш сайын. Шуко укеан пошкудо-влаклан илаш полышым пуаш тӱҥалыт. Чияшат вургемым сай тӱзеныт, суртымат уэмденыт.

Илат-касат. Вес кугу пайрем шуэш. Поян изаже шольыжын пойымыж нерген колын да тарзым колта ӱжаш.

Йыван толеш. «Ага, теве шольо толеш. Ватем, пылышет шогалте сайрак. Мый тудым йӱктем да мутым кучем: кузе тудо улан илаш тӱҥалын»,— манеш поян изаже куважлан.

Вот пукша-йӱкта. Кайышаш годым йодеш поян изаже:

— Ах, шольо, кузе тыге улан лийынат?

— Мый улан лийынам. Шинчет ынде: тый декет кодшо годым тольымат, тый йўштӧ вўд дене сийлышыч. Мый вожыл-вожыл кайышым. Тыйым мые чаманышым. Шонышым: тыйын нерген уда увер ынже шарле манын. Айык кайыме дечын муралтен колтышым. А воктенем адак, мыйын мурем саемден, весе мурыгыч шоктыш. Мый туддеч кӧ улмыжым йодым, да тудо мане: «Йолташет, нужна улам. Ужамат, мый тыйын чоныш витарышым, утлен от керт мый дечем. Уке гын, мыйым тые тойо».

Тудым мые тойышым пакчаш амбар воктен. Теве туддеч вара мыйын илыш саемаш тўҥале, улан шогем кызытат.

Йыван ойла да чеверласен кая. Изаже, Йываным ужатымеке, ватыж ден коктын, кольмо ден товарым налын, шольыжын йолташыжым лукташ кают. «Уна мыйын шольо кузе поен, каваршаш! Теве луктын колтена йолташыжым, вара мемнан деч улан ок лий»,— манеш поян изаже.

Вот мият пакчаш да пургед луктыт. Колоткаште кийышылан ойлат:

— Эх, Нужна, Нужна, тыйым ме пагален толна, ынде луктын колтена. Вара ит мондо вет мемнам!

— Эх, пеш кугу тау тыланда, ўмырешда ом мондо! Лекмыже гына лийже...

Куваж ден кугызаже мӧҥгеш куржыт, пешак куаненыт. Суртышкышт толын пурат.

Кайымышт шеҥгечын ялче-влак, кудывечыште посна илыше-влак ужын кодыныт. «Оч, мемнан озана ватыж дене ала-кушко кают. Чу! Кайымышт шеҥгеч почын пурен налшаш оксажым. Пайремлан йодмынамат ыш пу тудо мыланна»,— манып нуно.

Оксат йомеш озан. Ялче-влак деч йодеш:

— Те ышда уж, кӧ пурыш-лекте?

— Уке. Кечыгут ме пашам ыштена, йўдланже ме орол она ул. Давай мыланна росчотым! — манып ялче-влак.

— Росчот ышташ оксам уке,— манеш оза.

Поян изажын суртшым суд дене ужалат да ялче-влаклан тўлат. Поянын илыш ончык кайымым чарнен.

БЕДНЫЙ И БОГАТЫЙ БРАТЬЯ

Жили-были два брата. Старший брат жил очень богато, а младший — очень бедно. Младшего звали Иваном.

Среди народа начался большой праздник, и люди отмечали его как подобает. Жена бедного Ивана говорит ему:

— Эй, муженек, вон посмотри, как люди отмечают большой праздник. Едят-пьют, одеты во все хорошее. Хватит тебе на печи валяться. Вон возьми с собой сына и ступай к своему брату в гости посмотреть на праздник. По случаю праздника хоть наш сыночек попробует настоящий обед!

Идет бедный Иван с сыном по улице к богатому брату. Из окон некоторых хозяев слышен разговор:

— Ай-ай, Иван идет на праздник. Вот посмотрим, с какой песней он от брата будет спускаться по улице обратно.

Услышав такие слова, Иван пуще повесил свою голову: «Эх-ма,— подумал он,— еще и не дошел, и не попил, и не поел, а в соседях уже судачат обо мне».

Пришли они к брату, поздравили его с праздником.

— Ну, раз уж пришел, там и сядь, где стоишь,— говорит Ивану богатый брат.— Вон рядом с тобой стоит бочка с водой, возьми черпак, черпни и пей!

А они сами едят-пьют очень вкусно. Отец с сыном постояли да повернули от брата домой. «К брату прийти-то пришли, как теперь обратно-то домой пойти?» — думает бедный Иван.

Выйдя за ворота, он запел, подражая пьяным, чтобы не показаться людям в глаза трезвым.

— Ой, отец, как красиво звучит твоя песня! — говорит его сын.— Слышно, как будто двое поют.

— Кто это рядом со мной поет?! — удивившись, спросил бедный Иван.

— А-а, ты еще до сих пор не знал, что ли, про меня? Ведь я — твой друг, подпеваю тебе. Видно, я тебя изрядно донимал, теперь-то уж тебя придется пожалеть. Как только придешь к себе домой, скорее ты меня схорони и никому об этом не рассказывай,— послышалось совсем рядом с бедным Иваном.

Вернулся Иван к себе. Вышел в сарай, начал строить колоду. Построив колоду, крикнул:

— Эй, друг мой, я теперь схороню тебя. Ложись

в колоду. Скоро повезем хоронить. (В старину умерших где вздумается хоронили.)

Иван похоронил его в своем огороде рядом с амбаром. Похоронили и вошли в дом. В их отсутствие кто-то вошел в дом, посидел и, уходя, позабыл свой кошелек с деньгами. Иван открыл кошелек, а в нем много денег дорогих.

— Эй, жена, давай немного денег я себе возьму, а ты купи сыну все, в чем нуждается. Если придет забывчивый хозяин денег, вернем обратно, если не придет — останется нам.

Хозяин кошелька так и не пришел. С тех пор жизнь все заметнее становилась, хорошего все прибывало. И работа спорилась, и денег становилось больше. Уродились хорошие хлеба. Стали помогать неимущим бедным соседям. И одежду хорошую справили, и хозяйство обновили.

Жили-жили, подошел другой большой праздник. Услыхал богатый брат, что его бедный брат разбогател, послал своего работника позвать его к себе.

Иван пришел. «Ага, вот брат идет,— говорит богатый брат жене.— Жена, держи уши востро. Я его напою и разузнаю, как он разбогател в жизни».

Вот угощает его. Когда пришло время уходить, богатый брат спросил бедного:

— Ах, братик, как ты стал богатым?

— Да, я стал зажиточным. Помнишь, чай: когда в прошлый раз я был у тебя, ты тогда угостил меня холодной водой? Я ушел от тебя, опозорившись. А тебя пожалел. Думал, что про тебя худая слава пойдет. Поэтому я притворился пьяным, дескать, ты меня угостил; я запел. А рядом со мной кто-то подпевал мне да украшал мою песню. Я у него спросил, кто он есть, и он мне сказал: «Я — твой друг, Бедность. Видно, я тебя изрядно донимал, раз не можешь освободиться от меня. Коли так, то похорони меня». Я его похоронил в огороде рядом с амбаром. Вот после этого моя жизнь стала лучше. И сейчас живу зажиточно.

Иван рассказал обо всем и, попрощавшись, ушел.

Выпроводив Ивана, богатый брат и его жена с лопатой и топором в руках пошли выкапывать друга бедного брата. «Смотри-ка, как мой брат разбогател, проклятый! Вот выпустим его друга, потом он не сможет больше богатеть»,— говорит богатый брат своей жене.

Вот пришли они в огород и выкопали могилу.

Когда тот еще находился в колоде, обратились к нему:

— Эх, бедность, бедность, мы пришли к тебе с уважением, теперь мы тебя выпускаем на волю. Потом ты только не позабудь про нас.

— Эх, большое вам спасибо! Вовек вас не забуду! Только бы выйти мне ...

Муж и жена, очень довольные, поспешили домой. Дошли они до дому.

В их отсутствие слуги и отдельно живущие во дворе люди договорились: «Ох, наш хозяин с женой куда-то отправились. Чу! Во время их отсутствия зайдем в дом и заберем все деньги. На праздник просили было денег, он нам не дал»,— говорят. Они его обокрали подчистую. Хозяин остался без денег. Спрашивает он у слуг:

— Вы не видели, кто зашел и вышел из дому?

— Нет, не видели. Мы целый день работали, а ночью мы — не сторожа. Давай нам расчет! — говорят слуги.

— С вами рассчитаться у меня денег нет! — отвечает хозяин.

Продали хозяйство богатого брата через суд и рассчитались с работниками.

С этого времени жизнь богача остановилась на месте.

ИЛЫШ ЙӸЛА НЕРГЕН ЙОМАК-ВЛАК

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

ЙОРЛО ИЗАК-ШОЛЯК

Изак-шоляк иленыт. Нунын нимоштат уке улмаш: кочкашат, чияшат. Икана пычалым налыт да чодыраш сонарыш каят. Тушто маскам ужыт, лӹен шуат. Коваштыжым ньыктытат, шке декышт кондат.

— Тый, шольым, тиде маска коваштым чиен, маска лий, пазарышке каена,— манеш изаже шольыжлан.

Изаже гармонь шокташ пеш кертеш улмаш. Пазарыш лектын каят. Миен шуыт. Изаже мом кӹшта, маска-шольыжо пазарыште тудым ыштылаш тӹнгалеш. Айдеме маска коваштым чиен манын, нигӧат ок шоно. Ончаш мийыше калык тудлан оксам пуа. Нуно пазарыште шӹдӧ тенге оксам погат. Вара вес пазарыш каят, туштат шуко оксам погат. Вара кугыжан илыме олашке шуыт. Маска кушташ пеш мастар манме кутырымаш кугыжа декат шуэш. Кугыжа маскам шке декыже кондаш кӹшта, вара маскан озаж дечын йодеш:

— Тый мыланем маскатым кум суткалан пуэн ко-

до, оксам мыняр налат, тунар пуэм,— манеш кугыжа.

— Пуаш пуэм да, ала маскаже ок кае тый декет,— манеш маска оза.

— Кая,— манеш кугыжа.

— Ну, кертат гын, нангае,— манеш.

Кугыжа маскам вӱда да тоен шинчыктыме ӱдыржӧ дек нангая. Ӱдыржым, латкандаш ий лиеш, шылтен шинчыктен, нигӧланат ончыктен огыл. Шке шотшо дене кугыжа ойлен: «Мыйын ӱдырем кӧ муэш, тудлан марлан пуэм»,— манын. Кугыжа деке ӱдыретым муам манын пурышо ең ӱдыржым муын огыл гын, тудым пуштеш улмаш.

Йӱдым кугыжа ӱдыржым веселитлаш маскам нангая. Тудым садышке кугу тумо деке намия. Тушто нимо семынат палыдыме омса улмаш. Кугыжа, омсам почын, мланде йымак маскам тошкалтыш дене волта. Ӱдыржӧ мланде йымалне пеш чапле пӧртыштӧ ила улмаш.

— Тиде маска, могай семым шоктет, тугайлан куштен мошта, тый тудым сутка годым ашне,— кугыжа ӱдыржылан каласа да, шкеже, маскам коден, лектын кая.

Кугыжан ӱдыр ковыжым налеш да шокташ тӱнгалеш. Маска кушташ тӱнгалеш. Кугыжан ӱдыр тудым онча-онча, маскала ок чуч тудлан. «Ала айдеме?» — шона тудо.

— Тый ала айдеме улат, куштымет маскала ок чуч? — манеш кугыжан ӱдыр.— Айдеме улат гын, куштыметым чарне. Мый, латкандаш ий лиеш шочмемлан, айдемым ужын омыл ыле.

Маска куштымыжым чарна.

— Айдеме улат гын, кудаш,— манеш ӱдыр.

Маска коваштыжым кудашеш.

— Но, ынде тый мыйын марием лият, мый тыйын ватет лиям,— манеш кугыжан ӱдыр.

Тушто маска лийше рвезе кум суткам ила. Кочкыт, йӱыт, малат. Кугыжан толмашеш ӱдыржӧ маска лийше еҥлан коваштыжым чиктен шогалта, йырже пеш шуко шӧртньым опта. Кугыжан толын пурымашеш маска-еҥ кӱвар покшелне пыкше тарваныл шогылтеш.

— Тыйым ачам тышечын лукмеке, коваштетым кудаш да кугыжан ӱдырым мый муам манын каласе, тыш толаш ик рота салтакым йод, яра ит тол тышке. Ачий кеч-кузе тый денет толаша гынат, тый вигак

тышке толаш тырше, уке гын тудо тыйым пуштеш,— манын кугыжан ӱдыр туныкта.

Кугыжа толын пура.

— Ачий, ынде сита! — манеш ӱдыржӧ.— Лук, нангае тышечын маскам.

Кугыжа маскам луктеш, озажлан кум шӱдӧ тенге оксам пуа. Изаже тудым вӱда да ола гычын каят. Олам лекмеке, шольыжо коваштыжым кудашеш да изажлан шӧртньыжым пуа.

— Тый, изай, кудышкет каен, могай кӱлеш, тугай суртым ыште, мый тышакын кугыжан олаш кодам,— манеш шольыжо.

Изаже каен колта. Шольыжо кугыжан олаш мия да, мый кугыжан ӱдырым муам манын, шомакым луктеш. Тудым кугыжалан шижтарат. Кугыжа тудым шке декыже ӱжыкта.

— Тый мыйын ӱдырем муат мо? От му гын, вуетым руалам,— манеш.— Муат — ӱдырем марлан пуэм, кузыклан пел кугыжанышем ешарем.

— Муам,— манеш рвезе.— Мыланем ик рота салтакым пу.

Кугыжа тудлан ик рота салтакым пуа. Сад дене каят. Кугу тумо дек шуыт. Тумышто омсам почын пураш тӱҥалеш.

— Тый ушдымо улат ала-мо? Кунам мый ӱдырем тыш конден шындем, садыштем вер уке ыле мо?! — кугыжа маншын коеш.

Рвезе кугыжан ойлымым огешат колышт, пурен, ӱдыржым вӱден луктеш.

— А вот тыйын ӱдырет! — манеш рвезе.

— Ачий, ынде тиде рвезе мыйын марием, мый ватыже лиям,— манеш кугыжан ӱдыр.

Тылеч вара нуно сӱаным ыштат. Сӱанышкыже мыят миенам ыле. Оръеҥ мыланем пура коркам пуэн ыле да, пураже тӱрвӧ гычем йоген кайыш. Вожылмем дене лектын кайышым.

Йомак — умбак, мый — тембак.

БЕДНЫЕ БРАТЬЯ

Жили двое братьев. Ничего у них не было: ни есть, ни одеться. Однажды братья взяли ружья и отправились в лес. Увидели медведя, застрелили его. Ободрали шкуру с него и принесли домой.

— Пойдем мы с тобой на базар,— говорит старший брат младшему.— Я тебя одену в медвежью шкуру.

А старший брат был большим мастером играть на гармошке. Отправились они на базар. Старший брат играет на гармошке, а младший брат, перевоплотившись в медведя, проделывает все то, что скажет брат, будто настоящий медведь. Никто и не подозревает, что это человек. Зрители приходят, смотрят представление, за это платят монетами. На одном базаре они собрали сто рублей. С того базара идут на другой, и там они собирают много денег.

Ходили-ходили по базарам, дошли они до столицы. До царя донесся слух, что появился в его городе медведь — большой мастер танцевать, точно исполняющий все приказания. Приглашает его царь к себе и просит хозяина медведя:

— Дай мне своего медведя на три дня. Сколько попросишь, столько денег дам.

— Дать-то дам я, а может, медведь не захочет идти к тебе,— отвечает он.

— Захочет,— говорит царь.

— На, если сумеешь, уведи,— отвечает он царю.

Царь повел медведя к себе.

У царя была дочь, которую держал он в темнице. Ей исполнилось восемнадцать лет, но никто ее никогда не видел. Царь постоянно говорил: «Кто найдет мою дочь, тому ее выдам». А того, кто вызывался найти ее и не находил, того царь убивал. Вот он повел ночью медведя к дочери, повеселить ее. В конце сада стоял большой дуб. Там была сделана незаметная дверь. Царь открыл эту дверь и повел медведя по лесенке, ведущей вниз. А там, под землей,— настоящее красивое жилище. В нем и жила дочь царя. Царь говорит дочери:

— Вот тебе привел этого медведя на три дня: он умеет плясать под любую музыку,— сказав, царь уходит.

Царевна взяла скрипку и заиграла, а медведь начал под ее музыку плясать. Смотрит царевна: что-то он не похож на медведя. Подумала и спросила:

— Ты ведь человек, не медведь? Если человек, то перестань плясать, не пляши,— говорит ему девушка.— Вот уже восемнадцать лет живу, а человека не видела.

Медведь перестал плясать.

— Ну, а если ты человек, раздевайся! — говорит царевна.

Он разделся.

— Ну, теперь ты будешь моим мужем, а я — твоей женой.

Угощаются, спят. Проходит трое суток. Она надевает на него опять медвежью шкуру. К приходу отца уже переодела его в медведя, дала много золота, засунув под шкуру. И наказывает:

— Когда ты будешь на воле, говори, что ты найдешь царскую дочь. Затем тебя приведут к царю, но ты не ходи искать, а то он тебя убьет, а проси с собой для охраны роту солдат. Прямо иди сюда, что бы он ни говорил тебе.

Царь спустился в темницу. Она начала играть, а медведь — плясать. Набрав себе много золота под шкуру, он плясал, тяжело покачиваясь.

— Ну, хватит теперь? — спрашивает царь.

— Довольно! — отвечает девушка.

Отец повел медведя к хозяину и отдал ему за трое суток триста рублей денег.

Когда привели парня к брату и они ушли из города, снял он медвежью шкуру и отдал золото старшему брату.

— Иди,— говорит,— брат, домой и построй себе что нужно, а я останусь здесь, в городе.

Он остался в городе и распустил слух:

— Я найду дочь царя.

Об этом сообщили царю. Царь велит привести его к себе.

— Найдешь ты мою дочь? — спрашивает царь.— Если найдешь, выдам дочь тебе и полцарства, а если не найдешь — отрублю голову!

— Найду! — твердо отвечает он.— Давай мне одну роту солдат!

Приказывает царь привести одну роту солдат. Затем повел он царя в конец сада, к большому дубу, и открыл дверь, сделанную в стволе большого дуба.

А царь и говорит ему:

— Ты что, немного чокнулся, что ли? Какой дурак будет держать тут девушку? Я бы разве не нашел лучшего места в своем саду!

Он на это ничего не ответил, открыл дверь, зашел туда и вывел оттуда девушку.

— А вот она, твоя дочь!

Затем промолвила царская дочь:

— Вот, отец, этот человек будет моим мужем, я — его женой.

Пришли во дворец и сыграли свадьбу.

И я был на той свадьбе. Невеста подала было мне ковш с пивом, а оно потекло по губам, и со стыда я убежал.

Сказка туда, а я сюда.

АЧАН МУТШО ЧЫН

Ожно ик кугыза колаш шумыж годым эргыжлан каласен:

— Эргым, мый колемат, тый у тулупетым тоя деч посна уремыш чиен ит лек. Тӱж вӱльэтым еҥлан пашалан ит пу. Ватетым унала шкенжым гына ит колто,— манешат, колен колта.

Эргыже ик кече ила, вес кечым, эрге ачажын ойлен кодымо мутшым савыркален шона: «Молан ачам тыге каласен кодыш?»

Вот икана эрге, у тулупым чиен, тоя налде, уремыш лектеш. Уремыш лектын веле шуэш — пий кашак, тудын йыр оптен-оптен, тулупшым пурлын шупшыт йырже. Эргын пий-влакым лӱдыкташ тояже уке, йолжо дене чумалеш, логалтен огеш керт нимынярат. Пий-влак тулуп урвалтым кушкедыт. «А-а, ачий вот молан каласен улмаш»,— шоналта эрге да тулупшым клатыш пуртен пышта.

Изиш лиймек, пошкудыжо толеш:

— Пу кондаш вӱльэт пу-ян,— йодеш пошкудо марий.

Эрге пуа. Пошкудыжо тӱж вӱльым кычкат, пулан лектын кая. Эрге, ачаж мутым шарналтен, шеҥгечше шыпак эскерен кая. Пошкудо марий пум тереш кугун орала. Имне тарватенат ок керт. Лум келге. Ну кыра, ну кыра марий — вӱльӧ чомам кудалта. Пошкудо марий чомам лумеш тошкен шындат, кая. «Ачийын мутшо теве мо лиеш улмаш»,— манешат, эрге чомам клатышке наҥгаен пышта.

Изиш илымек, ватыже манеш:

— Мыйым мӧҥгӧ колто.

Эрге ватыжым колта. Ватыже азажым налешат, шке мӧҥгыжӧ кая. Почешыже шке ваҥен кая, ачаж мут поштек.

Ватыже мӧҥгыжӧ толеш, мончаш олта. Ялыште ватыжын тошто таҥже улмаш. Монча шумек, таҥже

толеш. Ватыже, азажым тӱжвалан коден, таҥже дене мончаш пура. Эрге шып гына толеш да азам кроп руалта да мӧҥгыжӧ содор куржын колта. «Теве ачайын каласыме мутшо молан улмаш»,— шоналта эрге.

Ватыже, монча гыч лектын, азажым руалта — аза уке. Энгекым шылташ манын, мончаш тулым пижыктат, монча йӱлен кая. Мӧҥгӧ толешат, «Эй, каваршаш, азам йӱлен кайыш» манын, ачажлан каласа.

Эрге ватыжын ачажым, аважым, пошкудыжо-влакым чома кийыме верыш чумыра. Шоҥго кувалан ял гыч азам кондыкта да радам дене ойлаш тӱҥалеш:

— Ачием колымыж деч ончыч каласен кодыш: у тулупетым тоя деч посна чиен ит лек, мане. Мый тоя деч посна чиен лектымат, пий кашак тулупем кушкеде. Адак тӱж вӱльым енлан пуаш ыш шӱдӧ. Мый пуышым, уна, мом ыштеве,— эрге колышо чомам ончыкта.— Ватетым мӧҥгыжӧ шкетшым гына унала ит колто, мане. Мый колтышым. Ватем шке мӧҥгыжӧ мийышат, мончаш олтен, тошто таҥже дене пурыш, азам чараш кодыш. Мый шыпак тудым нумал тольым. Ватем азам ыш муат, мончаш тулым чыкен йӱлатыш. Азам мончаш йӱлыш манын, ачажым ондалыш. Ачан мутшо пеш чын улмаш,— манын эрге мутшым кошарта.

Тылеч вара марийже, манеш, куважым сайын гына туныктен налын. Ватыже тӧрланен. Ынде марийже ден ватыже келшен илаш тӱҥалыныт.

НАКАЗЫ ОТЦА

Перед смертью один мариец своему сыну сказал:

— Сынок, как умру, ты не выходи в новой шубе на улицу без палки, жеребую кобылу другим на работу не давай, жену свою в гости одну не отпускай.

Так сказал старик и помер. День живет парень, второй, все думает-гадает: «Отчего мой отец такие слова говорил?»

Вот однажды парень надел новую шубу, вышел на улицу, а палку с собой не взял. Как только вышел на улицу — набежала и окружила его стая собак. Собак разгонять нечем, палки нет, пинался ногой, размахивался, но ни одна собака не пострадала. Собаки полы у шубы порвали. «А-а, вот к чему, оказывается, отец мой сказывал»,— подумал парень и повесил порваную шубу в клети.

Прошло немного времени, приходит к нему сосед и говорит:

— Не дашь ли ты мне свою кобылу, чтобы дрова привезти?

Парень дал лошадь. А сосед запряг жеребую кобылу и выехал из деревни. Вспомнил сын отцовы наказы и стал следить за соседом. Нагрузил сосед такой воз, что даже кобыла не могла сдвинуть его с места. Снег глубок. Стал соседский мариец стегать лошадь. Тут кобыла ожеребилась. Мариец жеребенка спрятал в снегу, а место утрамбовал. «Вот, оказывается, что означают отцовы слова»,— подумал парень, выкопал жеребенка и отнес его в клеть.

Вскоре жена говорит:

— Отпусти меня домой.

Отпустил жену к родителям. Взяла жена младенца и пошла к себе в родительский дом. А вслед, вспомнив отцовы наказы, парень.

Пришла жена домой, истопила баню. А в деревне у нее, оказывается, был старый друг. Когда баня была готова, пришел старый друг. Жена младенца оставила в предбаннике, а сама стала мыться в бане с любовником. В это время муж незаметно подкрался в предбанник — кроп, младенца забрал и скорее побежал к себе домой. «Вот к чему, оказывается, отцовы слова»,— подумал он.

Вышла жена из бани, хватилась младенца — а его нет. Чтобы скрыть пропажу, беду, сожгла баню. Баня сгорела. Пришла домой и говорит отцу: «Ой, беда, сгорел мой ребеночек».

Собрал парень родителей жены и соседей в то место, где лежал жеребенок. Попросил старушку принести младенца и начал говорить по порядку:

— Перед смертью отец мой мне такие слова говорил: не выходи, сказал, в новой шубе на улицу без палки. Вышел я на улицу без палки, тут стая собак набросилась на меня и порвала мою шубу. Еще сказал, чтоб я жеребую кобылу людям не отпускал, не отдавал. Я дал соседу кобылу дрова привезти, и что сделали с ней, что случилось, вот посмотрите,— парень показал на мертвого жеребенка.— И еще отец сказал, чтоб я не отпускал свою жену в гости одну. Я отпустил ее одну. Пришла моя жена к своим родителям, стала с дружком мыться в бане, младенца оставила в предбаннике. Я незаметно его унес оттуда. Когда жена не нашла младенца, подожгла баню. А отцу она ска-

зала, что ребенок сгорел в бане. Отцовы слова, оказывается, были верными,— закончил парень.

После этого муж, говорят, свою жену хорошенько проучил. Жена исправилась. И с тех пор, говорят, муж и жена стали жить в согласии.

УМЫЛЫДЫМО КАЧЕ

Иленыт ик нужна марий ден эргыже.

— Эргым, пазарышке тагам нанҥаен, ужален тол, оксаж дене мо кӱлешым нал, икана кочшаш шылым кондо, тагажымат мӧнгӧ кондо,— манын, эргыжым пазарыш колта.

Эргыже тагам пазарыш нанҥая, миен шогалеш. Икте мия торгаяш тагам. «Ачий туге шӱден огыл, тагам ужалаш шӱден, вара тагажым мӧнгӧ шкенан деке намияш шӱдыш»,— манын торгаяш мийыше-влаклан ойлен колта. Торгаяш мийышет ӧреш да савырнен кая. Вара ик ӱдыр мия, тагам торгая, кузе ужалышашым каласкала тудлан, ӱдыр ӧрын ок шого. Кевытыш кая, вашкӱзым налын толеш, шинчалым налеш. Орва деке мия, тагам тӱредеш, межым рвезылан ужалаш шӱда.

— Ачат тыге ышташ шӱден колтен,— манеш.

— Ачий икана кочкаш шылым шӱден намияш.

Ӱдыр адакат ӧрын ок шого, таган кок муныжымат пӱчкын луктеш да рвезылан пуа.

— Ачатлан намиен пу ынде, тетла еҥым ит вошт ылто.

Рвезе межым ужала, мо кӱлеш сатум наледа да шке декыже кая. Икана кочшаш шылым нанҥая. Мия шке декыже.

— Эргым, кузе тыге ышташ ушешет возо?

— Ӱдыр тыге ыштен пуыш,— манеш эргыже.

— Кусо ӱдыржӧ, ыжыч йод? Тудо мыланна пеш кӱлеш лиеш ыле.

— Йодым да, «Теле кушто, мый тушто улам!» манын, каен колтыш.

— Сайынак йодаш кӱлеш ыле,— манеш ачаже.

Аракам налеш, тулар марийым муэш, эргыжым ял еда тудо ӱдыр кычалаш колта ачаже. Ял еда кошт ыт, кажне сурт еда, кудо шеҥгелнат ончыштыт. Вара ик ялыште кудо шеҥгелне тер кийыман суртым муыт. Тудо суртыш пурат, «ӱдыр тыште» манын. Чынак, тудо ӱдырак тушто кудывече покшелне шкетын шога.

— Ешет уке мо? — маныт.

— Ешем уло, ачий-авий уло, изай-еҥгай уло.

Авий шеме дене ошо вашталташ каен, ачий илышын шӱм-мокш лукташ каен, изай ден еҥгай шогышым йӧрыктылаш каеныт,— манеш.

Тулар марий нымат ок умыло, чылт ӧрын шогалеш, «мо тугай?», шона. Нунын йӱмышт пеш шуын.

— Вӱдет уло, йӱмӧ пеш шуын? — маныт.

— Вӱдна уке, шкат колышо мушкылтышым йӱын илена.

Тулар марий ден качымарий пӧртыш пурат, ӱдыр алдырым налеш да кудышкыжо кая. Ӱдыр кудыш кайыме шеҥгеч качымарий ден тулар марий «тынар тудлан мыскылыктымешке, каена лучо» маныт да лектын кудалыт. Миен шуыт.

— Вара ӱдырдам муда? — манын йодеш качымарийын ачаже.

— Муна да...

— Вара мом ойлыш?

— Мом ойлыш?! Ачажым йодна да, «ачий илышын шӱм-мокш лукташ каен» манын ойлыш. Аважым йодна да, «ава шемым ошо дене вашталташ каен, изай ден еҥгай шогышым йӧрыктылаш каеныт» манын ойлышт шогылто. Йӱмӧ пеш шуын ыле, да вӱдым йодна, «вӱд уке, шкежат колышо мушкылтышым йӱын илена» манын ойлыш. Мемнам мыскылен пытарыш. Тынар мыскылымешкыже, меат лекна да толна.

— Эй, аҥыра-влак, те умылен огыдал! Ачаже вопш шуаш каен, аваже тувыр шӱалташ каен, изаж ден еҥгаже тӱредаш каен улыт улмаш. Ынде уэш каяшда логалеш, тудо мыланна пеш кид.

Уэш ӱдыр дек кудал колтат сӱанмарий дене. Шынден кондат ӱдырым, кудо ӱмбалат виш, кудывечыштат шудо шочын пытен. Пӧртӧнчыл ӱмбалат виш веле. Ӱдырым кудыш пуртынешт, ӱдыр кудышкат ок пуро. Вӱргенчык вуянак савам йодын налеш, кудывечыште шудым солен кышка. Шудыж дене кудо ӱмбалым леведаш сӱан ончаш мийыше-влакым кӱзыктен леведыкта. Пӧртӧнчыл ӱмбалымат леведыкта. Вара илаш тӱҥалыт.

Сӱанмарий шаланен пытымеке, нуно тӱредаш каят. Ачаже кола. Аҥа ӱмбаке мийымекышт, йӱр пеш чот тӱҥалеш. Вара нуно кож йымаке миен шогалыт.

— Ачий тиде кож йымалан мыйым шарналте манын ойлен ыле, молан тудым шарнаш гын тышакын?

— Тый мӧҥгӧ кае да ломым, товарым, кольмым налын тол.

Марийже шке декыже каен колта, ломым, товарым,

кольмым налын толеш. Ватыже кожым куклаш тӱҥалеш. Кӱнча ынде пеш, вара ик под шӧртньым кӱнчен луктеш. Тудо шӧртньӧ дене марий поен, тулеч вара шӧртньӧ лекташ тӱҥалын.

НЕСМЫШЛЕНЫЙ ЖЕНИХ

Жили бедняки, отец с сыном. Говорит однажды отец сыну:

— Сынок, съезди на базар, продай барана. На вырученные деньги купи, что тебе нужно, привези мяса на одно варево, да и барана привези обратно.

Привез сын барана на базар и стоит. Подходит один покупатель, а он говорит: «Отец наказал продать барана, на вырученные деньги купить что нужно, привезти мяса на одно варево да еще барана привезти обратно». Покупатель удивился и ушел. Затем к нему подошла девушка. Стала рядиться, а он и девушке объясняет условия продажи:

— Отец наказывал продать барана, на вырученные деньги купить что нужно, привезти мяса на одно варево да еще барана привезти обратно.

Девушка побежала в лавку, принесла перочинный ножик и ножницы. Положив барана в телегу, остригла барана и сказала парню, чтобы он продавал шерсть.

— Твой отец так тебе наказывал,— говорит.

— Отец говорил, еще мяса привези на одно варево,— обратился он к ней.

Девушка догадалась, взяла перочинный нож, кастрировала барана и яичник вручила ему. Принесла из лавки соли, посолила мясо и отдала ему:

— Неси отцу и вручи, но людей больше не смеши.

Продал парень шерсть, на вырученные деньги купил что нужно и отправился домой. С собой везет мяса на одно варево. Приехал к отцу.

— Кто тебе дал такой совет? — спросил отец.

— Девушка одна посоветовала,— отвечает сын отцу.

— Узнал ли, откуда она родом?

— Она сказала: «Где зима, там и я». Сказала и ушла.

— Зачем не расспросил толком, где она? — говорит отец.

Затем, накупив вина, послал отец сына со сватом искать ту девушку. Стали они ездить по деревням, по

домам, ищут и за летними шалашами. И вот в одной деревне нашли сани, поставленные к стене кудо. Подумали, что, наверное, девушка здесь.

Заходят туда, где были поставлены сани, а девушка стоит посреди двора.

— Разве у тебя нет семьи? — спрашивает у девушки сват.

— Семья есть, есть отец, мать, брат и невестка. Только мать ушла черное на белое менять. Отец ушел вынимать у живого сердце и легкие, а брат с невесткой ушли валить стоячих,— отвечает девушка.

Сват остолбенел, ничего не может понять, что она говорит. Потом спросил:

— Пить сильно хочется, нет ли у тебя воды?

— Воды нет. Мы сами пьем сейчас обмывки с мертвеца,— ответила она и, взяв кувшин, вышла в другую избу.

А жених со сватом вошли в избу, посоветовались и сказали: «Зачем же, мол, нам позволять так срамить себя!» — сели и уехали. Приехали.

— Что? Не нашли девушку? — спросил женихов отец.

— Нашли, но ... — отвечают они.

— Ну, что она говорит?

— Спросили, где её отец. Она ответила, что-де ушел вынимать у живого сердце и легкие. Спросили о матери, она сказала, что мать ушла менять черное на белое. Спросили о брате с невесткой, а она ответила, что ушли они валить стоячих. Хотелось пить, и попросили напоить, а она сказала, что воды нет, сами пьем обмывки с мертвеца. Она над нами так издевалась. Чтобы не осрамиться, мы от неё скорее ушли.

— Эх, глупые, ничего вы не поняли! — сказал отец.— Ведь она вам сказала, что отец ушел в лес делать бортевые ульи, мать — полоскать белье, а брат с невесткой — жать, а напоить она хотела вас медовой бражкой. Поезжайте обратно, она как раз тебе подходящая жена!

Поехали снова жених со сватом к невесте и привезли девушку. Привезли её. Она, посмотрев кругом, увидела, что на кудо нет крыши, а двор зарос травой. Не снявши еще свадебного платка, взяла она косу и принялась косить траву во дворе, а людей, пришедших смотреть свадьбу, заставила крыть этой травой крышу кудо. Затем заставила покрыть провалившуюся

крышу сеней. После этого они сыграли свадьбу и зажили как следует.

Вскоре их отец умер. Пошли молодые жать. Только начали работать, полил сильный дождь. Встали они под елку. Муж и говорит жене:

— Однажды отец мне сказал, чтобы я когда-нибудь вспомнил его под этой елкой. Зачем так сказал?

— Сходи домой, принеси лом и лопату!

Принес муж лом и лопату, топор, и жена начала рыть, выкорчевывать ель. Копала, копала, вытащила котел с золотом.

Благодаря золоту мариец разбогател, с тех пор у них золота не переводилось.

ЧЫГАН КУЗЕ ПОЕН

Ожно Опкын ила улмашын. Тудо кажне ийын, кугыжа деч йодын, эре еҥым кочкын. Икана кугыжа шке ешыжым чаманен да ик ялымак пуэн, кажне йӱдлан ик ешым кочкеш улмаш. Тудо ялыш чыган тӱшка толын шуыныт шыже велеш. Ик окнаш кычкырат, вес окнаш кычкырат — ик еҥат уке, лач тӱр пӧртыштӧ ик еш кодын. Тушко пачерлан пураш йодыт. Озаже ойла:

— Пурташ пуртем, таче йӱдым Опкын кочкаш толеш,— манеш. Лӱдын, шортшаш гай ойла.

— Пурто, вара ме шотым ыштена тый денет,— манып чыган-влак.

Чыган-влак тушко пурат, имньым туарат, кочкыт-йӱыт. Чыган-влак чыланат ялыш лектын каят, мо пӱсӧ ушо, чыла погат: товарет, кӱзет, пилат, ик пӧртыштӧ эше шашкым муыт. Ӱзгарым конден, чыла пӧрт пырдыжеш пудален шындат, пӱсыж дене тӱжвак.

Кастене Опкынет толеш кочкашлан.

— Окна гыч лекса веле,— кычкыралеш.

Ик кугурак чыганже ойла:

— Кӱлешлан шке пурыман!

Опкынет пеш чот сыра.

— Ах-ах, пӱтынь ялым пытарышым, иктат тыге ыш ойло, мо тале кодынат? — манын ойла.— Пӧртетым перен шалатем! — манын кычкыра.

— Кертат гын, шалате! — манып чыган-влак.

Опкын почшо дене пӧртым шолен колта. Почшо кутынь пилаш логалеш да кӱрлын возеш. Почшо кӱрлмылан пеш чот сыра да окна гыч пураш тӱҥалеш, чыган шӱйжӧ гыч ик вуйжым руал шуа, кокытшо веле

кодеш. Чыган-влак магырат, тудо вуйжымат шашкыш керыт да окна гычын шуэн колтат. Опкынет почшо ден вуйжым нумалеш да кочаж деке куржын колта, верышкыже.

Кочаже уныкаж деч йодеш:

— Молан кочкашет от кондо, уныкам?

— От кондо гала, вуем теве кочкыт. Ала-мо пеш тале кодын ик пӧрт,— манеш Опкынет.

Кочаже тудын вуйышкыжо эмым шӱралта да пижыктен шында. Кочаже тудын почшымат тугак пижыкта, тоштыж гаяк лиеш.

— Эргым, тыге огыл, эрдене кай да сайын сӧрвале. Огыт лек гын, унала кондо, чакшак ит кондо. Огыт тол гын, почеш поктен кочкына манын ойло.

Эрдене Опкын йоча куржын толеш чыган-влак деке.

— Эй, улыда?! — окна гыч кычкыра. Чыган-влак чыланат кычкырат:

— Улына!

— Айста, кочай тендам унала шӱден! — ойла.

— Миена веле!

Лектыт, оравам шӱрат, каяш лектынат шуыт. Опкын йоча нангая, кугу ер дек шукта да ойла:

— Тышакын кодса, кочай тендам лишке мияш шӱден огыл,— манеш.

— Мием, кочатым ужде ом чарне,— манын ойла кугу чыганже.

— Уке, уке, кочай тыйым ыш шӱдӧ! — манеш да тыртыш куржын колта ала-мо тӱрлын.

Кочаж дек мия.

— Кочай, тольыч чыланат,— манеш.

— Мий, эргым, кок кугу ӱшкыжым, шем-ола ден шем ӱшкыжым, кондышт нунылан шолташ,— манеш кочаже.

Опкын эрге мият, ойла:

— Те тиде ӱшкыжым намийыза, кочкаш шолтен пуэм тыланда,— манеш.

Туге манеш да Опкын эрге куржын колта шке декше. Чыган онча ӱшкыжым, чак мийышаш гай огыл, ӱшкыж кугу, кузе нангаяш? Кугу чыганын ушешыже возеш:

— Нийым кондыза, кандырам пунен, чыла ушкаллан кылдыштына,— манеш.

Чыган-влак куржын колтат, нийым руэн кондат, кандырам пунен, ушкаллан кылдышт шындат. Опкын кочаже ойла:

— Эргым, кай, мо вашке ок кондо!

Опкын йочат куржын мия.

— Мо вашке от намий ӱшкыжетым? — ойла.

— Кылдышт пытарена да чыла кӱтӱм иктеш намиена,— манеш кугу чыганже.

— Уке, кочай кокытым веле шӱден.

— Кокытым веле шӱден гын, шке нангай! — манеш.

Опкын эрге кок ӱшкыжым нумал кая. Кочаж дек намия.

— Молан огыт кондо? — манеш кочаже.

— Огыт кондо, нуно чыла кӱтӱм кондынешт ыле.

— Ой-ой, тугаяк тале улыт! Мий, ынде нангай нылле ведра пурымо печкем, тудын тичак вӱдым кондышт,— манеш Опкын.

Печкем намиен пуа чыган деке.

— Намийыза ик печке вӱдым! — печкем пышта ӱлык да шкеже каяш тӱнгалеш.

— Шого, мыят кочат деке миен, ужмо шуэш!

— Уке, уке, кочай тыйым шӱден огыл! — манеш да куржын колта.

Чыган печке дек миен онча, печкем яражымат тарватен ок керт. Чыган-влак адак кольмым ышташ тӱнгалыт, ыштен шуктат, ер йыр канавым кӱнчат.

Опкын эрге адак толеш.

— Мо вашке ода намий вӱддам! — манеш.

Чыган кычкыра:

— Кызытак намиена! Ерге тӧргалтена! — манын, у-у чылан лӱшкат.

— Уке, коча шӱден огыл, тиде печкем намие да сита! — манеш.

— Ик печке дене коштмаш уке, кӱлеш гын, шке нангай!

Опкын эрге нылле ведра пурымо печке вӱдым нумалеш да кая. Кочаже йодеш:

— Молан огыт кондо адак? — манеш.

— Огыт кондо галас, пӱтынь ерым тӧргалтен кондынешт!

— Мий,— манеш,— олташ пу кӱлеш, тушто ик шоргенче кия, тудым кондышт,— манеш.

Опкын эрге мият, ойла:

— Тидым пулан намийыза! — манеш. Адак Опкынет куржын колта.

Чыган миен онча шоргенче дек, тарватен ок керт. Вара нийым пушенгге вуеш кылдыштыт. Шуко жап эртен, адак Опкын эрге куржын толеш.

— Молан ода намий пум? — манын йодеш.

— Намиена, пӱтынь чодырам вожге намиен шындена,— манеш.

— Уке, кочай чодыраге огыл, лач тиде шоргенчым шӱден.

— Мый ик шоргенче дене коштмаш уке, чодыраге намиен пуэм да йӧра,— манеш чыган.

Саде Опкын эргет, шоргенчым каталын, рот-рот рокшым йоктара да нумал кая.

— Молан пуэтым огыт кондо? — манеш кочаже.

— Огыт кондо галас, пӱтынь чодырам кудывечыш конден шуынешт.

— Ой-ой, пеш тале улыт аман,— манеш Опкын.

— Мий,— манеш,— кочкаш кӱымешке, тиде нылле ведра пурымо печкеш аракам намиен пу, ала йӱын колен пытат.

Чыган дек нумал намиен пуа Опкын эрге. «Йӱза тидым!» — манешат, шке декше каен колта. Кугу чыганже подыл онча. «Кочо аракаже, тидым йӱат гын, колет»,— шона. Ик стакан гычын йӱкта да шкеже йӱэш, аракам ерышке кышкалыт. Опкын эргылан кочаже ойла:

— Мий, ала йӱын колен пытеныт?

Чыган-влак, Опкын мийымешке, ойлен ямдыленыт — кучедалаш пий орала. Опкын эрге толын шуэш, кучедал кият нуно ӱмбала-ӱмбала.

— Молан кучедалыда тыште? — манеш.

— Уна, тиде шкетак йӱын да кыра веле! — манын, ик изирак чыганже ойла.

— Шогыза, ала адак кочай аракам колта,— манеш да кая.

— Шого, кочат дек мыят мием! — манын, кугу чыганже лӱдыкта пеш чот.

Кочаж деке мия Опкын эргет.

— Кочай, ик кугу чыганже шкетак нылле ведрам йӱын! — манеш.

— Ой-ой, тале, ожно мыят рвезем годым кумло ведрам да монь йӱам ыле, мылечемат тале. Мий, уке гын шӱшкалтен ӱчашаш кай, ала шӱшкалтен кергат! — манеш.

Опкын эргет толеш.

— Айста ынде шӱшкалтен ӱчашена, кудына кертеш,— манеш.

Тидым колыт да чыланат пылышышкышт тӱрлӧ шӱкшакым чыкалтен шындат, пушеҥге пелен эҥертен шогалыт. Опкын эрге шӱшкалтен колта — пушеҥ-

ге гыч шокшан кидвурго кӱжгыт укшла йога. Чыган-влак огытат тарване. Кугу чыганже ойла:

— Ну, шӱшкалташ шӱшкалтем ыле, шинчат вуй пундашыш пудешт лекде ок код,— манеш.

— Ну, уке гын пӱтырыза иктаж шовыч дене.

Шовыч дене Опкынын вуйжым пӱтырен шындат, кум вуйым.

Кугу чыганже смола пу шелме ӱшым нумал толеш, изи чыганышт изи йӱк дене кычкыралыт тазан, кугужо, ӱш дене савырал, вуйжо гыч перен колта. Опкын йӧрлын кая. Чыган ӱшым чодыраш шуэн колта, шовычым рончен налыт. Опкын эрге куржын колта шке декыже. Кочаже йодеш:

— Ну,— манеш,— иктажым пуштын кертыч?

— Могай пушташ, иктат ыш тарване. Нуно шӱшкалтышт, шинчам вуй пундашыш теве пудешт лектеш. Тау эше шовыч дене пӱтырышт,— манеш.

— Ну, ынде шӱр кӱын, нангай ӱшкыж шылетым.

Опкын эрге ӱшкыж шылым намиен пуа. Чыган-влак кочкаш тӱнгалын улыт, ик шенгел эрдымат огыт пытаре. Кодшо шылжым чыла орвашке оптат, шӱкшакыштым ерыш кышкат. Кочаже ойла:

— Мий,— манеш,— йодын ончо, ала каят тышечын, ит сырыкте!

Опкын эрге толеш чыган деке.

— Кочай тышечын тендам каяш шӱдыш,— манеш.

— Уке, ме тышеч кайымаш уке! Тыште ушкал кӱтӱ дене ушо. Вӱд тыштак, чодыра тыштак.

Опкын эрге кая.

— Кочай, нуно тышеч огыт кай,— манеш.

Кочаже адак ойла:

— Мий, мом йодыт, тудым пуэна ман, пожалуйста, кайышт тышеч.

Опкын эрге куржын мия.

— Мом йодыда, тудым пуэна. Тышечын кайыза кузе-гынат.

— Ик нылле ведра пурыман печкешет шӧртньым кондо, вара каена! — кугу чыганже ойла.

Опкын эрге кочажлан миен каласа:

— Кочай,— манеш,— чыган-влак шӧртньым йодыт нылле ведра пурыман печкешет.

Кочаже шӧртньым опта да нумалтен колта, чыган дек намиен пуа. Нуно чыла шӧртньым ныл орваш лу пуд дене оптат. Имньым кычкат да тарванен кают тушеч.

Тулеч вара чыган-влак поеныт.

КАК РАЗБОГАТЕЛ ЦЫГАН

Жил некогда Опкын. Ежегодно он поедал людей и всегда требовал у царя по человеку. Однажды Опкын захотел съесть семью царя, но царь пожалел свою семью и отдал обжоре на съедение целую деревню. Опкын съедал каждую ночь по семье. К осени заехали в эту деревню цыгане. Стучатся в одно окно, в другое, никто не откликается. Только в крайней избе осталась одна семья. Старший из цыган стал проситься туда на ночлег.

— Пустить-то пущу, но сегодня нас должен съесть Опкын,— отвечает хозяин испуганным, плачущим голосом.

— Пусти, потом мы договоримся с тобой, как быть,— сказали цыгане.

Цыгане въехали во двор, распрягли лошадей, пообедали и разбрелись по деревне, чтобы собрать какие-нибудь предметы поострее. Собрали они топоры, ножи, пилы, а в одной избе нашли даже шашку. До прихода Опкына цыгане вбили все эти орудия в стены избы остриями наружу.

К вечеру явился Опкын и закричал:

— Выходите в окно!

— За тем, что нужно, сами заходят! — ответил старший цыган.

Опкын сильно разозлился на такую дерзость и крикнул:

— Ах, так! Всю деревню я уничтожил, никто не смел мне перечить. Вот посмотришь, как я твою избу расшибу!

— Если можешь, расшиби! — отвечают ему хором цыгане.

Как махнет Опкын хвостом, так и отвалился у него хвост, попав на пилу. В сильной ярости полез он в окно. Тут цыгане отрубили ему одну голову. Остался Опкын с двумя головами. А цыгане заорали во все горло и, подцепив ее на шашку, выбросили отрубленную голову в окно. Взял Опкын свой хвост и голову и побежал к своему деду.

— Почему ты не несешь никакой еды, внучек? — спрашивает дед.

— Какая тут еда, у самого у меня чуть голову не съели! Всего-то один дом в деревне остался, да что-то очень храбрые,— отвечает Опкын.

Помазал дед голову Опкына мазью и приклеил на место, приклеил и хвост.

— Не так надо поступать, внучек,— говорит Опкыну дед.— Пойди ты к этому дому утром и упроси хозяев по-хорошему. Если откажутся выйти, пригласи их, пригрози им, что я, мол, все равно настигну вас на пути и съем.

Утром Опкын прибежал к цыганам и закричал в окно:

— Эй, дома ли?!

— Дома! — ответили.

— Идемте, дедушка вас просит в гости!

— Сейчас! — ответили они.

Цыгане вышли, подмазали телеги и выехали. Опкын повел их к озеру, а там остановил и говорит:

— Оставайтесь здесь, дедушка не велел вам ходить дальше.

— Нет, я пойду! Пока не увижу твоего деда, не остановлюсь,— отвечает ему старший цыган.

— Нет, нет, дед тебя не просил! — прокричав эти слова, Опкын побежал быстро, как колесико. Придя к деду, сказал:

— Я привел их к озеру, дедушка!

— Пойди, сынок, скажи, пусть принесут сюда из нашего стада двух быков, черного и белого с черными пятнами, свари им еду,— просит дед.

Опкын вернулся к цыганам и сказал:

— Принесите вот этих двух быков, сварим вам поесть.

И Опкын опять помчался к себе. Посмотрел цыган на быков — большие, боязно даже близко подойти к ним. Как их нести? Подумав, сообразил старший цыган:

— Пойдите надерите лыка, свяжем всех быков вместе. Цыгане разбежались, принесли лыка, навили веревок и связали всех быков вместе. А дед Опкына говорит:

— Сходи-ка, узнай, что они быков так долго не несут?

Опкын снова прибежал к цыганам.

— Что долго не несете быков-то? — спрашивает.

— Как кончим связывать — принесем сразу всех вместе,— отвечает старший цыган.

— Нет, дедушка просит только двух.

— Если просил только двух, тащи сам! — сказал.

Понес Опкын двух быков, повесив их на оба плеча, принес деду.

— Почему же они сами не несут? — спрашивает старик.

— Какое не несут! Они хотели принести сразу все стадо.

— Ой, ой, ой! Неужели они такие силачи? Неси им теперь сорокаведерную бочку. Пусть принесут воды.

Опкын притащил цыганам бочку.

— Принесите воды!

Оставил он бочку и заторопился домой.

— Постой, и я пойду к твоему деду. Я хочу посмотреть! — кричит ему вслед цыган.

— Нет, нет! Дедушка тебя не просил! — ответил Опкын и побежал еще быстрее.

Подошел цыган к бочке. Попробовал приподнять — даже пустую с места сдвинуть не может. Начали цыгане делать себе лопаты. Наделали лопат и принялись рыть вокруг озера канаву. Опять приходит Опкын:

— Что долго воду не несете?

— Сейчас принесем, подковырнем озеро целиком,— закричали ему цыгане все разом, начали шуметь, на чем свет стоит.

— Нет, дедушка не просил все озеро, одной бочки хватит,— убеждает их Опкын.

— Нечего пачкаться из-за одной бочки! Если только бочку надо, то и неси сам!

Взвалил Опкын сорокаведерную бочку и несет. Спрашивает его дед:

— Почему они сами не несут?

— Какое не несут! Они хотели все озеро принести!

— Пойди, скажи им, что нужны дрова на топку, там валяется большой кряж, пусть несут его!

Опкын приходит к ним:

— Вот приволоките этот кряж!

Цыган подошел к кряжу. Нет! Поднять невозможно. Начали цыгане привязывать веревки к верхушкам деревьев. Прошло порядочно времени, опять прибежал Опкын:

— Почему вы дров не несете? — спрашивает он.

— Сейчас выкорчуем и принесем весь лес целиком!

— Нет, дедушка не просил всего леса, он просил принести вот этот кряж.

— Не будем мы возиться с одним кряжем, принесем весь лес, пригодится на дрова.

Поднял Опкын кряж, отряхнул с него землю и сам потащил домой.

— Почему же они сами не несут дров?

— Какое тут не несут! Весь лес хотели принести на наш двор.

— Ой, ой, ой! Стало быть, это и в самом деле очень сильные люди! — подумал дед.

— На, отнеси им это питье в сорокаведерной бочке, может обопьются и сдохнут!

Опкын приносит цыганам бочку и говорит:

— Выпейте это! — а сам побежал поскорее домой. Попробовал старший цыган.

«Вино что-то очень горькое, если выпьем, все можем умереть!» — думает.

Налил цыган всем по стакану, сам выпил, а остальное выплеснул в озеро. Дедушка гонит внука:

— Пойди, посмотри, может перепились и сдохли все?

До прихода Опкына цыгане договорились между собой затеять борьбу, вроде — «мала куча». Пришел Опкын и видит, что цыгане валяются как попало друг на друге.

— Что это вы так сильно боретесь? — спросил он.

Подбежал маленький цыган и сказал:

— Вот он выпил всю бочку и бьет нас!

— Погодите, может дедушка вам еще пошлет,— сказал Опкын и побежал к себе.

— Постой, и я пойду к твоему деду! — закричал во весь голос старший цыган, чтобы нагнать ему страху.

Опкын побежал к деду и говорит:

— Дедушка, старший цыган один выпил всю бочку вина!

— Ой, ой, ой! Какой силач! В молодости я и то выпивал всего тридцать ведер; оказывается, он сильнее меня! Иди-ка лучше поспорь с ним, кто сильнее свистнет. Может быть, ты победишь его.

Приходит Опкын к цыганам и предлагает:

— Давайте спорить, кто сильнее свистнет?

Услышав это, цыгане насовали в уши всякого тряпья и прислонились к деревьям поплотнее. Как свистнет Опкын, так и повалились с деревьев сучья толщиной с руку. Цыгане даже не пошевелились. Затем говорит ему старший цыган:

— Ну, свистнуть-то я свистну, но глаза у тебя выскочат на лоб.

— А вы завяжите мне глаза какой-нибудь тряпкой!

Завязали Опкыну глаза на трех его головах. Старший цыган принес колотушку, которой колют деревья для смолы, и ударил ею с размаху Опкына по голове. Тот свалился с ног. А в это время маленькие цыгане завизжали все враз своими тонкими голосами. Цыган бросил свою колотушку в лес и развязал тряпку. Опкын пустился бежать к себе.

— Ну, убил ли ты хоть одного? — спросил его дед.

— Какое тут убить! Когда я свистнул, ни один из них не пошевелился, а когда свистнули они, то глаза мои чуть-чуть на лоб не выскочили. Спасибо еще, что завязали тряпкой,— ответил тот.

— Ну, суп готов, неси им бычье мясо!

Опкын приносит им бычье мясо. Цыгане принялись есть, но не смогли даже одну заднюю ногу кончить. Остальное положили к себе в телегу, а всякое тряпье свое побросали в озеро.

Дед говорит внуку:

— Иди спроси, может быть, уехали бы они отсюда, только не серди их.

Прибегает Опкын к цыганам и говорит:

— Дедушка предлагает вам уехать отсюда.

— Нет, мы отсюда и не думаем уезжать! Здесь целые стада коров, тут же вода, лес близко,— отвечает цыган.

Опкын прибегает к себе и рассказывает:

— Дедушка, они не хотят отсюда уезжать.

Дед снова гонит его:

— Иди, скажи, что мы дадим им все, что они потребуют, пусть только уберутся отсюда куда-нибудь.

Опкын бежит к ним и говорит:

— Все мы вам дадим, только уезжайте куда-нибудь отсюда.

— Принеси сорокаведерную бочку золота, тогда уедем,— заявляет старший цыган.

— Дедушка,— говорит внук,— цыгане просят золота полную нашу сорокаведерную бочку.

Насыпал дед в бочку золота и послал с внуком.

Цыгане разложили золото на четыре телеги, по десять пудов на каждую. Запрягли лошадей и уехали оттуда.

С тех пор цыгане стали богатыми.

КУЗЕ МАРИЙ ИЯМ ОНДАЛЕН

Ик марийын ер воктене вопшан пӱнчыжӧ улмаш. Яра кенгежым тудын вопшышкыжо мӱкш пурен. Мӱй кӱзымӧ жап шумеке, вопш кандырам, товарым, пужарым, пычалым налын, марий ош вӱльыжым кушкыж шинчеш да ер деке йорталта. Вопш деке миен шумеке, вопш кандыражым пенгыде мо манын онча. Вопш кандыраже шӱкшемын улмаш. Марий нымыштым руал налеш да ер тӱрышкӧ миен шинчеш, мурен-мурен, шӱкшӧ вопш кандыражым тӧрлатылаш тӱнгалеш.

А тудо ерыште ия ден аваже илат улмаш. Ия, муро йӱкым колын, марий деке лектеш да йодеш:

— Тиде кандыра дене мом ыштынет вара, марий?

Марий каласа:

— Тиде ерым шӧргалтен нумал кайынем!

— Ме вара кушто илаш тӱнгалына? Ой, марий, ит нангаяк! — манеш ия.

— А кеч-кушто илыза, мыйын сомыл уке,— манеш марий.

— Изиш гына чыталте, мый тыманмеш авай деке миен толам.

— Ну, тугеже йӧра,— манеш марий.

Ия аваж деке чымалтеш да каласа:

— Авай, ынде мом ыштена?! Ерна воктен ик марий кандырам пунен шинча. Мый тудын дечын «Кандыра дене мом ыштынет?» манын йодым. Тудо «Тиде ерым шӧргалтен нумал кайынем» мане.

Аваже иялан каласа:

— Мий, кае тудо марий деке да куржын ӱчашыза. Тый тудым куржын ончылтет — тиде ерым нумал каен огеш керт.

Ия марий деке лектеш да каласа:

— Айда, марий, ӱчашен куржына. Тый мыйым ончылтен кертат гын, тиде ерым нангает. Мый тыйым ончылтем гын, от нангае.

— Айда ӱчашена,— манеш марий, ош вӱльыжым кушкыж шинчеш да кудал колта.

Ия киен кодеш, аваж деке пура да каласа:

— Ой, авай! Марий имньыжым вож коклашкыже ишыктыш да туге виян куржын колтыш — ик гана тӧрштылтымаштыже ик важыкым эрта. Кузе мылам ончылташ?

Аваже иялан каласа:

— Ынде чодыра чараште куржын ӱчашыза.

Ия марий деке лектеш да каласа:

— Ынде, марий, айда чодыра чараште куржын ӱчашена.

— Очыни, тый мыйым ончылтен от керт,— манеш марий.— Теве тудо чодыра нерыште мыйын Агач лӱман изи шольым уло. Тый тушко мие да «Агач! Агач!» манын кычкыре. Тудо лектеш, вара тудын дене куржын ончыза.

Ия ончыктымо чодыра нер деке мия да «Агач! Агач!» манын кычкыраш тӱҥалеш. Мераҥ йӱкым колеш да туге виян кудал колта — ия пырт веле ужын шукта. Ия аваж деке пура да каласа:

— Авай, кузе мыланем марий дене ӱчашаш? Тудо шкеже огыл, а изи шольыжо гына лекте, туге виян куржын колтыш — мый изиш гына ужын кодым.

Аваже иялан каласа:

— Ынде тый марий дене кучедал ӱчашыза.

Ия марий деке лектеш да каласа:

— Айда, марий, ынде кучедал ӱчашена.

Марий каласа:

— Мый кучедалмем годым кидем чарен ом керт, тыйым ала-мом ыштен пытарем. Теве тудо пич чодыраште мыйын йӱден пытыше кугу ачам уло. Тушко мие да «Мишка! Мишка!» манын кычкырал, тудо лектеш. Тудын дене кучедал ончыза.

Ия марий ончыктымо пич чодыра деке мия да «Мишка! Мишка!» манын кычкыраш тӱҥалеш. Йӱкым колын, маска лектеш да ия деке пижеш, чот гына перен-перен колта. Ия пыкше гына маска дечын утлен куржеш. Аваж деке мия да каласа:

— Авай! Марий огыл, йӱден пытыше кугу ачажат мыйым теве-теве пуштеш. Шкеже кучедалеш гын, мом ышта ыле?!

Аваже иялан каласа:

— Ынде тый марий дене тупым удырен ӱчашыза.

Иян аваж дене улмыжо годым вӱд гыч ужава лектеш да марийлан каласа:

— Иялан аваже тупым удырен ӱчашаш кӱштыш. Марий, тидым колын, кож кӱрым кушкедеш да тушешыже шым пачаш пидын шында, адак пужарым шумен пышта.

Ия марий деке лектеш да ойла:

— Айда, марий, ынде тупым удырен ӱчашена.

— Айда,— манеш марий.

Ия марий тупым удырал-удырал колта — марий тупышто куд пачаш кож кӱр кушкедалт кая, ик пачаш веле кодеш. Марий, пужарым налын, ия тупым

пужарал колта — ия туп гыч шыл лаштык тӧргалт-тӧргалт возеш. Ия кычкырал колта да аваж деке куржын пурен кая.

— Авай,— манеш,— марийын тупшо пеш пешкыде улмаш, удырен-удырен, кӱчемат корштыктышым, а тудын тупшым корштарен шым керт. Тудо мыйын тупем чылтак тӧргалтыл пытарыш. «Теве» манын, тупшым ончыкта.

Аваже иялан каласа:

— Ынде те марий дене теве тиде кестеным ер гоч кудалтен ӱчашыза.

Иялан кумло пудан кестеным пуа.

Ия марий деке кестеным нумал лектеш да каласа:

— Айда, марий, ынде тиде кестеным ер гоч кудалтен ӱчашена.

— Айда,— манеш марий.

Ия кестеным ер гоч шуэн колта — кестен ер вес серышке керылт шинчеш. Марий иялан манеш:

— Тый кестенетым шке луктын пу. Мый шупшылам гын, кестен вурдет кӱрлын кая.

Ия кестеным луктеш да марийлан пуа. Марий кестеным пыкше чараклен шогалеш да кӱшкӧ ончен шога. Ия марий дечын йодеш:

— Мом пеш ончет?

Марий каласа:

— Теве тудо пыл нерым ужат? Тудо пыл нер толмым вучем. Кестеным тудо пыл нерышке кудалтем.

Ия «Ой, ит кудалтак, тиде кестен шкаланнат кӱлеш!» манеш да аваж деке пурен кая. Пура да аважлан каласа:

— Авай, марий кестеным пыл помышко кудалтен колтынеже ыле, пыкше кучен кодышым.

Аваже иялан каласа:

— Ынде те марий дене шӱшкалтен ӱчашыза.

Ия марий деке лектеш да манеш:

— Айда, марий, ынде шӱшкалтен ончена.

— Айда,— манеш марий.— Только кож вуй гычын шӱшкалтена.

Ия ден марий кож вуйышко кӱзат. Марий шкенжым кож воктек ӱштыж дене пидын шында. Ия шӱшкалтен колта — марийын шола пылышыже петырналт шинчеш, шкеже пырт гына ӱштешыже кечен кодеш. Марий пычалже дене лӱен колта — ия кож вуй гычын тыве-дӧвӧ камвозеш. Ия аваж деке куржын пура да каласа:

— Авай, мый шӱшкалтышым — марий ышат тар-

ване. Тудо шӱшкалтен колтыш — мый шинчен шым керт, камвозым.

Аваже иялан каласа:

— Марий дене ынде тылетла нимом ышташ ок лий аман. Мий да йодын тол: тиде ерым шӧргалтен нумал кайыдымыжлан кунар оксам йодеш?

Ия марий деке лектеш да каласа:

— Тиде ерым шӧргалтен нумал кайыдыметлан кунар оксам налат?

Марий упшыжым налеш да манеш:

— Теве тиде теркупшым темен пуэт гын, сита.

Ия аваж деке оксалан пурен кая. Тыгодым марий вынемым кӱнча да теркупшыжым, пундашешыже рожым шӱтен, вынем анғышке пуртен шында. Ия ик пуд оксам марийын теркупшышкыжо оптал колта — упш ок тем, вес пудым луктын опталеш — теркупш адак огеш тем. Ала-кунар пудым опта, вара иже темеш.

Марий тиде оксам мешакышкыже оптен шында да иялан каласа:

— Ынде мыйым тиде арверем-шамыч дене мӧнгем нумал намиен кодо.

Ия марийын ик мешак оксажым, моло арвержым сакала, марийым шкенжым тупышкыжо кӱзыктен шында да марийын суртышкыжо кая.

Ия дене пырля марий пӧртышкыжӧ пура да ватыжлан каласа:

— Кува, мӱшкыр пеш шужен, кочкаш шолто-ян!

Ватыже йодеш:

— Мом шолташ?

Марийже манеш:

— Тиде иян вуйжым шолтет мо?

Ия тидым колеш да, марийын пырдыжшым нӧлтал лектын, шенгек ончалде, мӧнгыжӧ шикш-пурак куржын колта.

КАК МАРИЕЦ ОБМАНУЛ ЧЕРТА

Была когда-то у одного марийца возле озера бортевая сосна. Летом заселились в его борти пчелы. Пришло время брать мед. Собрал мужик бортевые веревки, топор, скобель, взял ружье, сел на свою белую кобылу и поехал к озеру.

Приехал мужик к сосне, проверил, крепка ли веревка. Смотрит — его бортевая веревка истерлась.

Надрал он лыка, сел на берегу озера и стал чи-

нить свою веревку, мурлыча песню. А в том озере жил молодой черт со своей матерью. Услышал он, что кто-то песню поет, вылез из озера и спрашивает:

— Эй, мужик, что ты хочешь делать, зачем тебе эти веревки?

А мужик ему отвечает:

— Вот сплету веревку, обовью ваше озеро и унесу с собой.

— Ой, не уноси! Где же мы тогда с матерью жить будем? — испугался черт.

— Мне-то какое дело? Где хотите, там и живите,— отвечает ему мужик.

— Подожди немного,— говорит ему черт.— Подожди веревку вить, петлю делать, дай я к матери сбегаю.

— Ладно,— согласился мужик.— Так и быть, подожду.

Прибежал черт к матери и говорит ей:

— Матушка, что будем делать? Сидит на берегу озера мужик, вьет он веревку. Я спросил его: «Что ты хочешь делать с веревкой?» А он ответил: «Хочу это озеро унести с собой».

Мать сыну-черту и говорит:

— Иди к этому марийцу и испытай, кто быстрее бегает. Ты его обгонишь — не будет у него права унести озеро с собой.

Вылез черт к мужику и сказал:

— Давай с тобой бежать наперегонки! Перегонишь меня — унесешь с собой озеро. Я тебя перегоню — не унесешь его.

— Давай! — говорит мужик.

Вспрыгнул он на свою белую кобылу и поскакал по дороге. Черт побежал, но отстал от него. Вернулся обратно к матери.

— Ой, матушка, сжал мужик между ногами свою белую лошадь да так побежал по дороге — что ни прыжок, то сажень позади остается! Куда мне его опередить?

— А ты поспорь с ним бежать по лесной чаще.

Вылез черт и говорит мужику:

— Давай, мариец, теперь с тобой побежим наперегонки по лесной чаще!

— Наверное, тебе не обогнать меня! — говорит ему мариец.— Вон в осиннике живет мой младший брат Агач. Ты сходи к нему и позови погромче: «Агач! Агач!» Он выйдет — вот с ним и постязайся.

Черт пошел в осинник и закричал во все горло:

— Агач! Агач!

А в том осиннике сидел заяц. Он услышал голос, испугался, выскочил и так поскакал, что черт его почти и не видел!

Вернулся черт к матери и сказал:

— Мать,— говорит,— где мне с марийцем наперегонки бегать? Он сам даже не стал со мной тягаться, вместо него вышел его младший брат, а тот так побежал, что мимо меня мигом пролетел.

Мать и говорит своему сыну-черту:

— Теперь ты с этим марийцем поборись.

Выходит черт к марийцу и говорит ему:

— Эй, мариец, давай теперь бороться!

Мариец ему и говорит:

— Когда я борюсь, то не могу управлять своими руками, поэтому не ручаюсь, что будет с тобой. Вон в том глухом лесу живет мой полоумный старый дед. Поди туда да позови погромче: «Мишка! Мишка!» А как он выйдет, попробуй с ним бороться.

Обрадовался черт, поскакал вприпрыжку к лесу. Прискакал, закричал во все горло:

— Мишка! Мишка!

На голос вышел из лесу медведь, увидел черта, навалился на него и стал его хлопать своими лапищами. Чудом вырвался черт из его объятий.

Приплелся к матери и рассказывает:

— Мать! Даже не мариец, а его полоумный старый дед чуть было не убил меня! А если бы сам мариец меня схватил, что бы со мной сделал?

А мать ему говорит:

— Теперь ты с мужиком поспорь, кто кому спину перечешет.

Пока черт разговаривал с матерью, выскочила из воды зеленая лягушка и говорит марийцу:

— Черту мать велела состязаться, кто кому спину перечешет!

Услышав это, мужик надрал коры с ели, привязал семь ее слоев к своей спине да приготовил еще скребок.

Черт вылез и сказал:

— Давай, мариец, поспорим, кто кому спину перечешет!

— Давай,— согласился мужик.

Черт царапнул спину марийца, шесть рядов еловой коры зараз содрал, остался лишь один ряд. Теперь ма-

риец взял свой скребок, стругнул черта вдоль спины — куски мяса стали отлетать от его спины. Взвыл черт от боли, побежал к своей матери.

— Матушка,— говорит,— оказывается, спина у мужика толстая, чесал-чесал, аж когти мои заныли, а ему не больно. А сам он мне всю кожу до костей содрал!

Показал своей матери спину и сказал:

— Вот посмотри!

Мать и говорит своему сыну-черту:

— Теперь ты с мужиком поспорь, кто кинет этот кистень через озеро.

Вынес черт тридцатипудовый кистень.

— Давай теперь,— говорит,— поспорим, кто кистень через озеро подальше кинет.

— Давай,— согласился мариец.

Черт размахнулся и перекинул кистень через озеро: упал кистень на другом берегу и ушел по самую ручку в землю.

Мариец говорит черту:

— Ты сам вытащи кистень. Если я потяну, то ручка кистеня сломается.

Черт вытащил кистень и отдает марийцу. Дотронулся мариец до кистеня, чуть-чуть удерживает за ручку, а сам вверх посматривает.

— Ну, чего смотришь? — торопит его черт.

— Да вон видишь то облако? — говорит мариец.— Как приблизится это облако, я на него и заброшу твой кистень.

— Ой, что ты! — испугался черт.— Не бросай кистень на облако, он нам самим нужен!

Схватил черт свой кистень да поскорее уволок его к матери. Зашел и сказал матери:

— Мариец хотел кистень на облако забросить, чуть-чуть я его удержал.

Мать ему и говорит:

— Теперь поспорь ты с мужиком, кто кого пересвистит.

Вышел черт и говорит марийцу:

— Давай теперь будем свистеть, кто кого пересвистит.

— Давай,— говорит мариец.— Только с вершины ели свистеть будем.

Залезли мужик и черт на высокую ель. Привязал мужик себя к дереву своим поясом; свистнул черт — мужик оглох на левое ухо и чуть с дерева не свалил-

ся, хорошо, что пояс крепко держал. Он снял с плеча ружье, выстрелил над ухом черта, тот кубарем слетел с дерева — бегом к матери.

Прибежал, рассказывает:

— Я свистнул — мужик и не шелохнулся. Как он свистнул — так я на елке не удержался, упал.

Мать говорит ему:

— Теперь уж,— говорит,— видно ничего с ним нельзя сделать. Сходи спроси его, сколько он возьмет денег за то, чтобы не уносить наше озеро.

Вылез черт к марийцу, спрашивает:

— Сколько ты возьмешь денег за то, чтобы не уносить наше озеро?

Мариец снял свою шляпу и сказал:

— Насыплешь полную шляпу — и хватит.

Побежал черт к матери за деньгами, а мариец выкопал яму, вырезал в шляпе дыру и приладил ее над ямой. Вытащил черт пудовый мешок денег, высыпал, а шляпа не наполнилась. Вытащил второй, третий... Много пудов сыпал, пока шляпа наполнилась.

Пересыпал мужик деньги в свой мешок и говорит черту:

— Теперь отнеси-ка все это добро в мою избу.

Взвалил черт на плечи мешок с деньгами, посадил и его сверху и отправился к дому марийца.

Пришли черт и мужик, зашли в избу, мариец и говорит жене:

— Жена! Свари-ка пообедать чего-нибудь, а то я очень проголодался!

— Что же я сварю?! — спрашивает жена.— Ничего нет в доме.

Мужик взглянул на черта.

— Да свари,— говорит,— голову вот этого черта!

Как услыхал черт такие слова — поднял крышу дома и побежал к себе, только дым столбом поднялся.

ЙОРЛО ИКШЫВЕ

Илен ожно Йыван Васли. Эре кӱтӱм кӱтен кошты. Тудым купеч эре пызырен. Вольыкшым яра кӱтыктен. Йӧршеш шке кидышкыже налын. Кузе шонен, туге кучылтын. Тудо нужна еҥын ик изи ушкалже, ватыже, эргыже улмаш. Эргыже Миклай лӱман улмаш. Купеч Миклай манмылан пеш сырен. «Те кугыжан лӱмым нумал огыда керт»,— манын. Купеч кӱтӱчын эргым «вольык» веле манын лӱмден. Йорло ик-

шыве тыге манмылан пеш сырен. «Ой, ик гана ӱмырыштем кузе поян-влаклан ушым пурташ»,— манын шонен коштын. Вара ачажлан ойла:

— Ачий,— манеш,— айда ушкалнам шӱшкылына, ик гана йомаш гын йомаш,— манеш.

— Ой, эргым,— манеш ачаже,— уло поянлыкна — ик ушкал веле вет. Але кузе, кӱтӱм кӱтен, ик презым налынам ыле. Вӧдыр кугыза чаманен пуэн ыле. Она шӱшкыл, эргым,— манеш.— Ой, эргым, ит шӱшкыл, пытартыш ушкална вет!

— Ачий,— манеш эргыже,— тыйын ӱмырет кужу огыл, мыйын кужурак, мый эре тыгай илышыште илен ом керт,— манеш.

Кӱзым налеш да йӱдым ушкалжым шӱшкылеш икшыве. Вара коваштыжым налеш да олашке лектын кая. Олаш миен шумешкыже, кас лиеш. «Кӧн дек пурышаш гын малаш?» манын, шонен шога. Ик вате деч йодеш, весе деч йодеш. Коваште купечын ватыже лачак толеш ваштарешыже.

— Ну, рвезе, куш кает? — манеш купечын ватыже.

— Малаш пачерым кычалам,— манеш рвезе.

— Айда каена мемнан дек,— манеш купеч вате.— Тиде коваштетым мош ужалет?

— Иктаж кум теҥгем пуэт чай? — манеш рвезе.

— Коваштетат кушкедалт пытыше, кумло кумырлан пуэт чай? — манеш купеч вате.— Вара малыметланат ом нал. Мыйын кугыза купеч, коваштым пога,— манеш.— Малаш комака шеҥгек воч.

Рвезе комака шеҥгелан малаш возеш. Йӱдым, лу шагат шушашлан, окна шат-шат-шат шокта. «Марья Ивановна, открой!» — мангыч шокта. Купеч вате почеш да офицер ден поп пурат. Вара йӱаш, кочкаш тӱҥалыт. Тудо коклаштак капка дӱҥ-дӱҥ-дӱҥ шокта. «Марья, поч!» — шокта тазан.

Лампе тулым кенета пуалыт. «Куш шылына, кушеч каена?» — маныт офицер ден поп.

— Вашке комака йымак пурыза,— манеш купеч вате.— Айда, нолнер рвезе, тыят пуро,— манеш.

— Эх, мемнам пийланат огыт уж! — манын, рвезат комака йымак пура.

Ынде тушто кумытын лийыт. Куваже марийжым налаш куржын лектеш, почын пурта кугызажым. Вара монча гыч тарзыжым кычкырал толеш. «Туаре,— манеш,— имньым». Тарзыже тураш тӱҥалеш. Купеч ватыж дене пӧртыш пурат, тулым чӱктат.

— Ватем, мо ошемынат? — манеш купеч.

— Кычкыралмет деч лӱдым да,— манеш ватыже.— Вара тыпландарыше эмым йӱым,— манеш.

Изиш лиймеке, чайым шуктат, йӱаш тӱҥалыт. Рвезет комака йымалне, апчхи манын, тӱрвыч колта. «Прес!» манын, кычкыралеш ватыже. «Нолнер, шып!» — манын офицер ден поп. Адак ик гана тӱрвыч колта рвезе.

— Шып! — манын кычкыралын офицер ден поп.

— Оксам пуыза! — манеш рвезе.

Лу теҥге гыч луктын пуат коктынат. Изиш лиймеке, адак тӱрвыч колта рвезе. Рвезын «Костюмдам пуыза!» манмылан тудлан кемым, костюмым пуат. Тыге поп ден офицер вургем деч посна кодыт. Изишак лиймек, адак тӱрвыч колта рвезе.

— Мо тыгай, кува, ала-мо айдеме йӱкла шокта? — манеш марийже.

— Пачерлан пурен да ик марий икшыве,— манеш куваже.

— Ну, лук,— манеш,— тудым.

Куваже рвезым луктеш.

— Куш коштыч, рвезе? — манын йодеш купеч.

— Олаш коваштым кондышым,— манеш.

— Ну, коваштетше могай? — йодеш.

Рвезе коваштым ончыкта.

— Коваштетым эрдене налам,— манеш купеч.

Икшыве ойла:

— Тыйын пӧртыштет ия уло. Ик шӱдӧ теҥге оксам пуэт гын, мый нуным поктен луктын кертам,— манеш.

— Пеш шерге лиеш, витле сита,— манеш купеч.

— Уке, витлетлан ом лук,— манеш рвезе.— Тыйын оксатым тылзыште шӱдӧ дене пытарат вет нуно.

— Окса куш катыкемеш, шонем,— манеш купеч.— На ик шӱдӧ теҥге, айда поктен лук.

— Ик под шокшо вӱдым шолтыза,— манеш рвезе.

Шокшо вӱдым шолтат. Рвезе черпакым налеш, комака йымал анҥыш миен шогалеш, ик черпакым кошталеш да комака йымак чож-ж шуэн колта. «Ой-ой!» манын, кычкырал колтат комака йымалне. «Пытыш илыш кечем!»,— мангыч шоктыш адак. Комака йымачын поп ден офицер ныл йола куржын лектыт. Рвезе адак ик черпакым кышкалеш куржмышт шеҥгеч.

— Вот ужыч, купеч?! — манеш рвезе.— Нине купеч лияшет эрыкым пуэн огытыл,— манеш.

Купеч ик шӱдӧ теҥгем луктын пуа адакат Миклай-

лан. Вара пукша, йӱкта сайын. Рвезе ынде каяш тӱҥалеш.

— На, коваштетлан ик теҥге окса,— манын пуа купеч.

Пӧртӧнчык лекмеке, купеч вате коло теҥге оксам «на чай» пуа.

Вара рвезе шке декше лектын кая, пӧлекым налеш. Шке декше миен шуэш, лачак кочкын шинчат улмаш.

— Таза улыда, ачий, авий? — манеш.— На, ачий,— манын луктын пуа оксам.— Ит иле тыште ынде, сита, поянлан пӱжвӱдым йоктарышна!

— Эй, эргым, куш каен пурет? — манеш ачаже.

— Васли Пӧтырын ик пӧртшым налына,— манеш эргыже.

Вара тудо поян мариет дек миен пура.

— Ик пӧртетым мош ужалет? — манын йодеш.

— Коло вич теҥгелан пуэм,— манеш поян марий.

Йорло марий коло вич теҥгелан пӧртым налеш, вара сайынрак илаш тӱҥалеш.

БЕДНЫЙ МАЛЬЧИК

Жил когда-то Йыван Васли. Всю жизнь свою он был пастухом. Купец его под ногтем держал. Заставлял его пасти даром. И до того забрал его в руки, что распоряжался им, как ему вздумается.

Была у этой бедной семьи одна захудалая корова. Семья небольшая: сам, жена да сын. Сына звали Миклаем. Купец был очень недоволен.

— Вы,— говорил купец,— недостойны носить царское имя. (Миклай — это Николай.)

И окрестил купец мальчика по-своему: стал его звать «скотиной». А бедный мальчик, понятно, очень обижался и только и думал: «Ах, как бы хоть разок проучить этих богачей!» Думал-думал и однажды сказал отцу:

— Отец, зарежем нашу корову. Пропадать, так пропадать, один конец! — сказал.

— Ой, сыночек, ведь все наше богатство — наша корова. Ты знаешь, что мне удалось купить ее теленком, и то потому, что нам тогда подарил деньги дядя Ведыр. Вырастили мы корову с трудом. Нет, сынок, не будем резать ее, ведь она у нас одна-единственная.

— Отец, ты уже стар, долго не будешь жить, а у меня еще вся жизнь впереди! Я не могу жить в таком унижении,— сказал мальчик.

И вот однажды ночью паренек берет нож, режет корову. Снимает с нее шкуру и отправляется в город. Уже наступил вечер, когда он пришел в город. «К кому же зайти переночевать?» — думает он. Попросился у одной женщины, попросился у другой — никто не хочет пускать его на ночлег. Попадается ему навстречу жена купца.

— Ну, парень, куда идешь? — спрашивает купчиха.

— Ищу квартиру на ночлег,— говорит парень.

— Айда к нам,— предлагает купчиха.— За сколько продашь шкуру?

— За три рубля,— говорит парень.

— Шкура-то вся изорвана, отдай за тридцать три копейки, тогда переночуешь бесплатно. Мой муж — купец, как раз собирает шкуры,— говорит купчиха.— Ложись вон за печкой!

Он улегся за печкой. Около десяти часов вечера застучали в окно.

— Марья Ивановна, открывай! — послышался голос с улицы.

Женщина открыла дверь и впустила в избу офицера и попа. Сели гости за стол угощаться. В это время постучали в ворота, и послышался грозный голос:

— Марья, отпирай!

Быстро погасили огонь в избе.

— Спрячь нас поскорее! — стали просить офицер с попом.

— Полезайте скорее под печку! И ты, малыш, полезай туда же! — сердито шепчет женщина.

«Нашего брата и за собаку не считают!» — подумал мальчик и полез под печку. Забрались все трое под печку и сидят. Жена выбежала встречать мужа, открыла ворота и пустила во двор. Батрака позвали из бани.

— Распрягай коней! — сказал купец, и они с женой вошли в избу, зажгли огонь.

— Женушка, отчего ты так сильно побледнела? — спросил муж.

— Я испугалась твоего крика! — отвечает жена.— Потом я выпила успокоительное.

Скоро вскипел самовар, и они сели пить чай.

В это время мальчик под печкой громко чихнул: «Апчхи!»

— Брысь! — закричала жена, будто на кота.

А офицер с попом зашипели:

— Тише ты, сопляк!

Но мальчику и горя мало: чихнул еще раз.

— Да тише ты! — уговаривают его шепотом офицер и поп.

— Дайте денег! Тогда перестану чихать,— говорит им мальчишка.

Отдали они ему оба по десять рублей.

Через некоторое время мальчик чихнул в третий раз.

На слова: «Дайте мне костюм!» — офицер с попом разделись, дали ему сапоги, костюм, а сами остались без одежды.

Тогда мальчик чихнул еще громче. Купец встал и спросил:

— Кто это у нас чихает, жена? Похоже, что человек.

— Зашел к нам марийский мальчик переночевать, я и пустила его под печку,— отвечает жена.

— Ну, выводи его! — сказал купец.

Жена вывела мальчика.

— Куда это ты направился, мальчуган? — спрашивает купец.

— В город принес коровью шкуру,— отвечает он.

— Ну-ка, покажи, что за шкура,— спрашивает купец.

Мальчик показал свой товар.

— Завтра утром я куплю твою шкуру,— сказал купец.

Мальчик сказал:

— У тебя, купец, в доме неладно, завелись черт и колдун. Я выгоню их, если дашь мне за это сто рублей,— говорит.

— Дороговато будет, хватит и пятидесяти,— торгуется купец.

— Нет, за пятьдесят рублей не возьмусь; подумай сам, ведь они каждый месяц сотни твоих рублей тратят.

— А я-то думаю, куда уходят деньги? Возьми сто рублей, только изгони бесовскую силу! — соглашается купец.

— Вскипятите котел воды! — попросил мальчик.

Вскипятили воду. Взял мальчик черпак, зачерпнул кипящей воды и плеснул под печку.

— Ой, ой! — послышалось под печкой.— Конец пришел нашей жизни! — говорят.

Из-под печки поп и офицер выползают на четвереньках, вскочили и побежали. Вслед им мальчик плеснул еще черпак кипящей воды.

— Вот, купец, видел ты? — говорит мальчик.— Они-то и не давали тебе стать настоящим купцом!

Вынул купец сто рублей, отдал Николаю, да еще накормил, напоил его как следует. Стал мальчик собираться в путь.

— На тебе рубль за коровью шкуру,— сказал купец и дал ему еще рубль. В сенях купчиха дала ему на чай двадцать рублей. Потом мальчик отправился домой. По пути накупил всяких гостинцев и водки. Пришел домой, а в это время мать с отцом сидели за столом.

— Живы ли, здоровы ли вы, дорогие родители? — спрашивает.— На тебе, отец, деньги! Хватит жить здесь! Много мы пролили поту на работе у этого богача!

— Эй, сынок,— сказал отец,— куда же мы денемся.

— Купим один дом у Васильева Петра,— сказал сын.

Идут они к тому богатому марийцу — хозяину дома. И спрашивают:

— Сколько просишь за эту избу?

— Отдам за двадцать пять рублей! — сказал богатый мариец.

Бедняк-мариец купил у него дом за двадцать пять рублей, и стали жить они лучше, чем до этого.

БАЧЫШКАН ТАРЗЕ

Кум изак-шоляк улмашын. Кугу изашт паша кычал кая. Корнышто бачышкам вашлиеш.

— Куш кает? — йодеш поп.

— Паша кычал.

— Мыйын кылта кырышаш уло. Кӧ сыра — тудын нерым пӱчмыла лийже,— манеш бачышка.

Кыра-кыра тиде кылтам, нерым ом пӱчкыктӧ шонен. Йӱдвошт кырен-кырен, мӱшкыржӧ шужен. Эрден бачышка вӱдым намия кугу корка ден.

— Йӱмет шуэш мо? — йодеш бачышка.

— Мӱшкыр пеш шужен ыле да...

— Сырышыч мо?

— Как от сыре,— манеш тиде.

Бачышкет нержым пӱчкеш да налеш. Рвезе нержым кучен кая.

— Э-э, пояш кайышет нердыме толеш,— воштылыт весе-влак.

— Вот мый каем гын, поен толам,— манеш кокла шольышт.

Кая лектын, бачышкам вашлиеш.

— Куш кает? — йодеш поп.

— Паша кычал.

— Мыйын кылта кырышаш уло. Кӧ сыра — нер пӱчмыла лийже,— манеш бачышка.

Кыра-кыра тиде кылтам. Бачышка адак намия вӱдым.

— Анят вӱдым йӱмет шуэш,— манеш бачышка.

— Какой вӱдым йӱмӧ шуэш! — манеш рвезе.— Але мӱшкыр шужен!

— Сырышыч мо? — манеш бачышкат.

— Как от сыре, еҥын мӱшкыр шужен! — вашешта кыдалаш шольышт.

Нерым йошт пӱчкеш тидыным бачышка. Рвезе нержым куча да кая.

Изи шольышт манеш:

— Коктынат пояш кайышт, нерде толеве да возеве. Вот мый каем гын, поен толам.

— Тый йолагайже поян лият ынде,— маныт изаже-влак.

Шольышт кая паша кычалын. Бачышкам вашлиеш.

— Куш кает? — йодеш поп.

— Паша кычал.

— Мыйын кылта кырышаш уло. Кӧ сыра — тудын нерже пӱчмыла лийже,— манеш бачышка.

Кыра-кыра, тарзын мӱшкыр пеш шужен. «Чо але»,— манеш. Пырчыжым пуалта, вашкерак ӱштылеш, мешакышке опта да лапкышке наҥгая. Аракам налын, клендырым, булкым, пряникым, ала-момат налын. Тидын чыла уло, кочкаш полный уло. Вес кылтам адак шарен пыштат, йӱдвошт ровотаен.

Капка йӱкет шокта: кутьури-ик! Бачышка толын пура:

— Ну, вӱдым йӱмет шуэш дыр?

— О-о, шаҥгысек кӱтышым, пешак вӱдым йӱмем шуэш,— манеш рвезе.

— А тый мом кочкыч?

— Мыйын полный кочкашем уло. Давай шич, коч!

— А тый кузе ыштенат? — йодеш бачышка.

— Мӱшкыр шужен ыле да кышылым вашкеракын погышым да пуалтышым, чумырышым, лапкыш нангайышым.

— Тыге ок кӱл ыле! Тый сырышыч мо? — бачышка нерым пеш пӱчнеже.

— Сырен омыл.

Тарзе кылтам кырен пытарен, уржам нумал пуэн клатышке.

— Мынярым налат? — йодеш бачышка.

— Пашат мо уло эше? — йодеш тарзе.

— Вот ме изишак унала каена, тый икшывым ончо. Калык мом ышта, тудым ыште. (Бачышкан кок йочаж ден Лук лӱман пийже улмаш.)

Калык пӧрт шӱташ толын. Тудат пӧрт ӱмбак кӱзен кая. Ял калык пӧртым сӱмыра, тудат пӧрт ӱмбач сӱмыра. Калыкыште йӱк шокта:

— Але комакам олтымыла, кочкаш шолтымыла, лукым падыштымыла!

Ял калык пӧртым сӱмырен пытарен каен, тудо пелыжым веле сӱмырен. Вара комакаш олта, шокшо вӱдым шолтен, кок ньогатым мушкеш. Ньога-влак моча деч вара кылменыт да коленыт: пӧртшын левашыже уке вет, сандене кылменыт. Лук лӱман пийжым кычкыра. Тудыжо пырня йымак логалын да колен. Налеш тудым да шӱрым шолтен шында. Вет калыкет «Шӱрым шолташ, лукым падышташ кӱлеш!» маныт.

Бачышка ден матушка, толын, пӧртым ончат — пӧртым пелыжым сӱмырымӧ.

— Молан тыге ыштышыч? — йодеш бачышка рвезе деч.— Молан пӧртым ронченат?

— А калык мом ышта, тудым ышташ ойлышыч вет, сырышыч мо?

— Уке, сырен омыл. Тыге ыштымыла огыл ыле...

Мӱшкыр шужен нунын, лемым кочкын ончат.

— Ньогатым кынелтымыла,— манеш матушкалан бачышкаже.

Ньогатым кынелташ кая, ньогат чыла колен пытеныт.

— Ох, тыге ыштымыла огыл ыле вет! Мом падыштенат?

— Лукым падыштенам,— манеш рвезе.

Бачышка шылым онча — чыла пун.

— Мемнан пий. Лук! Вот! Ой-ой, тиде мемнам пытара вет! Мынярым налат? — йодеш бачышка.

— Але мом налат, пашат мо уло эше? — тарзе каяш огешат шоно.

— Паша уке тетла, только кае ынде.

Бачышка ден матушка ньогатым тоят. «Айда шке шылына, шке йыштак лектын каена»,— маныт. Имньым кычкат, тарантасеш явалам оптат. А ты времаште тарзе шып гына пурен возеш шичме онга лӱваке. Кают.

— Ой-ой, тӱгӧ лекмем шуэш! — тарзын йӱк шокта.

— Тыдлеч утлаш ок лий вет. Ой, тиде кодын огыл!

Ер тӱрыш мият. «Матушка,— манеш бачышка,— ме ер тӱреш возына, тарзым тӱреш пыштена. Вара мый. «Шӱкал!» манам, тый тунам шӱкал колтет.

Матушка покшелан возеш. Нунет коктын мален колтат. Тарзе тӱр гычын коклаш пурен возеш. Матушка тӱрыштӧ лиеш. Бачышка помыжалтеш.

— Матушка, шӱкал, шӱкал! — манеш.

Саде эргет матушкетым шӱкал колта. Матушкет вӱдыш пурен кая.

— Матушка, вӱдыш шӱкал колтышыч? — бачышка манеш. Онча — тарзе воктенже кия.— Батюшки, батюшки, тиде кодо вет, тиддеч утлаш ок лий вет.— Шкежат вӱдыш шу-у пурен кая, шкежак тӧрштен, манеш, вӱдышкӧ.

Ынде тарзын чыла уло: чуматан ден окса, имне. Имньым кычка да толеш ынде мӧнгыжӧ.

— Капкам поть-тьа-а!—нердыме-шамычетлан кычкыра, воштылеш веле.— Вот теве, те нердыме толында, мый поен тольым!

Имньыжым петырен шында. Вара поян лиеш, манеш, иже.

Йомак — умбак, мый — тембак, кадыр неран Стьопан.

РАБОТНИК ПОПА

Жили-были три брата. Старший брат отправился искать работу. По дороге встретился ему поп.

— Куда идешь? — спрашивает поп.

— Ищу работу,— говорит старший брат.

— У меня,— говорит поп,— есть работа — снопы молотить. Только уговор: кто первым рассердится, у того нос отрезать.

Старший брат всю ночь молотил-молотил и никак

не думал, что у него поп нос отрежет. Молотил он и очень проголодался.

Утром пришел поп к нему и принес воды в большом ковше.

— Пить хочешь? — спрашивает поп.

— Проголодался я! — говорит он.

— А на меня не сердишься?

— Как же не сердиться?! — кричит работник.

Только сказал работник — тут же поп ему отрезал нос. Работник ушел домой, придерживая отрезанный нос.

— Э-э, сам пошел разбогатеть, а вернулся без носа,— смеются другие братья.

— Вот я пойду — вернусь богатым,— говорит средний брат.

Отправился средний брат на поиски работы. По дороге встречается ему тот же поп.

— Куда идёшь? — спрашивает поп.

— Ищу работу,— отвечает средний брат.

— У меня есть работа — снопы молотить,— говорит поп. Только уговор: кто первым рассердится, у того нос отрезать.

Средний брат молотил-молотил. Утром поп пришел к нему и тоже принес воду в большом ковше.

— Может, пить хочешь? — спрашивает поп.

— Откуда я пить хочу, когда я очень проголодался! — не выдержал работник.

— Сердишься, что ли, на меня?

— Как же мне не сердиться, когда я совсем голодный! — кричит средний брат.

Поп тут же отрезал ему нос. Средний брат ушел домой, тоже прикрыв свой отрезанный нос.

Младший брат говорит:

— Оба ходили разбогатеть, а вернулись без носа! Вот я пойду и разбогатею.

— Ах ты, лентяй, куда тебе разбогатеть?! — говорят старшие братья.

Отправился младший брат на поиски работы. По дороге встретил того же попа.

— Куда направился? — спрашивает его поп.

— Ищу работу,— говорит ему младший брат.

— У меня есть работа — снопы молотить. Только уговор: кто первым рассердится, у того нос отрезать.

Младший брат молотил-молотил, совсем обессилел и очень проголодался. И тут подумал: «Постой-ка». Быстро провеял зерно, подмел, насыпал в мешок и

отправился на базар. Продал зерно и накупил в магазине много съестного. Теперь у него стало много всякой пищи, даже баранки свежие. Работник снова начал молотить снопы, так он молотил всю ночь.

Послышался звук калитки: кутьури-ик! Пришел поп, принес воды в большом ковше.

— Ну, наверно,— говорит поп,— пить хочешь?

— О-о, давно жду, очень хочется пить! — отвечает работник.

— А ты что ел? — удивился поп.

— У меня всего полно, давай садись, поешь!

— А ты как это сумел? — спрашивает поп.

— Когда я проголодался, собрал зерно, провеял и отправился в магазин, продал и накупил все.

— Так не надо было делать. Ты сердишься? — попу так и хочется отрезать работнику нос.

— Нет,— говорит работник,— я не сержусь.

Работник кончил молотить снопы, зерно стаскал в амбар.

— Сколько теперь просишь за работу? — говорит поп.

— У тебя есть еще работа? — спрашивает работник.

— Мы ненадолго съездим с матушкой в гости, а ты присмотри за детьми и за собакой Лук. Что будет делать народ, то и ты делай. (У попа были двое детей и собака по кличке Лук.)

В соседнем хозяйстве собрался народ разбирать дом. Работник тоже взобрался на крышу поповского дома. Народ начал разбирать крышу, и работник тоже. Тут кто-то из людей сказал:

— Надо истопить печь, сварить обед, накрошить лук!

В соседнем дворе люди разобрали дом, а работник успел разобрать только половину поповского дома. Затем истопил печь, вскипятил горячую воду, искупал двоих поповских детей. Те потом простудились после купания: дом-то без крыши. Работник позвал собаку Лук, а та попала под бревно и подохла. Нашел и сварил из собаки Лука суп. Ведь в народе сказали, что нужно сварить обед, накрошить лук. (Вот такая сказка, плохая сказка.)

Приехали поп с матушкой из гостей и удивились: смотрят, дом наполовину разобран.

— Что ты наделал? — спрашивает поп у работника.— Зачем разобрал дом?

— Ты ведь сам сказал: делай то, что будут делать люди. На меня сердишься да? — говорит работник.

— Нет, не сержусь! Но только так не надо было делать...

Поп и матушка вернулись голодными, сели есть суп.

— Надо разбудить детей,— говорит поп матушке.

Матушка пошла будить детей. Тут она заметила: дети умерли.

— Ох, так не надо было делать! Что ты накрошил в суп?!

Батюшка посмотрел: в супе шерсть собаки.

— Наша собака, Лук! Вот! Ой-ой, мы от него погибнем! Сколько просишь за работу? — говорит поп.

— Батюшка, пока я ничего не возьму. Есть у тебя еще работа? — работник и не думает пока уходить.

— Работы больше нет, только уходи скорей! — говорит поп.

Батюшка с матушкой похоронили детей. «Айда мы лучше сами тайком убежим от него»,— говорят между собой. Запрягли лошадь, погрузили в тарантас вещи. А в это время работник тайком забрался под тарантас. Едут.

— Ой-ой, хочу на двор! — послышался голос работника.

— Ой, он ведь не остался. От него, видимо, не скроешься!

Подъехали к озеру. Наступила ночь.

— Матушка,— говорит поп,— мы ляжем у озера, а работника положим с краю, ближе к воде. Ночью я тебе скажу: «Толкни!» И тогда толкни его в воду.

Матушка устроилась на ночлег посередине, работник с краю, у воды. Поп и матушка уснули. Работник перебрался с края и лег посередине. Теперь матушка оказалась с краю.

Батюшка проснулся и говорит:

— Матушка, толкни его, толкни!

Работник подтолкнул матушку. Матушка утонула в озере.

— Матушка, толкнула его в озеро?

Смотрит: рядом лежит не матушка, а работник.

— Ох, батюшки, батюшки, он ведь опять остался, от него спасения нет,— и тут поп тоже — у-у! — прыгнул в воду.

Теперь у работника все есть: и денег целый чемодан, и лошадь. Запряг лошадь и поехал домой:

— Отворяйте ворота! — кричит безносым братьям, смеясь над ними. — Вот так вот! Вы остались без носа, а я вернулся богатым.

Лошадь запер в хлеву. С тех пор, говорят, он стал богатым.

Сказка — прочь, а я — тут, кривоносый Степан.

ПОП, ЯКЫН ДА ТАРЗЕ

Иленыт ожно ик ялыште поп, якын да тарзе. Поп ден якын черкыш коштыныт, а тарзе имньым ончен да мланде пашам ыштен.

Икана кеҥежым, уржа-сорла жапыште, поп, якын да тарзе кочкашышт тар пучымышым шолтеныт. Пучымышым теркеш волтен шындат, покшеланже кугу ӱй моклакам пыштат.

Поп ден якын пучымышым тарзылан пукшаш шонен огытыл. Коктынат ӱстел коклаш пурен шинчыт да кочкаш тӱҥалыт. Поп ӱйым шукырак кочнеже да тыгай амалым муэш:

— Озаҥ олаш корно кузе кая? — йодеш якын деч.

— Кузе кайымыжым раш каласен ом керт,— манеш якын.

Поп совлам налеш да шке ончыкыжо удыралеш.

— Тышечын Озаҥ олаш корно тыге кая,— ойла поп, совла дене ӱйым шкеж велке удыралын, пучымышеш корешым ышта.

— Тышечын Морко пазарыш корно тыгерак кая,— манын, якынат шке ончыкыжо совла дене ӱйым удыралеш.

Тарзе ончен шинча-шинчат, кидышкыже совлам налеш да теркыште пучымышым луген пытара.

— Теве, бачышка, тылеч вара илыш тыге пудырана! — манеш тарзе.

ПОП, ДЬЯКОН И РАБОТНИК

Раньше в одном селе жили поп, дьякон и работник. Поп и дьякон ходили в церковь, а работник ухаживал за лошадьми и трудился на поповском поле.

Однажды летом, во время уборки урожая, поп, дьякон и работник сварили себе пшенную кашу. Ка-

шу поставили на стол в большой плошке, в кашу сунули большой кусок масла.

Поп и дьякон надумали не кормить работника. Они сели за стол и принялись есть. Поп захотел для себя побольше масла.

— Какая дорога ведет на Казань? — спросил он у дьякона.

— Какая, точно не могу сказать,— ответил дьякон.

Тогда поп взял ложку, проложил по каше бороздку в сторону себя, чтобы масло текло от середины, и сказал:

— Вот отсюда дорога ведет на Казань!

И показывает на дно плошки, где образовалась бороздка.

— А отсюда — на моркинский базар дорога идет,— направил дьякон масло в свою сторону.

Работник сидел, сидел, потом взял ложку, размешал всю кашу и сказал:

— Батюшка, отныне произойдут в жизни вот такие волнения!

СУТЛАНЫШЕ ПОП

Илен улыт ик селаште чанга поп ден йорло марий. Икана марий энгерыште колым кучен толешат, попын пакчасе тавышкыже миен, кол кучышыла койын шинчеш.

Эрдене поп пакчашкыже лектеш. Тавыж дек ошкыл мият, моткоч ӧреш: йорло марий таве тӱрыштӧ колым энгырен шинча. Поп шыдыж дене марий деке лишемеш да йодеш:

— Мом тыште ыштылат?!

— Мом ыштылам? Колым энгырем, от уж мо? — манеш марий.

— Молан ең тавыште колым энгырет? Тыге ыштыметлан судышко пуэм?! — манеш поп.

Марий нимом ок пелеште. Поп ведраж дек мият, ужеш: марийын ведраштыже латиндеш кол пӧрдалеш, колымшыжым таве гыч шӱдырен луктеш. Поп чылт ӧреш, шинчаже тулла веле йӱла. Марий ӱмбаке ончалеш да каласа:

— Давай колетым пу, уке гын судышко пуэм!

Марий суд нерген огешат шоналте, колэнгыржымак веле онча.

— Да-а, тиде тавыште кол шуко уло, эше иктаж

коло пуд лиеш. Калык шижын налеш гын, энгыраш кошташ тӱҥалеш,— ласкан гына марий ойлен шинча.

Поп шоналта: «Вет калык пален налеш гын, паша томам лиеш».

— Ну, йӧра, кае айда. Тиддеч вара ең тавышке кол кучаш нигунамат ит кошт. Уке гын судышко пуэм. Тавыштем кол улмо нерген калыкланат ит ойло,— манын, поп каласа.

Марий энгырвоштыржо ден кол ведражым налеш да мӧҥгыжӧ кая.

Тавыште кол улмылан поп моткоч куанен, пӧртышкыжӧ пура да куважлан каласа:

— Давай кевыт гыч аракам налын кондо! Эрла эрдене пайремым ыштена. Закускылан эрдене таве гыч колым кучен кондем.

Поп ватат пеш йывырта. Содор гына кевытыш кая да ош аракам налын конда. Аракаже тутлырак лийже манын, кленчаш шем шоптырым туржын опта. Аракаже чиялгымек, шоптыржым луктын налеш да кудывечышке кудалта. Тушто шоптырым агытан муын да чыве-влакым кычкыра. Шоптырым чыланат чӱҥген кочкын пытарат.

Поп энгырвондым ышташ тӱҥалеш. Тавыже келге улмаш, сандене имне поч шар шуко кӱлын. Кечыгут энгырвондым почкынчымыж дене кас мартен имне почышто ик пырче шарымат коден огыл, чыла кӱрышт луктын.

Кудывечыште арака вашакан шоптырым кочмышт дене агытан ден чыве-влак руштыныт. Поп вате кудывечышке лектеш, кийыше чыве-влакым ужешат, чылт ӧреш:

— Мо томаша! Молан чывем-влак чыланат колен возыныт? Могай кугу зиян! Кушко ынде пурем?! — манын кычкыраш тӱҥалеш.

Кычкырыме йӱклан попшо лектеш да йодеш:

— Могай чыве?! Кушто колен?!

Онҵат — ик илыше чыват кодын огыл, чыланат колен кият. «Шӱшкылаш гын, сай огыл. Кеч пуныштым кӱрын налшаш»,— манын шоналтат, поп вате чыве-влакын пуныштым кӱраш тӱҥалеш. Кас мартен чыла чывыжым, агытанжымат чарам ыштен опта. Пычкемыш лиймеш коремыш кудалташ шуктен огыл. Сандене чыве-влакым изи орваш оптен шында. «Йӱдвошт киятат, эрла эрдене наҥгаен кудалтем»,— манеш.

Поп кечыгут, жапын-жапын, тавыже воктен коштын. «Але саде марий адак кол энгыраш толын шуэш»

манын шонен. Йӱдымат мален кертын огыл, тугак тавыж дек лектын коштын.

Эрдене изиш волгалташ гына тӱҥалеш — поп кол энгыржым налеш да таве тӱрышкӧ лектеш.

Саде марият толын ончен, попын кол энгырен шинчымыжым ужын да калыклан шижтарен:

— Мемнан попын ушыжо каен, анҥыра лийын. Огыда ӱшане гын, миен ончыза. Тудо кызыт тавыж гычын колым энгырен шинча.

Калык попын тавыж деке погына. Чынак, тушто поп кум энгырвоштыр дене колым энгырен шинча. Калык попым воштылаш тӱҥалеш. А поп вурседылаш веле тӱҥалеш:

— Кузе те ен тавышке толыда?! Мый тендам чыладам судышко пуэм. Кайыза тышеч!

— Да-а,— манып ен-влак,— попын чынак ушыжо каен, ушдымо лийын.

Эрдене чара чыве-влакын вуйышт шӧрлен. Нуно орва гыч тӧрштен кынелыныт да кудывечыште кошташ тӱҥалыныт. Саде марий чара чыве-влакым ужеш да адак калыклан ойла:

— Попшо гына огыл, поп ватыжат ушдымо лийын. Поп вате чыла чывыжын пунжым илышынек кӱрын налын. Кызыт нуно пун деч посна коштыт. Огыда ӱшане гын, кудывечышкыже каен ончыза.

Калык поп кудывечышке миен онча — кернак, чыла чыве чара могыран коштыт. Ты жапыштак вӱта гычын почдымо имне кудывечышке лектын шогалеш. Ен-влак почдымо имньым ужыт да эше утларак ӧрыт.

— Чынак, мемнан попнан ушыжак каен,— манып ен-влак.

Тиддеч вара калык черкышке коштмымат, поплан ӱшанымымат, юмылан кумалмымат чарнен.

ЖАДНЫЙ ПОП

Жили в одном селе жадный поп и бедный мужик.

Однажды наловил мужик речной рыбы, пробрался в поповский огород и сел там у попова колодца с удочкой. Утром вышел поп в огород, увидел мужика, рассердился и закричал на него:

— Ты что здесь делаешь?!

— Разве не видишь? — отвечает мужик.— Рыбу ужу.

— Кто тебе позволил удить рыбу в чужом колодце?! — кричит поп.— Я за такое дело в суд на тебя подам!

Ничего мужик не ответил. Подошел поп к нему, заглянул в ведро, а в ведре мечутся девятнадцать штук рыб, а двадцатую мужик тащит из колодца. Поп до того был удивлен, что даже глаза у него загорелись. Посмотрел он на мужика и сказал:

— Отдавай сейчас же всю рыбу! Не то на тебя в суд подам!

А мужик как будто и не слышит, знай себе за удилищем следит и говорит так, словно бы между прочим:

— В этом колодце много рыбы — пудов еще двадцать будет. Вот узнает народ, и будет сюда за рыбой ходить.

Смекнул поп, что неладно будет, если народ узнает.

— Ну, ладно, иди к себе,— говорит поп мужику.— Только впредь не ходи на чужой колодец. И народу не болтай, что в моем колодце рыба есть.

Собрал мужик удочки, взял ведро с рыбой и ушел. А поп от радости, что в его колодце есть рыба, побежал к попадье:

— Матушка, беги скорей в лавку за водкой! Устроим завтра праздник, а на закуску натаскаю утром рыбы из нашего колодца.

Обрадовалась попадья, побежала в лавку и купила белой водки. Натолкала в бутылку мятой черной смородины. А потом процедила остатки смородины и выкинула во двор. Набрел петух на водочную смородину и стал звать кур. Поклевали куры во дворе смородину, опьянели и свалились как убитые.

А поп в это время стал удочку мастерить. Колодец был глубоким, и поэтому надо было много волос из хвоста своей лошади надергать. Весь день волос за волоском дергал. Осталась попова лошадь совсем без хвоста.

Увидела попадья валяющихся по двору кур, разохалась:

— Беда-то какая! Все куры до одной околели невесть от чего! Что же теперь делать!

Услышал поп крик жены, выскочил во двор и спрашивает:

—Какие куры?! Где околели?!

Смотрят поп с попадьей — ни одной живой кури-

цы, все подохли. «Что же теперь делать? Дай хоть ощиплем перья,— думает попадья.— Хоть перья будут». И села попадья ощипывать пьяных кур и петуха. К вечеру всех ощипала и сложила своих кур в телегу. «Пролежат до утра, а там отвезем на свалку»,— подумала попадья.

Всю ночь поп не спал, все ходил вокруг колодца: как бы кто не стал в его колодце рыбу ловить. Едва заря занялась, взял поп свои удочки и засел у колодца. А мужик того и ждал: увидел попа возле колодца, собрал людей и говорит им:

— Наш-то поп с ума спятил, ничего уж не соображает. Если не верите, посмотрите: он в своем колодце рыбу удит.

Собрался народ у попова колодца. Стали люди над попом смеяться, а поп ругается:

— Что вам надо у чужого колодца?! Всех вас под суд отдам! Уходите отсюда!

— Да-а,— говорят люди,— и вправду у нашего попа ум за разум зашел.

К тому времени голые курицы проспались, отрезвели в тележке и разбежались по двору. Мужик увидел голых кур и опять позвал людей:

— Не только поп, но и попадья сошла с ума. Если не верите, идите во двор и поглядите! Попадья всех кур своих живьем ощипала. Все куры голые бегают.

Зашли люди во двор и остановились: бегают куры по двору, и все ощипаны. В это время как раз вышла из сарая лошадь без хвоста. Увидев лошадь без хвоста, люди еще больше удивились:

— Знать, и впрямь наш поп — дурак.

После этого люди перестали попу верить, в церковь ходить и в бога верить.

ШЛЯПА

Иленыт ожно ик ургызо ден ватыже. Нуно пеш нужнан иленыт. Кечыгут ургат гынат, нимоланат огыт ситаре.

Икана ургызо ватыж дечын вынерым налеш да шляпам урген шында. Ту шляпам упшалеш, кӱсенышкыже пытартыш оксажым чыка, ватыжлан ойла:

— Мый шляпа ужалаш каем,— манеш да олашке лектын каяш тарвана.

— Эй, ойлыштатыс! Тыйын шляпатым кӧ вара налеш,— манеш ватыже.

Ургызо олашке шуэш, кабакым ужеш да тушко пура, лапкызылан ик кленча аракалан оксам пуэн кода, аракажым ок нал. Ты кабак гычын вес кабакышке ошкылеш. Туштат лапкызылан ик кленчалан ситыше оксам пуэн кода, а аракажым адакат ок нал. Кумшо кабакыш кая — туштат оксам пуэн кода. Вара шкеже лектеш да урем дене ошкылеш. Ваштарешыже кылмен пытыше поп толеш.

— Бачышка, ужамат, тый моткоч кылменат,— манеш ургызо.

— Пеш кылменам,— манеш поп.

— Айда, тышке пурен, изишак подыл лектына.

— Лиеш,— манеш попат.

Кабакышке пурат, ургызо лапкызылан манеш:

— Кондо мыланна ик кленча аракам.

Лапкызе аракам конден шында. Поп ден коктын аракам йӱын пытарат да, ургызо, шляпам налын, лапкызылан рӱзалтен ончыкта:

— Тиде шляпалан ӱшанет? — манеш.

— Тӱжем тенгелан ӱшанем! — каласа лапкызыже.

Поп моткоч ӧреш. «Вынер дене ургымо шляпалан тӱжем тенгелан ӱшана» манын шоналта.

Кабак гыч лектыт да адак урем дене ошкылыт. Ваштарешышт моткоч кылмен пытыше вес поп толеш.

— Бачышка, ужамат, тый моткоч кылменат,— ургызо ойла.

— Пеш кылменам,— манеш попшо.

— Айста, теве ты кабакышке пурен, изишак подыл лектына.

— Подыл лекташ лиеш,— вес попшат келша.

Пурат кабакышке, ургызо лапкызылан аракам кондаш кӱшта. Ик кленчам поп-влаклан йӱкта да адак шляпажым налын рӱзалта.

— Лапкызе, тиде шляпалан ӱшанет? — манеш.

— Тӱжем тенгелан ӱшанем!

Поп-влак ӧрыт. Коктын ойлат: «Вынер дене ургымо шляпалан тӱжем тенгелан ӱшанат»,— манып.

Ургызо ден поп-влак адак лектын каят. Уремыште нунылан кумшо поп вашлиеш. Тудат моткоч кылмен, пӱйжым веле перкала.

— Бачышка, ужамат, тыят моткоч кылменат,— манын ургызо ойла.— Айста, кабакышке пурен, кеч ик кленчам йӱын лектына.

— Лиеш тидым ышташ,— манеш кумшо попетат.

Пурат нылытын кабакышке. Ургызо аракам кондаш шӱда. Лапкызе ик кленчам конден шында. Ургызо кум попым йӱкта да вынер шляпажым рӱзалтен ончыкта.

— Тиде шляпалан ӱшанет? — манеш.

— Тӱжем теҥгелан ӱшанем!

Поп-влак чыланат ӧрыт. «Вынер дене ургымо шляпалан тӱжем теҥгелан ӱшанат» манын, кумытынат ойлат. Кумытынат тӱгӧ лектын каят. «Айста тудын шляпажым налына. Лапкыш каена да ала-мыняр тӱжемаш сатум налын кондена»,— манын ойлат поп-влак. Кабакышке мӧнгеш пурат.

— Лӱмет кузе, родо? — йодыт ургызо деч.

— Алексей Семенович,— манеш ургызо.

— Алексей Семенович, тый тиде шляпатым мыланна ужале.

— Ужалем, кум тӱжемлан пуэм,— манеш ургызо.

Поп-влак ургызын шляпажым кум тӱжемлан налын каят. Ургызо ватыж дек толеш.

— Кува, саде вынер шляпатым ужалышым вет,— манеш.

— Мынярылан ужалышыч?

— Кум тӱжемлан ужалышым.

— Могай орадым муын, кум тӱжемлан вынер шляпам ужаленат?

— Поп-влак нальыч.

Вот поп-влак, тиде шляпам налын, лапкылашке каят. Ик лапкышке пурат, сатум пеш шуко погат, иктаж латкок тӱжемашым. Вара лапкызылан шляпам луктын ончыктат.

— Тиде шляпалан ӱшанет? — маныт.

— Тиде шляпа кок ырым веле шога, мыланна кок ырланат огеш кӱл! — манеш лапкызе.

Поп-влак нимоланат ӧрыт. «Алексей Семенович мемнам ондален вет,— маныт.— Айста каена да тудым пуштын кудалтена».

Нунын мийымекышт, Алексей Семенович «коленат» колтен, колоткаштат кия. Поп-влак миен пурат. Ургызын ватыже марийжым колоткашке поген оптен да шкетынак веле шогылтеш.

— Алексей Семенович мала мо? — йодыт поп-влак.

— Уке, тудо колен возын,— манеш ургызын ватыже.

— Ну, колен гын, йӧра.

— А мо, пеш кӱлеш ыле мо?

— Изишак кӱлеш ыле. Пушташ шонышна да, шкежат колен колтен: сулыкшо шагал.

— Пушташ кӱлеш гын, мый тудым тырлыктарем. Пуштса!

— А кузе колышым тырлыктарен кертат?

Ургызын ватыже вашкӱзым налеш, изи чогытым налеш, вашкӱзӧ дене нержым иша, чогытшо дене саҥгажым пералта — Алексей Семенович кынелынат шинчеш. Поп-влак моткоч ӧрыт.

— Алексей Семенович, вашкӱзӧ ден чогытетым ужале,— маныт.

— Кум тӱжем теҥгелан ужалем,— манеш.

Поп-влак кум тӱжем теҥгелан вашкӱзӧ ден чогытым налын каят. Мӧҥгышкышт шуыт. Вот ик попшо ватыжлан сырен кудалта да тудым пуштын шуа. Вашкӱзӧ ден чогытым налеш да тырлыкташ толашаш тӱҥалеш. Ватыже йӧршын ок тырле. Вес попат тушко толеш. Ты попет налеш да колышо ватыжым шылта. Поп пура.

— Мый ватем пуштынам да вашкӱзет ден чогытетым пуэн колто-ян. А тыйын матушкат кушто?

— Акаж деке унала каен. На, наҥгай! — вес попетлан вашкӱзӧ ден чогытым пуэн колта.

Поп мӧҥгыжӧ толеш да ватыжым ылыжташ толашаш тӱҥалеш. Ылыжтен йӧршын ок керт.

Кумшо попетат ватыжым пуштын кудалтен да тудын деке толеш. Тиде попетат колышо ватыжым шылтен пышта. Поп пура.

— Матушкат уке мо? — манеш.

— Уке, акаж деке унала каен.

— Вашкӱзет ден чогытетым пу-ян: ватем пуштын шуэнам.

— Вашкӱзым пуаш нимолан: мыят ватем пуштым да нимо шотымат шым му. Чогыт ден вашкӱзӧ нимоланат огыт полшо. Алексей Семенович мемнам ондален вет. Ынде ме, вашкӱзӧ ден чогытлан ӱшанен, кумытынат ватынам пуштын улына.

Поп-влак кумытынат ургызо дек каят. «Алексей Семеновичым кызытак пуштына»,— маныт.

Ургызет поп-влак толмылан кӱвар оҥам пӱчкын ямдыла, вара ломым налын шогалеш. Вот поп-влак кумытынат толыт. Ик поп омсам гына почын пура, Алексей Семенович тудым лом дене шелын колта. Поп вик кӱвар йымаке пурен кая; весымат шелын колта, кумшымат. Кум попшымат лом дене пуштын да чуланышке луктын шогалтен.

Кас шуэш. Ик салтак моткоч мокмыран коштеш. Алексей Семенович саде салтакым кычкырен пурта.

— Мокмырет уло ала-мо? — манеш.

— Мокмыр пеш тале да... — манын салтак ойла.

Тудо салтаклан Алексей Семенович пел кленчам йӱкта, вара ойлаш тӱҥалеш:

— Вот, салтак, мый декем поп йӱаш толын да мый деранемак колен. Тый тудым, Юлышко нангаен, ий йымаке кудалте. Мый тыланет шӱдӧ тенге оксам пуэм.

— Кушто тудо? — йодеш салтак.

— Кызыт тудо чуланыште.

Иктаж лу шагат шуын ынде. Салтак саде колышо попетым нумал кая. Орол тудым ужеш.

— Кӧ кая тиде? — йодеш.

— Ия.

— Мом нангает?

— Попым нангаем.

Попетым нангаен шуа. Алексей Семенович деке угычын пӧртылеш. Тудыжо адак ик пел кленчам йӱкта да вес попым салтаклан нумалтен колта. Орол адак йодеш:

— Кӧ кая?

— Ия.

— Мом нангает?

— Попым.

— Ну, ынде тый мемнан олаште чыла попым нумал пытарет,— манеш орол.

Салтак попым намиен шуа да адак мӧҥгеш пӧртылеш. Алексей Семенович тудын толмыжлан вес попым ямдыла. Салтак толын шуэш.

— Айда, эше ик пел кленчам йӱына,— манеш Алексей Семенович.— Эше ик поп уло. Нангаенже кертат?

— Кертам,— манеш салтак.

Салтак кумшо попымат нумал кая. Орол адак йодеш:

— Кӧ кая?

— Ия.

— Мом нангает?

— Попым.

— Ну, ынде чыла попым олаште нумал пытарет,— манеш орол.

Волгыжаш тӱҥалеш. Орол начальникшылан каласа:

— Таче йӱдым ия кум попым нангайыш,— манеш.

Начальник моло поп-влаклан ойла:

— Те таче ризыдам чиен шогыза, уке гын, тудо тендамат нангаен кудалта. Ризыдам чиеда гын, ок тол, аптырана.

Салтак Алексей Семенович деке кая, шӱдӧ тенге оксам налеш. Алексей Семенович ӱмбачше ик пел кленчам налеш. Салтак таум ыштен лектын кая. Уремышке лектеш, а тудын ваштарешыже поп толеш, ризым чиен, кадилым рӱчкала. Салтак попетым руалтен куча.

— Кужу ӱп, тый адак толынат мо?! — манеш да Юлышко намиен чыка.

ШЛЯПА

Давным-давно жил один портной со своей женой. Жили они очень бедно. Целыми днями они шили, да добра не нажили, денег ни на что не хватало.

Однажды портной взял холщовый материал и сшил себе шляпу. Надел он шляпу, в карман прихватил последние деньги и говорит своей жене:

— Пойду продавать шляпу,— да и собрался в город уходить.

— Ну и болтаешь! Кто твою шляпу покупать-то станет,— говорит жена.

Пришел портной в город, увидел там кабак и зашел туда, продавцу отдал денег на полуштоф водки, а сам водку не взял. Из этого кабака портной пошел в другой. И там он продавцу отдал денег на полуштоф водки, водки не берет. Заходит в третий кабак, опять оставляет за один полуштоф денег. Вышел портной из кабака и идет по улице. Навстречу ему идет весь продрогший поп.

— Батюшка, я вижу, ты очень озяб? — говорит портной.

— Сильно продрог,— отвечает поп.

— Давай зайдем сюда погреться.

— Можно,— соглашается поп.

Заходят в кабак, портной продавцу говорит:

— Принеси нам одну бутылку водки.

Продавец принес водку. Вместе с попом распили водку, и портной, сняв шляпу, потряс ею и сказал продавцу:

— На эту шляпу поверишь?!

— На тысячу рублей поверю! — говорит продавец.

Поп сильно удивлен. «Что за шляпа, сшита из холста, а на тысячу рублей доверяют»,— подумал он.

Вышли оба из кабака и пошли по улице. Навстречу идет сильно продрогший другой поп.

— Батюшка, вижу, ты сильно продрог,— говорит портной.

— Очень замерз,— говорит поп.

— Давайте зайдем в этот кабак и немного выпьем.

— Можно немного выпить,— соглашается и этот поп.

Зашли они в кабак, портной приказал продавцу принести водки. Угостил попов водкой и опять потряс шляпой.

— Продавец, на эту шляпу доверяешь?! — говорит.

— На тысячу рублей доверяю!

Попы удивлены. «Сшита из холста, а на тысячу рублей доверяют»,— говорят два попа между собой. Портной и попы вышли из кабака. На улице им навстречу попался третий поп. И он сильно продрог.

— Батюшка, вижу, ты тоже сильно озяб,— говорит портной.— Зайдем в кабак, выпьем хоть бутылку водки.

— Можно это сделать,— говорит и третий поп.

Зашли в кабак вчетвером. Портной попросил принести водки. Продавец принес и поставил на стол водки. Напоил портной трех попов и опять потряс своей шляпой.

— На эту шляпу доверяешь?! — говорит портной.

— На тысячу рублей доверяю! — отвечает продавец.

Попы очень удивлены. «Сшита из холста, а на тысячу рублей доверяют»,— говорят между собой все трое. Вышли втроем на улицу и сговариваются: «Давайте купим у него эту шляпу. Пойдем в магазин и купим товару на несколько тысяч рублей». Зашли они обратно в кабак и спрашивают у портного:

— Как тебя зовут, кум?

— Алексей Семенович,— говорит портной.

— Алексей Семенович, продай нам свою шляпу.

— Продам,— отвечает портной,— только продам за три тысячи рублей.

Попы купили шляпу за три тысячи рублей. Портной пришел к своей жене и говорит:

— Жена, продал ведь ту холщовую шляпу.

— За сколько продал?

— За три тысячи рублей.

— Где же ты нашел такого дурака и продал ему шляпу на три тысячи?

— Попы купили.

Вот попы, взяв шляпу, пошли в магазины. Зашли они в один магазин, набрали товару рублей на двенадцать тысяч. Развернули шляпу и показывают продавцу:

— На эту шляпу доверяй! — говорят.

— Эта шляпа стоит только две копейки, а нам и за две копейки не нужна,— отвечает продавец.

Удивились попы. «Алексей Семенович обманул ведь нас. Давайте пойдем к нему и убьем его»,— говорят попы.

К их приходу Алексей Семенович притворился мертвым, лежит в колоде. Пришли попы. Жена уложила мужа в колоду, сама возится рядышком.

— Алексей Семенович спит, что ли?

— Нет, он ведь умер,— говорит жена портного.

— Ну, если умер, хорошо.

— А что, он очень был нужен?

— Чуточку нужен был. Думали мы его убить, да сам он умер: грехов мало.

— Если убить надо, я его оживлю. Убивайте!

— А как ты его оживишь?

Жена портного взяла ножницы и молоток, ножницами защемила его нос, молотком тихонько ударила по лбу — тут же Алексей Семенович «ожил» и сел.

— Алексей Семенович, продай эти ножницы и молоток,— говорят попы.

— Продам на три тысячи рублей,— говорит портной.

Купили попы ножницы и молоток на три тысячи рублей и пошли домой. Пришли к себе. Вот один из попов как-то рассердился на свою жену и убил ее. Взял поп ножницы и молоток и начал оживлять свою жену. Но его жена никак не оживает. В это время к нему пришел другой поп. Первый поп скорее запрятал свою жену. Заходит поп.

— Я убил свою жену, дай ножницы с молотком. А твоя матушка где? — спрашивает его.

— Ушла в гости к сестре. На, неси! — отдал поп другому попу ножницы и молоток. Пришел поп домой, но как ни старался, так и не смог оживить свою жену.

И третий поп убил свою жену и пришел к второму

попу. И второй поп спрятал свою жену. Поп зашел.

— Твоей матушки нет, что ли? — спрашивает.

— Нет, она к своей сестре в гости ушла.

— Дай-ка молоток с ножницами: я ведь убил свою жену.

— Не дам: я тоже убил свою жену да никак не смог оживить ее. Молоток с ножницами ни к чему. Обманул ведь нас Алексей Семенович. А мы, поверив ножницам и молотку, все убили своих жен.

Попы втроем направились к портному. «Сейчас же мы Алексея Семеновича убьем»,— говорят.

А портной к приходу попов выпилил доски пола, сам встал с ломом у двери. Вот идут все три попа. Только зашел один поп, открыв дверь, так Алексей Семенович ударил его ломом. Поп прямо угодил в подполье; и другого ударил, третьего тоже. Убил всех трех попов ломом да выставил их в чулан.

Наступил вечер. На улице с похмелья солдат шатался. Алексей Семенович позвал к себе солдата.

— Ты что, с похмелья, что ли? — спрашивает его.

— Да, похмелье сильное,— говорит солдат.

Алексей Семенович напоил солдата полбутылкой, а потом сказал:

— Вот, солдат, пришел ко мне поп пировать да умер у меня. Унеси-ка ты его на Волгу и спусти в прорубь. Я тебе дам сто рублей.

— Где он? — спрашивает солдат.

— Сейчас он в чулане.

Вот стало около десяти часов вечера. Солдат понес того умершего попа. Сторож увидел его и спросил:

— Кто это идет?

— Черт.

— Что несешь?

— Попа несу.

Унес солдат попа. Приходит к Алексею Семеновичу обратно. Он выпоил еще полбутылочку да и уговаривает отнести и второго попа. Сторож опять спрашивает:

— Кто идет?

— Черт.

— Что несешь?

— Попа.

— Ну, теперь ты в нашем городе всех попов перетаскаешь,— говорит сторож.

Унес солдат попа и вернулся обратно. К приходу

солдата Алексей Семенович приготовил еще одного попа. Солдат пришел.

— Давай выпьем еще полбутылки,— говорит Алексей Семенович.— Есть еще один поп. Унести-то сможешь?

— Смогу,— говорит солдат.

Унес солдат и третьего попа. Сторож опять спрашивает:

— Кто идет?

— Черт.

— Что несешь?

— Попа.

— Ну, теперь всех попов из города перетаскаешь,— говорит сторож.

Рассвело. Сторож доложил своему начальству:

— Сегодня ночью черт троих попов унес.

Начальник доложил остальным попам:

— Вы сегодня наденьте кресты. Если что, он может унести и вас. Если оденете ризы, то черт не подойдет, побоится.

Приходит солдат к Алексею Семеновичу, получает сто рублей. Алексей Семенович вдобавок угостил его полбутылкой. Поблагодарил солдат Алексея Семеновича и пошел от него. Вышел на улицу, а навстречу ему идет поп, в ризе, в руках держит кадило. Солдат словил попа и сказал:

— Ах, длинные волосы, ты опять вернулся?! — И понес его на Волгу, и утопил его в проруби.

ПОП ДЕН МАРИЙ

Ик поп тарзым кычалын каен. Ваштарешыже ик марий толеш. Кемым чиен, йошкар тувырым чиен, камчалым чиен.

— Бачышка, куш кает? — йодеш марий.

— Тарзым кычал каем. А тый кушко кает?

— Мыят иктаже деке тарзылан пураш кычалын каем.

— Айда мый декем,— поп каласа.

— Каяшыже каем да, мый вет адакшым немычла ойлашат туныктем,— манын марий каласа.

— Айда, айда! Мыйын матушка немычла ойлаш шукертсек тунемнеже,— манын, поп марийым тарзылан ӱжеш.— Тый тудым немычла туныкташ тӱҥалат. Туныктен шуктет гын, тыланет вич шӱдӧ теҥгем тыл-

зылан пыштем, туныктен от шукто гын, кок шӱдым веле.

Марий поп деке тарзылан каяш кӧна. Тарзым пукшат, йӱктат да вакшышыш малаш пыштат. Эрдене кынелыт, кочкын-йӱыт, тӧрланат да, поп тарзылан ойла:

— Ну, айда ынде пурса шияш каена,— манеш.

Пурсам шийын пытарат. Тарзе пурса олымым чыла вӱташке нумал опта.

— Молан тушко нумалат? — йодеш поп.

— Тыйын мыняр пуд пурсат лектеш гын, мыйынат пурса олымем гыч тунарак лектеш,— манеш тарзе.

Пурсам шийын пытарат да пуалташ тӱҥалыт. Попын куд пуд пурсаже лектеш.

— Мыйынат олымем гычын куд пудак лектеш,— манеш марий.

— Эй, ойлыштат! Олым гычын кунам ынде куд пудым шийын луктат, шоналтен ончо,— манеш поп.

— Вот ончо, лектеш теве, куд пуд лектеш,— ӱшандара тарзе.

Пурса пашам ыштен пытарат, да поп манеш:

— Эрла шудо ышташ каена.

Мален тӧрланат да эрдене шудо ышташ каят. Пел корныш шуытат, тарзе манеш:

— Бачышка, мый шаньыкым монден коденам.

— Мий, вашке миен налын тол. Шаньык деч посна кузе шудым каваныш кышкет? — манеш поп.

Тарзе шаньыклан куржын колта. Ты жапыште якын поп вате дек миен улмаш. Якын окна гычын тарзым ужын кодеш.

— Тарзет толеш,— манеш якын,— кушко пурем?

— Пурса олымышко пурен воч, тушто тыйым иктат ок уж,— манеш поп вате.

Якын шорык вӱташке кая да пурса олымышко пурен возеш.

Поп вате тарзе деч йодеш:

— Молан кызытак толат?

— Бачышка мыйым шудо ышташ нанҥгая, а пурса олым кошкен кия, шияш йӧршӧ лийын. Вот мый пурса олымым шияш тольым,— манеш тарзе.

«Пурса олымым шияш пуаш гын, тушко якыным шылтен пыштыме. Мом ышташ? Чу, шияшыже ом ну»,— манын, поп вате шоналта.

— Пурса олымет кошкен шуын огыл, шияш але ок йӧрӧ. Шудо ышташак кае,— манеш поп вате тарзылан.

— Пеш кошкен ла, шияш йӧршӧ лийын,— манеш да тарзе, шорык вӱташке пурен, олымым якынге-моге шӱдырен луктеш. Идымышке нангая да шияш тӱнгалеш. Якынлан виташ тӱнгалын да, кычкыраш тӱнгалеш:

— Тыште куд пуд пурса нимат ок лек,— манеш.

— Лектеш, лектеш,— манеш да тарзет утларак виян кыраш тӱнгалеш.

— Ок лек, ну!

— Лектеш. Ок лек гын, мый талынрак шияш тӱнгалам вет,— манеш да эше чот лупшаш тӱнгалеш.

— Уке, пожалыста, ит ший! Кӱлеш гын, мый шке пурсам тыланет куд пудым пуэм! — манын, якын сӧрвала.

— Шияш от шӱдӧ гын, кызытак попын кылатышкыже куд пуд пурсам конден пыште,— манеш да тарзет, шаньыкым налын, шудо ышташ куржеш.

Поп шоген-шоген, кылмен пыта.

— Мо пеш шуко илышыч? — манеш.

— Пурсам шийым, бачышка, куд пудым шийын луктым,— манеш тарзе поплан.

Поп моткоч ӧреш. Ну ынде вашкерак шудым возышко оптат. Пеш кугын оптенат огыт шого. Поп пурса ончаш пеш кудалнеже, темдымет. Ну корнышто имньым поктат. Миен шуыт да поп вигак клатышке пурса ончаш пурен кая. Онча — чынжымак, куд пуд пурса уло.

Яра улмыж годым тарзе эртак галанский сажым йоҥыштен, сӧндраваке кугу яшлыкыш оптен.

— Молан тидым йоҥыштет? — йодеш поп.

— Тидлан пеш кугу акым ярмингаште пуат,— манеш тарзе.

— Айда, мыланем гын шымырланат ты торет огеш кӱл,— манеш поп.

Ик кечын поп тарзылан ойла:

— Айда ынде вакш деке каена,— манеш.

Поп ден тарзе лектыт да вакш деке кудалыт. Йоҥыштымылан пуышаш оксам поп тарзе кидышке пуэн. Тарзе ту оксам оҥаваке пыштен кода. Пел корнышко шуытат, тарзе манеш:

— Бачышка, йоҥыштымылан пуышаш оксатым монден коденам вет.

— Мий, вашке кае. Толын шумешкет, кунаре-гынат айда йоҥыштен шогем,— манеш поп.

Тарзе корно гыч савырна да мӧҥгӧ куржеш. Поп вате дек адак якын толын улмаш. Тарзе толмым окна гычын ужеш да манеш:

— Матушка, теве тарзет адак мӧҥеш толеш, кушко ынде пурем? Икечат пеш чот кырыш, ындыже кыралтмем ок шу.

— Уна, сӧндравалне яшлыкышке пурен воч,— манеш поп вате.

Якын сӧндравалке кӱза да яшлыкыш пурен возеш. Тарзе толын пура, да поп вате манеш:

— Адак молан мӧҥгеш пӧртыльыч?

— Мо молан? Бачышка мыйым вакш деке наҥгая, а мыйын пазарышке кайышашем уло. Таче вет кугу ярмиҥга,— манеш да сӧндравалне оҥам налын кӱза, шӱч яшлыкшым чот гына петырен шында, кандыра дене шупшын кая. Кугорнышко лектеш, исправник ден становойым вашлиеш.

— Мом тыге наҥгает? — исправник йодеш.

— Тиде але илыше иям кученам, кугыжалан ончыкташ наҥгаем,— манеш,— пеш шукертак йодын ыле да, тевыс кызыт иже наҥгаем.

— Могайрак тудо, ончыкто,— йодеш исправник.

— А лектын куржеш гын, вашмутым кучаш тӱҥалыда? — манеш.

— Йӧра, вашмутым кучена, ончыкто,— маныт.

Тарзе яшлыкшым почын колта. Почын гына шукта, тушечын якын шем ия гай лийын тӧршта да вик купышко куржын колта. Становой ден исправник ӧрын ончен шоген кодыт.

— Сайынат ужын ыжна керт. Айста поктен куржына,— маныт да шем ия гай якыным поктен куржаш тӱҥалыт. Куржмышт шеҥгеч тарзет нунын тройкышкышт шинчеш да мӧҥгыжӧ кудал колта. Имне-влак кумытынат ожо улмаш. Тарзе мия да ожовлакым вӱташке петырен шында, повоскажым каретникыш пуртен шында. Вара йоҥыштымылан пуышаш оксам налеш да вакш деке лектын ошкылеш. Миен шумешкыже, поп йоҥыштенат пытарен, мешак-влакымат пидышт шогылтеш.

— Мо пеш кужун коштыч? — манеш.

— Тый мыйым вакш деке коштыктет, а таче кугу ярмиҥга улмашын. Галанский шӱчем намиен ужален тольым,— манын тарзе ойла.

— Вара шӱчетым мош ужалышыч? — йодеш поп.

— Кум ожо да ик повоскалан ужалышым,— манеш тарзе.

Поп моткоч ӧрын кая, чонжо шолаш тӱҥалеш. «Кунам шӱчлан кум ожо дене повоскам налат? Ондала тиде»,— шона поп. Туге гынат, миен шуын, шке

шинчаж дене ужнеже. Имньым содорын гына кычкат, давай тудым кырен-кырен кудалеш. Миен шуыт, да поп вигак вӱташке ожо-влакым ончаш куржеш. Омсам почын колта — ожо-влак кумытын ожешнен веле шогат.

Изиш илымеке, поп тарзым руга погаш ӱжеш.

— Айда, тарзем, руга погаш каена,— манеш.

— Колышт-ян, бачышка,— манеш тарзе,— мемнан дене руга погаш тыге коштыт: поп вате тарзе вургемым чия да поп дене кая, а тарзе, поп вате вургемым чиен, мӧҥгыштӧ кодеш.

Поп тидлан кӧна. Тарзе вургемжым кудашеш да поп ватылан пуа. Шкеже поп ватын вургемжым чиен шында. Поп ден ватыже руга погаш лектын кает, а тарзе тӧран[1] кодеш.

Поп ден тарзын руга погаш кайымыштым шижын, якын поп вате деке толын пура.

— Попет ден тарзет кунар кече гычын пӧртылыт? — йодеш якын.

— Эй, нуно иктаж кум кечышкен огыт пӧртыл.

— Матушка, мыйын модмем пеш шуэш,— манеш якын.

— Чыте але. Теве ик пелштоп аракам йӱына да вара модаш тӱҥалына,— манеш тарзе. Аракашкыже тудо мӱшкыр корштарше порошокым пыштен ямдылен.

Аракам йӱаш тӱҥалыт. Тарзе йӱшӧ гане веле коеш, шкеже огеш йӱ. Якынет йӱын-йӱын, да мӱшкыретлан логалын.

— Ой, мо тыгае! Мӱшкырем пеш коршта! — варгыжалта якын.

— Ала, мый ом шинче,— тарзе ойла.

Адак йӱаш тӱҥалыт. Якынет шинчылта-шинчылта да манеш:

— Ой, матушка, моткочак коршта.

— Мо, мо тугай лийын? — тарзе ышталеш.

Адак йӱаш тӱҥалыт.

— Уке, чытен омак керт! — манеш якын да лектын куржеш.

Мӧҥгышкыжӧ куржын мия да самый пусмакышке пурен возеш, магырен пӧрдалаш тӱҥалеш, моткоч орлана.

Поп ден ватыже ругам поген толыт. Тарзе ден поп вате вургемыштым ваштальтен чият. Тарзе ӱстем-

[1] Т ӧ р а н — мӧҥгеш.

баке кочкаш пога. Сийжат моткоч чесле да тамле. Поп вате бачышкылан ойла:

— Бачышка, отец якынымат кочкаш ўжын конденa гын, йӧра ыле,— манеш.

— Мий, каен, отец якыным ўжын тол,— манын, поп тарзылан каласа.

Тарзе отец якыным ўжаш куржын колта.

— Отец якын, кушто улат? Матушка тыйым унала кўштен колтыш. Мый лўмын ўжаш тольым,— манын, якынлан ойла.

Отец якын магырен веле кия: «Ом керт»,— ыштaлеш. Тарзе савырна да поп деке кая.

— Отец якын таза огыл, магырен веле кия, миен ом керт манеш,— ойла тарзе.

— Бачышка, мый шке ўжын толам ала? — манын йодеш поп вате.

— Йӧра, ўжын тол,— каласа поп.

Поп вате отец якыным ўжаш каен колта.

— Отец якын, кушто улат? Айда мемнан деке унала. Мый лўмын ўжаш толынам,— манеш.

— Ой, матушка, ом керт! Тол тышкырак, кеч шупшал колтем,— шокта якын.

Поп вате якын дек мия да йылмыжым якын умшашке чыкен шупшалаш тўнaлеш. Якынын ты жапыште мўшкыржым пеш чот пўтырал колта да шыдыж дене поп ватын йылмыжым пурлын шында. Поп вате тӧршта да мӧнгышкыжӧ куржын колта. Толын пурымыж годым поп йодеш:

— Мо адакат ок тол мо?

— Буль-буль-буль,— поп вате ойлышташ тўнaлеш.

— Ала-мом ойлыштат, омак ынгле,— манеш попшо.

— Бачышка, тудо ынде рушла йылмым монден. Мый тудым немычла туныктенам вет,— манеш тарзе.— Вот ынде мыланем тылзылан вич шӱдӧ тенгем тўлашет верештеш.

Поп моткоч куана да тарзылан вич шӱдӧ тенгем луктын пуа.

ПОП И МАРИЕЦ

Пошел поп искать работника. Навстречу ему идет мариец: в сапогах, в красной рубашке, в жилетке.

— Куда это ты, батюшка, направился?

— Иду искать работника. А ты куда? — спрашивает поп.

— Я иду наниматься к кому-нибудь.

— Идем ко мне,— говорит ему поп.

— Пойти-то пойду, но я ведь и немецкому языку обучаю.

— Кстати, моя матушка давно хочет обучиться немецкому языку. Если сможешь ее выучить, я дам тебе пятьсот рублей, если не сможешь — только двести.

Вот поп повел его к себе. Покормил поп работника. Настал вечер, ложатся спать. Утром встали, позавтракали.

— Ну, работник, пойдем горох молотить.

Смолотили горох, а солому работник перетаскал в овин.

— А зачем туда таскешь? — спрашивает поп.

— Вот сколько пудов ты смолотил, столько же смолочу и я,— отвечает тот.

Кончили молотить, провеяли, у попа вышло гороху шесть пудов.

— Вот и я намолочу столько же,— говорит работник.

Поп удивляется:

— Ну как же столько выйдет, когда там ничего не осталось?

— Вот увидишь, выйдет! — уверенно отвечает работник.

На другое утро поехали они за сеном. Доехали до полпути, работник и говорит:

— Батюшка, я ведь вилы позабыл!

— Иди принеси, без вил как будем грузить?! — говорит поп.

Работник побежал. Его заметил дьякон, который в это время к попадье в гости пришел.

— Работник ваш идет. Куда мне спрятаться? — спрашивает у попадьи.

— Иди,— говорит,— в овин, в гороховой соломе спрячься — там не найдет!

— Зачем ты, работничек, воротился? — спрашивает попадья.

— Батюшка меня хотел взять с собой за сеном, а у меня есть работа — горох молотить. Как раз высохла солома,— отвечает он.

Попадья растерялась и думает:

«Как ему дать молотить гороховую солому, там же спрятался дьякон? Что же делать? Нет, не дам ему молотить».

— Еще не высохла, и молотить сейчас не нужно.

Взяв вожжи, увязал солому вместе с дьяконом, потом поволок ее на гумно. И ну молотить! А дьякону стало от боли невтерпеж, кричит:

— Ой! Не возьмешь отсюда шесть пудов!

— Нет,— говорит работник,— здесь я должен намолотить шесть пудов гороху!

Очень уж больно дьякону.

— Ой! — кричит он.— Не выйдет столько!

— Нет, здесь выйдет шесть пудов гороху! — приговаривает работник.

— Коли так, я дам тебе шесть пудов гороху! — умоляет дьякон.

— Ладно, неси! Только сейчас же, и поставь в каретник рядом с мешками попа.

Дьякон принес горох и поставил, где сказано.

Работник, взяв вилы, бежит к попу сено класть. Ой, уж намерзся поп — даже дрожь проняла. Долго пробыл работник.

— Что ты так долго ходил? — спрашивает поп.

— Я ведь горох молотил! — отвечает работник.

— Сколько пудов намолотил?

— Шесть пудов вышло,— говорит он.

Наложили немного сена, поехали галопом. Попу не терпится горох увидеть. Ненасытный! Доезжают. Поп прямо бежит в каретник смотреть горох. Действительно, там еще шесть пудов. «Ну, слава богу, повезло мне с работником: деловой!» — думает поп.

Стал работник голландскую сажу молоть. Все складывает ее в ящик, что на полатях стоял. А поп удивляется, спрашивает:

— Зачем сажу мелешь, работничек?

— Этот товар будет в большой цене на ярмарке,— отвечает он попу.

— А мне так эта чепуха и за две копейки не нужна. А теперь, работник, мы поедем на мельницу,— сказал он.

Деньги на помол отдает работнику. Работник эти деньги оставляет на полочке. Доезжают до полдороги — работник спохватился:

— Ай, батюшка, я ведь деньги на полочке позабыл!

— Ты все,— говорит,— позабываешь. Иди принеси, а я до тебя, сколько смогу, буду молоть.

Работник опять бежит обратно. Дьякон опять пришел к попадье. Увидел он на улице работника и говорит:

— Опять идет твой работник. Куда я денусь?

— Залезай в ящик, на полати,— говорит попадья.

Дьякон залез в ящик и лежит. А работник, взяв доску и веревку, заходит в избу.

— Зачем идешь? — спрашивает попадья.

— Повез меня поп на мельницу, а оказалось, что сегодня началась большая ярмарка.

Поднял доску на полати, закрыл ящик, завязал его крепко-накрепко и спустил вниз. Выносит на волю, ставит в салазки и увозит.

Поехал он по большой дороге. Навстречу ему едут исправник и становой.

— А что это ты везешь? — спрашивает исправник.

— Это живой черт, недавно поймал. Царь давно хотел видеть, вот и везу ему,— отвечает работник.

— Покажи, что за черт?

— Показать — покажу, если убежит, то вы отвечаете!

— Ответим! — говорит исправник.

Только снял крышку, дьякон выскочил, как черный черт, и пустился бежать вон туда, в лес-болото. А исправник со становым прямо-таки испугались: дьякон стал черный, как настоящий черт.

— Вот он побежал! Ловите! — кричит работник.

Вот исправник со становым давай бежать за ним вдогонку. А работник сел на тройку, прикатил прямо к попу во двор — и в каретник, а лошади — холеные жеребцы. Берет деньги и бежит на мельницу. Поп уже кончил молотить — стоит, мешки завязывает.

— Что ты так долго был? — спрашивает он работника.

— Ты меня взял куда-то на мельницу, а оказывается, сегодня открылась большая ярмарка.

— Ну, почем продал свою голландскую сажу?

— За три жеребца с повозкой,— отвечает работник.

Поп тут же сел на воз и давай лошадей погонять — уж очень ему хотелось поскорее жеребцов увидеть! Приехав домой, поп сразу пошел в каретник жеребцов смотреть. Открывает двери, а жеребцы стоят, ржут и балуются.

«Ну и дал же мне бог работника! Спасибо ему!» — думает про себя.

Прошло некоторое время.

Говорит работнику поп:

— А теперь, работничек, мы поедем собирать ругу.

А работник советует:

— У нас отправляются так: работник, одев одежды попадьи, остается дома, а одежду работника одевает попадья.

Попадья согласилась переодеться, и они уехали с женой, а работник остался дома.

Опять идет дьякон.

— Куда уехали поп с работником? Через сколько дней будут? — спрашивает он.

— Ругу собирать. Теперь они раньше трех дней не вернутся,— отвечает работник.

— Матушка, айда с тобой погуляем,— говорит ей дьякон.

— Погоди. Сначала мы полуштоф водки выпьем, затем попоем.

В водку он насыпал дурной порошок, от чего живот болит. Сели, выпили. Работник делает вид, что пьет, сам вообще не пьет. Дьякон пил да пил, и начало рвать его по частям в желудке.

— Ой, что это такое?! Желудок нестерпимо режет! — зарычал дьякон.

— Не знай, что с вами! — отвечает работник. Снова пьют. Дьякон сидел, потом опять:

— Нет, больше невтерпеж, матушка,— говорит он.

— Что, что же случилось? — говорит ему работник. Снова пьют. Дьякон сидел и снова:

— Нет, больше не могу! — сказал и убежал домой.

Прибежал домой, лег в углу, начал кататься, страшно страдая.

Вот приезжает поп с женой. А работник состряпал им прекрасный обед. Одеждой обменялись. Работник собирает на стол. Обед изумительно вкусный. А эта попадья и предлагает попу:

— Хорошо было бы позвать отца дьякона на обед!

— Ну-ка, работничек! Сходи-ка, позови,— говорит поп.

Работник идет к отцу дьякону и кричит:

— Отец дьякон, где ты?! Попадья тебя приглашает в гости. Я специально пришел за тобой!

— Не могу! — отвечает дьякон, сам лежит и стонет.

Работник идет обратно и докладывает, что дьякон болен.

— Не сходить ли мне? — говорит попу попадья.

— Что же, иди позови,— соглашается поп.

Приходит попадья к дьякону.

— Отец дьякон, где ты? Идем к нам в гости. Я сама специально пришла за тобой,— говорит она.

— Ой, матушка, не могу! Иди ко мне, хоть тебя поцелую,— говорит дьякон.— Разве не знаешь, что болит?! Что ты со мной наделала!

Подходит попадья к дьякону и начинает целовать его. У дьякона в это время в желудке так кольнуло, что он со злости откусил язык попадьи. Попадья как подпрыгнет и — домой. Заходит, а ее спрашивает поп:

— Дьякон-то не идет, что ли?

— Буль-буль-буль,— пытается объяснить попадья.

— Что ты говоришь? Никак не могу понять,— говорит поп.

А работник ему и говорит:

— Вот, батюшка, и научилась матушка говорить по-немецки — русские слова совсем позабыла. Я ее немецкому научил,— говорит.— Теперь ты должен мне за месяц пятьсот рублей.

Поп очень обрадовался и вручил ему пятьсот рублей.

МУЖИК ДЕН БАРИН

Поян именийыште ик барин илен. Тудын дек сомыл дене мужик толын. Пӧрт деке лишемаш гына тӱҥалеш — ваштарешыже баринын йӧратыме пийже тӧрштен лектеш. Мужик пеш чот лӱдеш. Тудын кидыштыже тоя улмаш. Пий кержалтмек, мужик тояж дене солалтен колта да пийым перен пуштеш. Барин тидын нерген пален налеш, мужик шкежат каласа, прощеньым йодеш. Баринлан пийже пеш ыжал. Тиде пий тудын именийжым пеш сайын оролен. Баринже мужикым ок простителе да тудын ӱмбач судыш пуэн.

Вара нуным судыш ӱжыктеныт. Судья-влак барин деч лӱдыныт да мужикым баринын кӱштымыж почеш судитлаш шоненыт. Судья-влак йодыт:

— Тый, барин, тудым мом ышташ шонет?

Барин ойла:

— Мый теве мом шонем: мыйын пием пеш сай ыле, мыланем пешак шергакан ыле, мыйын имением оролыш да мыйым шкемымат утара ыле, ынде тудо

мыйын пием олмеш лийже, тугак кудывечыште илыже да айдеме йўк дене нимом ойлаш ынже тошт, пийла оптыжо да мыйын имением оролыжо, мыйым аралыже. А мый тудым шокшынрак чиктем. Шкемын пиемым сайынрак пукшаш кўштымем семынак тудымат сайын пукшаш кўштем. А тудо йўдымат ынже мале, йўдвошт оптыжо да мыйын имением оролыжо.

Судья-влак кӧнат, а мужик нунын ваштареш нимом каласашат тоштын огыл.

Седыге мужик барин дене кудывечыште илаш да пийла опташ тўҥалеш. Мужик сай опта, йўдым ок мале, кудывече мучко куржталеш, а баринын окна йымалныже чўчкыдын талынрак оптен. Барин «пийлан» йывыртен. Барин кўшта:

— «Пийым» сайрак пукшыза!

Тыге мужик пел ий ала утларакат оптен эртарен, вор-влак дене палыме лийын да нуным туныктен:

— Баринын шергакан погыжым поген каяш пычкемыш йўдым толза, мый тыланда почам, адак мый чот опташ тўҥалам гынат, те ида лўд, вашкерак поген налза да писынрак кудалза, а варажым те мыйымат ида мондо.

Вор-влак тыгак ыштат. А «пий» тиде йўдым эше чот оптен, кудывече мучко куржталын, баринланат малаш эрыкым пуэн огыл: тунар чот оптен. Барин шонен: «Пий» сайын опта. Тудым эше сайрак пукшаш шўдаш кўлеш».

А эрдене слуга-влак кынелынытат, ужыт — кладовой пудырген, пого шолыштмо, тидын нерген баринлан каласат. А барин тудын погым аралыдымылан «пийлан» пеш чот сыра, вара «пий» ўмбач судыш пуа.

Вот судья-влак барин ден «пийым» судыш ўжыктат. Барин ойла:

— Теве тиде «пий» кудывечыш вор-влакым пуртен.

А судья-влак йодыт:

— А кузе, барин, йўдымжӧ тудо оптыш?

Барин ойла:

— Чот оптыш, малашат эрыкым ыш пу. Мый эше сайрак пукшаш кўшташ шонышым.

А судья-влак маныт:

— Ужат, барин, тиде йўдымат «пий» чот оптен. А тыланет, барин, слуга кокла гыч иктаж-кӧм кудывечыш ончалаш колташет кўлеш ыле. Тудлан вет айдеме йўк дене ойлаш чарыме. Ме шотлена: «пий» винамат огыл.

Мужиклан барин пеш сырен. Ожнысо права почеш барин мужикым суд деч поснат острогыш шынден кертын. Барин шона: «Тудым мый шке нангаен кодем да шке шинча ончылнемак острогыш шындем».

Тыге барин тиде мужикым нангаен, а острог марте витле менге каяш кӱлеш улмаш. Нунылан пычкемыш чодыра дене кастен каяш верештын. Имньым барин шке кучен. Мужик ужын — ончылно кугу кожым мардеж вожшыге сӱмырал пыштен. Вожшо кӱшкӧ нӧлталалтын. Тудо тиде вожым ужын да шкаланже келшышым шонен луктын. Сапкеремым руалтен кучен да кычкырал колта:

— Тпру, тпру, тпру!

Барин пеш чот лӱдеш:

— Мо тугай?

Мужик лӱдмӧ йӱк дене ойла:

— Батюшка-барин, батюшка-барин, ончал-ян: маска шенгел йола шога.

Тудым баринат ужеш. Тудо моткоч лӱдеш. Барин вашка:

— Содоррак мӧнгеш савыре!

А мужик ойла:

— Барин, барин, мӧнгеш ок лий: мемнан лӱдмынам ужеш гын, тудо мемнам кызытак поктен шуэш да тодышташ тӱнгалеш.

Барин ойла:

— Мыланна мом ышташ вара?

Мужик ойла:

— Барин, тудо пий оптымо деч пешак лӱдеш.

Барин кычкырал колта:

— Опто, тыгай-тугай!

Мужикше манеш:

— Мый ынде оптен ом мошто, йӱкемат уке,— а шкеже бариным лӱдыкта.— Барин, барин, маска лишемеш.

Барин ужеш — нимом ышташ, вара шкеже пийла опташ тӱнгалеш.

Мужик манеш:

— Барин, чотрак опташ кӱлеш.

Барин талынрак опташ тӱнгалеш. Мужик манеш:

— Маска лӱдеш, шенгек чакна.

Барин оптен ноя да каласа:

— Да опто, тыгай-тугай!

А мужик опташ тӱнгалеш:

— Ам, ам!

Мужикын нигузеат ок опталт, вара тудо манеш:

— Барин, барин, маска лишкырак да лишкырак толеш!

Тыге барин йӱдвошт опта, уло йӱкшым йомдара, тетла оптен ок керт.

Волгыжаш тӱҥалеш. Мужик ойла:

— Барин, тиде маска огыл.

— Тудо мо вара?

— Мардеж кожым сӱмыралын. Тиде кож вожет кӱшкӧ нӧлталалтын. Мый вет маска огылжым шинчышым.

Барин манеш:

— Ах, тыгай-тугай!Острогышто мый тыйым эше шукырак орландарем.

— Мом ыштымет шуэш, барин, ыште. Тый барин — пий улат, тудланак вет йӱдвошт пийла оптышыч.

Барин эша чотырак сыра. Мужик манеш:

— А мый тый дечет эше сайрак оптен моштем. Оптымем гына ок шу. Мыйын тыйым йӱдвошт оптыктымем шуын ыле. Ынде мый «барин йӱдвошт пийла оптыш» манын чылалан ойлем. Мый садланак оптыктышым!

Барин мужиклан эше чот сыра. Баринын шке лӱмнержым шарымыже ок шу. Мужикым барин пеш лӱдыктылеш гынат, чактарен ок керт.

Мужик ойла:

— Мом ыштымет шуэш, ыште, барин, садак ойлем.

Барин ужеш — паша томам, вара мужиклан ойла:

— Тый ит ойло ыле, тыланет мом пуаш?

А мужик манеш:

— Мыйым простителе да острогыш ит шынде, эше сай ушкалым пӧлеклен пу да кок мешак шыдаҥым, вара тек мӧҥгыштем илем. А тыланет, барин, таум ышташ да мокташ тӱҥалам, адак чылалан «Уке, барин пийла оптен огыл» манын ойлаш тӱҥалам.

МУЖИК И БАРИН

Жил барин в богатом имении. Пришел к нему мужик по делам. Стал подходить к дому, а от дома кинулась на него любимая баринова собака. Мужик сильно напугался. А у мужика была в руках палка. Когда собака бросилась на мужика, он с размаху уда-

рил собаку и убил ее. Барин об этом узнал, и мужик сознался и просил прощения. Барину сильно собаки жалко. Эта собака очень хорошо его имение охраняла. Барин не хотел простить и подал на мужика в суд.

Потом вызвали их в суд. Судьи барина уважали и желали по бариновой воле судить мужика. Судьи говорят:

— Что вы, барин, с ним желаете сделать?

Барин говорит:

— Да я вот думаю: как у меня была собака хороша, для меня сильно дорога, мое все имение оберегала и меня спасала, так вот я желаю, чтобы он у меня был за собаку, так же жил бы на дворе, и человеческим голосом чтобы не смел говорить ничего, а лаял бы все по-собачьи и охранял бы мне имение, и спасал бы меня. А его одену потеплее и прикажу кормить хорошенько, как я свою собаку любимую приказывал кормить. А он чтобы ночи не спал, все бы ночи лаял и мое имение стерег.

Судьи были согласны, а мужик не смел и перечить.

Вот мужик стал жить у барина на дворе и лаять по-собачьи. Мужик лаял хорошо, ночи не спал, по всему двору бегал, а часто у барина под окошком пошибче лаял. Барин был доволен «собакой». И приказывал барин:

— Кормите собаку хорошенько!

Вот мужик пролаял полгода или больше. В темную ночь приехали воры, чтобы забрать ценного добра у барина. «Собака» в эту ночь еще сильней лаяла, по всему двору бегала, даже барину спать не давала: так сильно лаяла. Барин и думал: «Хорошо собака лает. Надо приказать еще лучше кормить ее».

А когда утром слуги встали и увидели — кладовая подломана, добро украдено — доложили они барину. А барин сильно на «собаку» осерчал, что она его добро не сохранила, и подал на «собаку» в суд.

Вот и вызвали судьи на суд барина и «собаку». Барин и говорит:

— Вот «собака» мне на двор воров впустила.

А судьи-то спрашивают:

— А что, барин, ночью-то она лаяла?

Барин говорит:

— Сильно лаяла, даже спать не давала; я думал приказать еще лучше ее кормить.

А судьи говорят:

— Видите, барин, в эту же ночь сильно «собака»

лаяла. А вы бы, барин, должны были выслать кого-нибудь из слуг на двор поглядеть, на что так сильно «собака» лает. Ей ведь говорить воспрещено. Мы считаем: «собака» не виновата.

Барин был сильно зол на мужика. А по прежним-то правам барин мог посадить крестьянина в острог и без суда. Барин и думает: «Отвезу его сам и посажу в острог на своих глазах».

Вот барин этого мужика и повез, а нужно было ехать уже вечером в лесу темном. Барин сам правил. Мужик и увидал — впереди ветром вывороченa елка с большими корнями. Корни-то кверху поднялись. Увидал он эту выкорочку и моментально вздумал для себя удобное. Вдруг схватил за вожжи и закричал:

— Тпру, тпру, тпру!

Барин сильно испугался.

— Что такое?

Мужик испуганным голосом и говорит:

— Батюшка барин, батюшка барин, гляди-ка: медведь на задних лапах стоит.

Тут и барин увидал. Сильно испугался. Торопится:

— Давай назад вороти!

А мужик говорит:

— Барин, барин, нельзя: медведь увидит, что мы его боимся, он сейчас нас догонит и заломает.

Барин говорит:

— Что же нам делать?

Мужик и говорит:

— Барин, он очень боится собачьего лаю.

Барин закричал:

— Лай, такой-сякой!

Мужик говорит:

— Я уж лаять не умею, и голосу у меня уж нет,— а сам барина пугает.— Барин, барин, медведь двигается ближе.

Барин видит — делать нечего, и сам залаял по-собачьи.

Мужик говорит:

— Надо, барин, громче лаять.

Барин еще шибче залаял.

Мужик говорит:

— Медведь боится, пятится назад.

Барин устал лаять и говорит:

— Да лай, такой-сякой!

А мужик начал лаять:

— Гам, гам!

Никак не лается у него, и говорит мужик:

— Барин, барин, медведь двигается ближе!

Так барин всю ночь и пролаял. И весь голос свой потерял — не может лаять.

Стало рассветать. Мужик и говорит:

— Барин, это не медведь.

— Что же это?

— Да елку выворотило ветром. Это корни-то и торчат кверху. Я ведь знал, что не медведь.

Барин говорит:

— Ах, такой-сякой! Я тебя еще больше в остроге проморю.

— Что хочешь делай, барин. Ты, барин,— собака, потому что всю ночь по-собачьи лаял.

Барин еще больше рассердился. Мужик говорит:

— А я умел лаять еще лучше тебя. Только не хотел. Я хотел, чтобы лаял ты всю ночь. Теперь я всем расскажу, что барин у меня всю ночь по-собачьи лаял. Это я его заставил лаять!

Барин еще шибче осердился на мужика. Барину огласки не хотелось. Как ни стращал мужика, а мужик говорит:

— Что хочешь, барин, делай, все равно расскажу.

Барин видит — дело плохо, и говорит мужику:

— Что тебе дать, чтобы ты не сказывал?

А мужик говорит:

— Прости меня и не сажай в острог, да еще подари корову хорошую, да два мешка пшеницы, и пускай я дома живу. Я тебя, барин, буду благодарить и хвалить, и всем буду говорить: «Нет, барин по-собачьи не лаял!»

ПОЯН НУЖНАМ УЖЕШ

Ик селаште илен поян. Тудо, мыняр илен, эше нужнам ужын огыл. Икана тарзыж деч йодын:

— Мо тугай нужна? Мый ом шинче,— манеш.

— Айда,— манеш тарзыже,— ужаш каена.

Пар имньым кычкат, тӱшакым, кӱпчыкым налыт да каяш тӱҥалыт.

Поян йодеш.

— Киндым налына мо?

— А молан киндыже? Ме вет нужна ужаш каена.

Поян ден тарзе чодыра дене каят. Каен-каен, поян чытен огеш керт, тарзе деч йодеш:

— Ынде шуына мо?

— Уке але, эше тора,— манеш тарзе.

Кас марте эре кают, вара иже изи олыкыш миен шуыт. Тушко малаш шогалыт. Имньыштым шудо каван воктек йолыштен шогалтат. Тарзыже шудым конда да кочкаш тӱҥалеш. Поянынат кочмыжо пешак шуын. Тудат шудым конда да кочкаш тӧча, но кочкын огеш керт. А тарзе шудо коклаш шолып киндым пыштен улмаш, тудым шыпак кочкын.

Поян, тӱшакым шарен, кӱпчыкым тоҥедын, тулуп дене леведалтын, малаш возеш. Тарзыже мешакыш пурен возеш да малаш тӱҥалеш.

Изиш киятат, тарзе ойла:

— Тый тӱшакыште малет, а мый — мешакыште. Шого, теве тиде шудо каванын озаже толеш да тыйым кыраш тӱҥалеш, а мыйым шӱльӧ мешак манын шона да огеш тӱкӧ.

— Ой, туге гын, мый мешакыш возам, а тый тӱшакыш воч,— манеш поян тарзылан.

Поян мешакыш возеш, тарзыже — тӱшакыш. Тарзе пычкемыш лиймешке кия да чодырашке кынел кая. Шудо каван дек мия, имньым лӱдыктен колта. Имневлак, шӧрмыч кылым кӱрлын, кудал колтат. Мӧҥгеш толеш да тӱшакым кыраш тӱҥалеш. Поян чытен кертде вошты колта. Тарзым кырат манын шонен кия. Тарзе мия да мешакым кыраш тӱҥалеш. Кыра-кыра да малаш возеш. Поян тарзыжым кычкыраш тӱҥалеш, но тудыжо нимомат ок пелеште.

Эрдене поян кынелеш да тарзыж деч йодеш:

— Ну, кузе? Кырышт?

— Мый шижынат омыл, тулуп вошт нимат витен огыл,— манеш тарзе.

— Тугеже мыланем мешакыш вочмо огеш кӱл ыле,— манеш поян.

Нуно мӧҥгӧ каяш тарванат. Поян тӱшак ден кӱпчыкым нумалеш, а тарзыже орвам шупшеш. Имньышт йомын. Тарзе эре вараш кодеш. Поян орвам шупшаш тӱҥалеш. Тарзе тӱшак ден кӱпчыкым нумалеш. Тарзыже адакат вараш кодаш тӱҥалеш. Поян тӱшак ден кӱпчыкым орваш пыштыкта. Тарзе адак вараш кодеш. Поян тарзымат орваш кӱзыктен шында. Поян орвам пыкше шӱдырен кая.

Кают-кают, чодыра тӱрыш миен шуыт. Чодыра деч торак огыл ик ял коеш. Тиде ялже поян ватын мӧҥгыжӧ улмаш. Поян нимоланат ӧреш. Вате мӧҥгыш тыге миен пураш вожылмаш. Тудо ял лишан шогалеш да тарзыжлан ойла:

— Мый,— манеш,— кокок[1] лиям да вате мӧҥгыштӧ кочкаш йодам. А тый мый нерген кочкаш йодеш ман.

Пӧртыш миен пурат. Поян кококла кочкаш йодеш.

— Тудо мончаш пурынеже,— манеш, умылтара тарзе.

Мончаш олтат. Каят мончаш пураш. Мончаште чот шокшеш кырат. Мушкылт толмеке, поян адак кокок лиеш, кочкаш йодеш.

— Йӱнеже,— манын каласа тарзыже.

Поянлан тунамак кугу корка дене йӱаш конден пуат. Поян адакат кочкаш йодеш. Тарзыже адак «Йӱнеже» манын каласа. Адак кугу корка денак вӱдым конден пуат. Поян тетла ок чыте.

— Мыйын вет кочмем пешак шуэш! — манын магырал колта. Вара иже тудым пукшат.

Тиддеч вара поянын нужнам ужмыжо шуын огыл, кутыраш тӱҥалын, нужнан могай улмыжымат пален налын.

КАК ПОЯН НУЖДУ ВИДЕЛ

Жил в одном селе поян[2]. Сколько ни жил он, а вот нужду никогда не испытывал. И вот однажды спрашивает своего работника:

— Что это за нужда? Я вообще не знаю, что это такое.

— Айда,— говорит работник.— Я тебе ее покажу. Собирайся в путь.

Согласился поян ехать с работником нужду посмотреть. Запрягли они лошадь, взяли с собой перину, подушку и поехали нужду искать.

Поян спрашивает:

— Может и хлеба возьмем?

— А к чему нам хлеб? Ведь мы едем нужду искать.

Едут поян и работник по лесу. Едут-едут, поян уже проголодался, устал, спрашивает у своего работника:

— Скоро ли доедем?

— Не скоро еще,— говорит работник.

Ехали они до темноты, затем добрались до небольшой поляны. Здесь остановились на ночлег. Распрягли лошадь и привязали ее к стогу сена. Работник

[1] К о к о к — йылмыдыме.
[2] П о я н — богатей.

взял охапку сена, тайно положил туда краюху хлеба и начал тихонько есть, делать вид, что ест сено. Пояну тоже хочется есть, сильно проголодался. Пошел поян к стогу и тоже взял охапку сена, попробовал жевать, но ничего из этого у него не вышло.

Поян постелил перину, подушку пристроил, укрылся теплой шубой и лег спать. А работник залез в мешок, там устроился на ночлег.

Прошло немного времени. Работник говорит:

— Ты спишь на перине, а я — в мешке. Вот придет ночью хозяин стога, узнает, что мы его сено трогали — несдобровать тебе, а меня примет он за мешок с овсом и не тронет.

— Коли так, тогда я устроюсь в мешке, а ты на перину ложись,— говорит поян работнику.

Так и сделали. Поян забрался в мешок, а работник — на перину. Работник пролежал на перине до темноты. Когда стемнело, он направился в лес. Подошел к стогу сена и стал гнать лошадь. Лошадь оборвала вожжи и ускакала прочь. Работник вернулся к месту и давай лупить по пустой перине. Поян, не выдержав, засмеялся. Думает, что это лупят его работника. Бил-бил работник по пустой перине и лег спать. Поян хочет разбудить работника, но тот даже не шелохнется, делает вид, что спит.

Утром поян встал и спрашивает работника:

— Ну как? Не попало тебе ночью?

— А я даже и не почуял, видать шуба толстая,— говорит работник.

«Эх,— думает поян,— не надо было мне ложиться в мешок».

Поехали они дальше, теперь уже домой. Взял на себя поян перину и подушку, а слуга впрягся в телегу. Лошади нет, потерялась. Работник начал отставать. Теперь впрягся в телегу поян, а слуга понес перину и подушку. Работник опять начал отставать от пояна. По просьбе пояна работник перину и подушку кладет на телегу. Работник делает вид, что отстает. Тогда поян посадил работника на телегу. И потащил поян телегу дальше один.

Шли-шли они и вышли к опушке леса. От леса недалеко расположилась деревня. Эта деревня оказалась родной деревней жены пояна. Поян растерялся: ведь в таком виде в доме своей жены появляться стыдно. Не дойдя до деревни, поян остановился и говорит работнику.

— Я буду словно кокок[1] и попрошу дома у моей жены поесть. А ты им скажи, что я хочу есть.

Зашли они в дом. Поян словно петух молвит кокок, просит есть. Работник говорит:

— Он хочет мыться в бане.

Истопили баню. Идут мыться. В бане было очень жарко. Придя из бани, поян опять делает кокок, просит есть.

Работник говорит:

— Пить хочет.

Тут же пояну в большом ковше принесли воду. Поян опять просит поесть. Работник опять говорит:

— Пить хочет.

Пояну опять принесли воду в большом ковше. Больше поян не выдержал и заплакал:

— Я ведь сильно есть хочу, проголодался ведь!

Только теперь его покормили как следует.

С тех пор поян больше не захотел искать нужду, узнал, какая эта нужда в самом деле.

ЧАҢГА КУПЕЧ

Пеш ожно ик чаҥга купеч илен. Тудо кочкын-йӱын, шуко мален, пашам нимынярат ыштен огыл, тарзевлаклан ыштыктен. Купеч, кече пеш кӱчык манын, ойгырен илен.

Икана тудо, кечым кужемдаш шонен, палыше еҥым кычал каен.

Кычалын-кычалын да ик йорло еҥым — Миклай кугызам — вашлийын.

— Могай ойго тыйым мый декем колтен? — манын, Миклай кугыза поян уна деч йодеш.

— Кече дене ом келше. Кеҥежымат тудо мераҥ поч дечат кӱчыкрак. Тарзем-влак пашалан пижыт веле — кече волашат тӱҥалеш. Кечым шуяш туныкто, Миклай,— манеш купеч.

Миклай кугыза чаҥга купечым чоян ончалешат, тудлан кечым шуяш тыгай ойым пуа:

— Тый,— манеш,— мӧҥгышкет кае да шке ӱмбакет шымлу шым тӱрлӧ шокшо вугемым да ӱмбачын эше тулупым чие. Вуйышкет пылышан упшым упшал, йолышкет, меж ыштырым пӱтырен, портышкемым чие. Кугу шувыш тич кочкашет нал да тупышкет саке. Варажым, кужу шаньыкым налын, эн кӱкшӧ кож ву-

[1] К о к о к — глухонемой.

йышко кӱзӧ. Шаньык дене кечым шуралте, вара тудым ик тураште кучен шинче. Тыге кече верже гыч тарванен ок керт да нигунамат ок шич.

— Умылышым, пеш тау туныктыметлан, тугак ыштем,— манеш купеч. Миклай кугызалан купеч шӱдӧ тенге оксам пуа, шкеже мӧҥгыжӧ кеҥеж кечым кужемдаш содор каен колта.

Купеч мӧҥгыжӧ толешат, Миклай кугызан ойжо почеш шымлу шым тӱрлӧ шокшо вургемым, ӱмбачынже тулупым чия, пылышан упшым упшалеш, йолышкыжо меж ыштырым пӱтыралеш, портышкемым чиен шында, тупышкыжо кугу шувышым сака, а шувыш тич — тӱрлӧ кочкыш. Вара шаньыкым налешат, кужу кож вуйыш кӱзен шинчеш.

Кож вуйышко кӱзымыж деч ончыч купеч тарзыже-влаклан каласа:

— Эй, тарзем-влак, те мыйын шӱдымем деч посна пашадам ида чарне! — манын кода.

Кечым шуралтенам манын, купеч кож вуйышто кужу шаньыкшым чот кучен шинчеш. Кож вуйышто тыге ик шагат шинча — моткоч шокшо, кок шагат шинча — шӱлашыжат неле, кум шагат шинча — шӱргыж гыч пӱжвӱд энгерла йогаш тӱҥалеш. Купеч моткоч ноя, шаньыкшымат пыкше веле куча. Вара, чытен кертде, кож вуй гыч волен, йыштак мӧҥгыжӧ ошкылеш, тарзыже-влаклан нимом ок каласе.

Купеч тылеч вара кечым кужемдаш тӧчен огыл.

ЖАДНЫЙ КУПЕЦ

В старину жил-был один жадный купец. Он то и дело ел и пил, много спал, нисколько не работал, заставлял работать батраков. Купец всё горевал, что день короток.

Однажды он, вздумав удлинить день, пошел искать знающего человека. Искал-искал он и встретил одного бедняка — старика Миклая.

— Какое горе привело тебя ко мне? — спросил старик Миклай у богатого гостя.

— Не доволен я длиною дня. Летом день короток, словно заячий хвост. Мои батраки только приступают к работе, а солнце тут же начинает садиться. Научи меня, Миклай, как сделать так, чтобы день удлинить,— говорит купец.

Старик Миклай посмотрел на жадного купца лукаво и дал ему такой совет, чтобы удлинить день.

— Ты,— говорит Миклай,— ступай домой и надень на себя семьдесят семь теплых одежек да еще сверху надень тулуп. На голову надень шапку-ушанку, на ноги, намотав онучи, валенки надень. Возьми еды с собой полный шувыш[1] на спину. А потом, прихватив с собой вилы, влезай на верхушку самой высокой ели. Схвати вилами солнце и придерживай его на одном месте. Таким образом солнце не сможет сдвинуться с места и никогда не сможет сесть.

— Понял, большое тебе спасибо за учение, совет! Так и сделаю,— сказал купец. Отдал Миклаю сто рублей и поспешил домой, чтобы скорее удлинить день.

Купец по совету старика Миклая оделся в семьдесят семь теплых одежд, сверху надел тулуп, на голову — шапку-ушанку, на ноги, намотав онучи, надел валенки, на спину повесил большой шувыш, наполненный продуктами. Потом, взяв вилы в руки, влез на верхушку самой высокой ели.

Перед тем, как подняться на ель, купец своим работникам наказал:

— Эй, слуги вы мои, без моего разрешения работу не прекращайте!

Думая, что придерживает солнце вилами, купец на верхушке ели сидел, ухватившись за длинные вилы. Так он просидел на ней час — стало ему очень жарко; два часа просидел — и дышать стало невмоготу, три часа просидел — пот ручьем потек с его лица.

Устал купец сидеть, еле-еле теперь держит вилы в руках. Затем, не выдержав, слез с верхушки ели и втихомолку поспешил домой, и слугам не сказал ничего.

После этого случая купец больше не намеревался удлинять день.

НЫЛЛЕ ИК ШОЯ

Кум изак-шоляк чодырашке пу руаш миеныт. Нуно кечывал шушаш годым кочкаш шолташ тӱҥалыныт, но тулышт иктыштынат уке улмаш. Ончат: мӱндырнат огыл ик кугыза тулым олта, ала-мом шолта. Кум изак-шоляк гыч кугуракше кугыза деке мия да йодеш:

— Кугызай, тулетым пу-ян.

---

[1] Шувыш — кожаный мешок, бурдюк.

— Нылле ик шоям каласет гын, пуэм,— манеш кугыза.

Кугуракет шонкален шога-шога да мӧҥгеш кая, ик шоямат ок му.

Вара кыдалашыже мия.

— Кугызай, тулетым пу-ян,— манеш.

— Нылле ик шоям каласет гын, пуэм,— ойла кугыза.

Тудат вуйжым удыралеш да мӧҥгеш кая, ик шоямат ок му.

Вара изирак шольышт мия.

— Кугызай, кочкаш шолтынена, да тулна уке. Тулетым пу-ян,— манеш.

— Нылле ик шоям каласет гын, тулым огыл, теве подышто шолын кечыше лудымат тыланет пуэн кодем, шке изи товарем налам да мӧҥгӧ ошкылам,— ойла кугыза.

— Йӧра,— манеш изирак шольо, нылле ик шоям каласем, только сыраш огыл, кугызай!

— Ой, кӧ тидлан сыраш тӱҥалеш! — ойла кугыза.

— Ну, йӧра, колышт,— манеш да изирак шольо шоям каласкалаш тӱҥалеш.— Ава деч, ача деч кумытын шочна. Илашыже шымытын кодна. Мемнан коклаште икте соҥгыра, весе сокыр, кумшо окшак, нылымше киддыме, визымше чара ыле, тудын ик лаштык вургемжат лийын огыл.

Ме икана чодырашке шӱртӧ дене мераҥ кучаш кайышна. Шӱртӧ дене ик отым авырен нална. Тиде жапыште соҥгыра шольына колынат шуктыш:

«Тӧвӧ, тушто кыж-гож шоктыш»,— мане. Сокырат ужаш тӱҥале: «Кучыза, кучыза! Тӧвӧ, корем велке кудалеш!» — кычкыра тудо. Окшакат поктен куржаш тӱҥале. Изиш гына поктен ыш шу. Тиде жапыште киддыме руалтенат кучыш. Чара коштшо урвалтышкыже пыштыш да мӧҥгӧ кондыш.

Мераҥым шӱшкылна, ньыктна, пудат пеле коям пелтен лукна. Ачам деч ик мужыр кем кодын ыле. Нальым да тиде коя дене ачан кемжым шӱраш тӱҥальым. Шӱрышым-шӱрышым, коя пел кемлан веле ситыш. Шӱрыдымӧ кемже сырыш да каен колтыш, рожышко пурен кайыш. Мыят арва дене кандырам пунышым да, кемым поктен, рожыш пурен кайышым. Кучышым да ынде тудым пеш луктам. Лектын шым шукто, кандыра кӱрлын кайыш, мый мӧҥгеш волен кайышым.

Шошо тольо. Турня тудо рожеш пыжашым оптыш,

муным мунчаш тӱҥале, игым пӱктен лукто. Турня игым кочкаш рывыж тунеме. Таче тольо да ик игым нангайыш. Эрлашым тольо да адак вес игым нангайыш. Кумшешыжымат толын, ик игым нангайынеже ыле, мый тудым почшо гыч руалтен кучышым. Рывыж кудалаш тӧча, мый тудым шупшам, тудо мыйым шупшеш. Лектын шушаш годым мый рожеш пижын шинчым. Рывыж шупшыл колтыш — почшо кӱрлын кайыш, шке кудал колтыш, рывыж почым мӧнгышкем нангайышым да ньыктым. Кӧргыштыжӧ кагаз пӱтыркам верештым. Рончалтен лудым, тушто тыге возымо ыле: «Нылле ик шоям колышт шогышо кугыза тыйын ачатлан лу пуд уржам пуышаш».

— Мом шойыштат?! Могай лу пуд?! — кугыза кычкырал колта.

— Мый вет кагазыште возымым гына ойлем,— манеш рвезет.

— Вучен шинче! — манешат, кугыза, изи товаржым солалтен, мӧнгыжӧ куржын колта.

СОРОК ОДНА НЕБЫЛИЦА

Три брата рубили в лесу дрова. Пришло время обедать. Стали братья обед варить: набрали воды в котелок, сложили костер, а разжечь костер нечем. Как на грех, ни один не взял с собой из дому ни кремня, ни кресала.

Посмотрели вокруг и видят: за деревьями разжег костер какой-то старик и что-то варит.

Старший брат пошел к старику и попросил:

— Дедушка, дай огоньку!

— Расскажи сорок одну небылицу — дам,— ответил старик.

Постоял-постоял старший брат, ни одной небылицы не придумал. Так и вернулся ни с чем.

Пошел к старику средний брат.

— Дай огоньку, дедушка!

— Дам, если расскажешь сорок одну небылицу,— ответил старик.

Средний брат почесал в затылке — ни одной небылицы не придумал и тоже вернулся к братьям без огня.

Пошел к старику младший брат.

— Дедушка,— говорит младший брат старику,— собрались мы с братьями обед варить, да огня нет. Дай нам огня!

— Если расскажешь сорок одну небылицу,— говорит старик,— дам тебе огня и еще вдобавок котел с жирной уткой.

— Ладно,— согласился младший брат,— расскажу тебе сорок одну небылицу. Только, чур, не сердись!

— Да кто же на небылицы сердится!

— Ну ладно, слушай. Родилось нас у отца-матери трое братьев. Умирали мы один за другим, и осталось нас всего семь человек. Из нас один глухой, другой — слепой, третий — хромой, четвертый — безрукий, а пятый — голый, ни клочка одежды на нем не было.

Однажды собрались мы и пошли ловить зайцев. Загородили одну рощу нитками, а глухой брат уже что-то услышал.

«Вон-вон, там шуршит!» — закричал.

А тут слепой зайца увидел: «Ловите! Он в овраг побежал!»

Побежал хромой вдогонку за зайцем да чуть не догнал. В это время безрукий уже схватил зайца.

Зайца положил голый в свой подол и принес домой.

Зарезали мы зайца и натопили из него сала с пуд.

Была у нас на всех одна пара отцовских сапог. Стал я тем салом отцовские сапоги смазывать. Мазал-мазал — хватило сала только на один сапог. Рассердился несмазанный сапог и убежал от меня. Сапог бежит, я — за ним. Прыгнул сапог в какую-то бездонную яму. Свил я веревку из мякины и спустился за сапогом. Тут и догнал его.

Стал я назад вылезать, да веревка оторвалась, и полетел я опять вниз. Сижу я, сижу в яме, а тут весна наступила. Свил себе журавль гнездо, вывел журавлят. Повадилась за журавлятами лазить лиса: сегодня одного утащит, завтра — другого, послезавтра за третьим приходит. Подкрался я однажды к лисе — и хвать ее за хвост!

Побежала лиса и меня за собой потащила. У выхода я застрял, а лиса рванулась — и ее хвост оторвался.

Принес я домой лисий хвост, распорол его, а внутри лежит бумажка. Развернул я бумажку, а там написано: «Старик, который варит сейчас жирную утку и слушает небылицу, должен твоему отцу десять пудов ржи».

— Вранье! — рассердился старик.— Небылица!

— Так и написано в бумажке,— сказал младший брат.

— Дождись! — крикнул старик и, схватив свой топорик, побежал домой.

МЎКШ ОРОЛ

Ожно ачамын мўкш отарже ыле. Тудо кажне мўкшыжлан лўмым пуэден: иктыжлан — Анам, весыжлан — Майрам, кумшыжлан — Тайрам. Молыштымат лўмден.

Ачам ок ярсе да, мўкш оролаш икана шке кайышым. Мўкш отарже Виче вўд вес могырышто ыле. Вўд серышке миен шуымат, ончем: вес могырышто ик кугу маска Тайра лўман мўкшым кученат, пеш кўрыштеш. Мом ышташ? Тыш-туш куржтал пытарышым. Пушым пеш кычалам. Кычальым-кычальым, ик пушымат шым му. Тунам шкемым ўпем гыч кучышымат, Виче вўд вес могырыш кудалтен колтышым.

Ончем — маска Тайрам кўрыштынат оптен. Тыштетушто шулдыржо-влак гына кийылтыт. Тайран лулегыжым погышымат, артанам опташ тўнгальым. Оптышым-оптышым, пыл декат оптен кўзышым, вуемат пылыш логале. Мардеж пуал колтыш да ўлыкö пöрдын волышым. Кыдал дангыт лавыраш керылтым. Толашем-толашем, нигузеат лектын ом керт. Мом ышташ? Кўртньö кольмым нальымат, шкемым пыкше гына кўнчен луктым. Уке гын, тушакынак колем ыле.

Каем ынде маскам поктен. Кайышым-кайышым, ончем: маска Тайрам кочкын темын да кече шокшышто шыранен кия. «А-а, верештыч!» манын, маскам шолен колтышым. Маска кынел шогале да кудалаш тўнгале. Маска кудалеш — мый куржам, маска куржеш — мый кудалам. Поктен шуаш тўнгалынам ыле, маска кўжгö тумо кöргыш тöрштенат пурыш. Маска пурымо рож деке мийышымат, ончем: рож пеш изи. Парням шуралтен ончышым, парнят ок пуро. Мом ышташ? Нальым да тöрштен колтышым рожышко — маска деке пуренат шогальым. Маскам пондашыж гыч пўтырен кучышым. «Ынде верештыч!» — маньым. Мöнгö нангайынем ыле, лекташ ок лий. Шкат лектын ом керт, маскамат лукташ ок лий. Мом ышташ? Шоналтышымат, мöнгö каен колтышым, товар ден пилам кондышым да тумым руэн кудалтышым, вара иже лектым. Уке гын тушанак пытем ыле.

Маскам шӱдырен луктым, тудо мый денем кучедалаш тӱҥале. Мый тунам але изи улам ыле, виемат ситен огыл. Маска мыйым тодышт пытарыш да нелынат колтыш. Ынде маска мӱшкырыштӧ киялтем. Шӱлаш йӧсӧ, да пич каен колен колтышым. Мом ышташ? Нальым да мӧҥгӧ куржым. Кӱзым налын кондышым да маскам давай шӱшкылаш! Маскам шӱшкыл кудалтышым, ньыктым, кӧргыжым почым, шолыжым шельым. Мӱшкырвуштышто шкемым пыкше муын луктым. Уке гын йӧршеш колем ыле.

Маска деч утлымеке, мӱкш отарыш кайышым. Ончем: Тайра моло мӱкш-влак дене пырля чоҥештен коштеш. Очыни, тачат чоҥештылеш.

Йомак — умбак, мый — тембак.

СТОРОЖ ПЧЕЛ

Когда-то у моего отца была пасека. Всем своим пчелам отец давал имена: одну звал Анной, другую — Майрой, третью — Тайрой. Всем дал он какое-нибудь имя.

Однажды послал меня отец караулить пчел. А пасека, надо сказать, была за речкой Вяткой.

Подошел я к речке и вижу: на том берегу Вятки огромный медведь поймал пчелу Тайру и раздирает ее на части.

Что делать? Я туда, сюда. Бегал-бегал, искал лодку — не нашел.

Схватил я себя за волосы и перебросил на другой берег.

А медведь совсем уж Тайру разодрал, только валяются на земле ее крылья.

Собрал я пчелиные кости и стал складывать из них поленницу. Складывал-складывал — выросла моя поленница до самого неба, уперся я головой в облако. Тут подул ветер, и я рухнул вниз, на землю.

Упал я вниз, угодил в болото и увяз в нем по пояс. Барахтался-барахтался — никак не могу выбраться. Что делать, думаю?

Сбегал домой за железной лопатой, еле-еле откопал себя. А если бы не откопал, наверно, там и погиб бы я.

А медведь к этому времени съел Тайру, объелся — пошевелиться не может. Развалился он на лужайке да греет свое толстое брюхо на солнышке.

— А-а-а! — закричал я.— Попался!

Медведь вскочил — и бежать!

Медведь бежит, я — за ним, медведь — бегом, я — скоком, медведь — скоком, я — бегом. Вот-вот догоню его.

Да тут оказался на пути дуб, а в том дубу — дупло. Медведь — туда!

Подошел я к дубу, смотрю: дупло-то маленькое, даже мой палец — и тот не лезет. Что делать?

Тогда разбежался я и прыгнул в дупло с разбега — прямо к медведю. Схватил его за бороду и говорю:

— Вот теперь попался!

Хотел его оттуда вытащить, да дыра в дупле мала: и самому не выйти, и медведя не вывести. Что делать?

Подумал, подумал я, сбегал домой, принес пилу с топором, свалил дуб и вышел из дупла. Вышел сам и медведя вытащил.

Стал медведь со мной бороться. Я тогда еще маленьким был, силенки было мало. Разодрал меня медведь и проглотил.

Вот сижу я в животе у медведя и задыхаюсь. Что же делать?

Сбегал домой, принес острый нож и распорол медвежье брюхо. Распорол его, снял шкуру, внутренности вытащил, разрезал кишки. Еле-еле отыскал себя в медвежьем желудке. Если бы не нашел, наверно, там бы и сдох.

Спас себя от медведя и пошел на пасеку пчел сторожить.

Пришел и вижу: летает Тайра вместе с другими пчелами, как ни в чем не бывало. Наверное, и сегодня летает.

Сказка туда, а я сюда.

КОММЕНТАРИЙ-ВЛАК

КОММЕНТАРИИ

Настоящий том марийских народных сказок составлен из текстов, взятых из книг, изданных разными авторами в дореволюционное и советское время, и из материалов рукописного фонда Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева. Тексты сказок печатаются на марийском языке с параллельным подстрочным и смысловым переводом на русский язык. Все сказки комментируются. В зависимости от содержания и имеющихся (зафиксированных) данных одни из них комментируются подробно, другие — конспективно. В комментариях даются сведения: где, когда, от кого, кем записана сказка, какие имеются другие варианты, известные на марийском или русском, иностранных языках.

Часть перевода на русский язык сделана составителями прежних сборников, часть — составителем данного тома. Сказки, восходящие к известным в фольклористике сюжетам или приближающиеся к ним, сопровождаются ссылками на соответствующие номера сюжетов сказочного каталога по системе СУС и АА.

ПРИНЯТЫЕ УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

АА — Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне.— Л., 1929.

Айзенворт — Айзенворт А. К. Лудшаш книга. III ужаш.— М., 1939.

Браиловская — Лудшаш книга. IV ужаш/С. М. Браиловская ден М. А. Рыбникова составительныт.— М., 1939.

Васильев, 1931 — Васильев В. М. Марий калыкын йомакше, ойлымашыже, туштыжо, тошто мутшо, мурыжо.— М., 1931.

Егоров, 1951 — Йомак-шамыч/С. А. Егоров поген.— Йошкар-Ола, 1951.

Китиков — Кӱслезе тукым: Марий калык йомак-влак/А. Е. Китиков поген.— Йошкар-Ола, 1979.

МЛ — Марий литература. VIII класслан/А. Асаев ден С. Эман составительныт.— Йошкар-Ола, 1949.

Майн — Марийские сказки/Составил Макс Майн. Перевел и обработал Вл. Муравьев.— М., 1958.

МарНИИ — Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева при Совете Министров МССР.

МНС — Марийские народные сказки/Составили Е. А. Тудоровская и С. Эман.— Йошкар-Ола, 1945.

МФЭ — Материалы фольклорной экспедиции.

НИШ — Ныллe ик шоя: Йомак-влак/К. А. Четкарев погeн.— Йошкар-Ола, 1955.

ПИ — Пиалан илыш.

НРФ — Научно-рукописный фонд МарНИИ.

Сурикова — Марий йомак-влак/О. Г. Сурикова составитлен.— Йошкар-Ола, 1959.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка/Составители Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков.— Л., 1979.

Хорошавина — Йомак-шамыч/О. Г. Хорошавина ямдылен.— Йошкар-Ола, 1946.

Четкарев, 1948 — Марийские сказки/Сборник К. А. Четкарева под редакцией проф. М. К. Азадовского.— Йошкар-Ола, 1948.

Четкарев, 1950 — Марий йомак/Филол. наука кандидат К. А. Четкарев погeн.— Йошкар-Ола, 1950.

Четкарев, I — Марийские сказки. Т. I. Ронгинский район/Записи, перевод, статья и комментарии К. А. Четкарева. Под редакцией и с предисловием проф. М. К. Азадовского.— Л., 1941.

Четкарев, II — Марийские народные сказки. Т. II. Моркинский район/Запись, перевод и статья К. А. Четкарева.— Йошкар-Ола, 1955.

Четкарев, 1955 — Марийские народные сказки/Запись, перевод, статья и комментарии К. А. Четкарева.— Йошкар-Ола, 1955.

Четкарев, 1956 — Марийские народные сказки/Записи, перевод и комментарии К. А. Четкарева.— Йошкар-Ола, 1956.

Беке, 1938 — Tscheremissische Märchen, Sagen und Erzählungen. Gesammelt und herausgegeben von Ödön Beke. Mémoires de la Sosiété Finno-ougrienne LXXVI. Helsinki, 1938.

Вихман — Volksdichtung und Volksbräuche der Tscheremissen. Herausgegeben von Yrjö Wichmann Journal de la Sosiété Finno-ougrienne LIX. Helsinki, 1931.

Генетц — Ost-tscheremissische Sprachstudien von Dr. Arvid Genets. I. Sprachproben mit deutscher Uebersetzung. Journal de la Société Finno-ougrienne VII. Helsinki, 1889.

Леви — Ernst Lewy. Tscheremissische Texte. I. Hannover, 1926. Tscheremissische Texte. II. Übersetzung, 1925.

Поркка — Volmari Porkka's Tscheremissische Texte mit Übersetzung. Herausgegeben von Arvid Genets. Journal de la Société Finno-ougrienne XIII. Helsingissä, 1895.

Рамстедт — Bergtscheremissische Sprachstudien von G. J. Ramstedt. Mémoires de la Société Finno-ougrienne XVII. Helsingfors, 1902.

ЯНЛЫК НЕРГЕН ЙОМАК

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

ЧОЯ РЫВЫЖ — ХИТРАЯ ЛИСА. МЛ, с. 24—25. СУС 20 С, 103. Дополнительно: Четкарев, II, с. 119—120.

РЫВЫЖ ДЕН УР — ЛИСА И БЕЛКА. Записано в 1937 г. в дер. Пиксола Пектубаевского р-на МАССР Ф. Ф. Стрельниковым

от Соколова Ивана, 1875 г. рожд.— НРФ МарНИИ, оп. 1, д. 497, л. 15. СУС 33.

ЛӸДШӧ МЕРАҤ — ТРУСЛИВЫЙ ЗАЯЦ. Печатается из газеты «Ямде лий». 1939. 25 янв. СУС 43.

ТУМНА ДЕН РЫВЫЖ — СОВА И ЛИСА. Текст сказки печатается по книге: Четкарев, 1950, с. 239—240. К. А. Четкарев настоящую сказку в свой сборник включил из собраний финского ученого Арвида Генетца. Сказка относится к числу распространенных детских произведений. В отличие от русских сказок, в марийском тексте сорока дает хорошие советы, как спасти детенышей от лисы. Лиса намеревается проучить сороку; в заключение лиса сама остается обманутой. В марийском варианте оригинальна песня-обращение к сове, исполняемая лисой. Она включает звукоподражание: тумна тум-тум.

СУТ ПИРЕ — ГОЛОДНЫЙ ВОЛК. Соединены два сюжета — СУС 122 («Волк-дурень») и СУС 100 («Волк в гостях у собаки»): волк хочет съесть человека, барана, коня, собаку. Он соглашается подождать, когда ему сошьют красную шубу и т. д., но ничего не получает. Далее соединение с СУС 100: в гостях с собакой на свадьбе выпил слишком много и поет, его убивают. Дополнительно: Вихман, с. 167—168. Действия собаки, наоборот, носят провокационный характер: собака одобряет пение волка на свадьбе, несмотря на трагические последствия. Сказка насыщена текстами песен, в содержании которых рассказывается о победе положительных героев над волком-врагом.

КАЗА ДЕН МАСКА — КОЗА И МЕДВЕДЬ. Эта сказка широко распространена в детской аудитории, приближается к русской сказке «Волк и козлята». Впервые записана А. Генетцом в Красноуфимском уезде Пермской губернии в 1887 году от сына Пайварыса Пёрыса. В дальнейшем с нотами была опубликована В. М. Васильевым (Васильев, 1931), К. А. Четкаревым (Четкарев, 1950) и в других детских изданиях сказок.

В сказке представлена песня, исполняемая козой, которая служила сигналом для козлят, чтобы открыть двери для своей матери. Эта сказка раньше пользовалась большой популярностью в сопровождении пения. Здесь сюжет осложнен рассказом СУС 333А («Медведь съедает козлят, из распоротого живота похитителя выходят козлята»). В марийском сказочном репертуаре эта сказка бытует в следующем порядке: СУС 123+333А. В отличие от русских сказок этого типа в марийском варианте один козленок (по тексту — второй) изъявляет желание остаться с их похитителем — медведем. На вопрос матери-козы «За пазухой отца или матери теплее?» второй козленок отвечает: «За пазухой (здесь, по-марийски: помыш) отца теплее» и остается вместе с отцом-медведем. Остальные два козленка уходят вместе с матерью-козой. Пока не выяснено, почему именно один из козлят (второй) остается с отцом-медведем, тогда как в русских вариантах этого мы не наблюдаем.

НЫЛ ЙОЛТАШ — ЧЕТЫРЕ ТОВАРИЩА. Записано в 1978 г. в дер. Токпердино Моркинского р-на МАССР С. С. Сабитовым от Игнатьева Ивана Игнатьевича, 1906 г. рожд.— МФЭ — 78, № 105, л. 44—47. СУС 130. Вариант: Беке, 1938, № 74.

ОШ ВӸЛЬӧ — БЕЛАЯ КОБЫЛА. Печатается по НИШ, с. 18—23. Сказка сложена из двух сюжетов: СУС 170 («За скалочку — гусочку») и СУС 158 («Звери в санях у девушки»).

МАСКА ДЕН ӸДЫР — МЕДВЕДЬ И ДЕВОЧКА. НРФ МарНИИ, оп. 1, д. XXX—498. Запись студента I курса I группы Марпедрабфака Семенова Николая. Другие данные отсутствуют.

Текст сказки усвоен из русского сказочного творчества с исключением отдельных элементов известной русской сказки «Маша и медведь». СУС — 179*.

КАЗА, ТАГА ДА ПЫРЫС — КОЗА, БАРАН ДА КОТ. Записано в 1940 году Преображенским. Место записи и сказочник не указаны.— НРФ МарНИИ, оп. 1, д. 465, л. 1—9. СУС [130 Д*], 125, 126 А*. Текст сказки напечатан: Хорошавина, с. 16—20; Сурикова, с. 32—36. Наш сюжет отчасти напоминает сказку «Бременские уличные музыканты» братьев Гримм.

РЫВЫЖ ДЕН КИСА — ЛИСА И СИНИЧКА. Текст печатается по сборнику: НИШ, с. 25—26. Сказка приближается к СУС 248 А* («Собака и дятел»).

МАРИЙ, МАСКА ДА РЫВЫЖ — МУЖИК, МЕДВЕДЬ И ЛИСА. Текст сказки печатается по сборнику: Хоршавина, с. 34—35. Он же в сборнике: Сурикова, с. 63—65. Рассказ состоит из одного сюжета о лисе, помогающей избавиться от медведя. Есть вариант сказки другого плана, состоящий из сюжетов: дележ урожая (СУС 1030) и о лисе, помогающей избавиться от медведя (СУС 154) — Поркка, № 7, с. 8—9. Текст сказки, взятый из сборника В. Поркка, перепечатан в сборнике К. А. Четкарева (Четкарев, 1950, с. 237—238). В марийских вариантах этой сказки, в отличие от русских сказок этого типа, мотив о неудачном бегстве лисы от собаки (СУС * 154 I) опущен. СУС 154.

ПӦРДШӦ ЭГЕРЧЕ — КАТЯЩАЯСЯ ЛЕПЕШКА. Сказка записана в селе Чингак Керебелякского с/с Звениговского р-на МАССР в 1933 г. Николаевым П. Н. от Васильева Федора.— НРФ МарНИИ, оп. I, д. 232. Сюжет схож с русской сказкой «Колобок», относится к разряду кумулятивных сказок, построенных по принципу нанизывания повторяющихся мотивов. Марийский текст завершается нравоучительной сентенцией: лиса всегда и всюду хитра, за счет хитрости питается. И поныне хитрых людей сравнивают с лисой. СУС * 296.

ЧОЯ ШОҢШО — ЛОВКИЙ ЕЖ. Текст печатается из газеты «Ямде лий», 1936. 9 окт.

МЕРАҢ — ЗАЯЦ. Текст печатается по сборнику: Егоров, 1951, с. 33.

ЮЗО ЙОМАК

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

МИКЛАЙ ДЕН ПАВЫЛ — МИХАИЛ И ПАВЕЛ. Запись К. А. Четкарева в 1935 г. в дер. Шиньшедур Моркинского р-на МАССР от Иванова Михаила Ивановича.— Четкарев, 1950, с. 101—104. Сюжет разворачивается следующим образом: два брата идут странствовать в разные стороны; один женится на царевне, охотится в запрещенном месте; старик-колдун превращает его и помощников-животных в каменные столбы; другой брат отнимает у него волшебную палочку и оживляет заколдованных своих друзей и помощников. Этот сюжет встречается только в записях К. А. Четкарева. СУС 303. В сборнике Майна эта сказка печатается под названием «Два брата».

ШИЙ ПУЯН ШИЙ ПАМПАЛЧЕ — СЕРЕБРОЗУБАЯ СЕРЕБРЯНАЯ ПАМПАЛЧЕ. Записана В. М. Бердниковым в 1938 г. в колхозе «Трактор» Шурминского р-на Кировской области от Акмазикова Семена Демидовича. Сказка перекликается с сюжетом «Ший вуян Пази» («Сереброголовый Пази») — Генетц, с. 2—3.

Наш текст печатается по сборнику: Китиков, с. 20—27. Для марийского фольклора характерно взаимодействие между сказками типа СУС 313 и быличками о ребенке, запроданом лешему. Сказка относится к сюжетной группе сказок 313. Основным мотивом является мотив бегства героини. Сказка типа 313 С заканчивается эпизодом «Забытая невеста». В марийском фольклоре начало сказок типа 313 А, В, С, как «Мышь и воробей» (СУС 222 В*), встречаются только в двух редакциях: Четкарев, 1948, с. 29—36; Четкарев, 1956, № 14.

САЛТАК ЭРГЕ ИВАН — СОЛДАТСКИЙ СЫН ИВАН. Записано К. А. Четкаревым от Яранцева Ивана Павловича.— Четкарев, 1950, с. 224—231. От других марийских вариантов этот вариант отличается тем, что в этой сказке события происходят под землей. Интересным моментом является описание мотива похищения одежды голубки героем. Сначала прилетают 11 голубей, а затем одна, у которой герой прячет одежду. Этот мотив сходен с марийской сказкой «Лебедь-девушка» (СУС 400_1), где герой сказки тоже прячет одежду лебедушки-девушки. В отличие от русских сказок, в нашем варианте на вопросы дочерей сатаны отвечают предметы: корыто, веник, ковш, тогда как в русских сказках отвечают слюни. Сюжет напоминает СУС 313.

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ ЛАСТОЧКИН. Запись К. А. Четкарева в 1935—36 гг. в селе Ронга Ронгинского р-на МАССР от Тупинова Игнатия Ивановича.— Четкарев, 1950, с. 116—127. Сказка слагается из двух сюжетов: СУС 315 («Звериное молоко или Притворная болезнь» — начало и конец), в середине повествования вклинился мотив СУС 300 А (близок и к СУС 303, 304). Сюжет зафиксирован еще Генетцом под № 10. Этот вариант является древним, он далек от заимствования. Сказочник И. И. Тупинов, по словам К. А. Четкарева, сказку усвоил еще 50 лет назад. Сказка представляет собой стройный художественный рассказ.

Дополнительно: Генетц, № 10 (=Четкарев, 1948, с. 37—44); Рамстедт, № 9; Леви, № 58; Четкарев, I, № 26 (=Четкарев, 1948, с. 45—54= МНС, 1945, с. 49—59= МХЯ, 1947, с. 50—63); 6 (=Четкарев, 1950, с. 116—127=Четкарев, 1956, № 5).

ЮЗО КЕРДЕ — ЧУДЕСНАЯ ШАШКА. Запись произведена от Филиппова Матвея Филипповича К. А. Четкаревым в 1935 г. в Элейкино Моркинского р-на МАССР.— Четкарев, 1950, с. 108—112. Данный сюжет широко распространен не только среди марийского народа, но и среди народов Поволжья. В марийском сказочном творчестве имеется много вариантов этого сюжета в сборниках К. А. Четкарева. Наш сюжет слагается из следующих: СУС 315 А и В, 563, 590, основной сюжет осложнен вкраплениями других сюжетов (СУС 315 А).

МЕЖНЕЧ ЎДЫР ДЕН ВУВЕР-КУВА — ДЕВОЧКА И ВУВЕР-КУВА. Записано в 1980 г. в дер. Саламатнур Куженерского р-на МАССР С. С. Сабитовым от Ивановой Зинаиды Поликарповны, 1954 г. рожд. СУС 327 А.

ШЫМ ТУЛЫК ЎДЫР — СЕМЬ СИРОТОК. Записано в 1938 г. в дер. Кильметево Мишкинского р-на БАССР С. И. Ибатовым от Батурина Баязита.— НИШ с. 33—38. Состоит из двух сюжетов: СУС 333 С* («Вувер-кува — пожирательница детей») и СУС 313 Н* («Бегство от Вувер-кувы (ведьмы)»). В этой сказке основным мотивом является тоже бегство и спасение с помощью бросания чудесных предметов (гребня, бруска, платка, символизирующих лес, гору, огонь). Сказка с эпизодами бегства перекликается со сказками «Сереброзубая серебряная Пампалче» и «Сереброголовый Пази».

Их объединяют мотивы бегства от ведьмы и вознесения на небо. Сказка пользуется большой популярностью в детской среде. Хотя в СУС данный тип обозначен только как эпизод в сказках разных типов, он в марийском сказочном творчестве составляет законченное художественное произведение. Начало завязки (посещение сиротками Вувер-кувы) мотивировано отсутствием огня, как в сказке «Сорок одна небылица» (СУС 1920* Д).

УЖАВА-ЎДЫР — ДЕВУШКА-ЛЯГУШКА. Запись произведена венгерским ученым Э. Беке в период первой мировой войны от Лебедева Даниила, уроженца д. Печан-починок Уржумского уезда Вятской губернии.— Беке, 1938, № 20. Сюжет, осложненный другими мотивами, встречается и в записях К. А. Четкарева (Четкарев, 1, № 11=Четкарев, 1950, с. 142—148=Четкарев, 1956, № 10). В сказке соединены в одно целое сюжет «Царевна-лягушка» (СУС 402) и сюжет о поисках исчезнувшей жены (СУС 400_1). Для марийских сказок характерен мотив соперничества старших снох с царевной-лягушкой. Сюжет, как правило, сливается с сюжетом СУС 400_1 («Муж ищет исчезнувшую жену»).

ШӦРТНЬӦ ШУЛДЫРАН ЛУДО — ЗЛАТОКРЫЛАЯ УТКА. Запись периода первой мировой войны венгерского ученого Э. Беке от Лебедева Даниила, уроженца дер. Печан-починок Уржумского уезда Вятской губернии. СУС 465 В («Гусли-самогуды»). Этот сюжет разрабатывается несколько иначе, чем сюжет сказки «Кӱсле» («Гусли»), представленнный в сборнике Китикова. Этот вариант имеет усиленный социальный характер. Здесь вместо завистливых старших братьев героя представлены свита, окружение царя и сам царь. В сказке мотив поиска чудесных вещей по приказу царя разрабатывается только два раза (за драгоценным камнем и гуслями-самогудами). Нарушен закон троичности. В другом варианте («Кӱсле») герой выполняет три задания своего отца. Здесь действие сюжета перенесено в семейные отношения, в нем раскрываются взаимоотношения между старшими братьями и младшим братом и отцом.

ШЫМ КӦСӦ — СЕМЬ КОЗ. Запись Генетца от сына Пайварыса Пёрыса в 1887 г. в Красноуфимском уезде Пермской губернии. Популярный сюжет сказки типа СУС 480 («Мачеха и падчерица») известен по материалам финских ученых-путешественников. После того, как эту сказку начали включать в различные сборники сказок как научного, так и популярного характера, она стала неотъемлемой частью хрестоматий для детей по литературе и фольклору и стала любимой сказкой детской аудитории. Сказка до сих пор хранится в памяти людей и живет полнокровной жизнью. Однако структура и поэтическая сторона ее современного бытования уступает прежним записям. Дополнительно: Беке, 1938, № 30; Четкарев, 1950, с. 247—250 (перепечатка); МНС, 1945, с. 29—33.

ТОШТО ВАТЫН ЎДЫРЖӦ — ДОЧЬ ПЕРВОЙ ЖЕНЫ. Записано в 1937 г. в дер. Пиксола Пектубаевского р-на МАССР Стрельниковым от Соколова Ивана, 1875 г. рожд. Эпизод с родной дочерью опущен. АА 480* С.

РЫВЫЖ МАРИЙЛАН КУГЫЖАН ЎДЫРЫМ НАЛЫН ПУА — ЛИСА ЖЕНИТ МАРИЙЦА НА ЦАРСКОЙ ДОЧЕРИ. Текст печатается по книге: МЛ, с. 17—20. Марийский вариант известной сказки «Кот в сапогах» (СУС 545 В). В сказочном творчестве марийцев ловко сватает царскую дочь за бедняка-марийца не кот, а лиса. Дополнительно: Майн, 1958, с. 20—28; НРФ МарНИИ, оп. 1, д. 760, тетр. 2, с. 49—62.

КУЗЕ МАРИЙ СТАНОВОЙЫШ ПУРЕН — КАК МАРИЕЦ ПОПАЛ В СТАНОВЫЕ. Запись К. А. Четкарева от Соловьева Константина Степановича в 1935—36 гг. в дер. Куркумбал Ронгинского р-на МАССР. Сюжет напоминает известную сказку А. С. Пушкина «О рыбаке и рыбке», но в целом он отличается множеством деталей, хотя сюжетная коллизия разрабатывается как и в пушкинской сказке. В марийском фольклоре эта сказка известна с мотивом дерева; имеется один вариант, когда в качестве чудесного исполнителя желания героя выступает не дерево, а золотая рыбка. Это, видимо, объясняется влиянием сказки А. С. Пушкина и русской народной сказки (см.: Беке, 1938, № 17). У мордвы исполнителем желаний чаще всего выступает птица. Марийская сказка этого типа заканчивается концовкой, являющейся переработкой старой марийской пословицы «Медведь — барской породы, произошел от станового». СУС 555.

КӰРТНЬӦ МАСТАР ДЕН ПУ МАСТАР — СЛЕСАРЬ И СТОЛЯР. Запись К. А. Четкарева от Богданова Григория Павловича в 1935 г. в дер. Кожлаер Моркинского р-на МАССР. СУС 575 («Деревянный орел»). Слесарь и столяр изготавливают чудесные предметы: слесарь делает винтового журавля, царевич-наследник улетает на нем к дочери царя Аполлона. Сюжет осложнен похищением, поиском и изменой жены. В целом по СУС выглядит следующим образом: 575+301 A, B+301 Д* +318. Опубликована: Четкарев, 1950, с. 18—26 (=Четкарев, 11, с. 76—86).

САЛТАКЫН МЫСКАРАЖЕ — СОЛДАТСКИЕ ПРОДЕЛКИ. Запись Георгия Ефруша в 1939 г. Сказочник не указан.— НРФ МарНИИ, оп. I, д. 422. Сказка характерна для русского репертуара, в марийском сказочном творчестве представлена в единичном варианте, исключая: Майн, с. 107—108. Сюжет имеет общее с древнейшим восточным сюжетом о демонах-преследователях человека, заснувшего во время рассказывания. СУС 664 А*.

КИШКЕ ЙЫЛМЕ — ЯЗЫК ЗМЕЙ. НРФ МарНИИ, оп. 3, д. 112, л. 360—362. Сюжет разворачивается следующим образом: человек попадает в яму со змеями, после чего он стал понимать язык птиц и зверей, но не должен говорить об этом никому под угрозой смерти; любопытная жена хочет того, чтобы муж выдал ей тайну ценой своей жизни; подслушав, как петух хвастал собаке, что справляется с двенадцатью женами, человек собирается наказать свою жену. Вторая часть напоминает новеллистическую сказку на тему «Муж исправляет жену» (СУС 900—905), хотя точного совпадения с СУС нет, тем не менее, нам кажется, что и этот сюжет должен был иметь свой номер в пределах 900—905.

СОНАРЗЕ ДА ТУДЫН КОК ПИЙЖЕ — ОХОТНИК И ДВЕ ЕГО СОБАКИ. Записано в 1979 г. в дер. Саламатнур Куженерского р-на МАССР С. С. Сабитовым от Ивановой Марфы Михайловны, 1917 г. рожд. СУС (670).

ИВАН-ЦАРЕВИЧ ДЕН КИДДЫМЕ ЎДЫР — ИВАН-ЦАРЕВИЧ И БЕЗРУЧКА. Текст печатается по сборнику: Четкарев, 1950, с. 149—156. Сказка записана в 1935—36 гг. в селе Ронга Ронгинского р-на МАССР К. А. Четкаревым от Тупинова Игнатия Ивановича, 1874 г. рожд. СУС 706.

ПОЯН ЛАЗЫРЫН ЎДЫРЖӦ — ДОЧЬ БОГАТОГО ЛАЗАРЯ. Состав сказки: СУС 709 («Мертвая девушка»), СУС 706 («Безручка»). Как подчеркивает К. А. Четкарев, этот сюжет сказки получил распространение среди марийского народа и в фольклоре народов Поволжья благодаря литературной обработке на национальные языки «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пуш-

кина. Сказка записана К. А. Четкаревым от Богданова Григория Павловича в 1935 г. в дер. Кожлаер Моркинского р-на МАССР.

ЙОРЛО ДЕН ПОЯН ИЗАК-ШОЛЯК — БЕДНЫЙ И БОГАТЫЙ БРАТЬЯ. Записано Георгием Ефрушем. Паспортные данные отсутствуют.— НРФ МарНИИ, оп. 1, д. 418, л. 32—34. СУС 735 А.

ИЛЫШ-ЙЎЛА НЕРГЕН ЙОМАК

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

ЙОРЛО ИЗАК-ШОЛЯК — БЕДНЫЕ БРАТЬЯ. Запись К. А. Четкарева от Яранцева Ивана Петровича в 1935—36 гг. в дер. Кугунур Ронгинского района МАССР. Сюжет по смыслу относится к новеллистическим сказкам, к группе АА 850—869 («Герой женится на царевне»). По словам автора записи, вариант сказки Яранцева является более древним продуктом творчества сказителя. Образ медведя в марийской народной мифологии популярен, т. к. он служил марийцам в определенный исторический период объектом охоты, и, значит, он служил им в качестве одежды и пищи. В русских вариантах вместо медведя фигурируют три свиньи. Текст сказки напечатан: Четкарев, 1948, с. 121—123; Четкарев, 1950, с. 113—115; Четкарев, 1956, № 28. Во всех источниках напечатан один и тот же текст от одного и того же сказочника.

АЧАН МУТШО ЧЫН — НАКАЗЫ ОТЦА. Запись П. Н. Николаева в 1933 году в Чингансоле Керебелякского с/с Звениговского р-на от 85-летнего Васильева Пӧдыра.— НРФ МарНИИ, оп. 1, д. 232. Сюжет относится к новеллистической группе сказок. СУС [884 B*].

УМЫЛЫДЫМО КАЧЕ — НЕСМЫШЛЕНЫЙ ЖЕНИХ. Сюжет относится к новеллистическим сказкам, к группе АА 920—929. Основой повествования является сказка об умных ответах девушки (АА 921). Данный сюжет, записанный К. А. Четкаревым от Белковой Александры Ильиничны в 1936 г. в дер. Шиньшедур Моркинского р-на МАССР, близок к АА 921 («Умные ответы»). В марийском фольклоре сюжет популярен. Кроме этого варианта имеется еще и у Беке, 1938, № 41. Находчивые ответы на разнообразные хитрые вопросы обычно дает девушка. В тупике остаются сваты, приехавшие за невестой. В других вариантах посрамленными остаются лица, принадлежащие к высшим сословиям (в марийском —богач, поп). В таких случаях царем задаются следующие вопросы, на которые должны отвечать дочь бедняка и богач: что мягче всего? о чем я думаю? что слаще на свете? и др. У бедной девушки ответы самые находчивые и правильные; богач посрамлен.

ЧЫГАН КУЗЕ ПОЕН — КАК РАЗБОГАТЕЛ ЦЫГАН. Сказка записана К. А. Четкаревым от Иванова Михаила Ивановича в 1935 г. в дер. Шиньшедур Моркинского р-на МАССР. Сюжет близок к тексту «Кузе марий иям ондален» («Как мариец обманул черта»), но сложен из других эпизодов спора героя с чертом. Наш вариант слагается из последовательной контаминации следующих мотивов: победа героя над змеем (АА 300А); унести вместо быка целое стадо (АА 1049* В); принести вместо бочки воды все озеро (АА 1045); принести вместо дерева весь лес (АА 1052); свист на спор (АА 1084); сорокапудовая бочка золота (АА 1130).

КУЗЕ МАРИЙ ИЯМ ОНДАЛЕН — КАК МАРИЕЦ ОБМАНУЛ ЧЕРТА. Текст печатается по сборнику: Китиков, с. 30—37. Паспортные данные отсутствуют. Эта сказка неоднократно издавалась

в сериях «Сказки народов СССР», изданных в разных областях РСФСР и СССР. Сюжет относится к сказкам о глупом черте (СУС 1000—1199).

ЙОРЛО ИКШЫВЕ — БЕДНЫЙ МАЛЬЧИК. Запись К. А. Четкарева от Рябушкина Гурия Архиповича в 1940 г. в селе Арино Моркинского р-на МАССР. По сведениям собирателя, эта сказка Рябушкина является разработкой на свой лад варианта сюжета «Дорогая кожа» (АА 1535 А), она близка к АА * 1360 I («Наказанный любовник»). Данной сказке придан социальный смысл. Герой освобождается из-под власти купца, купив его же дом на вырученные деньги. В марийском варианте переплелись два сюжета АА 1535А и * 1360 I.

БАЧЫШКАН ТАРЗЕ — РАБОТНИК ПОПА. Записано в 1978 г. в дер. Мушюлтур Звениговского р-на МАССР С. С. Сабитовым от Даниловой Елизаветы Петровны, 1901 г. рожд.— МФЭ, № 109 с. 16—21. СУС 1525—1639.

СУТЛАНЫШЕ ПОП — ЖАДНЫЙ ПОП. Печатается по книге: МЛ, с. 33—34. Сюжет основан на коллизии «ловкий человек — поп». Марийский сюжет не имеет аналогов в сказочном репертуаре других народов. В СУС сюжет не значится. Он зафиксирован только в марийском фольклоре.

ШЛЯПА — ШЛЯПА. Запись К. А. Четкарева. Паспортные данные отсутствуют.— Айзенворт, с. 38—42. АА * 1730 I.

ПОП ДЕН МАРИЙ — ПОП И МАРИЕЦ. Текст печатается по журналу: ПИ, 1939, № 2, с. 63—67. Сказку записал К. А. Четкарев в 1935 г. от Тупинова Игнатия Ивановича, уроженца с. Ронги Ронгинского р-на МАССР. Сюжет о ловких работниках и глупых попах. Имеются в марийском фольклоре и другие варианты, но все их объединяет один мотив: поп ищет себе работника, главный уговор между ними — не сердиться. В дальнейшем работник приносит попу (богачу) одно бедствие за другим; эпизоды с выполнением работ варьируются. Сказка по сей день популярна среди марийского народа и бытует во всех обследованных нами районах. АА * 1730 IV.

МУЖИК ДЕН БАРИН — МУЖИК И БАРИН. Печатается по книге: Браиловская, с. 3—6.

ПОЯН НУЖНАМ УЖЕШ — КАК ПОЯН НУЖДУ ВИДЕЛ. Записано в 1939 г. в дер. Верх-Ушнур Ронгинского р-на МАССР Гороховым Егором. Сказочник не указан.— НРФ МарНИИ, оп. 1, д. 487. СУС 1775.

ЧАНГА КУПЕЧ — ЖАДНЫЙ КУПЕЦ. Текст печатается по сборнику: Егоров, 1951, с. 36—37. В СУС сходного сюжета нет. Сказка приближается к типу анекдотов о пошехонцах (СУС 1200—1349). Высмеивается жадность и глупость купца, задумавшего удлинить рабочий день, «задержав» солнце на небе.

НЫЛЛЕ ИК ШОЯ — СОРОК ОДНА НЕБЫЛИЦА. Единственный вариант этой сказки-небылицы записан В. М. Бердниковым в колхозе «Красный воин» Шурминского района Кировской области в 1938 г. от Филиппова Якова Матвеевича. Сюжет разворачивается в следующей последовательности: три брата идут к старику за огнем; двое из них не могут рассказать 41 небылицу, возвращаются без огня; младший брат заставляет сказать: «Не ври!» («Тот старик, кто слушает 41 небылицу, твоему отцу должен десять пудов ржи»). Начало небылицы напоминает сказки о трех братьях, из которых один должен был быть мнимым дураком. В этом тексте мы об этом только догадываемся. В повествовании этот мотив не является главным. В русском фольклоре сложение

небылиц встречается в разных сочетаниях. Например, человек сшивает передок и задок лошади (АА * 1912); человек лезет на небо и спускается оттуда на ремнях (АА * 1885); человек, ухватившись за хвост волка, выбирается из болота (АА * 1900 В). Следует отметить, что в марийском фольклоре замечены некоторые мотивы-эпизоды из раздела «Небылицы», только они встречаются в сказках других разновидностей (имеется эпизод: человек выбирается из дупла дерева, ухватившись за хвост волка). АА 1920* Д.

МЎКШ ОРОЛ — СТОРОЖ ПЧЕЛ. Текст печатается по сборнику: НИШ, с. 3—4. Повествование относится к разряду небылиц (АА 1875—1999). Два мотива имеют отдаленное сходство по АА * 1887, (1877 * В). В целом эта небылица — оригинальное фольклорное произведение, в такой последовательности оно разрабатывается только в марийском фольклоре. Небылица, как и предыдущая «Сорок одна небылица», неоднократно печаталась в учебниках, хрестоматиях по родной литературе для школьников и благодаря периодической публикации пользуется достаточной популярностью и не уходит из репертуара детей.

Вуйлымаш
Содержание

Ончылмут 5
Введение 5

ЯНЛЫК НЕРГЕН ЙОМАК-ВЛАК
СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

Чоя рывыж 19
Хитрая лиса 21

Рывыж ден ур 24
Лиса и белка 24

Лӱдшӧ мераҥ 25
Трусливый заяц 26

Тумна ден рывыж 28
Сова и лиса 29

Сут пире 31
Голодный волк 34

Каза ден маска 36
Коза и медведь 40

Ныл йолташ 44
Четыре товарища 46

Ош вӱльӧ 48
Белая кобыла 51

Каза, тага да пырыс 55
Коза, баран и кот 58

Рывыж ден киса 60
Лиса и синичка 62

Марий, маска да рывыж 63
Мужик, медведь и лиса 64

Пӧрдшӧ эгерче 65
Катящаяся лепешка 66

Чоя шоҥшо 68
Ловкий еж 69

Мераҥ 70
Заяц 71

ЮЗО ЙОМАК-ВЛАК

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

Миклай ден Павыл 72
Михаил и Павел 76

Ший пӱян Ший Пампалче 80
Сереброзубая Пампалче 87

Салтак эрге Иван 94
Солдатский сын Иван 102

Иван Алексеевич Ласточкин 109
Иван Алексеевич Ласточкин 122

Юзо керде 135
Чудесная шашка 140

Межнеч ӱдыр ден Вувер-кува 146
Девочка и Вувер-кува 147

Шым тулык ӱдыр 148
Семь сироток 153

Ужава-ӱдыр 158
Девушка-лягушка 166

Шӧртньӧ шулдыран лудо 175
Златокрылая утка 178

Шым кӧсӧ 182
Семь коз 186

Тошто ватын ӱдыржӧ 189
Дочь первой жены 191

Рывыж марийлан кугыжан ӱдырым налын пуа 193
Лиса женит марийца на царской дочери . 197

Кузе марий становойыш пурен 201
Как мариец попал в становые 203

Кӱртньӧ мастар ден пу мастар 206
Слесарь и столяр 214

Салтакын мыскараже 223
Солдатские проделки 224

Кишке йылме 226
Язык змей 228

Сонарзе да тудын кок пийже 230
Охотник и две его собаки 231

Иван-царевич ден киддыме ӱдыр . . . 233
Иван-царевич и безручка 241

Поян Лазырын ӱдыржӧ 249
Дочь богатого Лазаря 255

Йорло ден поян изак-шоляк 260
Бедный и богатый братья 263

ИЛЫШ-ЙӰЛА НЕРГЕН ЙОМАК-ВЛАК

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

Йорло изак-шоляк 266
Бедные братья 268

Ачан мутшо чын 271
Наказы отца 272

Умылыдымо каче 274
Несмышленый жених 276

Чыган кузе поен 278
Как разбогател цыган 283

Кузе марий иям ондален 288
Как мариец обманул черта 291

Йорло икшыве 295
Бедный мальчик 298

Бачышкан тарзе 301
Работник попа 304

Поп, якын да тарзе 308
Поп, дьякон и работник 308

Сутланыше поп 309
Жадный поп 311

Шляпа 313
Шляпа 318

Поп ден марий 322
Поп и мариец 327

Мужик ден барин 332
Мужик и барин 335

Поян нужнам ужеш 338
Как поян нужду видел 340

Чанга купеч 342
Жадный купец 343

Нылле ик шоя 344
Сорок одна небылица 346

Мӱкш орол 348
Сторож пчел 349

Комментарий-влак 351
Комментарии 351

МАРИЙ КАЛЫК ОЙПОГО

Олыкмарий йомак-влак

СВОД МАРИЙСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Сказки луговых мари

На марийском и
русском языках

Редакторы
Г. Г. Гадиатов, А. Я. Спиридонов

Оформление художника
Р. Е. Янгильдина

Художественный редактор
В. Н. Андреев

Технический редактор
Р. О. Зайниева

Корректор
Е. И. Игнатьева

ИБ № 2123

Сдано в набор 10.01.92. Подписано к печати 22.04.92. Формат 84×100/32. Бумага типогр. № 2. Гарнитура Литературн. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,82. Усл. кр.-отт. 18,26. Учетно-изд. л. 19,57. Тираж 10000. Заказ 30. Изд. 6. "С" 36.

Марийское книжное издательство, 424000, г. Йошкар-Ола, ул. Палантая, 114. Республиканское полиграфическо-редакционное объединение Министерства печати и информации Марийской ССР, 424700, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112.

В 1991 году

в серии

«Марийский фольклор»

вышел том

«Мифы, легенды, предания»